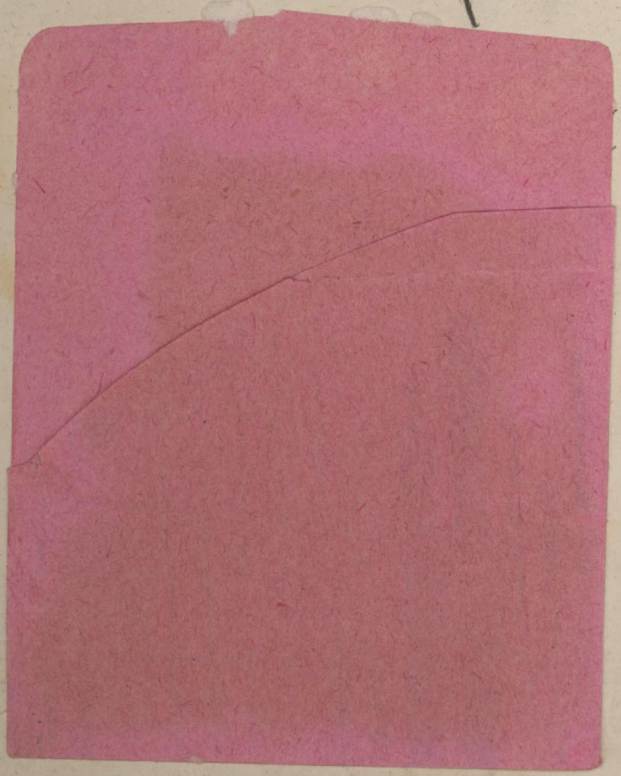
РК-2
К-107
1862 №9
16188

K.
107



ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

»Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.«
Владиміръ Мономахъ.

1862

ЖОВТЕНЬ

(СЕНТЯБРЬ)

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША И ТИБЛЕНА И К°.

Одобрено цензурою ноября 1-го, 1862 г.

МЫСЛИ ЮЖНОРУССА.

VIII.

Н. И. КОСТОМАРОВУ,

(по-поводу Мыслей Южнорусса« въ майской книжкѣ Основы 1862 г.)

Ваше благородное слово услышано и оцѣнено. Великое вамъ спасибо уже за одно то́, что вы, какъ кажется, первый рѣшились высказать прямо, — и ясно и убѣдительно — потребность, которую многіе давно знали и никто явно не рѣшался признать. Читая вашу статью, приходится соглашаться съ вами отъ первой и до послѣдней строчки.

Да, вы сказали неопровержимую истину: »народъ южнорусскій, дѣйствительно, своимъ уваженіемъ къ законности и порядку, своимъ постояннымъ сознаніемъ необходимости органической связи съ великорусскимъ, заслужилъ отъ власти столько довѣрія, чтобы не считали его языка и саморазвитія зловредными для цѣльности государства.«

Но неужели существуютъ еще на бѣломъ свѣтѣ такіе »защитники государственнаго единства, которые думаютъ, что для спокойствія государства необходимо насильственно подвести къ одному знаменателю всѣ народные обычаи и пріемы жизни, для того, чтобы когда-нибудь въ будущемъ русскія народности не подверглись опасности расторженія?« Оспаривать такихъ господъ — тоже самое, что убѣждать нашихъ нянюшекъ въ невозможности явленія привидѣній.

Въ самомъ дѣлѣ, »зачѣмъ народу желать отторгаться отъ государства, когда это государство его удовлетворяетъ?«

Захотимъ ли мы лишить сами-себя союза, и подвергнуть наше благополучіе риску безразсудной и безцѣльной игры, въ которую мы только и можемъ что́ проиграть навѣрное? Мы, степняки, и подумать о такихъ вещахъ не можемъ безъ ужаса. Нашъ простой и, понаружности, простоватый народъ, съ свойственнымъ ему безошибочнымъ инстинктомъ, давно понялъ необходимость свободнаго, братскаго, тѣснѣйшаго и, притомъ, вѣчнаго соединенія двухъ великихъ половинъ. Въ его разсказахъ, слово *Ляхъ* произносится до-сихъ-поръ съ непобѣдимымъ отвращеніемъ, слово *Москаль* — часто съ насмѣшкою, съ ироніей... но тутъ нельзя найти и малѣйшаго слѣда политической нерасположенности.

Можетъ, нѣкоторые вспомнятъ при этомъ, что Россія *заразила* насъ крѣпостнымъ правомъ? Да, на этотъ разъ именно можно употребить это выраженіе: она дѣйствительно насъ заразила, потому, что и сама, къ-несчастью, страшно страдала этимъ недугомъ. Но теперь правительство и тутъ обязываетъ насъ къ живѣйшей признательности, давая намъ полную возможность избавиться окончательно отъ заразы.

Какъ бы то ни было, отъ крѣпостного ли ига, или отъ другихъ вліятельныхъ обстоятельствъ, но нравственность нашего народа пала, надо признаться, очень глубоко, и для блага всѣхъ и каждаго её надо поднять во что́ бы то ни обошлось.

Поднять её можно только добросовѣстнымъ просвѣщеніемъ и самодѣятельностью народа; мы на себѣ-самихъ видѣли горькіе плоды чуждыхъ и насильственныхъ прививокъ. Нашъ народъ хочетъ учиться и жаждетъ знанія. Почти нѣтъ у насъ и одного казеннаго селенія, гдѣ бы не было народной школы, давно уже готовой. *Нѣкоторые помѣщики поспѣшили уже устроить, въ своихъ имѣніяхъ, безплатныя школы*, и многіе, очень многіе непремѣнно устроятъ ихъ, какъ только приведутъ свои дѣла въ порядокъ, покончивши съ Уставными Грамотами (1).

Въ такія школы родители довольно охотно посылаютъ своихъ

(1) Мы были бы весьма благодарны за указаніе лицъ, устроившихъ школы у себя въ имѣніяхъ: почтенныя имена ихъ должны быть всѣмъ извѣстны. *Ред.*

дѣтей: но школярская зубрительная метода обученія до сихъ поръ приносила самые ничтожные плоды. Виною тому — недостатокъ хорошихъ учителей, еще болѣе — недостатокъ руководствъ, примѣненныхъ къ умственнымъ средствамъ нашего народа, а еще болѣе—изложеніе ихъ на языкѣ не-родномъ, которому надо сперва выучиться. Я самъ, до 10-лѣтняго возраста, умѣлъ говорить только на своемъ родномъ — украинскомъ, *хохлацкомъ* — языкѣ, и хорошо помню, съ какими несносными усиліями долженъ былъ зубрить разныя россійскія руководства, потому-что не понималъ словъ, въ нихъ напечатанныхъ. Спасибо еще земляку-учителю, который во-время спѣшилъ ко мнѣ на помощь и толковалъ значеніе каждаго. Тѣ же самыя явленія ежедневно повторяются въ нашихъ школахъ, съ тою только печальною разницею, что невсегда учитель хочетъ и можетъ помочь ученикамъ.—

Итакъ, первоначальное обученіе дѣтей должно производиться на родномъ языкѣ. Да и что́ можетъ быть естественнѣе первоначальнаго преподаванія на языкѣ, на которомъ дѣти выучились выражать свои первыя, свѣжія впечатлѣнія? Только тѣ знанія, которыя переданы бываютъ *дѣтямъ* на родномъ языкѣ — остаются въ ихъ головѣ на весь вѣкъ *живымъ* капиталомъ. Прибавимъ къ этому и напомнимъ многимъ, что нашъ простой людъ только въ дѣтствѣ и можетъ учиться, Позже — ему нѣтъ времени: — надо работать.

Конечно, съ пожертвованіемъ времени и трудовъ — на счетъ объема пріобрѣтаемыхъ знаній — можно учить народъ нашъ по теперешней методѣ и по готовымъ уже руководствамъ; можно даже измѣнить въ немъ характеръ своеобразности и сдѣлать его чѣмъ-то безцвѣтнымъ, безличнымъ....

Но неужели же въ самомъ дѣлѣ Богъ отказалъ въ своемъ благословеніи нашему народу, и навсемъ, что́ составляетъ его неотъемлемое сокровище и утѣшеніе, лежитъ печать отверженія? Отъ заключительныхъ словъ вашей статьи *похоло́нуло на се́рце*!

Чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, нашъ народъ хуже другихъ Славянъ, и нашъ языкъ хуже языковъ, ему родственныхъ? Чѣмъ же онъ доказалъ свою неспособность къ жизни, и заслужилъ медленной, неизбѣжной смерти?

Въ послѣднее время, напротивъ, его внутреннее своеобразное богатство показало такую жизненность, которая способна не только развиваться, но и другихъ обгонять.. . Если Татаре и Ев-

реи могутъ и учиться на своихъ собственныхъ языкахъ и сохранять свои нравы и обычаи, то намъ тѣмъ-болѣе не должно мѣшать въ томъ же самомъ. Наше правительство начинаетъ смотрѣть на всѣ народы имперіи одинаково правосудно. Южноруссы въ этомъ увѣрены...

Вы справедливо замѣтили, что образованіе нашего народа должно совершаться въ православно-христіанскомъ духѣ. Впрочемъ, ученія въ другомъ духѣ нашъ народъ и не приметъ, въ этомъ можно быть увѣреннымъ заранѣе. Просвѣтители народа должны сѣять чистую пшеницу, соотвѣтственную почвѣ: плодоносная почва готова и ждетъ только ихъ труда. Хорошіе руководства и учители необходимы.

Вы совѣтуете дѣятелямъ нашей словесности «предаться предварительному изученію и трезвому труду для составленія научныхъ книгъ, необходимыхъ народу» — и за этотъ совѣтъ нельзя не сказать вамъ «спасибо».

Но пускай и тѣ, которые воспѣваютъ «степи́ та моги́ли, та чорнобри́вихъ дівча́тъ» — воспѣваютъ ихъ на здоровье. Они несутъ свою лепту на алтарь народности. Ихъ пѣніе и разсказы, помимо поэтическаго достоинства, могутъ быть полезны какъ обработка языка и обогащеніе словаря. — Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые изъ нихъ примутъ вашъ совѣтъ и (у кого станетъ на то́ способности и знанія) будутъ со временемъ полезны народу и на поприщѣ науки. Но вѣдь это современемъ.... а руководства нужны уже и теперь. Позвольте же мнѣ сказать, что трудъ составленія первыхъ руководствъ для народа долженъ пасть на ученыхъ и притомъ на тѣхъ, которыхъ мы особенно уважаемъ, славою которыхъ гордимся — какъ славою нашего народа; скажу вамъ прямо, что этотъ трудъ на первый разъ должны взять на себя вы, Н. И., г. Кулишъ и вамъ подобные. Въ готовыхъ научныхъ вашихъ познаніяхъ и въ знаніи языка никто изъ насъ не сомнѣвается, а въ умѣньи распоряжаться матеріаломъ и популярности изложенія съ вами врядъ ли кто можетъ сравниться. Конечно, сильно вліяніе вашего *слова* на всѣхъ нашихъ пишущихъ людей; но примѣръ — будетъ сильнѣе въ этомъ случаѣ.

Притомъ, первому трудно прокладывать дорогу и не на такомъ поприщѣ; по готовымъ слѣдамъ легко уже пойдутъ многіе. Пріймите мои слова прямо, такъ-какъ я ихъ высказываю (льстить

я не намѣренъ никому): составленіе первыхъ руководствъ для нашего народа—дѣло весьма и весьма нелегкое, и возможно только для такихъ, какъ вы. Языкъ ихъ долженъ быть образцовымъ.

Но прежде всего, въ наше время, нужны деньги. Пусть редакція *Основы* объявитъ у себя постоянный пріемъ жертвованій на изданіе народныхъ руководствъ, съ распубликованіемъ, пожалуй, фамилій жертвователей. (1) И дѣло пойдетъ.

Не знаю, кого вамъ угодно было подразумѣвать подъ »народолюбцами, охотно одѣвающимися, для забавы, въ *quasi*-національный костюмъ« и проч. Сколько мнѣ извѣстно,—наше купечество если и одѣвается въ полуціональный костюмъ, то ужъ никакъ не для забавы.... Вы можете, если вамъ угодно, сомнѣваться въ человѣчныхъ стремленіяхъ всѣхъ насъ, помѣщиковъ и землевладѣльцевъ вообще; но я думаю, вы повѣрите хоть тому напримѣръ, что между нами есть очень много людей яснопонимающихъ—что съ распространеніемъ правильнаго образованія въ народѣ, разовьется всякого рода промышленность, а слѣд. улучшится и земледѣліе, а слѣдов. и наши земли, поднявшись въ цѣнѣ, станутъ давать бо́льшую ренту; — что только образованіе научитъ нашъ народъ смотрѣть прямо на вещи, заставитъ его безпристрастно взглянуть на бывшія между нами отношенія и на теперешнія наши, относительно его, дѣйствія, и так. обр., окончательно примиритъ его съ нами; — и что только, вслѣдствіе всего этого, слово *панъ* и *помѣщикъ* утратитъ наконецъ, часто несправедливо, придаваемыя многимъ изъ насъ — значеніе — въ литературѣ — чего-то смѣшного и даже оскорбительнаго, въ народѣ — чего-то вполнѣ ненавистнаго.

Повторяю еще разъ: — вы можете сомнѣваться; но не смотря на теперешній страшный неурожай и на колеблющееся положеніе (теперь, покамѣсть) хозяйства нашего, — *на такое дѣло, какъ образованіе народа, мы деньги дадимъ и ошибку вашу докажемъ дѣломъ.*

Изюмскаго уѣзда землевладѣлецъ Димитрій Запара.

Хуторъ Кринички
24 сентября 1862 г.

---

(1) О пожертвованіяхъ уже заявлено въ *Основѣ*. Желающіе могутъ доставлять и рукописи и деньги на имя *Николая Ивановича Костомарова, въ Петербургѣ, на Васильевскомъ острову, 9-я линія, домъ Карманова.*

IX.

ПО-ПОВОДУ НАРОДНЫХЪ УЧЕБНИКОВЪ.

Спѣшу откликнуться изъ »рідної України« — на ожиданіе »Основы« высказанное по поводу »Мыслей Южнорусса« въ 5 книжкѣ.

Привѣтствуя всей душой предложеніе Н. И. Костомарова и *щирого українця*, г. Погарского, думаю, что оно не можетъ не шевельнуть глубоко всякаго честнообразованнаго украинца, и спѣшу сообщить редакціи свои мысли. Для успѣха въ столь важномъ дѣлѣ, какъ пріобрѣтеніе средствъ для изданія учебниковъ, на южнорусскомъ языкѣ — *Основь* необходимо *дуже голосно, на всю Україну, обізватись*, — напечатавъ приглашеніе къ подпискѣ отдѣльными листками, для удобнѣйшаго распространенія и при другихъ журналахъ и газетахъ: *це було бъ дуже и дуже добре діло.*

Явятся средства — найдутся, навѣрное, и люди, могущіе и желающіе взяться за благородный трудъ составленія этихъ, — совершенно ни чѣмъ незамѣнимыхъ для успѣха народнаго образованія, — учебниковъ »на рідній« мові.

Успѣхи подписки въ пользу пострадавшихъ отъ пожаровъ въ Петербургѣ и въ пользу Черногорцевъ, кажется, могутъ внушить надежду на готовность общества — поддерживать всякое честное дѣло. Съ своей стороны, обѣщаю помочь этому предпріятію — ежегоднымъ взносомъ 50 р. ср; содѣйствіемъ, въ здѣшней мѣстности, подпискѣ въ пользу этого истинно-полезнаго начинанія, и, наконецъ, покупкой и распространеніемъ учебныхъ книгъ.

Г. Лебединъ.

Аркадій Іонинъ.

По поводу объявленнаго въ *Основь* приглашенія къ подпискѣ на изданія книгъ научнаго содержанія на южнорусскомъ нарѣчіи, получено мною: отъ г. Недобровского 50 р., отъ г. Костомарова 50 р., отъ г. Померанскаго 5. р., отъ г. Ольбрахта 6 р., отъ г. Хенцынскаго 5 р., отъ г. Москальскаго 3 р, отъ учениковъ Черниговской гимназіи 19 р., всего 138 р.

Н. Костомаровъ.

Додатокъ одъ редакціі. Опрічъ сіхъ грошей, на учебники записали:

в.-п. д.	Давйденко	100 карб.
— —	Н Н Н Н Н. . . .	100 —
— —	Кульжйнський Ст. .	35 —
— —	Кульжйнський Ол. .	10 —
— —	Червячёнко. . . .	25 —
— —	Руданóвський Л. . .	10 —
— —	Моховикóвъ П. . .	10 —
— —	Лисеевъ Ив. . . .	10 —
— —	Романóвський З. . .	5 —
— —	Гóльманъ Ол . . .	5 —
— —	Пóда Ив	3 —
— —	Демéнтьевъ. . . .	5 —
— —	Савйцький В. . . .	5 —
— —	Васйльевъ Оп . . .	2 —
— —	Пригáра М. . . .	5 —
— —	Петрóвъ Мик. . .	5 —
— —	Остроградський. . .	5 —
	усёго, съ прежніми	538 карб.

Чýтка до насъ дойшлá, що й у Москві, нáша громáда, не съ пустйми руками.

X.

ЧЕМУ И КАКЪ УЧИТЬ НАШЪ НАРОДЪ.

Въ кіевскомъ журналѣ »*Руководство для Сельскихъ Пастырей*« и въ »*Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*« помѣщены замѣчанія на письма нашего корреспондента изъ г. Таращи, о народныхъ школахъ. Предоставляя самому корреспонденту отвѣчать подробно своимъ порицателямъ, мы разберемъ замѣчанія ихъ, касающіяся общаго вопроса о народномъ обученіи.

Нашъ корреспондентъ писалъ: »Преподаваніе начинается съ церковнославянской азбуки, а не съ русской, не говоря о народной южнорусской. Это общій недостатокъ почти всѣхъ школъ, открытыхъ при церквахъ, хотя учредители школъ считаютъ это достоинствомъ.«

Ему отвѣчаютъ: »Позвольте спросить васъ, господинъ авторъ, какая

будетъ разница въ томъ, что я научился читать, произнося: *азъ, буки, вѣди,* и т. п., а вы достигнете того же читая: *а, бе, ве, ге,* и т. д? Скажите: легче ли и скорѣе достигается цѣль? но вы сами не нападаете на церковнославянскую азбуку съ этой стороны; нѣтъ, вы ставите ей въ упрекъ титла, азы и буки, которые, по-вашему, только для того и годны, чтобы вспоминать прибаутки, въ родѣ приведенныхъ вами.«

Разница между обученіемъ грамотѣ по *букиазба* и обученіемъ по *беаба* существуетъ,—хотя, собственно говоря, эти способы принадлежатъ къ одному и тому же разряду, — разряду притупляющихъ способовъ обученія; но первый, съ своими титлами, словотитлами и соединеніемъ нѣсколькихъ звуковъ, весьма неудобныхъ для неокрѣпшаго еще дѣтскаго органа рѣчи, обладаетъ качествомъ притупленія головы въ десять разъ больше, чѣмъ второй.

Нашъ корреспондентъ хотѣлъ не замѣны *букиазба* на *беаба*, а чтобы »не набивали голову ребенка совершенно непонятными ему словами и названіями, чтобы не пріучали его къ машинальному зубренію, безъ всякаго участія ума и воображенія, чтобы не останавливали такимъ-образомъ развитія ребенка.« Кто мало-мальски знакомъ съ современнымъ состояніемъ искуства обученія грамотѣ въ Россіи, тотъ знаетъ, что посредствомъ церковнославянскихъ букварей того достигнуть нельзя. Напротивъ, русская современная письменность владѣетъ очень хорошими способами обученія. Практичность и цѣлесообразность этихъ способовъ повѣрена и доказана долгимъ опытомъ другихъ народовъ. Вотъ-почему корреспондентъ нашъ предпочитаетъ церковнославянской грамотѣ русскую. Всякъ, кто возьмется добросовѣстно за обученіе русской грамотѣ, естественно, отыщетъ всѣ усовершенствованные на русскомъ языкѣ способы обученія.

Что́ корреспондентъ нашъ, говоря о церковно-славянской азбукѣ, указывалъ не на одни титла, а на всю совокупность недостатковъ этой азбуки и неразлучнаго съ нею труднѣйшаго изъ труднѣйшихъ способовъ обученія, видно изъ словъ его: »Преподаваніе начинается съ ц.-славянской, а не съ русской, *не говоря уже о народной, южно-русской.*« Очевидно, что авторъ южно-русскую азбуку и южно-русскій родной языкъ считаетъ самымъ-удобнымъ орудіемъ для обученія южно-русскаго народа грамотѣ, и что ихъ онъ предпочитаетъ не только церковно-славянской азбукѣ и славянскому языку, но и великорусской азбукѣ и великорусскому языку.

Г. А. Воскресенскій прямо не возражаетъ противъ необходимости и законности обучать нашихъ братьевъ на родномъ языкѣ; онъ прибѣгаетъ къ самому выгодному для себя и въ тоже время самому недобросовѣстному способу возраженія; онъ силится доказать, будто Н. Ив.

Костомаровъ, первый авторитетъ въ дѣлѣ просвѣщенія украинскаго народа, убѣжденъ, что »почти нѣтъ еще возможности вполнѣ ввести въ употребленіе *обученіе грамотѣ* южно-русскаго народа на національномъ языкѣ!« Нельзя не удивляться отвагѣ и искуству г. А. Воскресенскаго въ изобрѣтеніи доказательствъ; нѣтъ ничего легче и нѣтъ ничего доказательнѣе какъ сказать противнику: вы хотите обучать вашъ народъ на его природномъ языкѣ; вы хотите невозможнаго: не я это говорю, а говоритъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ вашей національности... Но — правда ли это?

Статью Н. Ив. Костомарова »О преподаваніи на южно-русскомъ языкѣ« (*Основа*, май 1862 г.), мы читали нѣсколько разъ до появленія ея въ печати и всякій разъ выносили убѣжденіе, что авторъ, отнесшійся къ дѣлу съ полнымъ безпристрастіемъ и знаніемъ, именно хочетъ, чтобы южно-русскій народъ учился на своемъ языкѣ, такъ-какъ родной языкъ есть превосходное орудіе человѣческаго образованія. Мы перечитывали статью по напечатаніи и выносили тоже убѣжденіе; прочитали ее въ эту минуту, и не нашли ни малѣйшаго основанія перемѣнять свои мысли объ этомъ предметѣ. »Намъ нужно,« говоритъ Н. И. Костомаровъ, »преподаваніе *науки* на нашемъ родномъ языкѣ, преподаваніе не тѣмъ, которые уже привыкли не только говорить, но и мыслить на общерусскомъ языкѣ, но тому народу, для котораго родной языкъ до-сихъ-поръ *удобнѣйшая и легчайшая форма передачи и выраженія мыслей*.«

Главная мысль статьи Н. Ив. Костомарова, которую перетолковываетъ по-своему А. Воскресенскій, слѣдующая: »родной языкъ есть удобнѣйшее орудіе для передачи народу человѣческаго образованія. Южно-русская литература имѣетъ много хорошихъ произведеній, содержаніе которыхъ взято у народа. Произведенія эти, хотя и доступны народу и полезны для него, но они слишкомъ недостаточны для его образованія. Необходимы книги научныя.« Уже ли въ этихъ мысляхъ есть самомалѣйшій намекъ на то, что для обученія южно-русскаго народа даже *грамотѣ* на его родномъ языкѣ »еще не приспѣло время?« Нѣтъ, подобное толкованіе мыслей профессора—есть или злостное, или тупое. Одно, что́ вытекаетъ изъ его мыслей, это обязанность для южно-русскихъ дѣятелей—немедленно же приступить къ изданію научныхъ книгъ, потому что если мы не дадимъ ему средствъ и способовъ учиться *на своемъ языкѣ*, онъ станетъ учиться на чужомъ — и наша народность извратится, развиваясь по чужимъ образцамъ.

Педагогика и вообще обученіе народа въ-частности есть опытная наука, а не произведеніе праздныхъ теорій, изобрѣтенныхъ людьми кабинетными. Можно изобрѣсть самыя краснорѣчивыя и теоретически-

сильныя доказательства въ пользу самыхъ невыносимыхъ для жизни народной ученій; можно, напримѣръ, доказывать, какъ это и было, что науку слѣдуетъ преподавать на латинскомъ языкѣ, и т. п. Но только жизнь и ея опыты могутъ рѣшить споръ; только люди, стоящіе у самого дѣла, наблюдавшіе за примѣненіемъ способовъ достиженія цѣли, въ-состояніи представитъ истинно-сильныя доказстельства. Такъ и въ дѣлѣ обученія южно-русскаго народа. Сами мы, лично, глубоко убѣждены, что только обученіе на его родномъ языкѣ можетъ принесть ему пользу. Но, при рѣшеніи этого вопроса, основываемся не на собственномъ убѣжденіи, неопровержимомъ и дорогомъ лично для насъ однихъ, не на силѣ теоретическихъ доказательствъ, которыя мы можемъ почерпнуть изъ общаго права каждаго народа на всестороннее пользованіе своимъ языкомъ, а на мнѣніи и опытѣ людей, занимавшихся обученіемъ южно-русскаго народа. Выписываемъ мнѣніе ихъ, записанное въ протоколѣ бывшаго, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, засѣданія комитета грамотности. *Изъ записокъ, полученныхъ Комитетомъ Грамотности изъ Кіева и Полтавы*, видно, что, при обученіи малороссійскаго населенія грамотѣ и первоначальнымъ научнымъ свѣдѣніямъ, приходится встрѣчаться съ обстоятельствомъ, которое замедляетъ успѣхъ грамотности, и самую грамотность дѣлаетъ нетолько безполезною, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже вредно. Это — способъ обученія на великорусскомъ языкѣ.

Ученики съ трудомъ понимаютъ этотъ языкъ. Такимъ образомъ, въ одной изъ полтавскихъ школъ, считавшей у себя 157 учениковъ, 114 положительно требовали обученія на малороссійскомъ языкѣ, а надо замѣтить, что въ числѣ 157 учениковъ было еще 23 великорусса. Посѣтившій школу вѣдомства государственныхъ имуществъ, въ сел. Мачихахъ, Полтавскаго уѣзда, членъ Комитета Грамотности, г. Конисскій, просилъ *самую лучшую* ученицу прочесть что-нибудь. Дѣвочка бѣгло прочла *о судьяхъ*. Г. Конисскій просилъ разсказать прочитанное, но получилъ отвѣтъ, что она не сможетъ, потому что не учила на память; тогда ей дали *грамáтку* Кулиша, указали въ ней тоже самое мѣсто: дѣвочка прочла его и разсказала удовлетворительно. Совершенно тоже самое случилось *и съ самымъ лучшимъ* ученикомъ. Посѣтивъ школу вѣдомства государственыхъ имуществъ въ сел. Старыхъ-Санжарахъ, Полтавскаго уѣзда, г. Конисскій, далъ одному изъ учениковъ, посѣщающему школу 4-й годъ, прочесть изъ священной исторіи главу объ Іосифѣ, и потомъ просилъ разсказать прочитанное; но мальчикъ не могъ разсказать ни слова; когда же прочелъ тоже самое на своемъ родномъ языкѣ, то передалъ прочитанное удовлетворительно. Другой мальчикъ, посѣщающій школу 3-й годъ и прочитавшій уже 3 раза всю

книгу *Наума*, не могъ разсказать изъ нея ни одного слова на томъ основаніи, что этой книги не училъ еще наизусть. Третій ученикъ, на вопросъ г. Конисскаго: кто былъ первымъ царемъ еврейскимъ? не могъ отвѣтить, но когда г. Конисскій сказалъ: разскажите о царяхъ, онъ залепеталъ: «два сына Самуила предалися лихоимству». — Знаете ли вы, что̀ значитъ лихоимство? спросилъ г. Конисскій. — Нѣтъ, не знаю. — А хабари знаете? — Знаю. — Дѣвочки еще болѣе неразвиты. Ни одна не могла сказать, какъ звали мать Іисуса Христа и кто такой Іисусъ, хотя каждая отъ слова до слова знаетъ, наизусть, свящ. исторію по книгѣ. — Ни одна дѣвочка не понимаетъ словъ: *плодъ, туча, агнецъ*; нужно было перевести слова эти на родной языкъ дѣтей — и тогда они ихъ поняли. Неразвитость дѣтей еще рельефнѣе выразилась ариѳметикою. Самые лучшіе ученики, зная, что $3\times4=12$, что 4 въ 16 содержится 4 раза, не знаютъ, сколько будетъ, если три раза взять по четыре, и сколько будетъ въ частномъ, если 16 раздѣлить на 4.

Все *это въ сущности неудивительно:* различіе между языками великорусскимъ и южнорусскимъ немалое. Извѣстно, что, кромѣ коренного различія въ синтаксическихъ оборотахъ обоихъ языковъ, въ великорусскомъ есть множество и такихъ словъ, которыхъ или совсѣмъ нѣтъ въ южнорусскомъ, или они имѣютъ въ немъ другое значеніе. — Причина этому, конечно, въ совершенно-различной исторіи этихъ языковъ.

Южноруссы, обучаясь грамотѣ на языкѣ великорусскомъ, пріобрѣтаютъ уродливый говоръ, не похожій ни на тотъ, ни на другой языкъ. — При полуобразованности, уродливый говоръ служитъ поводомъ въ выдѣленію ихъ изъ своихъ семействъ и вообще изъ своей среды; на односелянъ они смотрятъ свысока, и занятія хохлацкія—мужицкія считаютъ для себя низкими. Отъ этого грамотность отнимаетъ отъ сельскихъ занятій рабочія руки, ибо многіе грамотные ищутъ для себя занятій, по усвоенному ими понятію, болѣе благородныхъ, какъ-то: тяжбы по судамъ, ябедничества и т. п. Такимъ образомъ, обученіе на великорусскомъ языкѣ вноситъ нравственную порчу и составляетъ главную причину того, что сельское народонаселеніе смотритъ на грамотность неблагопріятно.

Южнорусскій край находится подъ вліяніемъ польской пропаганды, которая заботится, главнымъ образомъ, о распространеніи въ немъ своей грамотности, а затѣмъ, письменности и свойственныхъ ей исключительныхъ понятій. — Противодѣйствіемъ этому можетъ служить только развитіе мѣстной народности, такъ-какъ, при исчисленныхъ

неудобствахъ грамотности на великорусскомъ языкѣ, трудно противодѣйствовать польскому обученію.

Не смотря на то, что удовлетвореніе всѣмъ высшимъ потребностямъ своимъ, какъ-то: проповѣдь, судъ и образованіе, народъ принималъ доселѣ не на своемъ языкѣ, его родной языкъ сохранился у него во всей полнотѣ, и прививаемыя ему чуждыя формы повели только къ непониманію высшихъ общественныхъ проявленій жизни, или къ тому, что народъ относился къ нимъ враждебно, какъ къ началу, совершенно ему чуждому и непонятному. — Какъ трудно изъясняться на великорусскомъ языкѣ, испытало само правительство при введеніи въ дѣйствіе Положенія 19-го февраля, и потому-то нѣкоторыя правительственныя лица, напр.: кіевскій гражданскій губернаторъ и екатеринославское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе принуждены были, даже въ письменныхъ обращеніяхъ своихъ къ населенію, прибѣгать къ языку южнорусскому.

Въ-силу всего этого, нельзя не признать настоятельно необходимымъ дозволеніе обучать въ народныхъ школахъ на родномъ языкѣ и внести въ списокъ книгъ, допущенныхъ къ употребленію въ народныхъ училищахъ — учебныя книги на этомъ языкѣ.

Въ-заключеніе, необходимо прибавить, что дурной успѣхъ преподаванія въ двухъ вышеупомянутыхъ сельскихъ школахъ происходитъ не только отъ употребленія великорусскаго языка, но и отъ дурной методы обученія. Такъ, въ санжаровской школѣ, обучаютъ грамотѣ по методѣ—*азъ, буки*, отчего послѣ 4, 5 мѣсяцевъ ученія, мальчики еще не знаютъ азбуки. — Преподаватель не знаетъ о существованіи новѣйшихъ методъ. — Тѣлесное наказаніе въ большомъ ходу, но еще въ большемъ выправка—для умѣнья вставать всѣмъ разомъ, если въ школу войдетъ голова, писарь и т. п.

Итакъ, мысль, будто для южнорусскаго народа еще не приспѣло время образованія на родномъ языкѣ, потому только, что нѣтъ научныхъ книгъ на южно-русскомъ языкѣ, принадлежитъ безраздѣльно г. А. Воскресенскому, тому самому, который продпочитаетъ обученіе народа на церковно-славянскомъ языкѣ всякому другому. Но утверждая это, г. возражатель самъ себѣ противорѣчитъ: онъ принимаетъ недостатокъ научныхъ книгъ за основаніе невозможности обучать южнорусскій народъ на его родномъ языкѣ и забываетъ, что это основаніе еще болѣе примѣнимо къ церковно-славянской письменности. О научныхъ книгахъ, столь необходимыхъ для народа, при господствѣ церковно-славянской письменности въ приходскихъ школахъ, не можетъ быть и рѣчи. Посмотримъ, на-сколько соотвѣтствуютъ воспитательной цѣли тѣ церковно-славянскія книги, по которымъ обучаютъ теперь.

Псалтирь, Часословъ и другія церковно-славянскія книги, принятыя въ приходскихъ школахъ, не смотря на ихъ важное, церковное и догматическое, значеніе,—въ педагогическомъ отношеніи не приносятъ дѣтямъ надлежащей пользы, такъ-какъ, и по изложенію и по содержанію, книги эти доступны только людямъ возмужалымъ, да притомъ людямъ опытнымъ, знающимъ жизнь и — языкъ ц.-славянскій.

Защитники церковно-славянскихъ школъ, готовы противорѣчить нашему положенію—и это въ порядкѣ вещей. Мы только спросимъ ихъ, для уясненія этого важнаго вопроса, къ чему, по ихъ мнѣнію, должна стремиться народная школа? Достигаетъ ли она цѣли, если выучитъ ребенка читать съ быстротою барабаннаго боя: *вскую шатошася языцы;* или *блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ; отъ юности моея мнози борютъ мя страсти,* и т. д., тогда-какъ ребенокъ не можетъ объяснить ни одного слова изъ того, что онъ прочиталъ? Если защитники обученія на церковно-славянскомъ языкѣ думаютъ, что достигаетъ, — тогда, конечно, они правы, гоня изъ школы всякую живую рѣчь и всякое живое слово и объясненіе; тогда самые лучшіе народные учители тѣ дьячки и *бакаляры,* которые, до 1840 года, были единственными учителями приходскихъ школъ, ученики которыхъ, подражая имъ самимъ, до-сихъ-поръ оглашаютъ наши церкви чтеніемъ, скорѣе похожимъ на заливаніе барабана и трещетки, чѣмъ на разумное человѣческое чтеніе.

Нашъ взглядъ на назначеніе народныхъ школъ — другой. По нашему мнѣнію, школа должна научить отрока читать не одинъ Псалтырь или Часословъ, а вообще научить хорошо читать всякую книгу, и научить не механически, не по памяти, а со смысломъ, чтобы мальчикъ понималъ то, что читаетъ; чтобы онъ могъ объяснить каждое произнесенное имъ слово, передать прочитанное не книжными, а собственными словами. Но возможно ли это въ томъ случаѣ, когда книгой для первоначальнаго чтенія будетъ служить Псалтырь, Часословъ или другія, имъ подобныя, книги? Авторитетъ, религіозное и церковное значеніе этихъ книгъ, признано всѣми; люди самыхъ противоположныхъ убѣжденій этого не оспариваютъ. Но справьтесь хоть съ отцами церкви, авторитетъ которыхъ защитники обученія по церковно-славянски ставятъ выше авторитета всѣхъ педагоговъ въ мірѣ, — справьтесь, что говорятъ они о Псалтырѣ. Они считаютъ ее книгой исполненной глубокой мудрости, по доступною пониманію людей наиболѣе успѣвшихъ въ боговѣдѣніи, людей испытавшихъ много въ жизни, видѣвшихъ добро и зло, словомъ — книгою, назначенною не для пониманія и руководства отрока, а для зрѣлаго и опытнаго мужа. Сами отцы церкви писали на Псалтырь большіе комментаріи и часто терялись въ догад-

кахъ, какой имѣетъ смыслъ то́ или другое мѣсто,—на что́ указываетъ псалмопѣвецъ тѣми или другими словами. Что́ думали объ этой книгѣ отцы церкви, то́же скажетъ и всякій, хорошо знакомый съ нею, то́же говоритъ и опытъ. Въ духовныхъ семинаріяхъ, чтеніе и объясненіе книгъ священнаго писанія, въ томъ числѣ и Псалтыри, считается однимъ изъ главныхъ предметовъ; въ-продолженіи шести лѣтъ идетъ преподаваніе этого предмета, какъ науки. И что́ же? самые даровитые, нополамъ съ грѣхомъ, могутъ объяснять книги Ветхаго Завѣта, въ томъ числѣ и Псалтырь; большинство же вовсе, или почти вовсе, ихъ не понимаетъ. Причина очевидная: книги Ветхаго Завѣта созданы для народа, складъ ума, понятія, бытъ, историческія судьбы котораго слишкомъ своеобразны и слишкомъ исключительны для того, чтобы ихъ легко могъ понимать современный намъ человѣкъ. И такія-то книги назначаютъ *для первоначальнаго чтенія сельскому отроку!* Послѣ этого, для ознакомленія съ природою, слѣдуетъ давать ребенку *Космосъ*, Гумбольдта, или начинать обученіе языку съ грамматики Боппа, или В. Гумбольдта!!

Г. А. Воскресенскій говоритъ далѣе: «Знаете ли вы, *господинъ авторъ*, духъ того народа, объ образованіи котораго заботитесь и, по своей заботѣ, нападаете на настоящихъ его учителей,—знаете ли, *какого именно* образованія жаждетъ онъ? Народъ нашъ до-сихъ-поръ считаетъ дѣло обученія грамотѣ дѣломъ Божіимъ, начинаетъ его съ крестомъ и молитвою, и потому, прежде всего, желаетъ грамоты церковной, т. е. чтобы дитя прежде всего умѣло читать молитвы и церковныя книги.»

Что́ народъ чрезвычайно-высоко цѣнитъ церковную грамоту,—это не подлежитъ сомнѣнію; что онъ ищетъ познанія вѣры—и это справедливо; что ему необходимо религіозное образованіе—никто не станетъ возражать противъ этого. Народъ нашъ *благочестивъ*, не смотря даже на то, что о благочестіи его до-сихъ-поръ мало кто заботился. Большинство священниковъ исполняетъ церковные обряды и требы (погребеніе, крещеніе и пр.), занято своимъ хозяйствомъ, судьбою своего семейства, часто многочисленнаго, безпризорнаго и безпомощнаго—по недостатку средствъ,—вообще занято дѣлами житейскими,—какъ всякій гражданинъ. О причетникахъ—дьячкахъ и пономаряхъ—мы не говоримъ: эти люди по образованію стоя́тъ, бо́льшею частью, на одной ступени съ земледѣльцами, и не въ состояніи внесть въ сельскій бытъ ничего хорошаго. Четыре года назадъ мы очень интересовались состояніемъ обученія въ школахъ министерства государственныхъ имуществъ, школахъ, заведенныхъ въ 40-хъ годахъ и состоящихъ подъ руководствомъ сельскаго духовенства; намъ удалось посѣтить нѣсколько десятковъ такихъ

школъ въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ; въ большинствѣ этихъ школъ преподаваніемъ занимались дьячки и исключенные семинаристы, которыхъ нанимали отъ себя *настоящіе учителя* — священники. Во всѣхъ этихъ школахъ обученіе было чисто-формальное: заучиваніе на память священной исторіи и катихизиса и чтеніе безъ всякаго пониманія такихъ (недоступныхъ для пониманія дитяти) книгъ, какъ: *Удобнѣйшій путь въ царствіе небесное;* самые лучшіе ученики весьма быстро произносили выученное на память, но очень сбивчиво и крайне-неудовлетворительно, отвѣчали на простые вопросы изъ священной исторіи и катихизиса; другіе же, можно полагать — *девятнадцать двадцатыхъ*, не только не могли дать отвѣта на вопросы не-книжные, но не умѣли даже и *пробарабанить*, по общепринятому правилу, выученнаго. Состояніе этихъ школъ не измѣнилось, какъ подтверждаетъ вышеприведенная выписка изъ протоколовъ Комитета Грамотности. Всѣ, сколько-нибудь знакомые съ народомъ, соглашаются, что школьное обученіе религіи у нашего народа стоитъ на очень низкой степени: у поселянина можно видѣть иногда Псалтырь, Часословъ, но почти никогда Евангелія, столь необходимаго для образованія народа. И не смотря на все это, народъ южнорусскій очень религіозенъ; въ немъ самомъ, какъ въ крѣпкомъ обществѣ людей съ извѣстными нравственными потребностями, съ извѣстнымъ умственнымъ развитіемъ, хранится неизсякаемый источникъ религіозныхъ вѣрованій и преданій; изъ-рода въ-родъ, изъ-поколѣнія въ-поколѣніе передаетъ онъ расказы изъ жизни Христа, Матери Божіей и любимыхъ святыхъ; весь его бытъ проникнутъ религіознымъ характеромъ; вѣритъ онъ сильно, вѣритъ всѣмъ существомъ, а не по заказу только, не по-принципу. Религіозность его чуждается того сухого, безжизненнаго доктринаризма, который составляетъ отличительный признакъ *почивающихъ на законѣ*, лицемѣріе и безплодность вѣры которыхъ такъ-сильно обличалъ великій учитель Христосъ; онъ ее хранитъ, какъ часть самого-себя, какъ нѣчто такое, отъ чего онъ отрѣшиться не можетъ безъ ущерба всему своему существу, — а не для тѣхъ постороннихъ, внѣшнихъ, случайныхъ цѣлей, которыя имѣются въ-виду у людей, давно утратившихъ вѣру и поддерживающихъ религію по-принципу. Благочестіе южнорусскаго народа остается незыблемымъ при равнодушіи къ этой внутренней народной потребности однихъ, и при недостаточномъ уваженіи къ ней другихъ.

Но тѣ очень ошибаются, которые утверждаютъ, что народъ южнорусскій и не хочетъ, и не ищетъ, и даже не нуждается въ другихъ знаніяхъ, кромѣ знаній религіозныхъ. Утверждающій это недругъ народа; онъ завѣдомо, или безвѣдома, хочетъ, чтобы народъ оставался въ младенческомъ состояніи относительно своихъ гражданскихъ и об-

щественныхъ обязанностей, относительно пониманія окружающей его природы и людей, съ которыми онъ имѣетъ дѣло; тотъ прямо обрекаетъ его на жалкую роль, на вѣчную зависимость отъ случайныхъ историческихъ обстоятельствъ, отъ людей, или равнодушныхъ къ нему, или враждебныхъ, или имѣющихъ, по отношенію къ нему, свои затаенныя мысли, внѣшнія цѣли, а не прямое его благо. Люди, желающіе ограничить образованіе народа умѣньемъ — механически читать Псалтырь и Часословъ, забываютъ, что крестьянина сильно, жизненно занимаютъ многіе гражданскіе вопросы, какъ хозяина, какъ отца семейства, какъ прихожанина, какъ члена сельскаго общества, какъ наконецъ, должностное лицо *громады*. Люди партій, люди привиллегированныхъ сословій, люди казармѣннаго, монастырскаго и кабинетнаго образованія, до-гроба незабывающіе *книжной мудрости*, иногда *лжи*, горожане, встрѣчающіеся съ народомъ только мимоходомъ, обыкновенно имѣютъ самое превратное и самое низкое понятіе о нравственныхъ и умственныхъ качествахъ сельскаго населенія, восхищаясь въ тоже время собственнымъ развитіемъ, собственною *цивилизаціею*. Между-тѣмъ, вообще говоря, земледѣльца волнуютъ тѣжесамые вопросы, занимаютъ тѣ же самые предметы, какъ и человѣка, принадлежащаго къ такъ-называемому образованному обществу, — только не въ такомъ объемѣ и не съ такою подробностію. Его — всегда, а теперь тѣмъ болѣе — занималъ вопросъ о поземельной собственности, о податяхъ; онъ съ особеннымъ удовольствіемъ бесѣдуетъ о явленіяхъ природы, о внутреннихъ и внѣшнихъ потребностяхъ человѣка, и на все у него есть свое посильное разрѣшеніе. Но иные, давно равнодушные къ религіи, хотѣли бы, при всемъ этомъ, чтобы народъ имѣлъ только религіозное образованіе; и сами всецѣло преданные своимъ дѣламъ, настаиваютъ на томъ, чтобы онъ ежеминутно помышлялъ о небѣ и какъ можно меньше думалъ о дѣлахъ житейскихъ...

Думаютъ обыкновенно, что если народъ будетъ только религіозенъ, то будетъ и хорошимъ гражданиномъ; хотятъ, чтобы религія составляла для него все, а все остальное въ жизни — имѣло бы второстепенное значеніе. Да сельское населеніе не можетъ не быть религіозно; религія одна изъ стихій его жизни, — значитъ она должна и будетъ составлять главное основаніе его образованія. Но какъ же забывать, что религіозность не можетъ обнять всего быта поселянина, что не она одна наполняетъ всю его душу, не одна руководитъ его поведеніемъ! Развѣ не каждый день встрѣчаются намъ примѣры, что молящійся, соблюдающій посты, вѣрующій во всѣ догматы и исполняющій всѣ обряды, безчестно поступаетъ въ гражданскомъ отношеніи: лжетъ, обманываетъ, воруетъ, пьянствуетъ, дерется, притѣсняетъ жену, дѣтей?! Развѣ исторія не говоритъ намъ

объ ужасныхъ преступленіяхъ — пыткахъ, сожиганіяхъ, безжалостномъ преслѣдованіи невинныхъ людей тѣми самими средневѣковыми подвижниками, которые всѣмъ существомъ своимъ преданы были религіи и, между-тѣмъ, терзая своихъ братьевъ о Христѣ, думали — приносить тѣмъ службу Человѣколюбцу? Развѣ не первосвященники, не религіозные учители преслѣдовали и распяли Христа за его ученіе, исполненное высокихъ непреложныхъ истинъ, за его пламенную любовь къ народу? Въ религіозности народной важно то содержаніе и то направленіе, которое даетъ ей гражданская жизнь; значитъ религіозность, вліяя на бытъ гражданскій, въ свою очередь проникается имъ и, тѣмъ или другимъ образомъ, такъ-сказать становится въ зависимость отъ него, значитъ успѣхъ общаго образованія народа будетъ вмѣстѣ-съ-тѣмъ и успѣхомъ его въ истинномъ благочестіи. Чѣмъ лучше народъ будетъ знать предметы, близко его касающіеся, какъ-то явленія природы, общественныя дѣла, людей его окружающихъ; чѣмъ лучшій онъ будетъ гражданинъ и хозяинъ, тѣмъ лучшій онъ будетъ и христіанинъ, тѣмъ религіозность его станетъ сознательнѣе, дѣятельнѣе. Народу нужны не однѣ молитвы, не однѣ церковныя книги; не всякій, говорящій: Господи, Господи! угоденъ Богу. Народу нужно такое образованіе, которое дало бы ему возможность понимать молитвы, а не произносить ихъ только; ему нужно преподать такую грамотность, которая бы развила въ извѣстной степени его способности и поселила въ немъ охоту къ чтенію; его нужно вести къ тому, чтобы у него были нѣкоторыя книги настольными, напримѣръ—евангеліе, книга о явленіяхъ природы, и обо всемъ, что́ близко его сердцу, что́ можетъ занимать его умъ, что́ — воспитывая и образуя его—способствуетъ ему быть достойнымъ семьяниномъ, громадяниномъ, прихожанниномъ, однимъ словомъ — любящимъ и вѣрнымъ сыномъ родной земли. И мы и наши противники согласны въ томъ, что потребность религіознаго образованія у южнорусскаго народа велика. Но наши противники думаютъ, что научить поселянина молитвамъ, механическому чтенію псалтиря и часослова — значитъ сдѣлать его религіознымъ; а наше глубокое убѣжденіе, что этого недостаточно: нужно образовать въ немъ способность читать и понимать вообще книги, нужно составить учебники и распространить ихъ между народомъ: тогда можно ручаться, что народъ самъ найдетъ богатый источникъ для своего религіознаго образованія: онъ станетъ читать евангеліе, эту великую наставницу народовъ, которая до сихъ поръ остается мало ему извѣстною, не смотря на то, что нѣкоторые религіозные монополисты такъ, повидимому, много хлопочутъ о религіозности народа.

»До послѣдней поры, народъ и не думалъ даже о томъ, что мож-

но учиться не по церковному букварю, не по часослову и псалтыри, *а по другимъ какимъ-то книгамъ*. Столько-то бралось за выученіе букваря, столько-то за часословъ, столько-то за псалтырь, и т. п. кто-бы то ни былъ учитель — дьячекъ ли, отставной ли солдатъ,— всѣ они учили по указаннымъ книгамъ, и *другія книги* никогда не упоминались при условіяхъ о платѣ за наученіе грамотѣ.«

Такъ продолжаетъ г. Воскресенскій, желая доказать всю законность, съ образовательной точки зрѣнія, обученія народа по-церковно-славянски. Странный способъ доказывать состоятельность чего бы то ни было! Этимъ способомъ можно доказать разумность и законность всѣхъ отживающихъ учрежденій, всѣхъ осужденныхъ и правительствомъ и обществомъ явленій жизни. Большинство чиновниковъ и народъ не знаютъ, а первые и не желаютъ другихъ формъ судопроизводства, кромѣ существующихъ у насъ; наши домашніе ходатаи по дѣламъ съ полнѣйшимъ недоброжелательствомъ ожидаютъ новыхъ судебныхъ реформъ; большинство помѣщиковъ крѣпко не желали освобожденія крестьянъ, предсказывали ужасныя послѣдствія, увѣряли Христомъ-Богомъ, что крестьянамъ жить подъ ихъ властью чрезвычайно хорошо, выгодно, и удобно, что только нѣкоторые изъ нихъ безпокойнаго поведенія, лѣнивые и никуда негодные, желаютъ перемѣны; воспитатели духовнаго юношества считаютъ наилучшею педагогическою системою господствующую въ семинаріяхъ средневѣковую схоластику, и большинство семинарскаго юношества, незнакомое ни съ лучшими учебниками, ни съ лучшими методами обученія, вѣрятъ въ превосходство семинарской схоластики и считаютъ такія руководства какъ Шрекка, Райковскаго послѣднимъ словомъ науки. Ужели изъ незнанія, непониманія, неупоминанія того, чего еще нѣтъ, слѣдуетъ заключать, что всё, что́ есть, хорошо? Народъ знаетъ псалтырь, часословъ, упоминаетъ объ нихъ въ условіяхъ, заключаемыхъ съ дьячками объ обученіи дѣтей грамотѣ, и не знаетъ и не упоминаетъ о *другихъ какихъ-то книгахъ*, напримѣръ, о евангеліи. По логикѣ г. А. Воскресенскаго, не слѣдуетъ обучать народъ грамотѣ и по евангелію, и дѣлать эту книгу ежедневною наставницею поселянина... Между народомъ обращается гадательная книга »Премудрый Соломонъ;« въ книгу эту онъ очень вѣритъ, изреченія ея считаетъ велѣніями свыше, — и въ тоже время онъ не знаетъ ни одной книги, гдѣ бы изложены были ясно и просто, понятія о его гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ, гдѣ бы разъяснено было — кто онъ, гдѣ живетъ, какъ жили люди прежде; гдѣ бы сказано было, что судьба человѣка зависитъ не отъ вліянія какой-нибудь планеты, а отъ законовъ искони положенныхъ, отъ него самого, и того общества, среди котораго онъ живетъ. По логикѣ г. А. Воскресенскаго,

нужно поддерживать любовь и вѣру народа въ *Премудраго Соломона*! Народъ имѣетъ самыя невѣрныя понятія о самыхъ обыкновенныхъ явленіяхъ природы — о громѣ, молніи, снѣгѣ, появленіи болѣзней и пр., и не подозрѣваетъ существованія другихъ понятій; подражая возражателю, не слѣдуетъ распространять между народомъ здравыхъ понятій о природѣ, о хозяйствѣ и т. п.!

Г. А. Воскресенскій, утверждая, что у народа нѣтъ ни мысли о возможности учиться не по церковному букварю, не по часослову и псалтырю, ни свѣдѣній о существованіи другихъ книгъ, говоритъ это потому, что ему извѣстны только сельскіе приходскіе школы и ученики этихъ школъ; о воскресныхъ же школахъ, существовавшихъ въ городахъ, онъ не имѣетъ никакихъ свѣдѣній и никакого поэтому понятія, а равно и объ ученикахъ этихъ школъ. Иначе онъ бы этого не говорилъ, потому что ученики воскресныхъ школъ, познакомившись съ многими другими книгами, читали нѣкоторыя изъ нихъ съ жадностію, — читали евангеліе, разсказы изъ русской исторіи, бесѣды о явленіяхъ природы, наконецъ разсказы изъ сельскаго быта, и т. п., и въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, извѣстны книги и кромѣ псалтыря и часослова. Мы не говоримъ уже о крестьянахъ, промышляющихъ въ большихъ городахъ: нерѣдко случается видѣть въ рукахъ торговца, сидящаго на перекресткѣ, *Народную Бесѣду*, *Народное Чтеніе*, и другія, и если онъ не знаетъ, напримѣръ, евангелія, не читаетъ какихъ-нибудь общеполезныхъ книгъ, то не его уже вина, что тѣ, которые обязаны были популяризировать первое и написать вторыя, этого не сдѣлали.

Г. А. Воскресенскій говоритъ: »новомодные просвѣтители признаютъ болѣе разумнымъ и полезнымъ прежде всего кормить дѣтей баснями да сказками, которыя однѣ будто бы способствуютъ развитію ребенка, питаютъ его умъ и воображеніе.« Чтобы судить, что́ считаютъ полезнымъ и разумнымъ новомодные просвѣтители, мы сопоставимъ ихъ съ старомодными: пусть само дѣло за себя говоритъ, и покажетъ, насколько правъ критикъ нашего кореспондента изъ Таращи. Старомодные просвѣтители, къ которымъ принадлежитъ г. А. Воскресенскій, желаютъ: начинать обученіе грамотѣ съ церковнославянской граматки и вести его чрезъ Часословъ и Псалтырь; новомодные просвѣтители желаютъ: начать съ букварей на народномъ языкѣ, составленныхъ по правиламъ современной педагогики, и вести обученіе чрезъ чтеніе евангелія, переведеннаго на народный языкъ, общепонятныхъ книгъ о явленіяхъ природы, народныхъ думъ, разсказовъ и избранныхъ стихотвореній лучшихъ писателей. Старомодные просвѣтители довольствуются механическимъ обученіемъ чтенію, не требуя и не считая необходимымъ пониманіе читаннаго; они не разборчивы на книги для дѣтскаго

чтенія; новомодные просвѣтители не только не довольствуются обученіемъ такому чтенію, но считаютъ его положительно вреднымъ для развитія головы крестьянскаго мальчика и подобную грамоту не приносящею настоящей пользы народу; оттого они очень осторожны въ выборѣ книгъ и стараются или выбирать понятныя, или, за неимѣніемъ ихъ, вновь составлять. Старомодные просвѣтители думаютъ ограничиться одною школою, и вынесенное оттуда механическое умѣнье читать Псалтырь и Часословъ они считаютъ знаніемъ, достаточнымъ для поселянина на всю жизнь; новомодные просвѣтители хотятъ развить въ крестьянскомъ мальчикѣ способность читать и понимать и охоту къ чтенію на-столько, чтобы мальчикъ и по выходѣ изъ школы продолжалъ, по собственному побужденію, читать такія книги, какъ евангеліе, и чтобъ такимъ образомъ дать ему въ руки средства къ дальнѣйшему нравственному и умственному самоусовершенствованію. Старомодные просвѣтители не обращаютъ никакого вниманія на улучшеніе нравственныхъ правилъ ребенка; — дѣйствуютъ на дѣтей страхомъ, наказываютъ ихъ тѣлесно за ничтожныя шалости, пріучаютъ ихъ къ пассивному повиновенію, и довольствуются внѣшнею выправкою ихъ поведенія; новомодные просвѣтители, вмѣстѣ съ обученіемъ, стараются развить въ ребенкѣ чувство нравственнаго долга и сознаніе, что ложь, сквернословіе, драка, воровство и др. дѣтскіе пороки унизительны для человѣка и противны Богу и людямъ; они хорошимъ ласковымъ обращеніемъ съ нимъ смягчаютъ его нравъ и зараждаютъ въ немъ лучшія привычки. И такъ, мысль г. Воскресенскаго, будто *новомодные* просвѣтители считаютъ болѣе разумнымъ и полезнымъ прежде всего *кормить* дѣтей баснями да сказками, есть каррикатура, искаженіе, желаніе человѣка партіи уронить репутацію честныхъ дѣятелей не его прихода, и на истинность претендовать не можетъ.

»Народъ отдаетъ дѣтей своихъ въ науку преимущественно духовнымъ;« »скоро заводятся и наполняются учениками тѣ школы, гдѣ объ открытіи ихъ заботится духовенство и само занимается обученіемъ;« »народъ знаетъ чистоту намѣреній духовенства и не сомнѣвается въ пользѣ сообщаемаго имъ образованія, тогда-какъ на другихъ учителей онъ смотритъ недовѣрчиво и потому неохотно посылаетъ дѣтей своихъ въ ихъ школы;« »современныя лѣтописи не представляютъ намъ фактовъ, чтобы недуховныя лица имѣли въ домахъ своихъ обширныя школы для обученія простаго народа грамотѣ, тогда-какъ о духовенствѣ много сообщено намъ такихъ свѣдѣній.« Многое изъ сказаннаго здѣсь было бы справедливо, еслибы было высказано четыре года назадъ, то есть прежде того достопамятнаго дня, когда образованные люди всѣхъ сословій и половъ начали сознавать давно-лежавшую на нихъ, до тѣхъ

поръ пренебрегаемую ими, обязанность обучать народъ грамотѣ, народъ, тяжкому труду котораго они не мало обязаны своимъ собственнымъ образованіемъ. До того времени народъ, дѣйствительно, зналъ преимущественно одного учителя—духовенство, съ рѣдкими исключеніями; до тѣхъ поръ ему и въ голову не приходило, чтобы его учителемъ могъ быть помѣщикъ, чиновникъ, небогатый дворянинъ, студентъ, гимназистъ—и онъ былъ правъ; всѣ упомянутые господа прежде считали ниже своего званія браться за обученіе *чернаго* народа и каждый изъ нихъ, въ свободное время, (а свободнаго время у нѣкоторыхъ изъ нихъ было очень много), предавался разнымъ пріятнымъ занятіямъ: картежной игрѣ, кутежамъ, салонной болтовнѣ, танцамъ, каждодневному хожденію по гостямъ, просто ничего-недѣланію, лѣни и апатіи. Народъ, естественно, заключалъ изъ этого, что не дворянское дѣло обучать грамотѣ сельскихъ ребятишекъ,—что удовольствія и преуспѣяніе въ дворянскихъ обычаяхъ, нравахъ и достоинствѣ,—вотъ истинно дворянское занятіе. Но какъ только образованныя сословія сдѣлали поворотъ къ лучшему, стали заниматься образованіемъ народа и заводить школы, народъ, хотя съ недоумѣніемъ сначала смотрѣлъ на это явленіе, какъ и свойственно всякому человѣку смотрѣть на все новое, но не замедлилъ послать своихъ дѣтей въ воскресныя школы, которыя скоро наполнились и размножились. Мы не будемъ утверждать, что эти школы были образцомъ совершенства, что въ нихъ все шло какъ нельзя лучше, все всегда и вездѣ соотвѣтствовало потребностямъ народа, что при учрежденіи и веденіи ихъ не было колебаній въ ревности, прилѣжаніи и энергіи дѣятелей народнаго образованія. Такъ самоувѣренно могутъ говорить о своихъ приходскихъ сельскихъ школахъ г. А. Воскресенскій и прочіе писатели статей въ разныхъ духовныхъ журналахъ. Скажемъ только, что, не смотря на разныя препятствія, на неустановленность убѣжденій и броженіе въ самомъ обществѣ, въ три-четыре года сдѣлано было очень много, и школамъ, заводимымъ самимъ обществомъ, предстояла великая будущность—будущность національнаго, дорогого и для образованныхъ классовъ и для народа, учрежденія. Что народъ съ полнымъ довѣріемъ отнесся къ этимъ школамъ, доказательствомъ служатъ статистическія данныя, которыя постоянно обнародовались въ разныхъ газетахъ и должны быть извѣстны всякому интересующемуся народнымъ образованіемъ.

Г. А. Воскресенскій и другіе, держащіеся однихъ съ нимъ воззрѣній, давно уже гласятъ о необыкновенномъ успѣхѣ сельскихъ приходскихъ школъ, заведенныхъ духовенствомъ въ югозападномъ краѣ. Что нѣкоторые священники воспользовались свободно и непринужденно приглашеніемъ своего начальства — завесть при церквахъ школы, — это

неоспоримо; что немногіе изъ нихъ съ энергіею, умѣньемъ и успѣхомъ занимаются образованіемъ сельскаго населенія, — и это подтверждается фактами. Но мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія, что вообще эти школы въ неудовлетворительномъ положеніи; что очень многіе священники ими тяготятся и заводятъ ихъ въ исполненіе только воли начальства, а не собственнаго своего желанія; что многіе рады были бы сдать своихъ учениковъ учителямъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія; что, наконецъ, поставленные между обязанностію, на нихъ возложенною, и дѣйствительностью, которая не даетъ имъ возможности быть хорошими сельскими учителями, они принуждены въ отчетахъ показывать болѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ есть, изъ опасенія— навлечь гнѣвъ и немилость начальства. Отсюда объясняется та круглая и красная цифра приходскихъ сельскихъ школъ и учениковъ въ нихъ, которая безпрестанно выставляется въ печати, какъ доказательство необычайнаго успѣха. Мы это говоримъ не къ тому, чтобы упрекать нашихъ сельскихъ священниковъ; мы хорошо знаемъ ихъ затруднительное — хозяйственное, общественное и нравственное — положеніе, и не сдѣлаемъ несправедливости. Наша цѣль—возстановить истину,—потому что только истина поучительна во всемъ — и, тѣмъ болѣе, въ дѣлѣ образованія народа... Неоткуда было въ 3—4 года произойти, въ положеніи и направленіи духовенства, такой перемѣнѣ, которая породила вдругъ множество школъ и множество учениковъ воспитываемыхъ сельскимъ духовенствомъ. Еще четыре года назадъ каждый видѣлъ незавидное положеніе школъ министерства государственныхъ имуществъ съ учителями-священниками; получая отъ казны вознагражденіе, они, большею частію, нанимали, вмѣсто себя, для занятій въ этихъ школахъ, дьячковъ, пономарей и исключенныхъ семинаристовъ, и поддерживали во всей чистотѣ преподаваніе грамотѣ, по старой методѣ, съ *зубреніемъ* священной исторіи и катихизиса, съ системою *устрашенія*, со всѣмъ, что возбуждало нелюбовь и недовѣріе къ нимъ южно-русскаго селянина. Кому также неизвѣстно, что матеріальное положеніе нашихъ сельскихъ священниковъ нисколько не улучшилось, и что они также теперь, какъ и прежде, изо дня въ день бьются изъ-за пріобрѣтенія куска хлѣба,—постоянно и тяжко озабочены участью своей семьи, воспитаніемъ своихъ сыновей (о дочеряхъ трудно и думать!), для чего прилежно занимаются хозяйствомъ, исполненіемъ многочисленныхъ обязанностей по приходу, отправленіемъ церковныхъ службъ, а иногда и какой-нибудь общественной должности: благочиннаго, депутата и проч. Занятый и поглощенный собственными дѣлами, стѣсненный и озабоченный семействомъ и его образованіемъ, часто воспитанный самъ на безплодной и мертвящей схоластикѣ, не ставшій еще ни въ тѣсное отношеніе съ поселяниномъ, чтобы дѣятельно любить его, ни

въ довѣрчивую связь съ помѣщикомъ и вообще образованнымъ сословіемъ, чтобы мѣняться свѣдѣніями, наблюденіями и мыслями и не глохнуть въ однообразіи и замкнутости, нашъ сельскій священникъ не имѣлъ ни времени, ни охоты, ни средствъ, ни даже сознанія необходимости сдѣлаться школьнымъ сельскимъ учителемъ. Если можно было отъ него чего желать для народнаго образованія—такъ это обученія евангельскимъ истинамъ. Но ожидать, а тѣмъ болѣе — требовать отъ сельскаго священника преданности дѣлу народнаго учительства въ школахъ, при настоящемъ положеніи семьи его и его самаго, значило бы требовать невозможнаго, значило бы возлагать на человѣка бремена неудобоносимыя... Мы и не требуемъ, и не ожидаемъ, а слѣдовательно, и не можемъ повѣрить *всѣмъ* поразительнымъ заявленіямъ объ подвигахъ и успѣхахъ духовенства, выставляемымъ въ ущербъ заслугѣ свѣтскихъ людей.

Съ недавнихъ поръ повелся обычай у господъ, раздѣляющихъ убѣжденія г. А. Воскресенскаго, твердить о недовѣрчивости народа къ учителямъ не изъ духовенства. Эти господа ограничиваются только голыми фразами о недовѣрчивости и не приводятъ ни одного факта въ подтвержденіе. Невольно приходитъ мысль, что эти господа свою собственную недовѣрчивость желали бы навязать народу, что они рады были бы, еслибъ народъ дѣйствительно не довѣрялъ учителямъ не изъ духовенства. Недовѣрчивость г. А. Воскресенскаго и господъ одинаковыхъ съ нимъ убѣжденій естественна и для насъ понятна; это—недовѣрчивость партіи, недовѣрчивость кружка съ опредѣленными ученіями и опредѣленными цѣлями, это—естественное слѣдствіе высокаго мнѣнія о самомъ себѣ, о непогрѣшимости своихъ убѣжденій, *о чистотѣ своихъ намѣреній*. Изъ какихъ же побужденій станетъ не довѣрять народъ людямъ, желающимъ оказать ему помощь въ обученіи грамотѣ, если эти люди не подали ему къ тому повода? Не довѣряетъ народъ пану въ хозяйственныхъ дѣлахъ, въ поземельныхъ отношеніяхъ,—это понятно для всякаго, кто знаетъ, чѣмъ былъ панъ для земледѣльца. Недовѣрчиво народъ встрѣчаетъ и каждаго одѣтаго по-нѣмецки, нескоро съ нимъ сближается, не спѣшитъ открыть ему своихъ завѣтныхъ думъ, своихъ радостей и своей печали, любви и ненависти, по той же самой причинѣ. Но въ немъ нѣтъ ничего похожаго на недовѣрчивость г. А. Воскресенскаго къ людямъ не-духовнымъ, желающимъ обучать его грамотѣ, на не довѣрчивость вслѣдствіе того, что *чистота намѣреній* составляетъ будто бы исключительную собственность одного духовенства. Народу чужды наши споры, наши симпатіи и антипатіи, наша философія; онъ чрезвычайно самостоятеленъ въ движеніяхъ своего сердца. Явились воскресныя школы—и онъ сталъ посылать туда своихъ дѣтей; школы эти

такъ не долго существовали, что они не могли пустить глубокихъ корней, не могли пріобрѣсть ту любовь народа, которая даетъ себя чувствовать когда касаются любимыхъ его учрежденій. Но, повторяемъ, статистика этихъ школъ свидѣтельствуетъ, что народъ не питалъ къ нимъ недовѣрія. Вотъ примѣръ, что народъ имѣетъ свои взгляды и не раздѣляетъ недовѣрчивости господъ, принадлежащихъ къ разнымъ цехамъ и корпораціямъ. Въ одной изъ южно-русскихъ губерній, въ раскольническомъ посадѣ, частный учитель, носящій даже не русскую фамилію, завелъ школу, въ которой было около 50 учениковъ и которая нынѣ получила организацію съ вмѣшательствомъ и контролемъ администраціи. А между тѣмъ — общепринятое убѣжденіе, что раскольники самый недовѣрчивый народъ.

Нашъ корреспондентъ изъ Таращи выразилъ мнѣніе, что хорошо было бы удѣлять на народныя школы часть запасныхъ церковныхъ особливо монастырскихъ суммъ,—мнѣніе самое невинное и стоющее того, чтобы обратить на него вниманіе при устройствѣ народныхъ школъ. »Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости« заговорили объ этомъ мнѣніи какъ о посягательствѣ на церковную собственность, а о высказавшемъ его, какъ о человѣкѣ, который готовъ, пожалуй, наложить руку на всякую собственность. »А! вы соціалистъ, вы отвергаете собственность, вы хотите завладѣть Божіимъ добромъ.« Видно, что писавшій въ Кіевск. Вѣдом. свою замѣтку, владѣетъ полнѣйшимъ невѣжествомъ относительно общественныхъ вопросовъ, и о соціализмѣ знаетъ не больше кіевской торговки: иначе онъ не сталъ бы понятіе это употреблять безъ смысла. Въ мнѣніи таращинскаго корреспондента относительно вспомоществованія изъ церковныхъ суммъ народнымъ школамъ, нѣтъ ничего такого, чего бы не было до сихъ поръ въ общественныхъ понятіяхъ и въ практикѣ. Изъ церковныхъ суммъ дѣлаютъ разные расходы, наприм. при сдачѣ въ духовное правленіе приходорасходныхъ и метрическихъ книгъ, отчетовъ о церковныхъ суммахъ, при проѣздѣ благочинныхъ и др. Положимъ, что эти расходы не могутъ служить примѣромъ. Но есть другіе, всѣми признанные; напримѣръ — расходъ на образованіе духовнаго юношества. Если же на церковныя суммы воспитывается духовное юношество, то отчего же изъ этого источника нельзя поддерживать обученіе народа грамотѣ вообще и религіи въ-частности? Эта мысль можетъ притти всякому, и общество, не рискуя впасть въ святотатство, вправѣ объ этомъ говорить. Или вы считаете церковную собственность — собственностію духовенства и самую религіозность народа хотите направить на пользу одного духовнаго сословія? Или вы только на словахъ такъ горячо стоите за образованіе народа, а на дѣлѣ не хотите даже спокойно говорить объ изысканіи средствъ къ осуществленію этого дѣла, и готовы причислить

потребность образованія къ мірскимъ второстепеннымъ потребностямъ, которымъ вы, на словахъ, оказываете такое презрѣніе? Или вы считаете беззаконіемъ даже мысль о возможности поддерживать школы изъ церковныхъ суммъ, и, напротивъ, желаете, чтобы приходы учредили школы и ввѣрили ихъ управленіе священникамъ, назначивъ имъ за это хорошій окладъ?.. Но пора, наконецъ, подумать и о пользахъ народа...

А. Городиський.

XI.

СУДЪ ЧЕХІВЪ НАДЪ СОБОЮ.

Недавно, въ однімъ листі пра́зького щоде́нника, — »*Наро́дні Ли́сти*,« Чехи на ввесь світъ оголосили свої гріхи и недостатки. Добрий то́ знакъ, коли народъ не боїтця въ вічі собі заглянути и сміливо оповідати всю свою негідь!.. Треба й намъ, Украінцямъ, ма́ти таку одвагу. Колись, нашъ славний Шевченко вже бувъ заглянувъ у нашу исторію; и зъ ёго гарячого серця вирвалось гірке слово правди:

Я рида́ю, якъ згадаю
Діла незабу́ті
Дідівъ на́шихъ... стра́шні діла́!
Якъ-би́ іхъ забу́ти
Я отда́въ би весе́лого
Віку половину!...

и це слово було для насъ спасе́ннимъ словомъ.... повело воно насъ до каяття и до поправи... Прочита́ймо жъ теперъ, якъ судять себе наші побрати́ми — Чехи, — прислу́хаймось добре до іхъ гіркоі мо́ви, — чи не почуємо тіі спасе́нноі правди, що́ й до насъ, теперешніхъ Украінцівъ, прикласти можна:

»Нема, та мабуть и не було́, у Евро́пі такого народу, щобъ на ёго спина́лось стільки попріку, ла́йки и глузува́ння, якъ на Чеський народъ. У книжечкахъ, щоденникахъ, оповіданняхъ, топчуть въ багнюку ёго честь и славу: у позорницяхъ преставляють ёго, кепкують и сміютця; у Німецькихъ щоденнихъ писанняхъ напалась на ёго цілісінька ара́ва підкупленихъ и не підкупленихъ писакъ, та й воюе тимъ, що знуща́ється надъ нами зъ злобою такою, що й не слихано.

Та й у самихъ палатахъ государственихъ, части́на людей, що де́ржютця тільки себе́ и своеі особноі думки, — вискакують проти Чеськихъ депутатівъ съ такими річа́ми, що ці рі́чі здаю́тця намъ луно́ю одъ тіі великоі нелюбови, яку виказують намъ ні́мецькі писання тихъ таки писакъ, що хочуть загарбати насъ, згромадить до-купи та й підвести підъ одинъ народъ изъ Німцями. И зъ гортані само́і государськоі Австріяцькоі старшини́, що, намъ здаетця, повинна бъ була, по совісті, однаково й міцно оборонята честь ко́жного народу въ Имперіі — и одъ неі чували ми таке кепкування й по́сміхъ надъ нами, що кожному Чехові, хто мае й чуе въ собі хочъ искру народнёі гордощи, отъ сорома́ кровъ до лица́ приливае... Народъ Чеський наче бъ-то якийсь відо́мий зло́дій, що въ ёго коженъ — и прилюдне й нишкомъ — мае право встромити ножа́ ядови́тоі нена́висти.

Таке жалі́бне, але видоме, діло, така річъ повинна збити зъ пантелику кожного чоловіка, якъ-що́ ві́нъ про що́ думае. Поневолі задума́есся: якая тому причина? Де заталось те джерело́, изъ якого такъ багато ллетця злоби та гніву на ввесь же-то народъ, що бувъ колись такий славе́тний!

Тілки дві вини́ може цёму бути: або наші вороги зло мислять на насъ, або жъ ми самі дуже низе́рні, а може—и те и дру́ге.

Нашимъ ворогамъ не позичати лихихъ думокъ проти насъ: се́ всякому ясно. Вони вже дуже, дуже часто ваюютця зъ нами мерзенними брехнями и усякими поганими на насъ вигадками. Та й е таки, справді, за́ що́ насъ нелюбити зъ да́вніхъ-дове́нъ, бо такъ воно, собі на лихо, склалося. Нашъ Чеський народъ колись-то такий сильний та гордий, теперъ дуже, дуже підупа́въ, зробивсь народомъ підвласнимъ, завоёванимъ и въ великій немощі хилився вже до домовини. Надъ ёго ліжкомъ, де ві́нъ канавъ, стояли вже радісні наслідники́, ждучи послідньго стукоту лицарського чеського серця.

Вони вже заздалигоди раділи, що отъ-отъ загарбають гарну Чеську землю. И справді жъ гарна для нихъ була́ земелька наша! По самій серединці Европи простяглася вона́, а Богъ наділивъ ii, наче свою любу, самими найдорогішими подарунками. До-то́го, наче клиномъ зайшла вона́ въ самісіньке серце Німецького краю: о́тъ, сусіда нашъ и не зможе ніякъ, шобъ не зачепити нашоі країни, коли заду́муе зібгати та скувати собі ціле, міцне

та́ велике німецьке царство, — не змо́же, по́ки на Чеській землі житиме й пануватиме чужий людъ, племя Чеське, що само́ виткнулось упередъ... а за нимъ же то стоіть безкрае море Славяньства!

Якъ скеля стоіть Чеський край міжъ моремъ Німецькимъ и Славянськимъ, и Німецькимъ фплямъ ніякъ не можна перехопи́тись у велике море Славянське... розбризькуютця объ скелі Чеськихъ гіръ! Тимъ-то сусіда нашъ пильно придивлявся до присмертного народу Чеського, ажъ нетерпля́ча ёго́ брала, чекаючи, коли-то вінъ сканае.

Та ба! надія іхня—пішла за водою! Уже й дзвонили на сходъ-душі и збералися провадити ёго́ до моги́лки, та дзвінъ той стався наче го́лосомъ того янголя, що звістивъ про воскресіння: бо, замісць смерти, народъ Чеський знову народився на світъ бо́жий!

Прочну́вшись, вінъ почавъ питать у тихъ, що вже заздалегідь загарбува́ли худобу недужого, ставъ про вели́кі до́бра свої питати и поча́въ що́томъ видира́ти у здирцівъ свою батьківщину. Наслідники напекли раківъ, піймали облизня, — о́тъ, відъ то́го й настала въ іхъ се́рці та пекельна нена́висть замісць дочасної надіі.

Та це жъ намъ не соромъ и не нагана, що сусіди не люблять насъ съ тої причини: це значить, що ми знову живемо́ и держимо при собі свою батьківщину. Тімъ, що́ піймали облизня, може-таки колись одійде одъ серця и, якъ пропаде въ іхъ послідня надія загарбати наше, то може вони́ й утихомирятця и перестануть люби́ти насъ... якъ собака палицю.

А отъ есть инші людці, що імъ нічого було и сподіватися одъ насъ, коли бъ ми й скана́ли, — ми іхъ нічи́мъ и не зневажили, але вони все-таки насъ не люблять и мають насъ за бідныхъ та мизе́рныхъ; коли ми силкуемось що́ робити, то вони́ ажъ плечи́ма здвига́ють и одвертаютця одъ насъ, жалку́ючи про нашу мизерію та неспромо́жність.

Чому се воно та́къ? Оттутъ уже першъ усёго подивімось на се́бе та роздивімось, я́къ ми живемо́, що́ ми ро́бимо при всякімъ случа́ю и припадкові, розпитаймось між собою гарненько, чи не завелося въ нашімъ власнімъ народнімъ житті чого́ пога́ного? Чи не за те, що́ е въ насъ негарного, зневажають насъ, га́нять, або жалкують объ насъ? Спитаймо-лишъ по-правді́, свою со́вість, не потураючи собі, — які ми люде?

Оттоді ми й побачимо, що въ насъ е дуже погані парови́, негарна вдача; що видъ нашого народу поцяцько́ваний плямами стародавнёї хвороби зоста́лись шрами одъ тихъ ранъ, що́, колись, трохи не задушили насъ... Поки ми не счистимо зъ себе́ тихъ поганихъ плямъ, ажъ по́ти йменя Чеського народу не ся́тиме такъ, якъ ся́ють йменя иншихъ народівъ въ Евро́пі.

Придивімося жъ пильно до сіхъ плямъ, — до своеі поганоі хвороби, осудімо себе по щирій правді и поміркуймо, якъ намъ поправитьця. Найперше, нема въ насъ того́, що́ підніма́ иншихъ людей на великі и безсмертні діла́, нема въ на́шого народу тихъ крилъ, що, звутця *народнёю гордістю*; нема въ насъ тіі народнёі гордощи, що, ради не́і, Вендеръ взива́е себе Вендеромъ передъ усімъ світомъ; нема и нема тіі гордощи, зъ якою живе́ Хранцузъ, Англянинъ, Йталянець, або й Ляхъ, міжъ иншими народами, що ні о́динъ зъ нихъ нико́ли въ світі не промінявъ би свого народнёго прозвища ні на я́ке въ світі инше прозвище. А ми багато ще ба́чимо такихъ Чехівъ, що відрікаютця одъ рідноі землі, отъ свого народу, одъ батьківъ своіхъ, не хочуть зватися Чехами и по-чеський, роблятця пе́ревертнями и звутця Німцями, або кимъ-иншимъ.

Та не тілки що народнёі, а нема́ въ насъ и *громадянськоі гордощи*, — нема того, щобъ думати: що отъ — я чоловікъ якъ усі громадя́не, що тимъ и мене треба поважа́ти: що лучче я не піддамся нікому, лучче якъ-небудь жи́тиму по-сво́іму, аніжъ продамся за багацтво, титули або панство; нема въ насъ и думки тіеі, що краще заробляти собі шматокъ хліба гіркою та чесною працею, аніжъ вдатися въ роскішшя та жити въ пишнімъ рабстві.

Оттимъ-то, що въ насъ нема ціі гордости, тимъ воно́ й лучаетця, що ми оддаемо́ себе цілкомъ въ чужу волю и безуста́нку ганя́емось за панствомъ та чина́ми, щобъ мати мундиръ та вигóдне місце, тішимо себе, якъ малі діти, цяцька́ми, не питаючись, чи воно жъ усе оце не скуе нашу живу́ душу й волю, та чи не звяже ру́ки й думку нашу, — чи робить се честь и вигóду нашому народові?

Тимъ-то воно й бува такъ, що усякий, и чужоземський, урядъ, — коли схоче, то тільки гукне, — заразъ и знайде цілісінькі юрби Чехівъ, що готові прислугóвувати скрізь усякому

урядові, и по чужій думці, яка бъ тамъ вона ни була. А що́ съ того, — можна бачити въ Венґрахъ и иншихъ краяхъ, чи дуже то поважають нашъ народъ за таку вдачу.

Чехамъ не достае ще міцного, непору́шного ви́держу въ кожнімъ ділі, за яке бересся, хоча бъ тобі що́ й супере́чило: — чи лучитця иноді що й не дошмиги, чи присікаютця до тебе, ганяють та пригнічують, то щобъ не лякатися, а твердо, не хилячись, стояти; и коли на тебе не по правді буває напасть яка, то лучче нехай тебе ворогъ стрілами засипле, аніжъ тобі поступитися хочъ на ступінь свого діла. Дуже палка́ натура нашого люду, швидко вінъ розпалюетця високимъ поломьямъ, та що́ жъ, коли́ й манесенький дощикъ може погасити те поломья, а тоді, замість храбрости та усилку, ми жалкуемо, бідкаімось та горюемо по-жіночий. Нехай набіжить хочъ манесенька хмарка суперечнёі думки на небі спільного життя́ людського́, то вже й загнала тая хмарка, въ затишний кутокъ, самихъ завзятихъ лицарівъ нашихъ...

Въ Чеськімъ народі нема того, щобъ коли вже намітивъ собі яку мету́, задумавъ яке діло, то щобъ уже полицарський не одступавсь відъ ёго. Ато буває цілісінькe море словъ и бала́чки, та зъ того мо́ря не вирпнае ніякого спра́жнёго діла; вляжутця филі великихъ глаголівъ, та й стане пустісенько якъ и перше бувало. А що́ жъ може й спасти насъ, якъ не спражня праця, не спражне діло?

Та буде вже! и сёго, здаетця, доволі... Не хочетця далі розкутувати нашихъ ранъ, щобъ ми не показались надто вже бридкими и мерзе́ними, щобъ ми й самі не перелякались свого не́дуга. Але жъ ми повинні тямити й памятати своеі хвороби, коли не хочемо щобъ вона въілася въ самий мозокъ костей нашихъ, коли не хочемо тинятися ані то́ дужими, ані при смерті.

Найгіршій народові ворогъ бува той, хто лестиво вихваляе насъ, щобъ ми не по-правді про себе думали; и, зновъ, найвірніший другъ народу той, хто не боїтця правди и сміло роскриває ёго болячки. Ми повинні бачити свою власну душевну негідь, повинні підійматися на усякі зусілля, щобъ швидче одкараскатися одъ всякого зла: бо вже на небі, по-надъ усімъ Европськимъ краемъ, то тамъ, то инде, показуютця чорні хмарки́, що мабудь злетятця й зберутця надъ нами въ велику тучу. Але намъ

нічого лякатись. Тепера лучаютця усякі шури-бурі и супе-ре́ччя нашимъ думамъ про вся́ке добро громадзького життя́, лучаютця й рапто́ві дощі, — та після нихъ сонечко сяе ще тепліше и краще ніжъ перше.«

ПЛѢНЪ И СМЕРТЬ Я. Г. КУХАРЕНКА.

Читатели *Основы*, безъ-сомнѣнія, раздѣлятъ съ нами душевную горесть о несчастной потерѣ, понесенной нами въ лицѣ Наказного Отамана Черноморского Войска, *Якова Герасимовича Кухаренка:* 19-го сентября его постигъ плѣнъ, а потомъ — смерть въ плѣну у Черкесовъ.

»Де ни взялася орда́ —
Поруба́ла козака́,
Поруба́ла — посі́кла
И у поло́нъ заняла́.«

Ужасныя страданія, которыми сопровождалось плѣненіе, были выше силъ самаго бодраго человѣка, какимъ мы лично знали Якова Герасимовича: и онъ угасъ вдали отъ родины, отъ неутѣшной семьи, отъ товарищей-козаковъ-Черноморцевъ...

»Ой не добре козацька голова знала,
Що безъ війська козацького умерала!«

Такъ нѣкогда погибали славные *ли́царі-козаки́ — за честь, славу, за братерство рідноі Вкраіни.*«

Въ Я. Г. Кухаренкѣ украинолюбцы теряютъ щи́рого и даровитаго украинскаго писателя и знатока Запорожской и Черноморской старины; имя его дорого также и по любви къ нему Шевченка, къ которому Я. Г. при первой возможности, обратился съ дѣятельнымъ участіемъ, когда нашъ »Кобзарь« находился

въ Орской крѣпости (¹). Кто прочелъ (написанный еще въ 1836 году) »*Чорномо́рський По́битъ*« (оперетта), »*Пластуни́*,« »*Вівці и Чабани́*« и »*Вороно́й Кінь*« тотъ не могъ не оцѣнить превосходнаго знанія изображаемаго быта, знанія украинскаго языка и того неподдѣльнаго юмора, которымъ отличался Я. Г. Кухаренко.

Основьянамъ особенно чувствительна потеря Я. Г. еще въ томъ отношеніи, что онъ намѣревался написать о многомъ, что́ хранила его память, изъ военнаго и гражданскаго быта родной *Черноморіи*, и все написанное сообщать въ *Основу*, съ тою теплой и навсегда-памятной намъ любовью и безкорыстіемъ, съ которыми онъ лично передалъ поименованныя выше статьи, также 2-ую часть »*Чорномо́рського По́биту*« и кой-какія свои замѣтки. Вторую часть »Ч. По́биту,« Я. Г. думалъ-было исправить,—отчего и замедлилось ея напечатаніе; теперь мы напечатаемъ въ томъ видѣ, какъ получили.

Всякій разъ, встрѣчая *здѣсь* и провожая родныхъ земляковъ *отсюда* Петербурська грома́да сильнѣе чувствуетъ, какого блага лишена она вдали отъ родины; что́ же должна была она почувствовать, проводивъ мысленно одного изъ друзей своихъ въ вѣчное жилище?.. Въ общей горести, всѣ Украинцы составляли одну семью, и положили отслужить по усопшемъ панихиду, а на одномъ изъ Шевченковыхъ вечеровъ, помянули дорогаго своего соотечественника,—воина и писателя,—по козацкому обычаю, извѣстной героической пѣсней, въ которой имя *Морозенка*, при пѣніи, замѣнялось именемъ *Кухаренка*...

»Ой, хоте загѝнула коза́цька голѝвонька,
Та не загѝнула сла́ва!«

Сообщаемъ подробности плѣна, смерти и перевезенія тѣла Я. Г. Кухаренка въ Екатеринодаръ, изъ статьи г. Павла Барѝлка, напечатанной въ 236 № *С.-Петербурскихъ Вѣдомостей*; »въ ней« (пишетъ намъ обязательный авторъ) »заключаются первыя краткія свѣдѣнія; дальнѣйшія подробности ожидаются и собираются, и предполагаемая затѣмъ статья съ біографическимъ

(¹) См. начало *Дневника* и письма Т. Гр. къ Я. Г. Кухаренку, въ майской и октябрьской книжкахъ *Основы* 1861 г.

очеркомъ покойнаго, по желанію его сыновей, предназначается для *Основы*« (1).

»Въ среднихъ числахъ минувшаго сентября, вызванные г. командующимъ войсками Кубанской Области, по дѣламъ службы, начальники закубанскихъ отрядовъ, генералъ-маіоры Бабичъ и Кухаренко, спустя нѣсколько часовъ одинъ за другимъ, слѣдовали почтовымъ трактомъ по Кубани, вдоль старой кавказской линіи, изъ Черноморіи въ Ставрополь. Генералъ Бабичъ проѣхалъ благополучно, генералъ Кухаренко, того же 19-го числа, въ 11 часовъ ночи, миновавъ уже Казанскую Станицу, близъ упраздненнаго поста Романова, ѣхавшій въ почтовомъ экипажѣ, съ зятемъ своимъ, капитаномъ конно-ракетной баттареи, Г. В. Іогансономъ, и съ однимъ вѣстовымъ козакомъ, безъ конвоя—(такъ-какъ издавна старая кордонная линія эта, оставаясь позади передовыхъ — лабинской и бѣлорѣчинской, сильныхъ кордонами, батарейками и пикетами, считается безопасною)—подвергся внезапному нападенію партіи конныхъ Абадзехъ и взятъ въ плѣнъ, послѣ краткой обороны одного противъ восьми; причемъ, системы Кольта револьверъ генерала Кухаренка выстрѣла перваго не далъ или осѣкся, а за вторымъ взводомъ, по роковому случаю, изъ непріятельскаго залпа пуля попала подъ курокъ, съ такою силою (какъ передаютъ подробности горцы), что разсѣкло генералу руку, а другая пуля пробила на немъ одежду и контузила въ бедро; козакъ же тяжело-раненъ. Генералъ, однако, бросивъ пистолетъ, выскочилъ изъ экипажа и успѣлъ обнажить шашку, но былъ обезоруженъ, и оба плѣнника, связанные—руки назадъ, ноги подъ лошадь—посажены на почтовыхъ лошадей, и на поводу, окруженные непріятелемъ, принуждены были двѣ ночи мчаться почти двухсотъ-верстное разстояніе сквозь всѣ кордонныя линіи, днемъ скрываясь въ лѣсу, на рѣкѣ Фарсъ. Здѣсь, на роздыхѣ, генералъ—выдавшій себя за лекаря, чему Абадзехи не повѣрили—при имени сына, произнесенномъ однимъ изъ нихъ, хорошо-знающимъ его, со слезами сознался, кто онъ и его то-

(1) Приносимъ искреннюю благодарность отъ себя и отъ всѣхъ Украинцевъ за доброе желаніе, и съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать исполненія. Всякая подробность изъ жизни Я.Г. будетъ любопытна; все, что онъ писалъ, также получаетъ теперь особенную цѣну, потому что уже не повторится *тепле Українське єго слово.*«

варищъ. Извѣстность между горскими племенами генерала Кухаренка и его сына, Степана, подъ этимъ краткимъ именемъ хорошо-знакомаго многимъ изъ нихъ, также какъ и одному изъ восьми Абадзехъ, тотчасъ же побудила послѣдняго къ сожалѣнію и раскаянію, и много помогла перемѣнѣ обращенія съ плѣнниками, хотя, впослѣдствіи, остальные заподозрѣли его въ измѣнѣ. Измученный быстрымъ бѣгомъ по оврагамъ и трубощамъ, неоднократнымъ паденьемъ вмѣстѣ съ лошадью, и переправами черезъ рѣки вплавь, въ холодную воду, Я. Г. Кухаренко, страдавшій, въ послѣднее время, кашлемъ катарральнаго свойства, вмѣстѣ съ товарищемъ своей неволи, только къ утру второй ночи послѣ физическаго и моральнаго изнеможенія, очутились въ абадзехскомъ аулѣ или, правильнѣе, хуторѣ, при р. Люкъ, пропавшемъ въ недоступной трущобѣ, въ восьми верстахъ отъ укрѣпленія Майкопскаго, откуда, чрезъ закубанскихъ черкесъ и получены въ Екатеринодарѣ первыя краткія объ этомъ извѣстія, поразившія всѣхъ изумленіемъ. Добавляли, что плѣнниковъ содержатъ хорошо, но требуютъ 22,000 р. сер. выкупу, что генералъ, при нападеніи и защитѣ раненый, опасно-боленъ.... Молва о плѣнномъ русскомъ генералѣ, невидѣнномъ многими изъ горцевъ вблизи, какъ небывалое никогда въ горахъ событіе, и, къ тому же, извѣстность имени Кухаренка у черкесъ, привлекли къ нему любопытныхъ и недавнихъ еще враговъ, изъ Убыховъ и дальнихъ Шапсугъ — и тѣ, возвращаясь, распространяли по всѣмъ ауламъ вѣсти, изъ-за Кубани быстро-перешедшія въ Екатеринодаръ, возбуждая общее сожалѣніе о плѣнникахъ и горячее участіе всѣхъ къ семейству генерала. Болѣе-достовѣрныхъ подробностей пока нѣтъ, такъ-какъ на-мѣстѣ происшествія найдены только пустой тарантасъ, портфель, убитый ямщикъ, въ нѣкоторомъ разстояніи изрубленный козакъ, и еще далѣе по слѣдамъ—нѣсколько оброненыхъ вещей генерала: погонъ, пуговицы, 600 р. кредитными билетами, орденъ Влад. 3-й ст., указывавшіе дорогу плѣнныхъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ всѣхъ этихъ слуховъ, подтвержденныхъ донесеніемъ о происшествіи, еще-болѣе поразила всѣхъ, безъ различія личностей, вѣсть изъ Майкопа: что 26-го числа. утромъ, генералъ Кухаренко въ плѣну умеръ.... за тѣло его требуютъ 6,000 р. сер.; капитанъ Іогансонъ былъ при умиравшемъ, но послѣ того за нимъ усиленъ надзоръ, съ угрозами

оковъ и продажи Убыхамъ.... Еще при первой вѣсти о плѣнѣ отца и зятя, сынъ генерала, есаулъ С. Я. Кухаренко, котораго имя, гостепріимство и знакомства между горцами извѣстны отъ Анапы до земли Абадзехъ, съ двумя изъ преданнѣйшихъ ему молодыхъ султановъ бжедухскихъ, немедленно поспѣшилъ въ Майкопъ, благодаря содѣйствію г. наказнаго атамана; туда же прибылъ, въ абадзехскій отрядъ, г. командующій войсками Кубанской Области. Есаулъ Кухаренко рѣшился во что бы то ни стало, сѣсть самому, вмѣсто больного отца, плѣнникомъ, но когда онъ прибылъ въ Майкопъ—отца уже не было въ живыхъ. По просьбѣ сына о выкупѣ тѣла отца и плѣннаго зятя, г. командующій, изъ участія къ семьѣ покойнаго генерала, изволилъ согласиться на размѣнъ за нихъ двадцати плѣнныхъ горцевъ. Пущены были въ-ходъ всѣ тонкости и изгороты особой дипломатики съ горцами, при чемъ есаулъ Кухаренко велъ дѣло съ тактомъ и полнымъ знаніемъ духа горцевъ. Нужны были терпѣніе и настойчивость одолѣть разногласіе всѣхъ восьми участниковъ въ добычѣ, и когда къ одному, знавшему Степана, присоединились еще трое и образовались двѣ стороны, то споры ихъ на переговорахъ доходили до оружія и угрозъ изрубить тѣло.... Съ трудомъ добившись согласія, до размѣна, въ залогъ точнаго исполненія условій, есаулъ Кухаренко далъ оружіе свое и оружіе вѣрныхъ бжедухскихъ друзей своихъ, наполовину оцѣненное въ 2,000 руб. ср.; сверхъ-того, одинъ изъ преданныхъ ему бжедухскихъ фокотлей, Гапакъ, изъ аула Гобукай, сѣлъ заложникомъ лично самъ, а другой, абадзехскій воркъ, далъ въ залогъ еще семью крестьянъ. Такимъ-образомъ, послѣ шести дней самыхъ-дѣятельныхъ переговоровъ о выкупѣ бренныхъ останковъ покойнаго, капитанъ Іогансонъ остался въ плѣну до размѣна на плѣнныхъ черкесъ, а тѣло усопшаго генерала выдано; и сынъ имѣлъ утѣшеніе, сопровождая отъ Майкопа въ Черноморію гробъ отца, слышать и видѣть повсюду толпы народа, встрѣчающія его, задушевныя сожалѣнія и набожныя слова козаковъ, солдатъ, женщинъ, станичнаго духовенства — у границъ, укрѣпленій, церквей — вездѣ спѣшившихъ встрѣтить и проводить покойнаго благодушнымъ напутствіемъ, или панихидами о душѣ его. Наконецъ, чрезъ 14 дней отъ плѣна, утромъ 4-го октября, въ снѣгъ и холодъ, первые и ранніе въ Черноморіи, тѣло покойнаго генерала привезено въ Екатеринодаръ

и поставлено въ войсковой соборной церкви, безъ малѣйшихъ слѣдовъ и знаковъ разложенія, безъ черты страданія на лицѣ, съ выраженіемъ только строгой мысли или глубокаго сна...

Многочисленное семейство покойнаго, полагавшее въ немъ одномъ всѣ лучшія свои надежды, убитое первою вѣстью о плѣнѣ и неожидавшее послѣдняго ужаснаго удара, испытало всю глубину человѣческой скорби и страданій.

Вся Черноморія, отъ мала до велика, знаетъ и никогда не забудетъ имя Якова Герасимовича Кухаренка, »якъ рідного сына и благого батька« и нѣтъ въ ней ни одного, кто бы онъ ни былъ, хотя бы заклятый противникъ по майскому — 61 года — вопросу о переселеніи за Кубань (раздѣлившему генерала съ прежними односторонниками его, въ главѣ которыхъ онъ былъ сперва передовымъ и несъ ихъ общее знамя, пока считалъ это разумнымъ) — ни одного, кто бы, въ настоящія минуты, способныя примирить и враговъ, надъ прахомъ перваго изъ доблестныхъ бойцовъ за Черноморію, при взглядѣ на спокойное лицо усопшаго, послѣ честнаго и неравнаго боя, не нашелъ бы добраго о немъ слóва, не вздохнулъ бы со болѣзнуя о его жребіи, не задумался бы съ участіемъ о его семьѣ, и не отдалъ бы строгой справедливости даровитому и безкорыстному человѣку и начальнику, превосходному семьянину и неутомимому сельскому хозяину; а Украина и лучшіе изъ патріотовъ ея и всего козачества не забудутъ въ немъ потерю, быть-можетъ, единственнаго и послѣдняго въ войскѣ нашемъ истиннаго знатока и цѣнителя козацкой славы, запорожской старины и черноморскаго побыта.

Сегодня, 6-го октября, въ часъ дня при солнечной погодѣ, послѣ сорока-восьми часовъ снѣжнаго холода, тѣло покойнаго Я. Г. Кухаренка предано землѣ на Екатеринодарскомъ загородномъ кладбищѣ, съ подобающею военною почестью.

Предсмертная воля умиравшаго въ плѣну о погребеніи праха его въ дорогой ему Черноморіи, на козацкой сторонѣ, исполнилась.«

П. Барилко.

Прилагаемъ отрывокъ полученнаго нами стихотворенія, въ которомъ выражается впечатлѣніе, произведенное въ Екатеринодарѣ первою вѣстью о плѣнѣ Я. Г. Кухаренка.

У пятницю (1) на базарі
Всі заговорили,
Що Черкеси Кухаренка
Взяли-полонили!..
Задзвонили до раннёї
Богу помóлитьця;
Рознеслися слухи тяжкі, —
Людъ чогось боїтьця...
Зажурились старі й малі —
Народъ галасуе...
Пита одинъ у другого:
»Чого людъ сумуе?..
Чого óстрахъ на всіхъ найшóвъ?..«
— Чогó? — ти не знáешъ:
Енерала Кухаренка
Узявъ Черкесъ...
Ёгó съ зя́темъ захопи́ли,
Обóхъ полони́ли,
А поштаря́ и козака́
Тамъ-же и уби́ли!.. —
Пішóвъ гóмінъ у народі,
Братъ бра́та пита́е,
Роспи́тують... роскáзують...
А ніхто не знае,
Чи то правда, чи неправда...
Инчий не йме віри,
Щобъ старого Кухаренка

(1) 21 Сентября.

Взяли бузувіри!..
Людъ сумує и гвалтує:
»Взяли.... полонили...
Кухаренка, та ще й зъ зятемъ
Въ кайдани забили!..«
Затужили Чорноморці:
»Ой, Боже нашъ, Боже!..
Ой. хто теперъ у пригóді
Намъ біднимъ помóже!?«
Отáкъ чувъ я на базарі;
На ýлиці жъ бáчивъ (1) —
Ідутъ вéрхи три Черкéси
И питáють »Бáбчі. (2)«
Підъíхали до будúнка
Вельможного пáна,
Исъ кониківъ не злізають —
Мабуть, така шáна!..
Я дивився изъ кріпости:
Якъ вони стояли,
Вийшовъ хлопець,—щóсь сказавъ імъ,
Вони й поскакали,
До будинку Кухаренківъ —
Звістку, мабуть, дати...
Кажуть, — діти, буцімъ, знали—
Та не чула мати....
У вівтóрокъ (3) пройшлá чутка—
Люди говорили,
Що Черкеси сорокъ тисячъ
На вúкупъ просúли....

Слободзький украінець Дмитренко Бутъ.

---

(1) 22 Сентября
(2) Генералъ-Маіоръ Бабичъ.
(3) 25 Сентября

LXX.

НАЗАРЪ СТОДОЛЯ.

МАЛОРОССІЙСКАЯ ДІЯ

ТАРАСА ШЕВЧЕНКА[1].

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Хома Кичатий, сотникъ.
Галя, дочь его.
Стеха, молодая клюшница у Кичатаго.
Назаръ Стодоля, другъ его.
Гнатъ Карій, другъ его.
Хозяйка на вечерницяхъ.

Слѣпой кобзарь, жиды-музыканты, молодые козаки и дѣвушки и сваты отъ чигиринскаго полковника.

Дѣйствіе происходитъ въ XVI-мъ столѣтіи, близъ Чигирина, въ козацкой слободѣ, въ ночь на Рождество Христово.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Вечеръ. Внутренность свѣтлицы, богато убранной коврами и бархатомъ. Всторонѣ столъ, покрытый дорогимъ ковромъ; кругомъ скамьи подъ бархатомъ, окаймленныя золотомъ. На столѣ стоятъ фляги, кубки и разныя кушанья; горятъ восковыя свѣчи. СТЕХА убираетъ столъ.

Стеха *(отходитъ отъ стола)*. Усе! здаетьця, що все. Стрівай лишень, чи не забула чого. Риба, мясо, баранина, свинина, ковбаса, вишнівка, сливянка, медъ, венгерське — усе, усе.

---

[1] Подъ этимъ заглавіемъ сохранился драматическій опытъ незабвеннаго нашего поэта, судя по сценическимъ объясненіямъ на великорусскомъ языкѣ, предназначенный для Петербургскаго театра. При всей своей ли-

Тутъ и істивне и випити. Колибъ-лишень гості. Та що́ вони такъ довго барятьця? И надоумило жъ сідоусого у таке свято, коли добрі люде тільки колядують, сподіватьця гостей, та й ще якихъ гостей! старостівъ одъ такого жъ старого дурня, якъ и самъ. Побачимо, що́-то зъ того буде. Негріте залізо не зогнешъ. А якъ-би не крився та пораявся бъ зо мною отакъ тижнівъ за два до святъ, то певна уже була бъ річъ; а то схаменувся на самісінький святъ-вечіръ та й ластитьця: »и сяка й така, и добра, і розумна ти, Стехо: поможи! Я вже тобі и се и те, и трейте й десяте«. Побачимо, побачимо, якъ попадетьця нашому теляті вовка піймати. *(Помолчавъ)* Не сказавши ні слова доцці,

---

тературной слабости, это сочиненіе, принадлежащее первому періоду дѣятельности Т. Гр. Шевченка, весьма дорого для изученія постепеннаго развитія таланта »Кобзаря,« прямое призваніе котораго была — поэзія лирическая: какъ лирическій поэтъ, Шевченко стоитъ наравнѣ съ величайшими народными поэтами. Замѣчательна также разница между произведеніями Шевченка прозаическими и стихотворными; прозою онъ писалъ весьма мало, и поэтическій его языкъ гораздо выше прозаическаго. *Ред.*

Примѣчаніе П. А. Кулиша. — *Галя* названа была сперва *Лукіею*, но повсюду это имя переправлено во всей пьесѣ; только въ монологахъ, писанныхъ рукою автора, осталось вездѣ, по недосмотру поправлявшаго, *Лукія*.— Подлинникъ »Н. Стодоли« принадлежитъ Н. Д. Бѣлозерскому. Онъ написанъ на желтоватой писчей бумагѣ въ четверку. Тетрадь очень засалена, и запачкана, въ одномъ мѣстѣ, въ срединѣ, порохомъ или нагаромъ изъ сальной свѣчи. Въ концѣ, рукою исправлявшаго пьесу, написано; «*Занавѣсъ опускается, свистъ раздается*«. Другою рукою, къ слову »*Кінецъ*« прибавлено: *и Богу слава*«. Далѣе слѣдуетъ рукою переписчика: «18$^{XI}/_{9}$44« Вычтя изъ $^{XI}/_{9}$ (ноября 9-го) число, выставленное на заглавномъ листѣ, а именно »18$^{X}/_{24}$44« (октября 24). увидимъ что »*Назаръ Стодоля*« написанъ (или надиктованъ и дописанъ) въ-теченіе шестнадцати дней. — У Н. Д. Бѣлозерскаго находится также переводъ »*Назара Стодоли*« на в—русскій языкъ (второй актъ его потерянъ). Въ этомъ переводѣ, послѣ словъ Назара къ Галѣ (въ концѣ): »О мое сердце! доля моя«! пьеса оканчивалась убіеніемъ Хомы и готовностью къ смерти Игната; но это мѣсто потомъ перечеркнуто, и рукою автора написанъ конецъ сообразно украинскому подлиннику, съ небольшими отмѣнами. Украинскій подлинникъ былъ, повидимому, оставленъ авторомъ безъ вниманія, по крайней мѣрѣ — на время. Обѣ рукописи отданы были авторомъ для храненія одному малороссійскому пану. Въ 1847 году, панъ, страха ради, запряталъ ихъ въ *стріху* (соломенную крышу) и только черезъ нѣсколько лѣтъ осмѣлился явить ихъ свѣту, по убѣжденію одного земляка, который взялъ ихъ къ себѣ, потомъ передалъ Л. М. Жемчужникову, этотъ мнѣ, а я, снявъ для себя копію, уступилъ ихъ цѣнителю и самого праха, покрывающаго историческіе памятники. *П. К.*

за кого и якъ хоче віддати, думае, що наша сестра — коза: поженешъ, куди схочешъ. Э, ні! стрівай лишень, голубчику. »Ублагай ii«, каже. Та и що таки той поганий хорунжий? А полковникъ хочъ старий — нехай ёму добре снитьця — такъ же панъ!... Оце бъ то вона й стямилася! Иншому дзусъ, а я — такъ візьмусь. Дівці двіку не довго збить зъ пантелику, а ще таку, якъ моя панночка — и-и! Та вже жъ, якъ кажуть, піймавъ не піймавъ, а погнатьця можна. Тоді, якъ тее-то, вже жъ и погуляю!... А вона поплаче, посумуе, а далі й нічогісінько. Та й Назаръ таки не разъ спасибі скаже. *(Изъ боковыхъ дверей выходитъ Галя.)*

Стеха. А що? якъ прибрано?.. Тимъ бо й ба!

Галя. Що це ти, Стехо, робишъ? Хиба у насъ сёгодні гості, чи що?

Стеха. Та ще й які гості, якъ-би ви знали!

Галя. Яки жъ тамъ гості и відкіля?

Стеха. Угадайте.

Галя. Чи не зъ Чигирина?.. Такъ?

Стеха. Изъ Чигирина, та хто такий?

Галя. Які-нébудь старшинй?

Стеха. То-то бо й е, що не старшини, и...

Галя. Та хто жъ такий? Може... та ні! сёгодні не такий день. А міні батюшка учора и говоривъ щось таке.

Стеха. Говоривъ, та не договоривъ. А я знаю, — тільки не скажу.

Галя *(обнимая Стеху)*. Стехо, голубочко, ластівко моя! скажи, не мучъ мене.

Стеха. А щó дасте? скажу...

Галя. Ще сережки, або перстінь, або що хочешъ подарую, тільки скажи.

Стеха. Нічого не треба; дайте тільки свій байбаракъ надіти сёгодні на вечорниці.

Галя. Добре, надівай, та такъ, щобъ батюшка часомъ не побачивъ.

Стеха. Оце ще! хіба жъ я справді дурна? Слухайте жъ. *(Въ полголоса)* Сёгодні прийдуть старости.

Галя *(въ восторгѣ)*. Відъ Назара! відъ Назара!

Стеха. Та тамъ вже побачите, відъ кóго.

Галя. Хиба жъ не відъ Назара, Стехо? Що жъ, оце мене и справді лякаешъ?

Стеха. Я васъ не лякаю, я тільки такъ кажу.

Галя. Ні, ти щось знаешъ, та не хочешъ сказати.

Стеха *(лукаво)*. Я нічого не знаю. Де міні, клюшниці, відати про панські діла?

Галя. Ти сміесся зъ мене! Я заплачу, ій-Богу заплачу, и батюсці скажу.

Стеха. Що́ жъ ви скажете?

Галя. Що ти мене перелякала... Теперечки не дамъ байбарака. А що́, поживилась?

Стеха. Оце, які бо ви боязькі! вже и повірили!

Галя. Ну, що жъ? відъ Назара?

Стеха. Та відъ кого жъ більшъ? вже такъ не відъ старого Молочая, нашого полковника.

Галя. Цуръ ёму, який нехороший! Якъ приіде до насъ, то я заразъ изъ хати втікаю. Міні навдивовиж, якъ ще ёго козаки слухають. Тілько у ёго, паскудного, и мови, шо про наливку та про вареники.

Стеха. А хиба жъ се й не добре?

Галя. Звісно! козаку, та ще й полковнику! Ось мій Назаръ, мій чорнобрівий, усе про війну та про походи, про Наливайка, Остраницю, та про сине море, про Татаръ, та про Турецьку землю. Страшно, страшно, а хороше, такъ-що слухала бъ не наслухалась ёго, та все дивилась би въ ёго карі очі. Мало дня, мало ночи.

Стеха. Наслухаетесь, ще й налюбуетесь. Опісля, може, и обридне.

Галя. О, крий Боже! До самоі смерти, поки вмру, все дивилась би та слухала ёго. Скажи міні, Стехо, чи ти любила коли, чи обнімала коли козацький станъ високий, що... дріжать руки, мліе серце? А коли цілуешъ... що́ тоді? Якъ се, мабуть, любо! якъ се весело! *(Въ восторгѣ поетъ и пляшетъ.)*

Гой, гоя, гоя!
Що зо мною, що́ я?
Полюбила козака —
Немаю покоя.

Я ёго боялась...
Що жъ опісля сталось?
На вулиці пострічалась
Та й поцілувалась.

А мати уздріла...
Яке тобі діло!
Віддавайте заміжъ,
Коли надоіла!

Стеха. Гарно, гарно! А одъ кого це вивчились?

Галя. Та одъ тебе жъ. Хиба ти забула, якъ на вулиці, на тій неділі, танцювала? Тоді ще батюшки не було дома... згадала?

Стеха. Коли се? Оце ще видумали! *(Стучатся въ дверь.)*

Галя *(торопливо.)* Охъ, лишечко! хтось иде! *(убѣгаетъ.)*

Стеха. Хто тамъ?

Хома *(за дверью.)* Я, я! відчиняй мерщій.

(Стеха отворяетъ дверь. Входитъ Хома, отряхиваясь.)

Хома. Що́? не було? Оце жъ яка хуртовина!

Стеха. Кого не було?

Хома. Кого? гостей!

Стеха. Якихъ гостей? одъ пол...

Хома. Цсъ!... эге жъ.

Стеха. Ні, не було.

Хома. Гляди жъ, ані телень!... Отець Данило, спасибі, розрішивъ. Не забудь тільки завтра вранці послать ёму вишнівки. Знаешъ? тіеі, що недавно доливали. Нехай собі пье на здоровья. Та що́ се іхъ нема такъ довго? Чи не злякались, бува, завірюхи? А вітеръ ниначе стиха.

Стеха. Злякаютьця вони! дежъ пакъ! И въ горобину нічъ прийдуть для такоі панночки, якъ наша.

Хома. Звичайно, звичайно.

Стеха. Ище пакъ такий старий... а панночка...

Хома. Сама ти стара, сороко безхвоста!

Стеха. Дивись! заразъ и росердились. Хиба я на васъ?

Хома. Такъ що жъ, що не на мене? такъ на мого... ну... полковника.

Стеха. Э, бачъ що! А панночка? чи ви жъ зъ нею говорили? що́ вона?

Хома. А що́ вона? іі діло таке: що́ звелять, те й роби. Воно ще молоде, дурне; а твое діло навчить іі, врозумить, що лю-

бовъ и все таке прочее... дурниця, нікчемне. Ти вже, думаю, розуміешъ?

Стеха. Та се розумію, та зъ якого кінця почати, не знаю. Вона, бачите, полюбила Назара такъ, що й сказать не можна. Ось и сёгодні міні говорила. Моли, каже, Стехо, Бога, щобъ швидче я вийшла заміжъ за Назара, — половину добра свого віддамъ!

Хома. А ти й повірила!

Стеха. А чому жъ и ні? вона така добренька.

Хома. Дурна ти, дурна! А якъ жé я самъ тобі все добро віддамъ, тоді щó буде? га? Щó ти думаешъ? *(ласкаетъ ее)*. Тото бо и е, дурочка ти безсережна!

Стеха. Щó міні робить, коли я дурочка?

Хома. А то, щó велять. Чуешъ? усе, щó въ мене є, твое.

Стеха. Не треба міні вашого добра; я и безъ нёго була бъ щаслива, якъ-би ви не забули бідної Стехи и тоді, коли зробитесь великимъ паномъ. Я васъ такъ вірно люблю, такъ вбиваюсь за вами, а ви... *(притворно груститъ.)*

Хома. Отъ же и нагадали козі смерть! Зновъ свое. Сказавъ, такъ и зроблю.

Стеха. Чи мало щó люде обіщають, коли імъ припаде нужда?

Хома. Годі не-знать-щó базікать. Піди лишень до Галі та поговори зъ нею хорошенько по-своёму, и коли тее... то завтра и міжъ нами онéе.

Стеха. Казавъ панъ кожухъ дамъ, та й слово ёго тепле. И я тільки гріхъ на душу візьму.

Хома. Який тутъ гріхъ? Дурниця все те!

Стеха. Забожітьця, що женитесь, тоді ій-Богу все зроблю! А безъ мене, кажу вамъ, нічого не буде, ій-Богу!

Хома. Отъ же ій-Богу, далебі!

Стеха. Женитесь?

Хома. Эге!

Стеха. На міні?

Хома. Якъ коржа, такъ коржа! — Якъ спечемо, такъ и дамо. Уже ти міні въ печінкахъ сидишъ зъ своіми витребеньками.

Стеха. Які тутъ витребеньки?

Хома. Ну, добре, добре! тільки слухай. Треба діло сконпо-

нувати такъ, щобъ вона не знала, відъ кого старости; а то—чого доброго — усе́ піде шкереберть.

Стеха. Та вже міні не вчитьця, якъ діломъ повернуть. Наговорю такого дива моій панноцці — що́ твій кобзарь. Старий, скажу, чоловікъ, якъ подумаешъ, усімъ, усімъ лучче відъ молодого. Молодий... та що й казать? нікуди не годитьця, а до того ще докучливий та ревнивий, а старий тихий-тихий и покірний.

Хома. Такъ, такъ! О, ти дівка розумна! Иди жъ до Галі, та гляди — гарненько побалакай зъ нею.

Стеха. А потімъ, чи можна міні буде піти на вечірниці? Я вже зовсімъ упоралась. Пустіть, будте ласкаві, хочъ въ послідній разочокъ.

Хома. У тебе тільки й на думці, що вечірниці. О, вже міні та Мотовилиха!

Стеха. Мотовилиха? Чи не казала вамъ вона, стара наплюга, чого? Що́ жъ, що я зъ козаками танцюю? А якъ ви жартуете зъ молодицями, такъ я й нічого!

Хома. Иди жъ, иди, та покличъ міні Галю, а затимъ сама полагодь рушники.

Стеха. Та вже усе́ напоготові. *(Уходитъ.)*

Хома. Злигався я зъ дяволомъ... *(Оглядывается)*. Що́ жъ? не можна безъ цёго. У такому ділі якъ ни верти, треба або чорта, або жінки. *(Немного помолчавъ)* Чого доброго! ще, може, й мене обдурить, тоді и остався на віки вічні въ дурняхъ. Та ні, лиха матері! Аби бъ тільки ти міні своіми хитрощами помогла породнитьця зъ полковникомъ, а тамъ уже що буде — побачимо. Ишъ ти, мужичка! куди кирпу гне! Стрівай! (*Продолжительное молчаніе.*) Думай собі, голубко, та гадай, що... а воно зовсімъ не такъ буде. Закинь тільки удочку, сама рибка піде. Шутки: — тесть полковника!... А що́ далі — се наше ділo. Аби бъ черезъ порігъ, то ми й за порігъ глянемъ. У якихъ-небудь Черкасахъ, а може у самому Чигирині, гуляй собі зъ полковничою булавою! и слава, и почотъ, и червінці до себе гарбай: все твое. А пуще всёго червінці. Іхъ люде по духу чують; хочъ не показуй, все кланятимутьця... Ха-ха-ха! отъ тобі й сотникъ! Ще въ Брацькімъ, серце мое чуло, що зъ мене буде великий панъ. Було говорю одно, а роблю друге; за се називали мене двулич-

нимъ. Дурні, дурні! Хиба жъ якъ говоримъ про огонь, такъ и лізти въ огонь? або якъ про чорнобриву сироту, такъ и женитьця на ій? Брехня! відъ огня подальшъ. Женись не на чорнихъ бровахъ, не на карихъ очахъ, а на хуторахъ и млинахъ, такъ и будешъ чоловікомъ, а не дурнемъ. (*Входитъ Галя.*)

Галя (*весело.*) Добривечіръ, батюшка! Де це ви такъ довго барились? Ви мене кликали, чи що?

Хома. Та кликавъ, кликавъ. (*Осматриваетъ ее*). Що ти не всі стрічки почіпляла? Та нехай! поки буде и сіхъ. Послухай. Міні треба поговорити зъ тобою объ важнімъ ділі. Ти знаешъ, ми сёгодні старостівъ сподіваемось?

Галя. Сёгодні! на первий день празника,—на самісіньке Різдво?

Хома. Такъ що жъ? Отець Данило, спасибі, розрішивъ. Гляди жъ, не піднеси гарбуза.

Галя. Якъ се можна! Хиба вінъ дуже старий, чи що? Ось послухайте, якої несенітниці наговорила міні Стеха. Сміхъ та й годі!

Хома. А що тобі вона наговорила?

Галя. Каже, буцімъ-то старі... та ні, не скажу, далебі не скажу, бо ка-зна-що! Вона й сама не знае, що говорить.

Хома. Хиба жъ не правда? Старий чоловікъ кращи молодого.

Галя. Та й вона те жъ казала.

Хома. А тобі якъ здаетьця?

Галя. Якъ таки можна? то старий, а то молодий.

Хома. Такъ потвоёму молодий — краще?

Галя. Ото жъ такъ!

Хома. Поміркуй-лишень гарненько, такъ и побачишъ, що батькова правда, а не твоя. Ну, що молодий? Хиба те, що чорні уси? та й тільки жъ. Не вікъ тобі нимъ любоватьця: прийде пора — треба подумати объ чімъ и другімъ. Може, коли захочетьця почоту, поваженія, поклонівъ. Кому жъ се звичайніше? полковниці... се я такъ приміромъ говорю.. а не якій небудь жінці хорунжого; бо у ёго тільки й худоби, тільки й добра, що чорний усъ. Повіръ міні, дочко, на тебе ніхто и дивитьця не захоче.

Галя. Та я й не хочу, щобъ на мене другі дивились.

Хома. Не-знать-що верзешъ ти! Хиба ти думаешъ, що не

обридне цілісінький вікъ дивитьця на тебе одну? Хиба ти одна на Божімъ світі? Е й кращі тебе. Того и гляди, що розлюбить.

Галя. Назаръ? мене? О, ні! ні, ніколи на світі!

Хома. Я й не кажу, що воно справді такъ буде, а такъ, наприкладъ, — щобъ ти тямила, що ми всі на одинъ шталтъ шиті.

Галя. О, ні! не всі! вінъ не такий, вінъ не розлюбить.

Хома. А що жъ? хиба вінъ тобі побожився?

Галя. Атожъ!

Хома. А ти й повірила!

Галя. Я и безъ божби повірила бъ.

Хома. Дурне ти, дурне! Чи знаешъ же ти, що хто багацько обіцае, той нічого не дае? Ой, схаменись та послухай батьківського совіту. Добре, що я вже такий—що́ обіцавъ, те й зроблю. Ну, не дай я тобі приданого, — що́ тоді, га? Пожалуй, вінъ и такъ тебе візьме: мало якихъ дурнівъ нема на світі! та що жъ въ тімъ? Подумай, що́ тоді ти робитимешъ?

Галя. Те, що и всі роблять — заробляла бъ.

Хома. А що́ лучче: чи самій робити, чи дивитися якъ другі на тебе роблять?

Галя. Якъ кому.

Хома. То-то и горе, що ти ще дурне. Я тобі бъ и багацько де-чого сказавъ, та ніколи: того и гляди, що старости на порігъ. А чи есть у тебе рушники?

Галя *(весело.)* Е, е́! Якъ я рада! въ мене серце не на місті! Чи й вамъ такъ весело?

Хома. Весело, дуже весело. Иди жъ та не забудь сказати, що коли прийдуть колядовати, такъ щобъ гнали іхъ у потилицю.

Галя. За́ що жъ? Се жъ діло законне! та воно жъ и разъ тільки въ году!

Хома. А старости разъ на віку.

Галя. Справді, щобъ не помішали... Ще й законної речи не дадуть сповнить. Такъ побіжу жъ я и скажу, щобъ заперли ворота и фіртку. *(Уходитъ.)*

Хома *(ходитъ задумавшись.)* Здаетьця, діло добре йде. Вона думатиме, що Назаръ свата, зъ-дуру и согласитьця; старости не промовляться; вісілля можна одкінути ажъ геть до того тижня; а

черезъ таку годину и нашого брата, мужика, угомонишъ, щобъ не брикався, не то що дівку. Коли бъ тільки який гаспидъ не принісъ того горобця безперого! тоді пиши пропало. Наробить бешкету! *(Съ важностію)* А подумаешъ и те: яке ёму діло до Галі? Се жъ моя дитина, мое добро, слідовательно моя власть, моя и сила надъ нею. Я отець, я царь ій. Та цуръ ёму, пекъ! Се діло ще не таке, щобъ объ ёму довго думати. Не дуже треба плошати, бо береженого Богъ береже, або — якъ тамъ ще кажуть — ривнішъ згладишъ, тіснішъ ляжешъ.

Галя *(вбігаетъ въ восторгѣ.)* Приіхали, приіхали!

Хома *(вздрогнувъ)*. Оце жъ, якъ ти мене злякала! Піди у свою кімнату та прийдешъ, якъ кликну.

Галя. Чого у кімнату? Я тутъ зостанусь, ніхто не побачить.

Хома. Незвичайно: законъ не велить.

Галя. Ну, такъ я піду. *(Уходитъ.)*

(Хома съ важностію садится за столъ. За дверью стучатъ три раза. Входятъ два свата съ хлѣбомъ и, низко кланяясь хозяину, кладутъ хлѣбъ на столъ.)

Свати. Дай, Боже, вечіръ добрий, вельможний пане!

Хома. Добривечіръ и вамъ. *(Даетъ знакъ свату. Тотъ кланяется. Хома шепчетъ ему на ухо и потомъ продолжаетъ):* Добривечіръ, люде добрі! Просимо сідати; будте гостями. А відкіля се васъ Богъ несе? чи здалека, чи, зблизька? Може, ви охотники які? може рибалки, або, може, вольнні козаки?

Сватъ *(тихо покашливаетъ)*. И рибалки и вольнні козаки. Ми люде німецькиі, ідемо зъ землі турецькоі. Разъ дома у нашій землі випала пороша. Я й кажу товаришу: »Що намъ дивитьця на погоду? ходімъ лишень шукати звіриного сліду«. Отъ и пішли. Ходили-ходили, нічого не знайшли. Ажъ гулькъ—назустрічъ намъ іде князь, підніма у гору плечі и говорить намъ такиі речі: »Эй ви, охотники, ловці, молодці! будте ласкаві, покажіте дружбу. Трапилась міні куниця — красна дівиця; не імъ, не пью и не сплю відъ того часу, а все думаю, якъ-би ій достати. Поможіть міні ій піймати; тоді чого душа ваша забажа, усе просіте, усе дамъ: хочъ десять городівъ, або тридевять кладівъ, або чого хочете«. Ну, намъ того й треба. Пішли ми по слідамъ по всімъ городамъ, по усіхъ усюдахъ, и у Німещину, и у Турещину; всі царства й государства пройшли, а все куниці

не знайшли. Отъ ми и кажемо князю: »Щó за диво та звірюка? хиба де кращої нема? Ходімъ другої шукати«. Такъ де тобі! нашъ князь и слухати не хоче. »Де вже«, каже, »я не зъіздивъ, въ якихъ царствахъ, въ якихъ государствахъ, не бувавъ, а такої куниці, сирічъ красної дівиці, не видавъ.« Пішли ми впять по сліду, и якъ разъ у се село зайшли; якъ ёго дражнють, не знаемо. Тутъ впять випала пороша. Ми, ловці-молодці, ну слідить, ну ходить; сёгодні вранці встали и таки на слідъ напали. Певно, що звіръ нашъ пішовъ у двіръ вашъ, а зъ двору въ хату та й сівъ у кімнату; тутъ и мусимо піймати; тутъ застряла наша куниця, въ вашій хаті красная дівиця. Оце жъ нашому слову кінець, а ви дайте ділу вінець. Пробі, оддайте нашому князю куницю, вашу красну дівицю. Кажіть же діломъ, чи оддасте, чи нехай ще підросте?

Хома *(притворно съ сердцемъ.)* Щó за напасть така! Відкіля се ви біду таку накликаете! Галю! чи чуешъ? Галю! порай же, будь ласкава, щó міні робити зъ оціми ловцями-молодцями.

(Галя выходитъ на-средину свѣтлицы, останавливается и, стыдливо потупивъ глаза, перебираетъ пальцами передникъ.)

Хома. Бачите ви, ловці-молодці, чого ви натворили? мене старóго зъ дочкою пристидили!.. Гай-гай! такъ ось же щó ми зробімо: хлібъ святий приймаемо, доброго слова не цураемся, а за те, щобъ ви насъ не лякали, буцімъ ми передержуемо куницю, або красну дівицю, васъ повяжемо. Прийшовъ и нашъ чередъ до ладу слово прикладать. Ну, годі жъ тобі, дочко, посупившись стояти; чи нема въ тебе чимъ сіхъ ловцівъ-молодцівъ повязати? чуешъ бо, Галю? А, може, рушниківъ нема? може, нічого не придбала? Не вміла прясти, не вміла шити — вяжи жъ чимъ знаешъ, — хочъ мотузкомъ, коли ще й вінъ с.

(Галя уходитъ въ свою свѣтлицу и немедленно возвращается, неся на серебряномъ блюдѣ два вышитыя полотенца, и кладетъ на хлѣбъ, принесенный сватами; потомъ подходитъ къ отцу и низко кланяется и цѣлуетъ руку; потомъ беретъ блюдо съ полотенцами и подноситъ сватамъ — сперва одному, потомъ другому. Сваты, взявши полотенца, кланяются Хомѣ.)

Сватъ. Спасибі жъ батькові, що свою дитину рано будивъ и

усякому добру учивъ. Спасибі й тобі, дівко, що рано вставала, тонку пряжу пряла, придане придбала.

(Галя беретъ полотенца и перевязываетъ черезъ плечо одному и другому, потомъ отходитъ и робко поглядываетъ на двери.)

Хома *(къ Галѣ)*. Догадався, догадався! Ти хочешъ и князя звязати. Нехай завтра обое ёго звяжемо. Бачъ, мабуть, злякався, що не показався. Стрівай, попадесся, не втечешъ!

Сватъ. Вінъ и самъ прилетить, якъ зачуе, що такъ похваляетесь.

Хома. Ну, поки вже долетить, намъ нічого ждати. Просимо сідати. Що́ тамъ є, поімо; що́ дадуть, попьемо та побалакаемъ де́-що. А тимъ-часомъ, ти, Галю, не гуляй, въ корці меду наливай та гостямъ піднеси хліба-соли, проси зъ привітомъ и зъ ласкою.

(Сваты чинно садятся за столъ. Галя принимаетъ отъ отца чару и флягу и подноситъ старшему свату. Сватъ не принимаетъ).

Сватъ. Ми вамъ такоі халепи натворили, що боімося, щобъ ви насъ не потруїли... Призволяйтесь сами. (*Кланяется.*)

(Галя, посматривая на отца робко и стыдливо, подноситъ къ губамъ и подаетъ свату.)

Сватъ *(поднявъ чару)*. Тепера такъ! Пошли жъ, Боже, нашимъ молодимъ щастя и багацтва и доброго здоро́вья, щобъ и внуківъ женити и правнуківъ дождати...

(Свата прерываетъ хоръ колядниковъ подъ окнами. Всѣ слушаютъ со вниманіемъ. Хома съ досадою покручиваетъ усы; Галя весело посматриваетъ на окно. Сватъ, впродолженіе колядки, повторяетъ) »Гарно колядують наші козаки«!

КОЛЯДКА.

Бачить же Богъ, бачить Творець,
Що миръ погибае,
Архангола Гаврііла
Въ Назаретъ посилае.
Благовістивъ въ Назареті —
Стала слава у вертепі.
О, прекрасний Вихлиеме!
Отверзи врата Эдема.

Хома *(къ Галѣ, съ сердцемъ.)* Я жъ тобі наказувавъ, щобъ нікого не пускали! Задумалась, забула!

(Входитъ Назаръ съ молодыми козаками).

Назаръ. Дай, Боже, вечіръ добрий! помогай-бі вамъ на все добре!

(Всѣ козаки повторяютъ тоже. Назаръ, не снимая шапки, въ ужасѣ останавливается; посматриваетъ то на гостей, то на Галю. Всѣ молчатъ.)

Хома *(смѣшавшись).* Спасибі, спасибі... Милости просимо. Просимо сідати.

(Молчаніе продолжается. Галя, улыбаясь, украдкой поглядываетъ на Назара.)

Назаръ. Сядемо, сядемо, аби було дé: ми гості непрохані. Може, помішали; дакъ ми и пійдемо, відкіля прийшли. *(Смотритъ на сватовъ.)* Такъ бачъ, черезъ що полковникъ послявъ мене зъ граматами въ Гуляй-Поле! *(Глядя на Галю.)* Весело, весело! наливай швидче горілки, и я випъю за твое здоровъя! Не лякайся, не лякайся, наливай.

(Галя, въ ужасѣ, роняетъ подносъ и флягу.)

Хома *(въ бѣшенствѣ).* Хто сміе знущатьця надъ моею дочкою!

Назаръ. Я! хіба не бачишъ? я, Назаръ Стодоля! той самий, за кого ти вчора обіщавъ видать дочку свою, той самий, якого ти знавъ ще зъ тієї пори, якъ вінъ тебе вирвавъ изпідъ ножа гайдамаки! Згадай ище, що я той самий, хто й самому гетьману не дасть себе на пóсміхъ! Пізнавъ?

Хома. Пізнавъ. *(равнодушно)*: Щó дальшъ?

Галя. Хіба жъ не ти прислявъ?

Хома. Мовчи! геть собі!

Назаръ *(останавливаетъ Галю).* Стрівай, стій тутъ! И тебе обманюютъ?

Хома. Не обманюю, а такъ якъ батько велю. Вона просватана за чигиринського полковника.

Назаръ *(съ презрѣніемъ).* Полковника! Учора була моя, сёгодні полковникова, а завтра чия буде? Чуешъ, Галю?

Галя *(падая на руки Назара).* Чую! О, чомъ міні не позакладало!

Сватъ. Осмілююсь доложить...

Назаръ. Мовчи, поганець, шипотинникy!

Хома. Віддай мінí дочку мою. (*Робко подходитъ къ Назару.*)

Назаръ. Геть, Юда!

Хома (*въ ужасѣ*). Прохоръ, Максимъ, Иванъ, Стехо! Гей, хто тамъ є? Возьміть ёго харцизяку—вінъ убье мене!

Назаръ. Нехай Богъ тебе побье, дітопродавець! (*къ Галѣ*) Галю! серце мое! промовъ мінí хоть одно слово: ти не знала—за кого? скажи: не знала?

Галя (*приходитъ въ себя.*) Не знала, ій-Богу, не знала!

Назаръ (*къ Хомѣ.*) Чи чуешъ ти?

Хома. Не чую; я оглухъ!

Назаръ (*къ гостямъ*). Люде добрі, коли ви не оглухли, такъ послухайте. Вінъ мене називавъ своімъ синомъ, а я ёго своімъ батькомъ, и вінъ се чувъ тоді, а сёгодні оглухъ. Де жъ ёго правда? Чи чесний же вінъ чоловікъ? правдивий, га?

(*Гости молчатъ.*)

Гнатъ (*подходитъ къ Назару*). Вінъ не чоловікъ. Кинь ёго: таке ледащо не стоіть путнёго слова! (*Беретъ ёго за руку*)

Назаръ. Стрівай! ні, вінъ чоловікъ, вінъ називавъ мене синомъ. (*Къ Хомѣ*) Правда?

Хома. Не тобі вчити, якъ мінí кого називати. Я ій батько, а не твій: такъ у моій волі оддать ій за кого схочу.

Назаръ. А якъ жé вона не захоче, тоді що?

Хома. Я заставлю.

Назаръ. Чи можна жъ кого заставить утопитьця або повіситьця? Хиба ти Богъ, що маешъ силу чудеса творить? Хиба ти дяволъ, коли ти не маешъ жалю до рідної своеі дитини? Ти бачишъ, у неі є серце, и ти замість ёго кладешъ камінюку. Слухай: и ти жъ колись бувъ молодимъ, и ти жъ мавъ коли-небудь радість и горе. Скажи, щó чуло, щó казало твое серце, коли тобою кепкували?

Хома. Го-во-ри!..

Назаръ (*въ изступленіи*). Такъ ти глузуешъ надо мною! Хиба я не стопчу тобе якъ жабу? Брехунъ! (*Быстро подходитъ къ нему и хватаетъ его за горло.*)

Галя (*схвативъ руку Назара*). Щó ти робишъ? Убий мене, на, ріжъ.

(*Назаръ молча опускаетъ руки.*)

Хома (*подбѣгаетъ къ сватамъ*). Ви бачили? хотівъ мене задушити!

(*Сваты молчатъ*).

Гнатъ (*къ Назару*). Ми не такъ росплатимося иншимъ часомъ. Ходімъ зъ сёго базарю.

Назаръ. Не піду! мене відсіль ноги не винесуть.

Гнатъ. Ну, такъ торгуйсь. Може дешевше уступлять.

Галя. Боже мій, Боже мій! вони знущаютця надо мною!

Хома. Не знущаютьця, а торгуютьця.

Гнатъ. Годі, брате; ходімъ: ми опізнились.

Назаръ. Стрівай, не опізнились. (*Подходитъ къ Хомѣ*). Прости мене, я згарячу забувся. Ти добрий чоловікъ. Прости, або заріжъ мене, тільки не кажи, що вона не моя, не кажи! Дивись: я гетьману ніколи не кланявсь. (*Падаетъ на колѣни*). Для спасения своеі душі, коли у тебе у серці є Богъ, для угоди всіхъ святихъ, коли ти віруешъ у кого, для спасения твоеі дитини, коли вона тобі мила, зглянься на мене! Нехай старости зъ своімъ хлібомъ йдуть до-дому. Христомъ Богомъ молю, не занапасти ii, бідноі! Кращоі ii нема; за́ що ти хочешъ ii убити? На́ голову мою! возьми ii, розбий обухомъ, — не треба міні ii: тільки дай доцці своій ще пожити на світі, не заідай ii віку, вона не винована!

(*Хома дрожа посматриваетъ на гостей*).

Гнатъ (*быстро подбѣгаетъ къ Назару*). Кого ти просишъ? кому кланяесся? передъ икмъ падаешъ? Я на тебе після сёго й дивитьця не хочу; прощай!.. Кланяетьця дяволу! Вінъ тебе кипячою смолою напоіть! (*Хочетъ идти.*)

Назаръ (*удерживаетъ его*). Постій, дай ще слово скажу.

Галя (*обнимая ноги отца*). Ви покійній матері, якъ вона умирала, біля домовини обіщали мене видать за Назара. Що́ жъ ви робите? чімъ я васъ прогнівила? за́ що мене хочете убить? Хиба жъ я не дочка ваша? (*Заливается слезами.*)

Назаръ. Камінь! залізо! ти огню хочешъ! Буде огонь, буде! для тебе все пекло визову... ти жди мене. (*Галѣ*) Бідна, бідна! въ тебе нема батька, въ тебе катъ есть, а не батько! Бідненька, серденько мое, пташечко моя безприютна! (*Цѣлуетъ ее.*) А я ще біднійшій тебе: у мене й ката нема, нікому и зарізати! Прощай, мое серце, прощай! не забаримось побачитьця. (*Галя безмолвная*

падаетъ на руки Назара. Онъ цѣлуетъ; Хома силится вырвать ее. Назаръ отталкиваетъ его и снова цѣлуетъ Галю.)

Назаръ (*къ сватамъ*). Роскажіть полковнику, що́ бачили и що́ чули. Скажіть, що ёго молода при вашихъ очахъ цілувалась зо мною. (*Галя обнимаетъ его и цѣлуетъ*). Бачите, бачите! Прощай же, мое серце, моя голубочко! (*Цѣлуетъ ее*). Я знаю, що́ міні робить. Я знайду правду. Прощай! вернусь, сподівайся.

(*Галя падаетъ безъ чувствъ. Назаръ, закривъ лицо руками, удаляется. Гнатъ и козаки за нимъ. Хома и сваты подбѣгаютъ къ Галѣ.*)

АКТЪ ВТОРОЙ.

Внутренность простой хати, опрятно убранной. На столѣ горятъ свѣчи. Хозяйка прибираетъ около печки.

Хозяйка. Господи, Господи! якъ подумаешъ, коли ще ми дівували, зачуешъ де-небудь вечорниці, такъ ажъ тини трещать; а теперъ... отъ, скоро и трейті півні заспівають, а вечерниці ще й не зачинались. Нехай воно хочъ и свято, звісно—колядують, а все таки часъ би. Ні, що́ ни кажи, а світъ перемінився. Хоть би и Запорозці... ну, які вони Запорозці? Тьфу на іхъ хисть та й годі! Чи такі були попереду? Якъ налетять було зъ своеі Січи, такъ що́ твоі орли-соколи! Було якъ схопить тебе котрий, такъ до землі не допустить, такъ и носить... Ой-ой-ой! куди то все дівалось?.

(*Покачавши грустно головой, поетъ*)

Зоря зъ місяцемъ надъ долиною
Пострічалася;
Дожидалася до білоі зорі,
Не діждалася;
Я додому прийшла, гірко плакала,
Не молилася, —
Нерозумная, неутішная,
Положилася.
Ой не спала жъ я, все верзлась міні
Нічка темная,
И вишневий садъ, очі карії,
Брови чорнії.
На зорі-зорі я прочнулася

И сказала такъ:
За Дунай-ріку чорнобривий твій
На гнідімъ коні
Политівъ орломъ!.. Я все плакала,
Все сміялася.
И додому козаки, зза Дунай-ріки,
Завертались:
На вернувся мій... молоді літа
За що трачу я?
Зоря зъ місяцемъ пострічалася —
И заплачу я.

Точнісінько моя доля! иначе сю пісню про мене зложили. Де моі молоді літа? и сліду нема, мовъ поверхъ води поплили. *(Помолчавъ.)* Що́ жъ се справді ніхто не йде? А вже міні ся навіжена Стеха! пішла за дівками, та десь и застряла съ козаками. Извела жъ іхъ нечиста мати докупи! Нехай би сей Кічатий бувъ парубокъ, а тожъ уже старий чоловікъ... Не взявъ бы вінъ собі въ клюшниці не молоду, а розумну, вірну, дотепну до всякого діла та стареньку! а то... якъ та дзиґа, такъ и сную. Якъ-то вінъ дочку свою ще пристроіть? Бачъ, у полковниці лізе! Чи довго жъ то вона буде любоватися ёго лисиною замісь ясного місяця? Охъ, охъ! старі, старі! сидіть би вамъ тілько на печі та жувать калачі; такъ ні, давай имъ жінку, та ще молоду. Якъ же бакъ, чи не такъ!.. Отъ Стодоля молодець! я ёго знаю, вінъ протопче стежку черезъ полковничий садокъ. Та й дурний би бувъ, колибъ не протоптавъ. Про себе скажу, що... тее... хтось иде!... Заразъ, заразъ! Насилу! *(Отворяетъ дверь).*

(Входятъ Назаръ и Игнатъ).

Хозяйка. Святъ, святъ, святъ! Відкіля се, якою дорогою, якимъ вітромъ, якимъ шляхомъ занесло васъ у мою хату?

Гнатъ. Не питайся, голубко, стара будешъ, хочъ се, признатьця, и не пристало твоій пиці. Чого жъ ти такъ насупилась?

Хозяйка. Сідайте, будте ласкаві, сідайте!

Гнатъ. Ну, годі жъ, не сердься. Мало чого зъ язика не спливе! Не вже треба переймать, що́ поверхъ води пливе? У тебе сёгодні вечорниці?

Хозяйка. Хиба жъ наші вечорниці для васъ? Ви такъ тілько прийшли—посміятьця.

Гнатъ. Такъ-таки и посміемося, коли буде весело.

Хозяйка (*глядя на Назара*). Буде весело, та не всімъ.

Гнатъ. Ну, се вже опісля побачимо. А коли—ке́ намъ чого-небудь такого, для чого чарки роблять, та й зубамъ пошукай роботи. Проклятий скряга и повечеряти не давъ. Ну, чого жъ ти ротъ роззявила? мерщій!

Хозяйка. Заразъ. *(Отходя)*. Бідненький Назаръ! *(Достаетъ съ полки фляну съ виномъ и закуску и ставитъ на столъ)*. *(Назаръ печально смотритъ на Игната)*.

Гнатъ *(къ хозяйкѣ)*. Теперъ же знаешъ що? візьми мітлу та мети, виясни хорошенько місяць: бачъ, якъ насупило! А ми тимъ часомъ побалакаемъ, що́ треба.

Хозяйка. Що се, Богъ зъ вами! хиба я відьма?

Гнатъ. Я такъ, навманя сказавъ. Заткни пальці въ уха. Чи второпала?

Хозяйка. А!... ви хочете нишкомъ побалакати. Добре, я піду по Стеху. *(Надѣваетъ свиту и уходитъ)*.

Гнатъ *(посмотрѣвъ ей вслѣдъ)*. Пішла. Ну, що́ жъ дивисся на мене, мовъ не пізнаешъ?

Назаръ. Теперъ би й рідного батька не пізнавъ.

Гнатъ. Розумні люде усе такъ роблять: и въ хоромахъ, якъ у хаті мужикъ. *(Наливаетъ рюмку и подноситъ)*. Не хочешъ? якъ хочешъ! а я совітувавъ би чарочку - другу Адамовихъ слізокъ, якъ казавъ було отець экономъ. Не забувъ Братський манастиръ?

Назаръ. Ні, скажи лучче, на що ти мене повівъ сюди?

Гнатъ. На те, щобъ побалакати зъ тобою, якъ зъ козакомъ, а не зъ бабою. За козацьку волю и розумъ! *(Выпиваетъ)*.

Назаръ. Щасливий ти чоловікъ!

Гнатъ. Ти щасливіший мене.

Назаръ. О, якъ би ти посидівъ у моій шкурі! Ходімъ, Игнате, міні тутъ душно.

Гнатъ. Стрівай, ще рано. Подивимся, якъ люде добрі веселяться, та посовітуемся, куди йти.

Назаръ. Міні одно, куди ни поведешъ.

Гнатъ. Ти впять баба. Чи пристали жъ козаку такі речі?

Назаръ. Гірко міні, Гнате! ти сміесся, а въ мене печінки верне. Хиба жъ мое горе смішить тебе?

Гнатъ. Смішить.

Назаръ. А я думавъ—ти добрий чоловікъ.

Гнатъ. А я думавъ—ти козакъ, а ти, бачу́, баба. Ну, скажи міні, чого ти дуріешъ? де твій розумъ? Чи сто́іть же жінка, хочъ-би вона була дочка німецького цезаря, чи сто́іть вона такого дорогого добра,якъ чоловічий розумъ?

Назаръ. Стоіть.

Гнатъ. Брехня! Ти знаешъ, въ яку ціну поставивъ царь Соломонъ золотий плугъ. Вінъ каже, що при нужді шматокъ хліба дорожче золота. А я скажу: чарка горілки козаку милійша усіхъ жінокъ на світі.

Назаръ. Ти мене, Игнате, морочишъ, а міні теперь треба щирого друга.

Гнатъ. Добре. Я вінъ и есть, бо кажу правду. А коли хочешъ, то й брехать почну для тебе. Все, що́ хочешъ.

Назаръ. Не смійся, а діломъ кажи, що́ робитъ міні. Тобі можна и говорить и думать.

Гнатъ. Ось-що. Першъ усёго, випий горілки. Вона и безъ мене наведе тебе на розумъ. *(Наливаетъ рюмку.)* Чи не забувъ ще ти, якъ розумно росужда латинський віршникъ... якъ пакъ ёго... ну той, за якого мене въ Брацтві випарили різками, якъ отець ректоръ піймавъ у мене за халявою ёго мудрі вірші. Вінъ каже: «Дурниця все, опрічъ горілки, а иноді и жінка підъ руку». Оце такъ! *(Выпиваетъ).*

Назаръ (*презрительно*). Бідний ти сердечний чоловікъ! Я думавъ, що въ тебе хочъ крихта е добра́, а въ тебе нема й того, що́ мае й скотина. О, якъ-би ти змігъ заглянуть сюди *(указываетъ на сердце)*, куди самъ Богъ не загляда! Та ні! може, ти тільки морочишъ мене; може, ти тільки такъ кажешъ. Другъ ти мій добрий, вірний мій, ти жъ таки плакавъ коли-небудь: плачъ зо мною теперъ; хочъ прикинься та плачъ. Не мучъ мене: въ мене відъ горя серце рветься! Нехай вже ті сміються, що живуть у пеклі: імъ любо; а ти жъ таки чоловікъ. *(Съ участіемъ смотритъ на него).*

Гнатъ. Такъ, я чоловікъ; а ти й справді баба, ще разъ тобі скажу: ка́-зна зачимъ вбиваесся.

Назаръ. Нема у тебе серця, камінь ти!

Гнатъ. Якъ хочешъ, такъ и думай, а я нещасніший одъ тебе, нещасніший одъ твоеі собаки: вона лащитця до тебе, а ти ii кохаешъ; а я?.. И я дурний, колись любивъ и къ гадинамъ

жінкамъ ласкався, рыдавъ гарячими слізами, радъ бувъ и жизнь оддать за нихъ... и щó изъ того? чи хочешъ знати?

Назаръ. Не треба, не хочу, не говори! у тебе нема Бога въ серці.

Гнатъ. А бувъ колись, та мохомъ серце обросло, якъ той гнилий нікчемний пень дубовий. Прийде и твоя пора, все згадаешъ. *(Ласково)* Годі жъ тобі, годі! не дивись такъ хмарно: далебі не полегша. Дурниця все и товариство, и любовъ, — цуръ імъ! нема іхъ на світі. Одні дурні и діти вірять латинськимъ віршамъ. А лучче поговоримъ о долі, а тимъ часомъ налетять сороки чорноброві, випьемъ, пожартуемъ, и віръ мині — вся дуръ изъ голови вилетить. Я се знаю: мене лихо навчило.

Назаръ *(вставая изза стола)*. Та и я извідавъ горе, та нічому не навчився; тебе жъ не хочу слухать: ти злійший дявола. *(Хочетъ идти)*.

Гнатъ. Куди жъ ти?

Назаръ. Зъ тобою холодно, піду у пекло погрітьця.

Гнатъ. Стрівай, ти самъ не знайдешъ. Я шляхъ тобі покажу.

Назаръ. Найду й самъ.

Гнатъ *(удерживаетъ его)*. Ти и справді хочешъ ити? Скаженний, ти зъ глузду зъіхавъ!

Назаръ. Я нікому не дамъ себе въ обіду, и дурного совіту не послухаю. Пусти мене.

Гнатъ. Насилу прочунявся. Та куди жъ ти, навіженний?

Назаръ. *(вспыльчиво)*. Мовчи, а то тутъ тобі и аминь.

Гнатъ *(не выпуская руки Назара)*. Такъ и я зумію, та щó потімъ? Зъ холоднимъ мертвецемъ у домовину?

Назаръ. Хоть до чорта у пекло! Пусти мене, я піду у Чигиринъ до полковника.

Гнатъ. Чого?

Назаръ. Убью ёго!

Гнатъ. А якъ не вбьешъ, тоді щó? чи не мусишъ ублагать ёго відкинутьця відъ Галі? га?

Назаръ. Такъ, чи не такъ, а я пійду.

Гнатъ. До дявола въ гості! Чи не лучче жъ, замісць пузатого полковника, обняти тонкий та гнучкий станъ Галі? Не

хмурся та послухай, та роби такъ, якъ я тобі скажу, бо ти сёгодні нічого путнёго не видумаешъ.

Назаръ. Щó дальше?

Игнатъ *(осматриваясь)*. Чи глухі тутъ стіни? *(Въ полголоса)* Украдьмо Галю, отъ и все. Чи добре?

Назаръ *(немного помолчавъ, жметъ руку Гната)*. Прости мене...

Гнатъ. Ну, щó ще?

Назаръ. Ти певний другъ!

Гнатъ. Ну, объ сёму послі. Кажи, такъ, чи не такъ?

Назаръ. Такъ! Я ввесь твій: говори, приказуй.

Гнатъ. Слухай же. Вона, звісно, виходила до тебе коли-небудь пізно вечоромъ у садокъ, хоть, може, й не одна?

Назаръ. Зъ клюшницею.

Гнатъ. Суща коханка! Чи не завалявсь у тебе въ кишені який червінець?

Назаръ. Два.

Гнатъ. Ще лучче. Се жъ буде клю́шниці на сережки, а плахту на словахъ обіщай. Тільки домовся зъ нею такъ, щобъ вона про мене не знала, бо жінки наголо всі цокотухи: не для іхъ вигадано слово *мовчати*; до того ще й дорожче запросить.

Назаръ. Нічого не пожалую, усе віддамъ, що въ мене е́. Де тілько клюшницю побачу?

Гнатъ. Вона буде тутъ. Адже ти чувъ, якъ ласка хазяйка Стеху, за те що довго баритьця? Гляди жъ, зробишъ тутъ усе якъ треба, а я дожидатиму васъ крій староі корчми зъ тройкою добрихъ воронихъ. Знаешъ, за садкомъ, на старій дорозі?

Назаръ. Знаю.

Гнатъ. Сю корчму и днемъ люде христючись обходять, а вночі ніхто не посміе; такъ кращого місця нічого й шукати; тільки по́райтесь моторнішъ.

Назаръ. А якъ вона не захоче, — щó тоді?

Гнатъ. Хто? клюшниця, чи...

Назаръ. Та й та, й друга.

Гнатъ. Захочуть обидві, тілько ти зумій согласити. Клюшниця за червінця пійде колядовать хоть до самого сатани; а Галя въ одній сороцці пійде за тобою на край світа; а якъ се дуже далеко, такъ ти спровадь ii на Запоріжже, а тамъ и самъ геть-

манъ не більшій одъ чабана. Адже ти не виписувавсь изъ Запорозцівъ?

Назаръ. Ні.

Гнатъ. Такъ якого жъ злидня ще хотіть? А хто пакъ у тебе куріннимъ отаманомъ?

Назаръ. Сокорина.

Гнатъ. Знаю! о, голінний, завзятий чоловікъ! въ кірці води дявола утопить, не то-що въ Дніпрі. А! здаетьця, хтось иде.

Назаръ. О, якъ-би твое, брате, слово та Богу въ уха!

Гнатъ. Нема нічого на світі легше: тільки повеселій, будь козакомъ. Мовчи (*Громко*) Ну, випьемо жъ чарочку за шинкарочку. (*Пьютъ.*)

Хозяйка. Якъ же я утомилась! на силу найшла ії прокляту Стеху!

Гнатъ. А що́, змахнула пилъ зъ місяця?

Хозяйка. Смійтесь, а воно и справді погода утихомирилась.

Гнатъ. Оце жъ тобі за труди. (*Подаетъ чарку.*)

Хозяйка. Цуръ ёму, якъ я втомилась!.. Ні, спасибі, не підъ силу.. Хиба вже для васъ. (*Пробуетъ понемножку. Гнатъ знаками проситъ. Она, въ притворствѣ усилій и кривляній, выпиваетъ, а остальныя капли хлещетъ въ потолокъ.*) Щобъ вороги мовчали й сусіде не знали! (*Отдаетъ чарку.*)

Гнатъ (*подноситъ Назару; тотъ отказывается знакомъ*). Не хочешъ—якъ хочешъ. А міні здаетьця, що и на світі нема такого горя, якого бъ не можна було утопити въ чарці горілки. Чарка, друга и—чорта у воду. Такъ, Катерино?

Хозяйка. Якъ кому иншому, то й кварта не поможе.

Гнатъ (*Назару*). А ти справді не будешъ пить?

Назаръ. Не буду.

Гнатъ. Вольному воля, а спасеному рай. За твое жъ здоровья! (*Выпиваетъ.*) Праведно співаетьця въ тій пісні, що каже, колибъ мужику не жінка, не знавъ би вінъ скуки, колибъ не горілка, де дівать би муки? Такъ у горілку ії прокляту, у горілку! Розумний чоловікъ тебе видумавъ, такъ! (*Къ Назару*) Та на тебе бридко й дивитьця. Ну, ще жъ одну та й годі вже. (*Наливаетъ.*) Чи втямки тобі, якъ ми втікали зъ Брацького на Запоріжже та на дорозі зустріли одну чорнобривеньку, и ти чуть-чуть бувъ не промінявъ запорозькоі волі на ії чорні брови? Бачъ?

ти забувъ; а я, такъ все запрошедше знаю, та й що́ буде, одгадаю.

Стеха *(вбігаетъ второпяхъ)*. Охъ моя матюнко, якъ утомилась! Шуточки? оббігала усі усюди! (*Осматриваясь:*) Ахъ, Боже мій! я и не бачу. Добривечіръ вамъ! Отъ, вже й не думала, й не гадала! Спасибі, спасибі! не погнушались нашихъ слобідськихъ вечірниць. Такъ уже й не здивуйте: у насъ усе аби-якъ: не те що у васъ у Чигирині.

Гнатъ. Та у васъ ще краще.

Стеха. Годі бо вамъ сміятьця.

Хозяйка. Чи прийде жъ хто?

Стеха. Якъ же? усі прийдуть.

(Гнатъ беретъ за руку хозяйку и отводитъ всторону. Назаръ встаетъ изза стола и подходитъ къ Стехѣ).

Гнатъ (*къ хозяйкѣ*). У мене щось голова розболілась; піду подивлюсь, який місяць. Чуешъ? а про кобзаря, мабуть, и забули. Збігай лишень. Безъ ёго и гульня не гульня.

Хозяйка. Стехо! ти звала Кирика?

Стеха. Моя матюночко! и забула. Я заразъ збігаю.

Гнатъ. Впять де нібудь застрянешъ... Збигай лучче сама.

Хозяйка. Добре. (*Хозяйка и Гнатъ уходятъ.*)

Назаръ *(беретъ за руку Стеху)*. У мене е прозьба до тебе, Стехо.

Стеха. Знаю, знаю, яка прозьба: — сказать панноцці, щобъ вийшла до васъ, якъ панъ засне; та теперъ тільки не те вже, що перше було. Адже ви сами знаете, що́ незабаромъ зробилось.

Назаръ. Се не помішае; міні тільки одно словечко сказати. (*Даетъ ей червонецъ*), На тобі; ще й плахта буде, коли услужишъ.

Стеха (*принимаетъ червонецъ*). Не придумаю, якъ би се зробити. Лиха година те, що старий цілісіньку нічъ очей не заплющить. Сердешна панночка! а якъ я плакала, якъ просила! ні, таки на своймъ поставивъ старий сатана.

Назаръ. Такъ ти зробишъ? дожидати?

Стеха. Зроблю, зроблю, тільки...

Назаръ. Не бійсь! більшъ копи лиха не буде. А коли хочешъ, такъ и ти зъ нами. Ну-лишень, чкурнемъ.

Стеха. Куди зъ вами?

Назаръ. Туди, де лучче жити, де будешъ ти паніею, а не клюшницею: чи второпала?

Стеха. Глядіть, чи не дурите ви мене? Исправді думають, що якъ вони багаті, такъ усе и іхъ.

Гнатъ (*за сценой*). Катре, Катре! а погледи, що́ се на місяці?

Голосъ хозяйки. Хиба не знаете? братъ брата на вила піднявъ.

Гнатъ. Якъ же се? Далебі я не чувъ.

Хозяйка. Нехай у хаті роскажу, я змерзла.

(*Впродолженіе этого разговора Назаръ объясняется со Стехой знаками и шопотомъ. Стеха дѣлаетъ утвердительный знакъ и отходитъ. Входятъ Гнатъ и хозяйка*).

Стеха. А хиба жъ ви сёго не знаете?

Гнатъ. Або забувъ, або и зовсімъ не знавъ; не згадаю.

Стеха. Такъ ось бачите, якъ воно. Якъ Христа дочитались, старшій братъ на великъ-день, коли ще добрі люде на утрені стояли, пішовъ підкинуть воламъ сіна, та замісць сіна проткнувъ вилами свого меншого брата: такъ іхъ Богъ такъ и поставивъ укупці на місяці, на видъ усёму хрищеному миру, щобъ бачили, що и скотині гріхъ исти у такій великій празникъ, поки пасокъ не посвятять, а не то що людямъ.

Хозяйка (*насмѣшливо*). Ачъ якъ мудро прочитала!

Гнатъ. Чудо не дівка! розумна и красива. (*Обнимаетъ Стеху.*)

Стеха (*притворно*). Що́ се, які справді безстидні оці городські козаки! усе бъ імъ знущатьця надъ нами та й тільки. (*Гнатъ цѣлуетъ ее.*) Ну! отъ ище видумали що! ниначе се звичайно! Пустіть, далебі закричу.

(*Съ шумомъ входятъ козаки и дѣвушки.*)

Въ толпѣ. Ай да Стеха! Отъ моторна: и тутъ успіла. А старий Кичатий!...

Стеха (*вырываясь*). Ну, що́? поживились? Не бійсь, таки не довелось поцілувати. Хто тамъ горло дере, що успіла? Вони тільки такъ, нічого не зробили.

Гнатъ (*къ козакамъ*). Ну, хто у васъ отаманъ? Чи есть музики?

Голоса. И кобзарь и музики.

Гнатъ. А останне: випить и закусити?

Голоса. Якъ безъ сёго? Усе е.

Гнатъ. А, та й бравні жъ молодці! шо́ твоі Чигиринці. (*Къ дѣвушкамъ*) Котора жъ изъ васъ піде зо мною танцювати?

Голоса. Пропустіть, пропустіть—музики йдуть.

(*Входятъ музыканты-жиды. Впереди слѣпой старикъ съ кобзою. Дѣвушки и козаки въ безпорядкѣ разступаются. Впродолженіе суматохи Назаръ разговариваетъ съ Гнатомъ.*)

Гнатъ. Будь бо веселішній, не показуй виду. Стеха зуміе одкараскатьця одъ нихъ, тільки намъ зъ тобою треба попереду утікати. Я, пожалуй, хочъ и заразъ піду, а ти зостанься тутъ поки, — такъ, для виду. Та чуешъ: не дуже довго женихайся, а мерщій въ корчму; я тамъ буду.

Назаръ. Добре, тільки и ти проворніше.

Гнатъ. За мене не бійсь. Дивись, старні знакомні! Кузьма, якимъ се побитомъ тутъ опинились?

Одинъ изъ козаковъ. Зъ хуторівъ до церкви, а вечірниці по духу чуемо.

Гнатъ. Молодці! А ви, жидова, якъ сюди зайшли?

Жидъ. А такъ, сляхомъ. У Чигирині нема заробітку, а ми процули, сцо у пана Кицатого весілля буде, такъ и прийсли сюди.

Гнатъ (*всторону*). Жидівське ухо! (*Громко*) А нуте жъ! учистьте запорозького козачка. (*Къ козакамъ*) А зъ васъ хто бойчішній? ударь, я подивлюсь, чи такъ, якъ у насъ бувало на Запорожжі. (*Тихо Назару*) Годі, не дурій. Я жъ кажу, усе буде добре.

Назаръ. Чи буде, чи ні, тільки зділай милость, не бався тутъ, иди швидче.

Гнатъ. Поспіемо ще зъ козами на торгъ. Не показуйся, будь ласкавъ, такимъ сумнимъ: все зопсуешъ. Подивимся козачка та й годі.

(*Удаляются въ глубину и разговариваютъ между собою. Музыканты заиграли. Одинъ козакъ выскакиваетъ изъ толпы и пляшетъ козачокъ. Гнатъ и Назаръ любуются*).

Гнатъ. Ай да молодець! отъ жвавий! що́ твій Запорожець! (*Танецъ кончается.*) Ну, веселітеся жъ, люде добрі, гуляйте, хлопці, а намъ уже годі, пора іхать: до Чигирина не близько, а

до світу треба буть тамъ. Прощайте, козаки! прощайте, дівчата! прощай, хазяйко! А де жъ та... Кічатого? *(Стеха прячется между козаками. Гнатъ, поймавъ ее, цьлуетъ.)* Прощай, сердечко мое, моя розумниця, моя красавиця! прощай!

Стеха (*вырываясь*). Ай-ай-ай! закричу, ій же то Богу, закричу.

(Назаръ и Гнатъ уходятъ. Хозяйка провожаетъ ихъ.)

Стеха (*охорашиваясь*). Щó за народъ такий сі козаки! усе бъ імъ цілуватьця. Ниначе й помоглось. *(Къ хозяйкѣ)* Тітко, тітко! а нумо ми зъ тобою. (*Пляшетъ и поетъ*:)

Черезъ гору піду,
Скриюсь за горою...
На біду,
Де піду,
Козаки за мною.

Той почне говорить,
Той сережки сулить.
Кого знаю,
Привітаю,
Хто сережки дарить.

Ахъ, сережки моі,
Моі золотиі!
Сердітеся,
Дивітеся,
Вороги лихиі!

Хозяйка (*вырываясь*). Охъ, моі зозуленьки! по старісті літъ міні бъ и не подобало.

(Стеха между тѣмъ шалитъ съ козаками, хватая за руку молодого козака и вертясь приплясываетъ.)

Хозяйка. Оце, яка жартовлива! Та перестанешъ ти, чи ні?

Стеха *(пляшетъ и поетъ:)*

Тра-ла-ла, тра-ла-ла,
На базарі була,
Черевички купила,
Три червінці дала,
А четвертий пропила
И музику наняла.

Що жъ ви, родимець би васъ вбивъ! тільки дурно гроші берете? Кусокъ би вамъ сала, а не грошей. *(Въ толпѣ хохотъ.)*

А де жъ нашъ Кирикъ? сюди ёго! вінъ одинъ лучче усіхъ ціхъ голодранцівъ. (*Выходитъ кобзарь.*) Ось вінъ, мій голубчикъ. Ну лишень яку-небудь пісеньку съ приговорками, або казочку страховиночку, щобъ цілу нічъ не заснулось.

Кобзарь. Добре, добре. Хочешъ казочку, хочешъ пісеньку, що́ любишъ.

Голоса. Казку! казку!

Другіе. Ні, пісню, та таку, щобъ жижки затрусились. Ми ще не танцювали.

Первые голоса (*и съ ними Стеха паче всѣхъ*). Натанцюетесь ище, поки до третіхъ.

Стеха. До півнівъ ще не трохи. Казку! (*къ хозяйкѣ:*) Казку, тітко?

Хозяйка. Звісно, казку, поки ще не такъ пізно; а опісля и слухать страшно буде.

Кобзарь. Коли казку, такъ казку; міні все одно.

Въ толпѣ. Перещебетала-таки цокотуха.

Другой голосъ. Ачъ яка!

Стеха! А що, га? таки перещебетала!

(*Кобзарь садится на скамейку. Кругомъ него съ шумомъ и хохотомъ толпятся въ безпорядкѣ козаки и дѣвушки.*)

Стеха (*подноситъ кобзарю рюмку вина*). Випий, дідýсю, для смілості.

Кобзарь (*выпивши*). Спасибі тобі, дівко! (*Прокашлявшись*) Слухать — що істи, въ горшку не бовтати, усівъ не марати, словъ не пропускать, другимъ не мішать.

(*Общій легкій шопотъ и смѣхъ.*)

Стеха. Послухаю, послухаю, чи есть же така страховина, щобъ я злякалась.

Голосъ. Чуешъ ти? коли не будешъ мовчать, такъ геть собі.

Другой. А то виженемъ.

Стеха. А хто бъ посмівъ! Сотникъ васъ усіхъ перевішае.

Голосъ. Дзусъ ёму мурому! Гляди, щобъ на одній осичині не повісили тебе зъ сотникомъ.

Хозяйка. Та замовчіть же, Бога ради! (*Къ кобзарю*) Кажи, дідусю, кажи; іхъ не переслухаешъ.

Кобзарь (*прокашлявшись*). У Венгерській стороні, у Цесарцівъ, за Шляхетською землею, стоіть гора висока; а въ тій горі

нора глибока; въ норі сидить не звіръ, не птиця — турецька цариця. Сидить вона сто тисячъ літъ, не молодіе, не старіе, а тілько де-далі зліе; ість вона отъ східъ до західъ сонця — не хлібъ печений, не курей и не яку-небудь людську страву, а трощить маленькихъ дітей, за те, що, коли ще вона була у Турещині важкою, такъ ій сказавъ арменський знахарь, що вона родить дочку и дочка та буде, якъ підросте, въ тисячу разъ кращс ії. Отъ вона, справді якъ родила дочку, такъ заразъ и ззіла ії, та зъ того часу сидить у норі и невгаваючи усе ість дітей; не розбера, хоть хрещені вони, а хоть нехрещені, ість усіхъ, ість тобі всіхъ та й годі, — и дівчатокъ, и хлопчиківъ...

Стеха (*быстро*). И хлопчиківъ! ахъ, вона триклята баба! Щастя ії, що я не знаю тіеі гори.

Голосъ. А що́ бъ ти зробила?

Стеха. Що? задушила бъ.

Голосъ. Куди тобі, погане!

Другой. Ти й за двері сама боісся вийти.

Стеха. Хто, я?

Въ толпѣ. Та не мішай же слухать. Не хто жъ більшъ, ти!

Стеха. Я боюсь? Хочешъ, заразъ піду на гробовище? а коли хочете, такъ у стару корчму, що́ на старому шляху.

Въ толпѣ. Прудка дуже! за порігъ не вийдешъ, умрешъ.

Стеха. Я вмру! що́ ставишъ?

Въ толпѣ. Моі музиканти на всю́; а ти?

Стеха. Півведра сливянки, три куски сала и паляниця.

Въ толпѣ. Добре! тількн щобъ, знаешъ, сливянка була зъ панського лёху.

Стеха. Та вже де ни візьму, до сёго вамъ діла нема, а поставлю. Де мій байбаракъ? (*Надѣваетъ верхнее платье*). Гляди жъ, не цурайся слова. (*Кобзарю*) Якъ я вернусь, такъ тоді докажешъ, дідусю; ато я и ни хочу. (*Уходитъ.*)

Кобзарь. Добре.

Въ толпѣ. А щобъ повірили, такъ принеси цеглинку або кахлю зъ груби, або що́ хочешъ, тількн зъ корчми.

Стеха (*за сценою*). Добре, добре.

Голоса. Отъ дівка голінна, такъ такъ!

Другой. Чуприну ій та уси, тоді хочъ у пекло...

Третій. Такъ подумають, що козакъ.

Хозяйка. Вже козирь-дівка, не вамъ рівня. Отъ же й піде; тоді плати.

Голосъ. Або сливянку пий, а саломъ и паляницею закусуй.

Хозяйка. Побачимъ, побачимъ, чія візьме. Чого сидіти? щобъ не даромъ музикамъ платить, ну лишъ потанцюемъ лучче. А ну, вдарте, та не пожидівський, а понашому.

(Толпа въ безпорядкѣ разступается. Козакъ съ дѣвушкою выходитъ танцовать. Музыканты заиграли, и пляска началась. Занавѣсъ тихо опускается.)

АКТЪ ТРЕТІЙ.

Внутренность развалинъ корчмы. Стѣны безъ потолка и нѣсколько уцѣлѣвшихъ стропилъ. Все занесено снѣгомъ и освѣщено луною. Нѣсколько минутъ молчанія. Вдали слышна пѣсня: потомъ ближе, ближе, и является Стеха, робко припѣвая: »Ахъ сережки...«! Она останавливается у развалившейся печи и съ робостію осматривается кругомъ.

Стеха. Якъ страшно! Де жъ вони? И коней тожъ невидно. Чи не махнули вони собі? То-то буде добре! За два червінці продать свое щастя.. (*Осматриваетъ слѣды*). Ні, опрічъ моіхъ, нічиіхъ не видко слідівъ. Що, якъ вони обманили та другимъ шляхомъ ..? отъ тобі й сотничка! Побіжу мерщій додому, чи не подіялось чого тамъ. Роскажуть, що я помогла, — тоді усе пропало. *(Поспѣшно возвращается.)*

(Навстрѣчу ей Назаръ несетъ на рукахъ Галю.)

Стеха. Се ви? А тутъ такъ страшно... Чи не случилось чого?

Назаръ (*опустивъ Галю*). Нічого не бійсь. А коні тутъ?

Стеха. Ні, я не бачила.

Назаръ. Збігай подивись, и якъ нема, то біжи мерщій у слободу, чи не зустрінешъ на дорозі.

Галя. Стехо! чому жъ ти не йдешъ? Біжи жъ скорішъ; батюшка прокинетця! біжи бо!

Стеха. Заразъ, моя панночко; для васъ на край світа полечу. (*Поспѣшно выламываетъ изъ печи изразецъ.*)

Галя. Що ти робишъ?

Стеха. Заразъ. Се одъ вовківъ. (*Быстро удаляется.*)

Галя. Ходімъ на дорогу: міні тутъ страшно.

Назаръ. Не можна, мое серденько: тамъ побачять, а сюди ніхто не ввійде.

Галя (*грустно*). Ну, роби якъ знаешъ, а я... я все зробила... Боже! на зорі прокинетця батюшка... Охъ, Назаре, Назаре! щó я наробила!

Назаръ. Лучче нічого не можна було зробить.

Галя. Батюшка мене проклене.

Назаръ. Себе нехай проклинае... Ти змерзла, моя кришечко? Візьми мою кирею. (*Снимаетъ плащъ и разстилаетъ по снѣгу.*) Спочинь, мое серденько; поклади свої ніженьки у мою шапку. (*Галя садится на плащъ. Назаръ вкладываетъ ее ноги въ свою шапку*). Оттакъ теплішъ, (*цѣлуетъ ее*), теплішъ, мое серденятко.

Галя. О, мій голубчику, мій сокілъ ясний! якъ міні тепло, якъ міні весело!... Тільки я боюсь: батюшка мій такий сердитий.

Назаръ. Не бійсь, моя пташечко, нічого, поки я зъ тобою. Не бійсь, тільки люби мене. Я подумавъ тоді... коли. .

Галя. Коли? Щó подумавъ? може, недобре?

Назаръ. Не то, що не добре, та не теперъ згадувать объ чімъ-небудь недобрімъ, коли на серці така радість. А завтра... щó завтра зо мною буде? Я вмру, мене задушить мое щастя, моя доля. (*Кладетъ ей на колѣни свою голову. Галя перебираетъ его волосы. Назаръ, поднявъ голову, съ нѣжностію смотритъ ей въ очи.*) О мої очі, мої карі! поглядіть на мене, мої зорі ясні! (*Немного помолчавъ.*) Серце мое, ти не казала батюсці, що підешъ заміжъ за полковника? не казала?

Галя. Опять! Який же ти справді!... Я запла́чу. Аджежъ вінъ нічого міні не говоривъ о полковникові, такъ якъ же бъ я ёму сказала?

Назаръ. Бідненька! вінъ продававъ тебе, а ти нічого й не знала. Прости ёго. Нехай Богъ милосердний на тімъ світі за се ёго осудить и покарае.

Галя. Я молитимусь за ёго гріхи. Може, Богъ ёму простить.

Назаръ. Молись, за кого хочешъ, тільки не розлюби мене, моя галочко... Я вмру тоді.

Галя. Який ти чудний! ти думаешъ, що я тільки такъ тебе люблю. Ні, Назаре, я не люблю, я й сама не знаю, щó роблю... Якъ би тобі росказать? Ажъ страшно! Знаешъ що? коли я ди-

влюсь на тебе, такъ міні здаетця, що ти — такъ се я, а щоя — такъ се ти. Такъ чудно; не знаю, одъ чого воно се та́къ. Коли зостанусь одна на самоті, то все про тебе думаю, думаю, и міні приставитця, що ти въ Чигиринї передъ гетьманськими хоромами на вороному коні гарцюешъ, а усі гетьманші, полковниці ні на кого більшъ и не дивлятця, опрічъ на тебе... У мене въ очахъ такъ и потемніе... Я заплачу, заплачу, такъ важко на серці стане. Одъ чого воно такъ, Назаре? ти не знаешъ?

Назаръ. Знаю, мое серденько, знаю! Якъ любо, якъ міні ти говоришъ! Промовъ ще разъ, обійми мене. (*Обнимаются, цѣлуются.*) Ще, ще одинъ останній разъ. (*Въ изнеможеніи кладетъ ей голову на колѣни.*)

Галя. Якъ міні весело зъ тобою! Чи воно усе такъ буде весело? скажи міні, Назаре.

Назаръ (*не поднимая головы*). Увесь вікъ!

Галя. Куди жъ ми поідемо?

Назаръ. У рай.

Галя. Я се знаю; та де жъ вінъ?

Назаръ (*поднявъ голову*). Не питай мене теперъ; я нічого не знаю. Ми поідемо туди, де нема и не буде ні полковника, ні батька твого, де тільки одна воля, одна воля та щастя. О, якъ ми будемо гарно жити! Збудую тобі хату світлу, світлу та високу, розмалюю ії усякими красками — и чорними, и блакитними, и зеленими, усякими, усякими, наряжу тебе у шовкъ та въ золото, посажу тебе на золотімъ кріслі, мовъ крало, и довго, довго, поки вмру, все любоватимусь тобою. Та чи вмру жъ я коли небудь? Ні, я ніколи не вмру! Коли ти будешъ зо мною, то смерть не посміе и въ хату нашу заглянуть.

Галя (*грустно*). Охъ, ні, Назаре, не кажи такъ! Міні страшно стало, и серце такъ зацимліло, такъ заболіло, нипаче чуе недобру годину, або яке горе.

Назаръ. Яке горе? де воно? Для насъ нема ёго на цілімъ світі.

Галя. Не знаю, Назаре; тільки міні щось на серці такъ важко, такъ гірко... Я все думала про батюшку.

Назаръ. Нащо жъ ти объ ёму думаешъ? Не думай, и весело буде. Знаешъ, якъ приідемо ми у Кодакъ... Се запорозький городъ... Отъ, якъ приидемо, мерщій у церкву, повінчаемось; то-

ді и самъ гетьманъ насъ не розлучить, и будемо довго, довго тамъ весело жити. Ти будешъ пісні співати и танцювать, а я буду грать на бандурі и росказувать тобі про славні діла козацькі, про Саву Чалого (1), про Свірговського, про всіхъ, про всіхъ жвавихъ козаківъ нашихъ. Далі, міні вигодуешъ сина молодця чорнобрового, пошлемо ёго въ Січъ; тамъ поставлю ёго передъ козацькою громадою и скажу: »Любуйтеся, дивітеся: се мій синъ. Міні ёго вигодувала, викохала моя Галя, такого молодця«! Що́, весело?

Галя. Весело, мій Назаре, мій миленький, а серце все-таки болить. Міні здаетьця, що батюшка вже прокинувсь и мене шукае.

Назаръ. Богъ зна объ чімъ думаешъ ти! Ось заразъ будуть коні и вони насъ не найдуть, хоть нехай усю землю перевернуть. Не журись же, моя ластівко!

Галя. Знаешъ, що́? ходімъ до-дому, розбудимъ ёго, станемъ передъ імъ на коліна... вінъ насъ простить; вінъ мене любить.

Назаръ. Хиба жъ я ёго не просивъ, хиба жъ не стававъ передъ нимъ на коліна! Адже ти бачила?

Галя. Бачила, ти просивъ... Назаре, вінъ мій батько.

Назаръ. Лучче бъ не знать такого батька.

Галя. Ти сердисся, Назаре! Не сердься, мій милий, мій чорнобривий. Подивись, я весела, я не жалкую, що покинула.. Поцілуй же мене, мій соколе ясний, орле мій сизокрилий. (*Обнимаются и цѣлуются.*)

Назаръ. О, моя радість, мій сонъ чарівний! Не журись, серденько. Скоро ми полетимо такъ, що не дожене насъ и вітеръ, А нічъ-то, нічъ! иначе празникуе наше щастя. Тиха, світла, якъ твої ясні очі. Ти не боісся? Побудь тутъ одна. Я піду подивлюсь на дорогу.

Галя. Ні, не боюсь.

Назаръ. Чого жъ ти зновъ зажурилась?

Галя. Такъ, нічого. Я згадала покійницю няньку. Вона міні росказувала, що въ сій корчмі давно який-то запорозький старшина ночувавъ, а на другий день найшли ёго въ Тясмині; и що

---

(1) Авторъ повторяетъ ошибку Срезневскаго и Максимовича: Сава Чалый существовалъ въ XVIII, а не въ XVI вѣкѣ. *П. К.*

тутъ Богданъ зустрічавъ сина свого Тимофія, якъ козаки везли ёго зъ Молдавиі (1), покритого червоною китайкою, и що тутъ Запорозці вирізали Жидівъ. Зъ тиі годинн ніхто въ ій не живъ: усе ніччю ходять мертві Жиди... Ухъ, якъ страшно тутъ!

Назаръ. Тобі твоя нянька Богъ-зна-чого наговорила.

Галя. Вона божилась, що правда. Не ходи, лучче останься зо мною, або ходімъ обое. Міні важко и на минуточку розрізнитьця зъ тобою.

Назаръ. Я не піду... Ти не змерзла?

Галя. Ні, твоя шапка така тепла. (*Снимаетъ шапку съ ногъ и цѣлуетъ.*) О, моя мила шапка! Надінь ії; и ти замерзъ.

Назаръ. Надінь ти. Я подивлюсь на тебе, яка ти въ козацькій шапці. (*Она надѣваетъ шапку. Назаръ любуется.*) Чудо!.. Чорні уси, шаблю дамаську, пистоль за поясъ— и козакъ хочъ куди. (*Цѣлуетъ ее.*) Козаче мій чорнобривий!

Галя (*надѣваетъ ему шапку.*) Оттакъ краще! Постій, я пришпилю стёнжку. Знаешъ, якъ на весіллі була у молодого?

Назаръ. Се ти ще й завтра зробишъ...

Галя. Охъ, трівай! я й забула. Адже я таки взяла зъ собою и хустку, що для тебе вишивала. (*Вынимаетъ изза пазухи бѣлый, шитый краснымъ шелкомъ, платокъ и подаетъ Назару.*) Щó, хороший? Я сама вишивала и гроші на шовкъ сама заробляла (2).

Назаръ. Спасибі, серце мое.

Галя. Чи не заспівать оце пісню про хусточку, що я въ Чигрині у дядини чула?

Назаръ. Коли весела, заспівай.

---

(1) Событіе половины XVII, а не XVI вѣка. *П. К.*

(2) Далѣе, до конца, писано рукою автора. Все предшествующее переписано (или написано подъ диктовку) довольно небрежно малограмотною рукою и изрѣдка поправлено другою (но не авторскою). Какъ въ переписчикѣ, такъ и въ исправителѣ, замѣтно плохое знаніе украинскаго языка. Отъ этого произошло множество ошибокъ въ правописаніи, въ окончаніяхъ и, должно быть, въ самихъ словахъ, — ошибокъ, которыхъ не могъ сдѣлать авторъ »Кобзаря«. Объяснительная часть пьесы на в.-русскомъ языкѣ (мною кое-гдѣ исправленная), принадлежитъ также не ему, ибо въ окончаніи пьесы она написана на языкѣ украинскомъ. *П. К.*

Галя. Ні, не весела, та міні сидіть уже остило. Слухай же. (*Выходитъ на край сцены.*) (1).

. . . . . .

(*Назаръ стоитъ задумавшись*).

Галя. Чого жъ ти зажурився? То не треба було бъ и співать.

Назаръ. Нічого, серце мое. Возьми свою хустку. (*Подае ій хустку.*) Завтра знову подаруешъ.

Галя. На́ що́ вона міні? Розірви, коли вона тобі нелюба; я другу вишию. (*Печально:*) Тільки не знаю, коли. (*Плаче, помо́вчавши.*)

Назаръ. Не плачъ, мое серце. Дивись, я не журюся.

Галя. Не журисся? А чого жъ ти плакавъ? Ти щось знаешъ, та не хочешъ сказать. Скажи жъ, мій голубе, мій орле сизокрилий, скажи, мое серце!

Назаръ. Знаю, знаю, моя голубко, що я найщасливіший на світі.

Галя. Ба я щасливіща за тебе. Нико́ли жъ не буду співать про хустку; цуръ ій!

Назаръ. Я тебе вивчу другу, веселу-веселу та хорошу.

(*Дивлятьця одно на другого и цілуютьця. Хома и Стеха крадутьця изза шкапи.*) (2).

Хома. Сюди! ось-де вони! сюди!

Галя. Батько!.. Пропала я!

Стеха (*пробіае коло іхъ*). Полковниця! полковниця!

(*Назаръ мовчки бере лівою рукою Галю, а правою виймае шаблю. Хома торопко веде на его челядь. Стеха ховаетця.*)

Хома (*скаженіе*). Цілуйтеся, цілуйтеся, голубята! (*До челяді:*) Киями ёго, собаку! Чого жъ стали? Беріть, рвіть ёго!

(*Челядь торопіе*).

Назаръ. Хто хоче въ домовину, виступай на мене. (*До Хоми:*) ти чого хочешъ?

Хома. Смерти твоеі, злодію!

---

(1) Слѣдуютъ двѣ горизонтальныя черточки, вмѣсто пѣсни.

(2) До сихъ поръ, отъ словъ: »*Галя.* Чи не заспівать оце пісню«, перечеркнуто, но не тѣми чернилами, которыми писалъ авторъ, а чернилами его исправителя, который такъ мало былъ знакомъ съ языкомъ его, что слова Гали »Ба я щасливіща«, поправилъ: »Хиба я щасливіша«. *П. К.*

Назаръ. На́ що́ жъ ти собаками цькуешъ? возьми самъ, коли хочешъ.

Хома. Я рукъ паскудить не хочу. Беріть ёго! О, песъ поганий! я розірву тебе!

(*Бьютьця на шабляхъ*).

Галя (*пада міжъ ними на коліна*). Тату, тату! убий́ убпй мене! винна я; я прогнівила тебе... Убий же мене, таточку, та не бери зъ собою!

Хома. Цить, кошеня крадене!

Назаръ (*Хомі*). Цить, сатано люта!

Хома. Дочку оддай!

Галя. Не оддавай, не оддавай! я утоплюся!

Хома. Топись, гадино, поки не ростоптавъ я тебе!

Галя. Топчи, души мене: я твоя дитина!

Хома (*до челяді*). Беріть ёго! Я васъ перевішаю! я васъ золотомъ окую!

(*Челядь поривается на Назара.*)

Галя. Оду́рить! одурить!

Хома. Не одурю! Не скавучи, зінське щеня!

(*Нападa на Галю. Назаръ заступа ії. Челядь нападa на Назара ззаду и крутить ёму руки.*)

Хома. Ха-ха-ха! вовче вовче! чому жъ ти не рвешъ насъ?

Назаръ. Цить, жабо погана!

Галя (*передъ Хомою на колінахъ*). Тату, тату, кате мій! я розірву тебе, — я день и нічъ плакатимусь на тебе! Танцювать, плакать буду! Чого забажаете, все робитиму — не вбивай ёго! Я за полковника піду...

Назаръ. Галю!

Галя. Ні, ні... (*Зомліла, падае.*)

Хома (*до челяді.*) Чого жъ ви дивитесь? Нехай здиха собака, а ви тимъ часомъ шкуру зніміть.

(*Челядинець замахнувсь киемъ на Назара.*

Хома. Стрівай! ми не Татари. За́ що ёго убивать? Чи есть у кого вірёвки, поясъ, або налигачъ, — що-небудь, скрутить ёму руки й ноги?

(*Челядь крутить поясами Назара.*)

Стеха (*падае коло Галі зомлілої*), Охъ, моя пташечко, моя

лебідочко! чи я жъ знала, що такъ станеться? Прокинься, моя зозулечко, моя ластівочко!

Хома. Отакъ добре! Теперъ завяжіть ёму ротъ. Отъ, доладу; у ёго, здаетця, що й хустка у руці. Чи не весільна? Добре, здалась таки на щó-небудь,

(*Завязують хусткою ротъ.*)

Хома. Не туго, щобъ стогнавъ. Морозъ хоть и лютий, та, може, видержить. А вже якъ вовча тічка нападе... а вовки здалека поживу чують... отъ буде снідання, начисто гетьманське! Теперь положіть ёго на білу перину — нехай проспитьця та подума, съ кимъ жартуе.

(*Челядь кладе Назара на снігъ.*)

Хома (*на Галю.*) А ця учаділа... Возьміть ії додому... прочумаетьця.

(*Челядь бере на руки Галю и несе зъ собою.*)

Стеха (*бере Хому за руку и веде ёго за Галею*). А що? скажешъ, що не люблю тебе?

Хома. Спасибі, спасибі. (*До Назара:*) Оставайсь здоровъ, пріятелю! не згадуй лихомъ. Нехай тобі приснятьця рушники.

(*Хома зъ Стехою шепчутьця и пропадають. Назаръ тихо стоіне. Незабарамъ чути за сценою гомінъ.*)

Голосъ Хоми здалека. Киньте ії! вяжіть ёго!

Гнатъ (*за сценою*). Я тебе звяжу, недовірку проклятий!

(*Незаборамъ вибігае Галя и кидаетьця на Назара.*)

Галя. Орле мій! серце мое! (*Розвязуе хустку.*)

Назаръ. Душно міні, душно!

Гнатъ (*веде за груди Хому*). Останній разъ говорю: оддаси Галю за Назара, чи ні?

Хома. Ні!

Гнатъ. Здихай же, собако скажена! (*Замірився шаблею.*)

Хома. Стрівай. Ти знаешъ нашъ законъ козацький, то...

Гнатъ. Шо мене живого поховають зъ твоімъ падломъ? Знаю. (*До челяді:*) Копайте яму. (*Цілить пистолемъ.*)

Хома. Вяжіть ёго!

(*Тімъ часомъ Галя розвязуе руки у Назара.*)

Назаръ. О, доле моя! серце мое!

Гнатъ. Копайте яму! (*До Хоми прицілившись:*) Лукавий чоловіче, за́ що безъ сповіді ти себе губишъ и мене зъ собою?

Прощайсь зъ білимъ світомъ, молись Богу. (*До Назара:*) Назаре, брате мій, друже мій! поховай мене. Прощай! а ми...

Назаръ. Стрівай!

Галя (*до Гната*). Стрівай!

Назаръ. Пусти ёго, не вартъ вінъ того. Не напасти души своеі. (*До Хоми:*) Иди, лукавий чоловіче, иди, куди знаешъ. Не помігъ тобі Богъ занапастить мене; а я чужоі крови не бажаю. Иди собі!

Хома (*пада передъ Назаромъ*). Назаре! сину! батьку рідний! заріжъ мене, замучъ мене, на коняхъ розірви, та не прощай! (*Падае до нігъ и плаче.*) О, я лукавий, лукавий! о, я грішний, проклятий!... Дочко, доле моя! серце мое! проси ёго, нехай убье, нехай я світа не паскужу! (*Знову плаче.*) Боже мій, Боже мій!

Назаръ (*підводить ёго*). Устань, молися Богу, грішний. Коли прощають люде, то Богъ милостивіший за насъ.

Хома (*вставши, утирае слёзи*). О слёзи, слёзи! чомъ ви перше не лилися? Назаре, я чернець... спокутую въ рясі моі беззаконія! Бери мое добро, бери мою Галю, бери все мое! Галю! Назаре! обнімітьця, поцілуйтеся, діточки моі. Я хочъ и грішний, а все таки батько. (*Назаръ и Галя обнімаютьця.*) Боже васъ благослови!

Кінець.

ОПОВІДАННЯ ГРИЦЬКА КЛЮШНИКА.

II.

ДОРОШЪ.

Миколаю Кіндратовичу Бродському.

Після шведської пожоги, тоді якъ протурили Запорозцівъ зъ Чортомлика у Турещину, ажъ въ Алешки (1), бувъ військовимъ осауломъ цей самий Дорошъ, що розказую. Багато де́-чого доводилось міні про ёго чути ще въ Січі; росказували, що вінъ зъ-біса бувъ завзятий и дуже письменний: знавъ по-турецький и по-татарськи́й, и бувъ за толмача. Якъ-же кошовий Мелашевичъ вивівъ Запорозцівъ зъ Турещини (2), и зновъ осадивъ Кошъ на нашихъ вольностяхъ, біля річки Підпольної, то Дорошъ розмірявъ окопи и роскати, бо знавъ и кріпості будувать. Скінчивши свое ділo, недовго вінъ зоставався въ Коші, вельми вже старий бувъ, и подякувавши за хлібъ-за-сіль, помандрувавъ собі у степи, щобъ де небудь сісти зімовикомъ и завести пасіку, бо дуже кохався у бжолі. Шукавъ старий собі місця, шукавъ, та й сюди зайшовъ на Малу-Тернівку; якось ёму подобався нашъ лиманъ, та на що й шукать лучого захистка: кругомъ вода, а по середині островъ, не треба й огорожуваця; отъ вінъ тутечки й осадивсь. Тоді якъ старий сюди прийшовъ, у лимані тільки й росли де-не-де осички, терни та лоза; а вінъ вже понасажувавъ скрізь деревья, нащепивъ грушъ и яблунь, неначе лісъ який розвівъ. Такъ тутечки

---

(1) Старий Кошъ зруйновано 1709 року; а осадились въ Алешкахъ 1712

(2) Осадили новий Кошъ на р. Підпольній 1733 року.

у ёго велика пасіка була, може колодокъ зъ двісті, коли не більшъ. За медомъ було приіздили купці зъ Харькова, зъ Білагорода. Дорошъ тими грошима, що за медъ добувавъ, ніколи не користувався, а віддававъ іхъ біднимъ людямъ на будову, що приходили у степи селитьця зімовиками, або однесе на церковъ до игумена Самарьского-Миколаевского манастиря.

Тиі козаки, що сиділи тутечки зімовиками и знали Дороша, отъ якъ розказували міні про ёго життя у лимані. Живъ вінъ на тімъ острові неначе який пустелникъ; зъ власнихъ рукъ годувавъ дикихъ кізъ, сайгаківъ, журавлі ходили за нимъ слідкомъ якъ собаки, підъ ёго хатою плодились бабаки. Ходивъ вінъ якъ чернець, у високій шапці, у чорній хламиді и підперізувався ремінним поясомъ. Зъ себе бувъ дуже високий, а борода біла, якъ молоко, доходила ажъ до колінъ. Такий, розказували, бувъ зъ ёго дідуганъ, що хтобъ ёго не вздрівъ, то самі вьязи хилютця щобъ ёму вклонитись. Тоді тільки й було зімовиківъ, що на р. Самарі, де теперечки Кочережки, та біля насъ, де Василівка, у Бродчині и тамъ ще, у Водяної; то було по великихъ празникахъ народъ приходивъ до Дороша, неначе до церкви (тоді тутечки не було церкóвъ), отъ вінъ и читавъ імъ Евангелію, апостола и псалтирь. Люде кажуть: »на самоті чоловікъ живе зъ Богомъ«; то хочъ и не въ церкві слухаешъ те слово Боже, а всежъ таки полатае воно тобі душу, особливо, почувши ёго, зъ устъ чесної предъ Господомъ людини. Старого Дороша всі дуже поважали: було, якъ заведутця за що небудь, або шкоду одинъ одному яку вчинить, до йдуть судитьця до старого.

У ті часи, якъ Дорошъ тутечки проживавъ, набігали ще на слободи Татари: оцежъ іхъ и шляхъ, що йде по-біля лиману, бо тутъ, скрізь одъ р. Самарі ажъ до р. Орельці, водопоі, а по горахъ багацько родниківъ и криниць. Було, якъ почують хуторяни, що йде татарва, то заганяють скотину и ховаютця по байракахъ и котловинахъ; якъ же, бувало, слобожани турнуть звідьтіля татаръ, то й вони, де не візьмутця, на коней, за мушкетъ, и собі провожають непрошенихъ гостей. А Дорошъ—такъ ніколи не тікавъ: сидить собі на пасіці и байдуже ёму. Разъ, якъ такъ проходили татари, Дорошъ варивъ собі на вечерю кулішъ, а татарський ватажокъ побачивъ, що зъ коміна йде димъ, и послався кілька вершниківъ подивитьця, хто тамъ живе.

— Коли молодий, — каже, — то візьміть ёго у ясиръ (1), а старий — чикинъ ёму башка.

Такий, бачите, у нихъ бувъ басурменський дряпіжний звичай. Поіхали татари у лиманъ, та якъ кажуть — »не спитавши броду, не лізь у воду,« и загрузли въ болоті. Стали гукать, такъ Дорошъ вийшовъ и розказавъ імъ, іхъ мовою, куди объіхать; отъ вони и приіхали до ёго. Побалакавъ вінъ зъ ними, показавъ свою пасіку, огородъ,—такъ гарно у ёго въ садочку: було се саме въ Спасівку, якъ вже и дині, и кавуни, и садовина поспіла. Вернулись вершники до свого ватажка, розказали ёму, що бачили,—отъ вінъ и самъ приіхавъ до Дороша въ гості. Нагодувавъ ёго старий медомъ, кавунами и чимъ Богъ послався. Ватажокъ цілісенький вечеръ зъ нимъ пробалакавъ, тутъ у ёго въ хаті и ночувавъ, а на другий день, прощаючись, подарувавъ Дорошу турецький коць и обіщавъ, якъ буде повертатьця, зновъ до ёго заіхать. Такъ не привівъ ёму Богъ вернутьця, бо тамъ десь за Берекою, гетьманці перехопили ёго загінъ и завдали такого чосу, що й самъ ватажокъ тамъ же ніжки відкидавъ, а ёго орду у три вірви гнали ажъ до р. Самарі. Якъ тікали вони по-біля лиману, у одного татарина зашкандибавъ кінь; бачить сердешний, що вже ёму не втекти, бо за спиною козаки,—нічого робить!—отъ вінъ зъ коня та въ очеретъ, и прилізъ до Дороша.

— Ратуй, — каже: — якъ виратуешъ, то я твій на віки!

— Не знаю, якъ мині тебе и вирятувать,—одказуе Доро́шъ,— бо нігде сховать; певно сёгодня ще понаходють наші козаки, та й витягнуть тебе изъ-за печи, и въ болоті тежъ не сховаесся, бо и тамъ вони обшнипорять усі кутки; дуже вже ви намъ надозолили!

Однакъ, подумавъ-погадавъ старий, та й вигадавъ, якъ ёго сховать. Викопавъ вінъ у пасіці ямку, такъ щобъ тільки улізти чоловіку до плечъ, и посадивъ туди татарина, а зверху накривъ ёго вуликомъ: бувъ у старого зайвий вулій, дуже великий. Тільки що обгорнувъ ёго гарненько землею, буцімъ то й справді колодка зъ бджолою, ажъ бачить—идуть до ёго козаки, инші зъ радощівъ, що утерли носа ворогамъ, вже й понапивались.

— Добривечіръ, діду! — кажуть.

---

(1) Узять неволю.

— Спасибі, — одказуе Дорошъ.

— А нагодуйте насъ, діду, медомъ,—просять:—бачите, яка у васъ гарна пасіка!

— Добре, дітки, — каже старий: — е за що и нагодувать, добре одчухрали татарву!.. Ідіть же у хату: на тімъ тижні підрізувавъ, то тамечки у мене въ чулані готовий медъ.

Де-які хотіли вже йти у хату, а другі не згодились.

— Ні, діду,—кажуть,—не хочемо ми тижнёвого, давай намъ зъ самого підкопу, свіжого!

— И той же зъ підкопу, — каже Дорошъ: — однаковий.

— Не хочемо ми того, — гомонять козаки: — давай намъ свіжого, а не даси, такъ ми, не питаючись, и сами візьмемо!

А тамъ вже де-які и на горище полізли, шукають, чи нема сала або горілки.

— Тю на вашого батька, — каже Дорошъ: — бачу, вамъ коли медъ, то й ложку?.. іжте, який дають!

Такъ куди! не слухають, ще й лаятьця почали; сказано пьяні, а за пьяними и тверезі тежъ собі, и все захожуютця біля великого вулія, підъ котримъ сидить татаринъ. Бачить старий, що не переливки: не дать,—то вони и сами перевернуть великий вулій, тоді вже поминай якъ звали татарина.

— Ну, трівайте жъ, хлопці, — каже:— якъ бачу, треба вамъ дать свіжого, нічого зъ вами робить!..

Тільки-що узявся за одну колодку, щобъ знять, а козаки и гукнули:

— Давай намъ, діду, зъ сіеі, зъ великоі: оттутечка багацько меду!

— Не можна зъ сіі колодки, — одказуе Дорошъ.

— Чомъ? — загомоніли козаки: — давай, кажемо, зъ сіеі, а не даси, ми й сами візьмемо, — намъ рукъ не позичати!

Дорошъ завіря іхъ, що наройки накинувъ у сю колодку, такъ буцімъ не імъ и кажуть; одно товчуть: »зъ сіеі, та й зъ сіеі!« Кругомъ обступили, де-котрі вже и за колодку берутця. Що тутъ на світі робить? отъ Дорошъ и каже:

— Слухайте, хлопці, не руште сіеі колодки, бо якъ схочу, то, дарма що велика, а не добудите ви зъ неі и одноі кроплі меду,—хіба тільки чортяку побачите!

Та й гугнувъ до татарина, що́ ёму робить.

— Сількись, —одказавъ одинъ зъ козаківъ:—я ще на своймъ віку не бачивъ чорта, — подивлюсь, яка у ёго парсуна!

За вулій, тільки піднявъ, а татаринъ якъ вискалитця, якъ заріже не своімъ голосомъ, а козаки: »святъ, святъ!« въ ростичъ, та яко мога на втікача.

— Пострівайте, хлопці, — гука Дорошъ: — я вамъ меду дамъ!

А вони тікають та лаютця:

— Подавись ти своімъ медомъ! годуй того, що підъ вуліемъ сидить!

Черезъ тиждень, якъ все втихомирилось, розказавъ Дорошъ хуторянамъ про сю кумедію, — одъ іхъ вінъ вже не таївсь, — такъ вони дуже сміялись и прозвали того татарина чортомъ. Три годи живъ вінъ у Дороша, а тамъ на теплого Миколая, пішовъ у Самарській манастирь, та й перехрестився у нашу віру. Знатний вийшовъ зъ ёго чоловьяга, а вже який скусний бувъ коновалъ: и скотину лічивъ; и свиней и болячки на людяхъ вигоювавъ. Проживавъ вінъ десь за р. Орелькою, тамечки й оженився; сежъ ёго и унуки, Чортенки, що живутъ у Водянихъ Хуторахъ.

А то ще розкажу вамъ, якъ гайдамаки приходили до Дороша за грішми. Тоді тутечки, по степахъ, до-чорта іхъ вешталось; тільки почують було, що у якого-небудь хуторянина завелись гроші, то й набіжать, и мучать и печуть ёго, поки не віддасть усёго до копійки. Такъ отто, кажу, и до старого нечистий іхъ принісъ. Разъ, у ночі, чуе вінъ—хтось турготить у віконце.

— Хто тамъ? — пита.

— Відчини, — одказують,—та засвіти світло, то самъ побачишъ хто, коли тобі не повилазило.

Засвітивъ старий каганець, відчинивъ двері, увішло іхъ три чоловіка. Якъ глянули на Дороша, на ёго високий зростъ, грізний поглядъ и бороду ажъ до колінъ,—у-перше довелось імъ ёго побачить,—такъ и прикипіли до порога; ні одинъ слова не промовить, дивлятця тільки та очима лупають. И Дорошъ заразъ побачивъ, що́ се за люде и чого імъ треба.

— За грішми? — спитавъ.

— Эге, — пробелькотіли гайдамаки, низенько вклонившись.

— Розумні,—каже Дорошъ:—знали коли й прийти: продавъ медъ, такъ чимало тихъ и грошей назбералось, — буде зъ васъ.

— Спасибі вамъ, діду,—кажуть гайдамаки,—за вашу ласку.

Одімкнувъ старий скриньку и виннявъ капшукъ зъ грішми.

— Міні,—каже,—не треба грошей, я вже на ладанъ дишу, не собі й дбаю, а на біднихъ, на церковъ Божу,—отъ на кого!...

Та се кажучи, и положивъ капшукъ передъ иконою св. Миколая чудотворця: — беріть, — каже, — се ёго гроші!

Сюди-туди, стоять гайдамаки, засмутились,—бачите, страшно брать; коли одинъ зъ нихъ, мабуть завзятий бувъ, и каже:

— А що́, хлопці: на ёго усі дбають, а на насъ ніхто, такъ намъ не гріхъ відъ ёго поживитьця?

Та не побоявшись Бога, за капшукъ.... якъ скрикне, такъ ёму руку и скорчило.

— Змилуйся, діду!—голосить гайдамака, упавши передъ Дорошомъ на вколюшки.

— Не я тебе скаравъ, — одказуе старий, — не мині тебе и милувать!

— Хочъ навчи, — каже, — що́ мині на світі робить, якъ Господа благати, щобъ вінъ мене помилувавъ грішного?

— Отъ-що роби, —каже Дорошъ: —працюй сіею рукою що зосталась, и все, що ни заробишъ, віддавай біднимъ и на церковъ Божу: якъ роздаси стільки, скільки загарбавъ у другихъ, то тоді тебе и Господь помилуе!

Гайдамаки вклонились низенько Дорошові, та й пішли собі, облизня піймавши.

Дорошъ живъ на світі більшъ якъ сто літъ, и померъ саме у той рікъ, якъ скінчили линію, що копали за Берекою. За кілька днівъ до ёго смерти, прийшовъ съ Самарсько-Миколаевського манастиря игуменъ, висповідавъ, запричастивъ старого, и якъ віддавъ вінъ Богу душу, поховавъ ёго. Такъ оттой игуменъ отъ-що розказувавъ:

— Сижу я, — каже, — у своій келлі и читаю св. писаніе, коли такъ ненарокомъ, зиркъ,, ажъ стоіть передо мною Дорошъ, якъ живісінький. Тільки-що хотівъ я скрикнуть: »Здоровъ бувъ, Дороше!« а вінъ и каже: »поспішай до мене, я вмераю!« та й зчезъ. Отъ я, — каже, — помоливши Богу, заразъ таки и рушивъ.

Після ёго смерти, ніхто не знае, куди поділась ёго худоба, тільки й бачивъ я ёго псалтирь, що доставсь старому пану. Ча-

стенько доводилось мині и въ рукахъ держать той псалтирь. На першому листу було написано: »1652 року, марта 10-го послявъ мині Богъ сина Дорохея.« Се бъ то ёго Дороша, а записавъ, виходить, ёго батько. Відкіля прийшовъ старий, и въ Коші незнали; може вінъ и шляхецького роду, бо дуже письменний бувъ и вірші компонувавъ; на остатньёму листу въ тімъ же псалтирі, що росказую, були написані вірші, певно, не хто якъ вінъ самъ іхъ и компонувавъ; я іхъ на памьять знаю; отъ якъ вони починаютця:

Гуляють думи-діти
По зеленихъ степахъ,
Гуляють, не вертаютця,
Невідь-куди діваютця!..
Німі думи, невидючі,
Ніхто васъ не вгадае,
Ніхто й не побачить;
Які жъ вони, тільки й знае
Бідне мое серце.

Думи, крівні мої діти,
Що маю зъ вами чинити?
Чи по світу сиротами васъ пустити,
Чи вкупі зъ собою въ землю зложити?
Земля еси — и въ землю закопають,
думки зъ душею
Въ небі витають!
Нехай же летять туди, де не плачуть,
Де радощі одні,
Тамъ іхъ пізнають и побачуть,
Бо одъ щирого серця вони.
Одъ щирого вони серця,
Одъ козацького герця,
Одъ кріпкоі волі,
Одъ ледачоі долі...

Ой у полі, на могилі,
На віки козакъ спочивъ;
Не кропили тиі могили
Слёзи милоі, котру любивъ,
Не приходять й товариші,
Десь далеко розійшлися...
Тільки зъ неба спускаютця
Що-вечора думки
И на могильці играютця,
Якъ маленькі дітки,
До прохожихъ підлетають,

И тихенько іхъ прохають:
»Люде добрі, козака згадайте!«

Покійникъ старий панъ, пошли ёму Господи царство небесне, читае було намъ сі вірші, та й каже:

— Велика була душа у сёго чоловіка: разомъ хотіла жить на небі и на землі!

Розказують ще, що якъ Дорошъ умеравъ, то заклявъ лісъ у лимані и заборонивъ, щобъ ніхто не рубавъ тамъ дерева.

— Хто, — додавъ, — не послухае, то я мертвий устану и ёго лозиною протурю!..

Спасибі таки старому, що заборонивъ у лимані рубати лісъ: весело й глянуть, якъ воно порозросталось!.. Де-коли підешъ погулять, то ажъ духъ радуетця: кругомъ острова верболізъ, неначе огорожа стоіть, а тамъ починаютця вже товсті та високі дерева, що оточують зелену поляну, де стояла Дорошова пасіка; тутъ недалечко икриничка, відкіля вінъ воду бравъ. Такъ гарно. Чорногузи несутця по високихъ вербахъ, бугаі гудуть у болоті, пташечки щебечуть, особливо соловейки, — тамъ іхъ сила: кругомъ бачите вода, такъ не закрадетця туди кішка, и ловить не велено, такъ ніхто іхъ и не полохае. Однакъ, якъ старий не заклинавъ не рубати у лимані дерева, а знайшовся такий смілий дурень, що хотівъ бувъ зрубать, та трохи и самъ тамъ не загинувъ. Ось якъ воно було: Живъ у насъ при коньському заводі ляшокъ, панъ Бужинський; такий зъ ёго и панъ, якъ за денежку пистоль, та вже, бачите, у нихъ все пани: и лакей панъ и кухарь панъ, панъ пана и батогами чухрае. Объізжавъ вінъ підъ верхъ коней, и бувъ такий смілий, що нічогісінько на світі не боявсь. Разъ, на зелені свята, зійшлись наші парубки у шинокъ погулять, — отъ и вінъ приставъ до нихъ у компанію. Балакали, балакали та й стали розказувать про відёмъ, про вовкулаківъ, якъ мертві устають у ночі та лякають живихъ людей. Ляшокъ слухавъ, слухавъ, та й каже:

— Брехня сёму; нема на світі ні тихъ відёмъ, ні вовкулаківъ, и на мертвихъ нічого нарікать, бо й вони тихенько собі лежать въ землі... Я, — каже, — нічого не боюсь и нічому не вірю!..

А одинъ зъ парубківъ и каже ёму:

— Коли ти нічого не боісся, такъ піди у лиманъ, у глупу нічъ, и зрубай тамъ дерево.

— А щожъ,—каже ляшокъ:—піду та й зрубаю; ніхто мині не заборонить.

Заспорили, объ закладъ на карбованьця побились. Такъ саме, якъ вони спорились, увійшовъ у шинокъ гуменний Оверко; почувши, що ляшокъ наміряетця йти у лиманъ зрубать дерево, и пита ёго:

— А хіба ти не знаешъ, що покійникъ Дорошъ заклявъ и заборонивъ рубати дерева у лимані?

— Знаю,—одказуе ляшокъ,— та вінъ мині не указъ; я ёго и живого не злякався бъ, не то мертвого!

— А якъ вінъ тебе звідьтіля, — каже Оверко, — протурить лозиною?

— Не бійсь, — каже: — я шляхтичъ; нехай вінъ туря лозиною васъ, дурнихъ хлопівъ!

— Ну гледи жъ, пане Бужинський,— щобъ не досталося и твоій шляхетній спині, та щобъ и не довелось тікать до лясу у болото? Якъ би можна було ёго рубати, — каже,— то досібъ до коріня бъ ёго вирубали!

Та се кажучи, и пішовъ собі до-дому; а ёго хата була недалечко одъ лиману, тутечки біля току. О півночі, такъ, якъ закукурікали півні, панъ Бужинський узявъ сокиру, и пішовъ собі у лиманъ. Нічъ була дуже темна, ні зірочки, небо замазалось хмарами, неначе налагодилось на дощъ. Провели хлопці ляшка ажъ за панський будинокъ, бо дорога у лиманъ тоді йшла по за кривимъ плесомъ, — тамъ и містокъ бувъ. Провівши ляшка, парубки вернулись у шинокъ и стали ёго дожидатьця. Ждуть та ждуть,—не йде; а вжебъ пора и вернутьця; стало вже й на світъ займатьця, а ёго, иродового сина, нема та й нема.

— Оце, пеня! — кажуть хлопці: — щобъ чого не сталось зъ ляшкомъ?.. тоді буде и намъ халепа!

Вже імъ не такъ страшно Дороша, якъ Прокіпа Ивановича.

— А що будемо робить? — питае одинъ одного.

— Ходімо, —кажуть де-которі, — вируча́ть гаспедського чванька. (Таке, бачите, прізвище ляшку дали).

Отъ и пішли, та побоялись йти у самий лиманъ, а зъ сёго боку, зъ ближнёго, одъ слободи, щобъ черезъ воду гукнуть до

ляшка; коли вінъ у лимані, то обізвеця. Підійшли до берега, прислухуюця, приглядуюцця, нічого не чуть. У лимані не тільки ні хто не рубае и не ходить, бо почули бъ, залопотіло. Стали гукать: »пане Бужинський, а пане Бужинський?..« Коли чують, щось забелькотіло у болоті; парубоцтво близче, зновъ гукають, зновъ озиваеця, туди — ажъ то ляшокъ, по самісенькі вуха загрузъ у болото, и ніякъ зъ багна и очеретяного коріння не виплутаеця. Пішли були хлопці, щобъ ёго врятувать, такъ не можна и близько підступить. Бачуть, що такъ не витягти ёго, отъ вони принесли одъ гуменного вірёвку; кинули ії ляшкові, а вінъ обвьязавъ себе по підъ руками, отъ ёго и виволокли на сухе. Увесь убрався у тванюку, мовъ чортяка; стали роспитувать, щось гугнить, ніякъ ёго и не второпаешъ, що вінъ верзе. Узяли ёго хлопці на оберемокъ, понесли у плесо, виполоскали, обмили, та й принесли у шинокъ. Мій Боже милий, страшно на ёго и глянуть: якъ стіна білий, трусиця, неначе трясця ёго трясе; вся пика, шия и руки посмуговані, зняли сорочку, такъ батечки, спина ажъ почорніла, неначе ёго якъ москаля крізь строй ганяно. Дали ёму хлопці осьмушку горілки; випивъ сердешний и трохи опамятувався. Посадили ляшка за стілъ, стали роспитувать, отъ вінъ імъ и розказавъ, яка причча трапилась ёму у лимані.

— Дойшовъ я,— каже,—до Кривого, нічого мині не страшно, тільки жъ що перейшовъ черезъ містокъ у лиманъ, а тутъ щось якъ замаха крилами надъ головою та пугукне, такъ у мене и затруслись жижки, несчувсь якъ и присівъ у траві; роздивився, ажъ то пугачъ схопився зъ верби. Иду дальшъ, такъ сумно стало, неначе хто за коміръ хана, и самъ не знаю відъ чого; ніколи сёго зо мною не траплялось. Хотівъ бувъ вже назадъ вернуця, такъ подумавъ собі: парубки сміятимуця, просвітку мині не дадуть; перехрестився, и пішовъ у той кутокъ, де пасіка була у старого. Озирнувся нема нікого, тихо; отъ я и почавъ рубать; цюкъ разъ, цюкъ у друге, замірився у трете, а мене якъ шмагоне щось лозиною,—зиркъ, ажъ стоіть Дорошъ!.. Високий, превисокий, зъ гуменного заввишки, а борода біла та довга ажъ до колінъ. Якъ глянувъ я на ёго, то чубъ такъ и полізъ до гори, неначе съ церба окотили мене холодною водою, стою собі, зъ місця не зворухнусь, пальцемъ не смикну, а вінъ мене шмага лозиною; шмагавъ, шмагавъ, якъ же дошкуливъ, відкіля въ мене

и сила узялась, відъ ёго та на втікача; а Дорошъ за мною, такъ мене и лущить, я въ болото и вінъ у болото, такъ и шкварить мене то зъ того, то зъ другого боку, а я усе въ болото, та й забравсь ажъ по самісенькі вуха. Якъ — би, — каже, — ви не прийшли, черезъ який тамъ квадрансъ, тобъ довелось тамъ и пропасти. Ні, вже теперочки,— каже, — не тільки самъ не піду у лиманъ рубати Дорошеві дерева, а ще й десятому закажу не ходить!

Бачъ, який розумний ставъ, не даромъ кажуть: »Мудрий ляхъ по шкоді; якъ коней покрали станю ставъ замикать!« Такъ отто, якъ скончивъ ляшокъ свое оповідання, то вже и світъ ставъ, почали й люди у шинокъ збераця, бачите, празникъ; якъ почули що здіялось зъ ляшкомъ, дивуюця, ажъ руками объ поли бьють; дасі, скільки іхъ не було и парубки, всі пішли у лиманъ подивиця, де тамъ Дорошъ давъ хлосту ляшку. Идуть по-біля двору, а я утятъ годую. »Куда се?« питаю, розказали, отъ и я зъ ними пішовъ. Дійшли ми до того місця, де лпха мати надала ляшку рубати дерево, дивимось, надрубаний клиночокъ и сокира біля ёго лежить, кругомъ того клиночка потолочена трава и багацько роскидано поламаної лози (певно на шляхецькій спині пана Бужиньского), тутъ же лежить и повісма зъ два прядіва, (Богъ ёго зна, відкіля воно и взялось). Ще видко було слідъ, якъ разъ зъ того кутка, проти котрого Дорошова могила, тутечки и лоза рясна, мабуть якъ йшовъ покійникъ, то тутъ ії и наламавъ. Та вжежъ и дивувались наші слобожане, не такъ тому що покійникъ завдавъ пану Бужиньскому халазію, якъ тому, відкіля узялось те прядіво? Боялись до ёго и доторкнуця; та вже гуменний, бачить що ніхто не бере, и узявъ.

— Згодиця,—каже, — на вірёвку, може доведеця ще якого небудь дурня виволокти изъ болота!

Памьятувавъ ляшокъ ту прочуханку до новихъ віниківъ! Було, якъ наідуть гості до старого пана, то вінъ и звелить ляшку розказувать, якъ ёго Дорошъ оддубасивъ; хочъ воно и давно минулось, а було якъ почне сердешний розказувать, то й дрижить и озпраеця, неначе Дорошъ стоіть за плечима зъ лозпною, а пани слухають та сміюця, ажъ за живітъ хапаюця. Не даромъ, бачу, кажуть: »Чужа біда людямъ сміхъ!«

Олекса Стороженко.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ВАРІАНТЫ УКРАИНСКИХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ПѢСЕНЪ.

V.

САВА ЧАЛИЙ.

Ой живъ въ Січі старий козакъ,
Прозивався Ча́лий;
Ви́годувавъ сина Саву
Козакамъ на славу.

Та одклонивсь сей синъ Сава
До Ляхівъ въ Польщу жити,
А козаківъ — Запоро́жцівъ
Прихо́жихъ ловити.

А нашъ батько, панъ Кошовий
По козакахъ тужить:
«А хто бъ узявъ пана Саву,
Самъ ёму послужить.»

Та сказавъ Чалий запорозцямъ:
«Ніхто Сави не возьметь,
Хиба Гнатко та Кравчина
До себе підмовить:

— Ой ти, Гнатку, ти Кравчино,
Ти тамъ шляхи знаешъ,
А чомъ же ти мого сина
Въ руки не піймаешъ! —

Панъ Кошовий сказавъ Гнатку:
— Якъ Сави не возьмешъ,
То самъ же ти та за ёго
Голову положишъ.

Пішовъ Гнатко съ Кравчиною
Сави підмовляти,—
Якъ не схочеть відтиль піти,
То смерті предати.

Въ дорозі імъ попавсь Литвинъ,
Ставъ іхъ наставляти,
А якъ того пана Саву
Та у руки взяти.

Возьмемъ же ми свої землі
Въ чоботи підъ ноги,
А щобъ не знавъ та панъ Сава
Нашої помови.

Та ой бувъ Сава въ Немірови,
Въ Ляха на обіді;
Не зна Сава, не відае
Та о своій біді —

(*Одміна*: Своéі обіди.)

Одміна: *(8 стихівъ).*

Ой чомусь мині, милі браття.
Гуляння не легко!..
Заворожи, стара мати,
Чи Гнатко далеко?

Та пий, Саво, та пий, Саво,
Изъ сими панами:
Иде Гнатко зъ своімъ військомъ
Ище за тернами.

Та ой пріхавъ та панъ Сава
Та до свого дому,
Питаетця челядоньки:
— Чи все гараздъ до́ма? —

»Та все гарздъ, та все гараздъ,
Тільки одно страшно:
Виглядають гайдамаки
Изъ-за гори часто.

Та все гараздъ, та все гараздъ
И добра година:
Породила наша пані
Маленького сина.

Ой сівъ Сава кінець стола,
Та листоньки пише,
А Савиха молодая
Дитину колише.

(*Одміна 4 стихи́:*)

Ой якъ конче дрібнихъ листівъ
Та й спатоньки ляже,
А щось ёму підъ віконцемъ
»*Добри-вечіръ*« каже.

Потімъ сказавъ: »и я узнавъ,
Що йдуть Гайдамаки,
Ще далеко, въ своій землі...
Будемо гуляти!

»Піди, хлопку, до лідниці,
Та уточи пива:
Нехай же ми та випьемо
За моёго сина.

»Та піди, хлопку, піди, малий,
Та вточи горілки:

Нехай же ми та випьемо
За здоровья жінки.

»Та піди, хлопче, до лідниці
Та уточи меду, —
Чомусь міні трудно, нудно —
Голови не зведу.«

Ой пішовъ хлопець до лідниці
Замківъ одмикати,
А тутъ Гнатко зъ Кравчиною
У двіръ підступати.

Не вспівъ хлопець, не вспівъ малий
Одчинить лідниці,
Тутъ явились Гайдамаки
У самій світлиці.

»Та здоровъ же будь, пане Саво,
А якъ поживаешъ?
Издалека гостей маешъ,
А чимъ привітаешъ?

»А тимъ тебе, пане Гнате,
Буду приімати:
Породила жона сина, —
Буду въ куми брати.«

»Теперъ тобі, вражий сину,
Не ті годи настали,
А щобъ Ляхи Запорозцівъ
Та у куми брали.

»Та коли хотівъ, пане Саво,
Въ Полщі панувати,
Не ходивъ би. вражий сину,
Сарду руйнувати.

Одміна (4 стихи):
Було бъ тобі, пане Саво,
Въ Січі проживати, —
Нѳ ходити підъ Бердичівъ
Ляхівъ(?) руйнувати.

»Не частуй насъ медомъ, пивомъ,
Ище горілкою:
Попрощайся, вражий сину,
Зъ своєю жінкою.«

Ой кинувся та панъ Сава
До ясного меча: —
Ухватили пана Саву
Изъ лівого плеча.

Ой якъ скочивъ та панъ Сава
Изъ-за свого столу:
Ухватили пана Саву
На три списи вгору.

Не кинувся та панъ Сава
До своеі булави: —
Положили пана Саву
У хаті на лаві.

Одміна (4 стихи):
А ще не світъ, а ще не світъ,
Не світъ, не світае,
А Кравчина изъ Игнаткомъ
Кóниківъ сідлае.

Вернувсь Гнатко съ Кравчиною
У Січу до-дому,
А щó було — росказали
Батькові старому.

Ой заплакавъ старий батько
По своему сину:
— Лучче булобъ не родити
Такую дитину.

— Та не мігъ же я пану Саві
Три слова сказати, —
Не могли бъ ви пана Саву
И всю Січчу взяти.«

(Сообщено Р. И. Пукаломъ, изъ г. Новомосковска, Екатеринославской губ., чрезъ Г.П. Надхина.)

NB. Настоящая фамилія этого господина „Пукало." Зачѣмъ г. Надхинъ перевернулъ ее?

СКОВОРОДА,

УКРАИНСКІЙ ДѢЯТЕЛЬ XVIII ВѢКА.

(*Матеріалы для исторіи южнорусской литературы.*)

»Дѣло мое — душа и прочное дѣло жизни«.

Гоголь: (*Переписка съ друзьями*).

Всякій честный и благородный труженикъ мысли уже имѣетъ право на вниманіе того общества, для котораго онъ работалъ, потому что семья мысли не всегда многочисленная и счастливая семья.

(*Отрывокъ изъ одной критики*)

ГЛАВА III. (*)

Переписка Сковороды. — Письма Ковалѣнскаго. — Свиданіе съ другомъ черезъ двадцать лѣтъ разлуки. — Болѣзнь, старческая суровость и смерть. — Надгробная, и вызовъ читать его сочиненія черезъ »Московскія Вѣдомости«. — Письмо Н. С. Мягкаго. — Заключеніе.

Начиная съ 1775 года, когда Сковородѣ исполнилось уже за пятьдесятъ лѣтъ, его біографы оставляютъ въ жизни его пробѣлъ, вплоть до самой его смерти. Ковалѣнскій, выразившись, что около 1775 года разстался съ нимъ, »увлеченный великимъ свѣтомъ, возбудившимъ въ немъ разумъ внѣшній,« на двадцать лѣтъ, прямо переходитъ уже къ разсказу о Сковородѣ въ 1794 году, когда снова столкнулся съ нимъ и навѣки оплакалъ своего друга. Г. Срезневскій, послѣ всего взятаго нами изъ его

(*) Первыя главы помѣщены въ августовской книжкѣ *Основы*.

»Записокъ о старцѣ Григоріѣ Сковородѣ«, также кончаетъ свою статью коротенькимъ описаніемъ его смерти. Пробѣлъ этотъ почти въ двадцать лѣтъ, кромѣ приведенныхъ нами анекдотовъ, достаточно его оживившихъ, могутъ освѣтить еще болѣе выдержки изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ писемъ Сковороды. Эти письма приложены частію къ нѣсколькимъ изданнымъ его сочиненіямъ, частію же сопровождаютъ рукописныя сочиненія его, съ которыми постоянно и списываются, какъ необходимое предисловіе къ его разсужденіямъ, обращавшимся постоянно къ тѣмъ, къ кому онъ писалъ письма. Кромѣ того, два письма Сковороды помѣщены отдѣльно въ »*Украинскомъ Вѣстникѣ*«, при статьѣ Гессъ-де-Кальве и Ивана Вернета, и нѣсколько отрывковъ ихъ напечатано въ статьѣ В. Н. Каразина и И. И. Срезневскаго, въ »*Молодикѣ*« 1843 года. Нельзя не упомянуть при этомъ и нѣсколькихъ намековъ на письма, именно на подписи ихъ года и числа и мѣста жительства Сковороды, въ подстрочныхъ выноскахъ при статьѣ Хиждеу, въ »*Телескопѣ*« 1835 года. Сдѣлаемъ выдержки изъ всѣхъ этихъ разбросанныхъ, тщательно сведенныхъ нами, писемъ. Въ нихъ сохранена исторія появленія сочиненій Сковороды, изрѣдка прерываясь краткими и скупыми намеками на собственную жизнь автора. Драгоцѣннымъ пособіемъ въ сведеніи этой переписки послужилъ намъ присланный отъ преосвященнаго *Иннокентія*, изъ Одессы, и неизданный еще нигдѣ списокъ нѣсколькихъ писемъ Ковалѣнскаго къ Сковородѣ, отъ 1779 до 1788 года, сдѣланный вскорѣ послѣ смерти Сковороды, въ концѣ прошлаго вѣка.

»Самое старое изъ писемъ Сковороды, говоритъ г. Срезневскій (въ отдѣльной статьѣ своей »Выписки изъ писемъ Г. С. Сковороды«; Молодикъ, 1843 г. стр. 234—243) есть то, которое помѣщено передъ его книжкой (неизданной): »О древнемъ зміѣ или Библіи.« Оно писано къ какому-то высокородію, и во всякомъ случаѣ до 1763 года, когда это сочиненіе было списано С. Ѳ. Залѣсскимъ« (1).

Вотъ отрывокъ этого письма: »Училъ своихъ друзей Епикуръ, что жизнь зависитъ отъ сладости и что веселіе сердца есть животъ человѣ-

---

(1) Это письмо подтверждаетъ г. Хиждеу, въ »Телескопѣ« 1835 г., стр. 154, дѣлая изъ него другую выписку и ссылаясь такъ: »*Письмо къ протоп. Ѳе, дору Залѣсскому, изъ Обуховки, 1763, декабря 10.*« Но Хиждеу, на стр. 159, дѣлаетъ ссылку на другое письмо Сковороды именно, на »*Письмо къ Аѳанасію Панькову, при посылкѣ ему трехъ десятковъ баеней, изъ Сѣннанскія пустыни*, 1762 г. март. 4.« Значитъ это письмо, если оно только най-

ку. Силу слова сего люди не раскусивъ во всѣхъ вѣкахъ и народахъ, обезславили Епикура за сладость и почти самого его величали пастыремъ стада свинаго, а каждаго изъ друзей его величали: Epicuri de grege porcus *Всякая мысль подло, какъ змія, по земли ползетъ; но есть въ ней око голубицы, взирающее выше потопныхъ водъ на прекрасную ипостась истины.*« (»Молодикъ,« 1843 г. стр. 241—242.)

При изданной книгѣ Сковороды »*Басни Харьковскія*« (Москва, 1837 года), въ видѣ предисловія, напечатано, съ помѣткою: »*1774 года, въ селѣ Бабаяхъ, наканунѣ пятидесятницы*«, слѣдующее письмо Сковороды. Приводимъ его по порядку:

Любезному другу, Аѳонасію Кондратовичу Панкову.

Любезный пріятель! Въ седмомъ десяткѣ нынѣшняго вѣка, отставъ отъ учительской должности, и уединяясь въ лежащихъ около Харькова лѣсахъ, поляхъ, садахъ, селахъ, деревняхъ и пчельникахъ, обучалъ я себя добродѣтели и поучался въ Библіи; притомъ, благопристойными игрушками забавляясь, написалъ полтора десятка басенъ, не имѣя съ тобою знаемости. А сего года, въ селѣ *Бабаяхъ*, умножилъ оныя до половины. Между тѣмъ, какъ писалъ прибавочныя, казалось, будто ты всегда при томъ присутствуешь, одобряя мои мысли и вмѣстѣ о нихъ со мною причащаясь. Дарую жъ тебѣ три десятка басенъ: тебѣ и подобнымъ тебѣ!

Отческое наказаніе заключаетъ въ горести своей сладость; а мудрая игрушка утаеваетъ въ себѣ силу.

Глупую важность встрѣчаютъ по виду, выпровожаютъ по смѣху; а разумную шутку важный печатлѣетъ конецъ. Нѣтъ смѣшнѣе, какъ умный видъ съ пустымъ потрохомъ; и нѣтъ веселѣе, какъ смѣшное лицо съ утаенною дѣльностію; вспомните пословицу: *красна хата не углами, но пирогами.* Я и самъ не люблю поддѣльной маски тѣхъ людей и дѣлъ, о коихъ можно сказать малороссійскую пословицу: *стучитъ, шумитъ, гремитъ.... А что тамъ? Кобылья мертва голова бьжитъ.* Говорятъ и Великороссійцы: *летала высоко, а сѣла недалеко,* о тѣхъ, что богато и красно говорятъ, а нечево слушать. Не люба мнѣ сія пустая надменность, и пышная пустошъ; а люблю тое, что сверху ничто, но въ середкѣ чтось: снаружи ложъ, но внутрь истина. Картинка сверху смѣшна, но внутрь боголѣпна. Другъ мой! Не презирай баснословія.

дется, старѣе перваго. Вслѣдъ за тѣмъ, мы имѣемъ уже письма отъ 1774 года. Но Хиждеу, на стр. 166, ссылается съ выпискою на письмо Сковороды »*къ архіепископу Георгію Конисскому, изъ Ньжина, 1769, іюл. 29.*« Г. Срезневскій въ »Молодикѣ« 1843 г. стр. 244, сомнѣвается въ истинѣ словъ Хиждеу, на что послѣдній не возражалъ.

Басня и притча есть тоже. »Не по кошельку суди сокровище.« Праведенъ судъ судитъ! Басня тогда бываетъ скверная и бабія, когда въ подлой и смѣшной своей шелухѣ не заключаетъ зерна истины: похожа на орѣхъ свищъ. Отъ такихъ-то басенъ отводитъ Павелъ своего Тимоѳея; и Петръ не просто отвергаетъ басни, но басни ухищренныя, кромѣ украшенной наружности, силы Христовой не имущія. Иногда во вретищѣ дражайшій кроется камень. Какъ обрядъ есть, безъ силы Божіей, пустошъ; такъ и басня безъ истины. Если жъ съ истиною: кто дерзнетъ назвать лживою?

Все, убо, чисто чистымъ, оскверненнымъ же и невѣрнымъ ничтоже чисто, но осквернися ихъ умъ и совѣсть.

Симъ больнымъ, лишеннымъ страха Божія, а съ нимъ и добраго вкуса, всякая пища кажется гнусною. Не пища гнусна, *»но осквернился ихъ умъ и совѣсть.«*

Сей забавный и фигурный родъ писаній былъ домашній самымъ лучшимъ древнимъ любомудрцамъ. Лавръ и зимою зеленъ. Такъ мудрые и въ игрушкахъ умны, и во лжѣ истинны. Истина острому взору ихъ не издали мелькала, такъ, какъ низкимъ умамъ; но ясно, какъ въ зеркалѣ, представлялась; а они, увидѣвъ живо живый ея образъ, уподобили оную различнымъ тлѣннымъ фигурамъ.

Не одни краски не изъясняютъ розу, лилію, нарцисса, столько живо, сколько благолѣпно у нихъ образуетъ невидимую Божію истину тѣнь небесныхъ и земныхъ образовъ. Отсюду родились символы, притчи-басни, подобія, пословицы....

И не дивно, что Сократъ, когда ему внутренній геній, предводитель во всѣхъ его дѣлахъ, велѣлъ писать ему стихи, тогда избралъ Езоповы басни. И какъ самая хитрѣйшая картина неученымъ очамъ кажется враками, такъ и здѣсь дѣлается. — —

Пріими жъ, любезный пріятель, дружескимъ сердцемъ сію небезвкусную отъ твоего друга мыслей воду. Не мои сіи мысли, и не я оныя вымыслилъ: истина есть безначальна! Но люблю!... Тѣшъ мои *люби* — и будутъ твои. Знаю, что твой телѣсный болванъ далеко разнится отъ моего чучела; но два разноличные сосуды однимъ да наполнятся елеемъ; да будетъ едина душа и едино сердце! Сія-то есть истинная дружба—мыслей единство. Все не наше, все погибнетъ. И самые болваны наши. Одни только мысли наши всегда съ нами; одна только истина вѣчна! А мы въ ней, какъ яблокъ въ своемъ зернѣ, сокрыемся.

Питаймо жъ дружбу! Пріими и кушай съ Петромъ четвероногая, звѣри, гади и птицы. Богъ тебя да благословляетъ! Съ нимъ не вредитъ и самый ядъ языческій. Они ничто сутъ, какъ образы, прикрывающіе какъ полотномъ истину. Кушай, поколь вкусишь съ Богомъ лучшее! Любезный пріятель Твой вѣрный слуга, Любитель Священныя Библіи, Григорій Сковорода.

Вслѣдъ за этимъ идутъ письма Ковалѣнскаго къ Сковородѣ, изъ рукописи преосвященнаго Иннокентія (¹). Выдержки изъ нихъ (всѣхъ ихъ семь) мы теперь и представимъ, какъ новое пополненіе указаннаго нами біографическаго пробѣла. Первое письмо помѣчено годомъ »*1779, генваря 19. Москва.*« — Сверхъ того, первые четыре и шестое начинаются словами: »*Любезный мой Мейнгардъ*«, какъ по словамъ біографіи Ковалѣнскаго, называлъ себя иногда другъ его; а пятое и седьмое, писанныя Тамарой, начинаются полнымъ именемъ Сковороды: »*любезный мой другъ, Григорій Савичъ*« и »*любезный мой учитель, Григорій Савичъ.*« Ничего наивнѣе и трогательнѣе этихъ писемъ мы не знаемъ. Въ нихъ сохранились любопытныя черты, дорисовывающія окончательно образъ Сковороды и показывающія всю степень любви, которую питали къ нему современники и друзья его. Приводимъ ихъ по порядку, какъ нѣчто цѣлое и нераздѣльное, хотя между первымъ изъ нихъ отъ 1779 года, и послѣднимъ, отъ 1788 года, должны по порядку итти другіе уцѣлѣвшіе отрывки изъ переписки Сковороды.

Первое письмо. »Любезнѣйшій Meingard! Бесѣду вашу получилъ. Сорадуюсь обращенію вашему съ Плутархомъ. Онъ изъ Грековъ лутшій, мой другъ; изъ Римлянъ любомудрствующій царедворецъ Сенека; изъ Французовъ Боннетъ, изъ республикантовъ Жнъ-Жакъ-Руссо; изъ Нѣмцовъ Геллѣртъ; изъ Русскихъ Meingard.... Удивляюсь, что свирѣль моя не — (понравилась, вѣроятно). А она казалась титирскою и отъ Дафниса я имѣлъ ее! Я теперь живу въ удовольствіи. — Я имѣю друга въ женѣ: сіе много. Имѣю человѣка мыслящаго со мною: сіе утѣшительно. Имѣю изобиліе земное, со излишествомъ: сіе не мѣшаетъ. А въ дружбѣ и въ добросердечіи сокровище утѣшеній моихъ. И Плутархъ и Мейнгардъ правду говорятъ; и я тоже думаю. И сіе тріедино. Не можно ли хоть на мѣсяцъ къ намъ? Я бы очень желалъ. Пожалуста! Я послалъ вамъ *сыръ, трубку и книш*; не знаю, получили ль вы. Скажите, гдѣ вы нынѣ обитаете? Но гдѣ бы вы ни были, на всякомъ мѣстѣ люблю я душу Мейнгардову. Adieu! Вашъ Михайло Ковалѣнскій.« (4779 г., генваря 19. Москва.)

Приписка жены Ковалинскаго. »При семъ и я вамъ, любезный Meingard, Григорей Савичъ, свидѣтельствую мое почтеніе и прошу меня любить, а, я права, уже люблю васъ. Посылаю сыру пармазану и галанскаго. Желаю кушать и насъ помнить. Я слышела отъ Михаила Ивановича, что вы, въ-мѣстѣ съ скрипкой, любите и трубку. То я вамъ

(¹) Въ этой рукописи они списаны подъ рядъ почеркомъ послѣднихъ годовъ прошлаго вѣка.

оную посылая, желаю употреблять въ ваше удовольствіе. *Adieu, ton ami!* Вамъ покорная ко услугамъ — Надежда Кавалѣнская.«

Второе письмо. »1782 г., февраля 18, С.Петербургъ. — Любезный мой Менгардъ! Письмо ваше изъ *Таганрога* получилъ я. Какъ воспоминаніе, такъ и письмы ваши, во мнѣ производятъ сердечное утѣшеніе. Въ толпѣ свѣтскихъ стеченій наипріятнѣйшее чувствіе есть истины и непорочности. *А въ сихъ именахъ мнѣ всегда представляетесь вы!* Гдѣ вы теперь обрѣтаетесь? Я приторговалъ подлѣ Святогорскаго монастыря прекрасную, какъ сказываютъ, дачу; и скоро она, можетъ быть, моя будетъ. Весьма бы желалось мнѣ, чтобъ вы были тутъ жителемъ, и гражданиномъ, и хозяиномъ. Она извѣстна подъ именемъ деревни *Прилуцкаю.* Съ братомъ Григоріемъ, имѣющимъ отправиться отсюда скоро, пришлю *сыру и рыбы.* Да увѣдомьте, гдѣ васъ находить письмамъ моимъ? Я здоровъ, по милости Бога моего, съ семьею милою. Я пустился паки въ здѣшнее море, да удобнѣе къ пристаои уединенія достигну. Все прискучаетъ; и великая, и славная, и дивная — суть ничто для сердца человѣческаго. *Adio, mio caro Mangard!* Другъ твой Михайло Ковалѣнской. Тамара Василій Степановичъ здѣсь со мною, въ одной командѣ, при князѣ Потемкинѣ, подъ-полковникомъ; и я тоже. Онъ кланяется вамъ.»

Третье письмо. »1784 г. сентября 14. С.Пѣтербурхъ. — Любезный мой Менгардъ! Я давно собирался на письмо ваше отвѣтствовать, но не могъ. Гдѣ вы пущу (пустыню) свою утвердили? Благодарю васъ за любовь вашу ко мнѣ; еще больше благодарю за »Дружескія Бесѣды«, которыя воспоминаютъ во мнѣ сладчайшія, блаженныя времена безъпечалія, молодости и простоты, отъ которыхъ я столько удалился теперь и которыя всѣми чувствіями души моея люблю, и хочу, съ помощію Божіею, поздно или рано вознести себя къ истинному своему оному счастію. Признаюсь, что я не могу вспомнить безъ ощущенія любви къ тихой жизни и безъ побужденія къ исканію оной. И сіе утѣшаетъ еще меня внутренно, что я хоть не потерялъ искры добраго чувствія, потопляемъ бурею житейскою и вовлеченъ въ бездну суетъ и міра. Мнѣ крайне хочется купить въ *Украинскихъ сторонахъ* мѣсто, по склонности и любви моей естественной къ тихому провожденію жизни, о чемъ и просилъ Якова Михайловича Захаржевскаго. Ежели бы сіе удалось, то, удалясь отъ всего, уединился бы и просилъ бы васъ раздѣлить остатокъ жизни вмѣстѣ. Прошу васъ, любезнѣйшій мой Менгардъ, продолжить вашу дружбу ко мнѣ и писать, пока я не увижу васъ. Гостинца привезетъ вамъ отъ меня Яковъ Михаиловичъ, сыру пармазану. Vale! Господь надъ тобою. — P. S.—В. С. Тамара вамъ кланяется. И севодня, читая Энеиду Виргилія, переведенную по русски, поминали васъ любезно. Онъ ѣдетъ скоро въ Грузію и Черкесскія горы, и просилъ меня написать къ вамъ, не согласитесь ли вы съ нимъ ѣхать тудаже; то бы онъ взялъ васъ въ *Изюмъ*, куда онъ по дорогѣ его проѣзжать долженъ. А онъ туда ѣдетъ по коммиссіи, возложенной

на него. Скрипку или флейту харошу пришлю вамъ. *Да пожалуста увѣдомь: гдѣ изволишь ночевать, другъ сердечный? Adieu.*«

Сковорода въ Грузію и на Кавказъ не поѣхалъ. Любопытны эти стремленія »пустынножительства« въ лицѣ человѣка, который между тѣмъ, имѣя всѣ средства оставить шумъ свѣта, около двадцати лѣтъ, почти безвыѣздно, прожилъ въ столицѣ.

Четвертое письмо. »1785 года, октября 7-го. С. Пѣтербургъ. — Любезной мой Мейнагардъ! Съ самой весны я собирался къ вамъ писать. Но извѣстной Мечниковъ уѣхалъ, не видавшись со мною; и я разсудилъ за вѣрное средство послать вамъ письмо и флейттраверсъ чрезъ Петра Андреевича Щербинина, съ которымъ и пишу сіе. Посылаю слоновой кости бѣлый флейттраверсъ, которымъ желаю забавляться съ тѣмъ сердечнымъ удовольствіемъ, котораго вы достигли рѣдкими трудами вашими и каковаго ищемъ мы всѣ суетніи. Желаніе ваше видѣть меня въ Украинскихъ странахъ возбудило во мнѣ воспоминаніе пріятнѣйшей молодости моей и тѣхъ тихихъ, невинныхъ лѣтъ, которые съ дружбою вашею протекали въ простотѣ и чистотѣ сердца. Другъ мой любезной! Я бы давно уже полетѣлъ въ объятія тѣхъ прекрасныхъ, безмолвныхъ природныхъ мѣстъ, къ которымъ склонность моя всегда привязывала меня, но обстоятельствы мои удалили меня и, при всемъ направленіи моемъ, еще и нынѣ удаляютъ отъ исполненія желанія моего. Правда, что я пользуюсь деревенскою жизнію и, соединяя невозможное, городъ столичный и деревню, провожу время не безъ удовольствія. Я имѣю загородный домъ отъ Питербурха на восьмой верстѣ, по Петиргофской дорогѣ, надъ моремъ, съ рощею, съ садомъ, съ ранжереями, — гдѣ и живу всю весну, лѣто и часть осени, ѣздя въ недѣлю раза два въ городъ къ должности, по утрамъ; а къ деревенскому своему обѣду всегда возвращаюсь домой. Итакъ, въ одинъ день бываю въ первѣйшей столицѣ русскаго міра и въ самомъ глубокомъ уединеніи. Вы скажете, что это похоже нѣчто на Тускуланумъ любимаго вашего Туллія, гдѣ старичокъ оной, любомудрствуя, провождалъ время въ отдохновеніи отъ мятежей и блистательностей Рима. То и мое уединеніе, еслибы оно имѣло подобнаго оному мудраго старичка, съ коимъ вы сходствуете, отверзло бы нѣдра свои для принятія друга, старичка мудраго. Но предубѣдительность ваша къ краю сему въ томъ мнѣ поспоритъ. — Подумай, другъ мой, что, принявши трудъ увидѣть меня здѣсь, ты увидишь сына моего, который уже любитъ васъ и котораго ты полюбишь вѣрно. Жена моя, какъ Ревекка, раздѣлитъ все мое удовольствіе собесѣдованій съ тобою. Домъ мой обрадуется зрѣніемъ того человѣка, о которомъ часто слышали. Воспоминаніе любезное я, конечно, обращаю — въ Украйны, и хочу тамъ скончати животъ свой. — Сынъ мой учится по гречески и по французски.»

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА

Пятое письмо. «1787 г. іюня 22. С. Пѣтербурхъ.—Любезной мой другъ, Григорей Савичь! Имъ-же образомъ желаетъ елень источниковъ водныхъ, такъ я желалъ бы видѣть васъ и утѣшаться въ жизни дружескимъ собесѣдованіемъ вашимъ. Теперь всѣ мои привязанности къ столицѣ и большому свѣт кончились: я лишился сына семилѣтняго, который одинъ и былъ у меня, и скончался сего марта, 26 числа. Онъ составлялъ привязанность къ службѣ и здѣшнему пребыванію. Безъ него все сіе не нужно. Скорбь моя служитъ мнѣ руководствомъ къ простотѣ жизни, которую я всегда *вѣтренно* (?) любилъ, при всѣхъ моихъ заблужденіяхъ разума. Я осматриваюсь, какъ проснувшійся отъ глубокаго сна. Ахъ, другъ мой! Я часто привожу на память тихія и безмятежныя времена молодыхъ моихъ лѣтъ, которыхъ цѣну, доброту и красоту отношу къ дружбѣ твоей. Но не столько счастливъ я былъ въ большомъ свѣтѣ! При всемъ благопріятствѣ фортуны, разумъ мой не могъ имѣть счастія, чтобъ не впасть въ сѣти, оковы »желѣзностей« и суетностей, которыми разъ будучи обвязанъ, съ превеликимъ... свободиться долженъ! Ты самъ тамъ неразлученъ со мною въ мысляхъ моихъ, какъ я самъ съ собою. Почему и желаніе мое видѣть тебя и окончить вѣкъ вмѣстѣ.— Я всячески стараюсь купить деревню въ Харьковскомъ намѣстничествѣ, для привычки къ тому краю и для тебя. И совсѣмъ было сторговалъ село *Покровское, Спиридовой,* помѣщицы, но сосѣди попрепятствовали купить. Надѣюсь же на Бога, что вселитъ въ мѣстѣ злачнѣ и на водѣ покойнѣ, гдѣ бы я могъ упокоить и себя и твою старость, хоть ты и не имѣешь въ семъ надобности. — *Посылаю вамъ очки.* Не знаю, годятся ли для глазъ вашихъ: желаю же, чтобъ угодны были. — Жена моя посылаетъ вамъ *сыру пармазану и галанскаго,* по полупуда. Все сіе отправлено съ Тимофѣемъ Филиповичемъ Надаржинскимъ, который обѣщалъ доставить вамъ вѣрно. Флейту не успѣю послать теперь; а пришлю съ другою оказіею.«

Шестое письмо. »1788 г. Февраля 13. Санг-Пѣтербургъ. — Возлюбленный мой Мейнгардъ! Такъ ты уже и не пишешь ко мнѣ оригинально, а только чрезъ копію говоришь со мною? Вчера я получилъ отъ Якова Михайловича Захаржевскаго письмо, въ которомъ ты препоручаешь ему цѣловать меня. За дружеское сіе цѣлованіе душевно благодарю тебя, другъ мой; но желалъ бы я имѣть цѣлованіе твоею рукою, Мейнгардовою! Видъ начертанныхъ твоихъ писемъ возбуждаетъ во мнѣ огнь, пепломъ покрываемый, не получая ни движенія, ни вѣтра; ибо я живу въ такой странѣ, гдѣ хотя водъ и непогодъ весьма много, но движенія и вѣтровъ весьма мало — а безъ сихъ огонь совершенно потухаетъ. Ты говоришь въ письмѣ, что все мое получилъ, но меня самого не получаешь. Сего-то и я сердечно желаю. Давно уже направляю я ладію мою къ пристани тихаго уединенія!—Тогда-то я бы утѣшился тобою, другомъ моимъ, услаждая жизнь собесѣдованіемъ твоимъ! — Прости! Не знаю, что̀ послать тебѣ. *Да ты ни въ чемъ не имѣешь надобности, что̀ прислать можно: все въ тебѣ и съ тобою!* Я слышалъ о твоихъ

писаніяхъ. По любви твоей ко мнѣ, пришли мнѣ оныя. Я привыкъ любить мысли твои. Ты много оживотворишь меня бесѣдою твоею. Впрочемъ, не безпокойся, чтобъ я оныя сообщилъ кому другому. Можетъ быть, Богъ велитъ мнѣ увидѣть тебя скоро. Я покупаю у Шидловскаго, Николая Романовича, село *Кунее*, въ Изюмской округѣ. Сказуютъ, что мѣста хорошія тамъ; а ты бы еще собою мнѣ сдѣлалъ оныя прекрасными. Другъ твой и слуга вѣрный, Михайло Ковалѣнской. — Надежда моя посылаетъ тебѣ *пармазану*, съ дѣтьми Якова Михайловича, *и шесть платочковъ*. Пріими ихъ отъ дружбы.«

Седьмое письмо. »1788 г. 6 марта.« съ подписью: »*Василій Тамара.*« — »Любезный мой учитель Григорій Савичь! Письмо ваше чрезъ корнета *Кислаго* получилъ я, съ равною любви и сердца привязанностію моею къ вамъ. Воспомнишь ты, почтенный другъ мой, твоего Василія, по наружности можетъ быть и не-несчастнаго, но внутренно болѣе имѣющаго нужду въ совѣтѣ, нежели когда былъ съ тобою. О, еслибы внушилъ тебѣ Господь пожить со мною! Если бы ты меня одинъ разъ выслушалъ, узналъ, то бъ не порадовался своимъ воспитанникомъ. Напрасно ли я тебя желалъ? Если нѣтъ, то одолжи и отпиши ко мнѣ, какимъ образомъ могъ бы я тебя увидѣть, страстно любимый мой Сковорода? Прощай и не пожалѣй еще одинъ разъ въ жизни удѣлить частицу твоего времени и покоя старому ученику твоему — Василію Тамарѣ.«

Во всѣхъ этихъ письмахъ, сильнѣе всякой біографической похвалы, говоритъ за Сковороду страстная любовь, которою встрѣчали и провожали его всѣ знавшіе его. За отсутствіемъ другаго высшаго нравственнаго, интереса въ обществѣ украинскомъ того времени, за отсутствіемъ литературы и науки въ главномъ городѣ Слободскаго намѣстничества, къ Сковородѣ стремились всѣ тогдашніе живые умы и серца. О немъ писали въ письмахъ другъ къ другу, толковали, спорили, разбирали его, хвалили и злословили на него. Можно сказать, что по степени уваженія, которымъ онъ пользовался, его можно было назвать странствующимъ Университетомъ и Академіею тогдашнихъ украинскихъ помѣщиковъ, пока наконецъ, черезъ десять лѣтъ послѣ его смерти, безсмертный подвигъ Василія Каразина послужилъ къ открытію, въ Харьковѣ, университета.

Обратимся теперь къ оставленному нами на время перечню уцѣлѣвшихъ писемъ Сковороды. Они снова начинаются *1776 годомъ*. Рукопись неизданнаго сочиненія Сковороды »Книжечка, называемая Silenus Alcibiadis« помѣчена словами: »написанна 1776 года марта 28 (¹)

(¹) Въ спискѣ, переданномъ намъ преосвященнымъ Иннокентіемъ, внизу

и сопровождается также неизданнымъ писъмомъ къ »Высокомилостивому Государю, Степану Ивановичу, Господину Полковнику, *Тевяшову*«. Въ письмѣ объясняется цѣль сочиненія. Кончается оно словами:

»Я въ сей книжечкѣ представляю опыты, коимъ образомъ входить можно въ точный сихъ книгъ разумъ. Писалъ я ее, забавляя праздность и прогоняя скуку; а вашему высокородію подношу, не столько для любопытства, сколько ради засвидѣтельствованія благодарнаго моего сердца за многія милости ваши, на подобіе частыхъ древесныхъ вѣтвей, прохладною тѣнію праздность мою вспокоивающія. Такъ что и мнѣ можно сказать съ Мароновымъ пастухомъ: *Deus nobis haec otia fecit!* — Вашего высокородія всепокорнѣйшій и многодолженъ слуга, *студентъ, Григорій Сковорода.*«

Въ письмѣ къ Бабаевскому священнику, Іакову Правицкому, отъ *1785 г. окт. 3.*, онъ, пересылая ему новое свое сочиненіе »*Марко препростый*«, изъ села Маначиновки, изъясняется по латыни. Вотъ отрывокъ изъ этого письма, приведенный Срезневскимъ:

»*1785. окт. 3.* Изъ Маначиновки (1). Въ «Postscriptum«: Si descripsisti novos meos jam libellos: remitte ad me Archetypa. Etiam illum meum Dialogum. quem per aliis laudare soles: simul cum Archetypis mitte. Descriptus, ad te remittet iter Deo volente. Dicat ille Dialogus: *Марко препростый.*«

Тутъ-же образецъ его стиховъ латинскихъ:

»Omnia praetereunt: hed Amor post omnia durat.
Omnia praetereunt: haud Deus haud et Amor.
Omnia sunt aqua; cur in aqua speratis Amici?
Omnia sunt aqua; sed Portus Amicus erit.
Hac Kephâ tota est fundata Ecclesia Christi.
Istbace et nobis Képha sit atque Petra.« etc.

Тамъ же г. Срезневскій (отъ стр. 235) приводитъ другія выписки изъ неизданныхъ, бывшихъ у него подъ рукою, писемъ Сковороды къ

сдѣлана еще приписка копіиста: »Переписывано во градѣ С. Петра, 1791 г генваря 22—23 числа. *В. К.*«

(1) »Молодикъ« на 1844 г. Изд. И. Бецкимъ. Харьковъ. 1843. Стр. 235 и 242.—Хиждеу (въ Телескопѣ, ч. XXVI. 1835, стр. 52) упоминаетъ еще, что существуютъ письма Сковороды, этого времени, къ Правицкому, изъ *Маначиновки*, отъ 1786 г. марта 30; къ Протоіерею Ивану Гилевскому, изъ *Бурлука*, отъ 1788 г. мая, 11, и изъ *Гусинки*, отъ 1787 г. мая 1.—Онъ же упоминаетъ, кстати, еще слѣдующія, неизданныя и неизвѣстныя намъ, письма Сковороды (стр. 12): »*Помни послѣдняя*«, автобіографическое письмо Сковороды къ Архіеп. Георгію Конискому, отъ 5 мая, 1789 года, изъ *Бурлука*; и наконецъ къ нему же, изъ *Ивжина*, отъ 1769 г. іюля 29.

священнику Правицкому. Помѣщаемъ ихъ по порядку годовъ, въ извлеченіяхъ:

»*1786*. Апрѣля 25. Изъ пустыни Маначиновскія. — Не печися о разговорѣ »*Маркѣ*.« Онъ всегда есть вашъ: и возвратится въ твою книгохранку. »*Лотову Жену*« хочется докончать. Однако привезу съ собою, да написанное выпишите! Что бо мнѣ есть любезнѣе на небеси, или на землѣ, точію поучитися Святынѣ? въ сей единой да живу и умираю. Помалу-малу отходимъ отъ тлѣни плотскія, яже есть блаженная и вседневная смерть; иприближаемся ко Господу, иже есть Святыня, Кефа и Воскресеніе наше. Что убо есть блаженнѣе жизни нашея: на ней-же собывается оное. Положу стропотная ихъ во гладкая. Окрылатѣютъ, яко орлы; потекутъ и не утрудятся! Виждь Діатрибу мою, друже! »Діатреви« Еллински нарицается то, чемъ кто главно жизнь свою забавляетъ.—О, воскресеніе! міру невѣруемое! Коль услаждаеши сердце мое! Блаженни узрѣвшіи съ наперсникомъ красоту твою. Ядущій тя, еще взалчетъ! Сіе глаголю того ради, яко, доканчавая »Жену Лотову,« насладитися имамъ новаго вина, съ новымъ моимъ Лотомъ! Христомъ Іисусомъ, имѣя обрученіе съ нимъ по вѣрѣ Божіей.« (Молодикъ, 1843 г. стр. 235—236).

Далѣе: »1787. Января 18. Изъ *Гусинки:* (1)

»Прости, любезный, что солгалъ я прислать вамъ» Жену Лотову«. *Весною хощу васъ посѣтить*, сице Богу угодно, и привезу. Аще же, дайте знать, тотчасъ перишлю. *Въ зимнихъ трусостяхъ* (2) можетъ она потеряться. Тѣмъ не даю чрезъ Григорія Юріевича. Не печальтесь. Она всегда у васъ. Другое то, что весною *въ пустынѣ можно подумать объ окончаніи ея; а зима безплодна!* Я и сіе съ нуждою пишу.» (Тамъ же стр. 236.)

Письмо: »*1787-го года*. Марта 6 дня.«—Любезный во Христѣ, отче и брате и друже Іяковѣ: веселися во Господѣ! Пришлите мнѣ «*Симфонію*» (3). Переписавъ, паки отошлю къ вамъ. Посылаю къ вамъ» Жену Лотову.« Побесѣдуйте съ нею во Христѣ. Она чистая чистымъ; и сей кумиръ есть плодоносный вѣрнымъ! Божіимъ. На ней-то исполняется: отъ каменя

---

(1) Любопытно, что 1787 годъ былъ годомъ проѣзда императрицы Екатерины II черезъ Харьковъ, въ ея полное дивъ странствованіе по Югу. Сковорода все это время, какъ видно изъ его писемъ, прожилъ въ деревнѣ Гусинкѣ, у Сошальскихъ, и ничѣмъ не откликнулся царственной гостьѣ.

Впрочемъ, мы получили, изъ Константинограда, отъ г. Неговскаго письмо, гдѣ онъ пишетъ слѣдующее: Императрица Екатерина, проѣздомъ черезъ Украину, наслышавшись о Сковородѣ, увидала его и спросила: »*Отчего ты такой черный?*« — »*Э! вельможная мати отвѣтилъ Сковорода:*« »*развѣ же ты гдѣ видѣла, чтобъ сковорода была бѣлая, коли на ней пекутъ да жарятъ, а она все въ огнѣ?*«—

(2) Дрожавіи отъ холода.

(3) Неизданное сочиненіе Сковороды.

воздвигнути чада Аврааму. Она не доведена до конца. Но кто дождется конца, въ присно-текущемъ источникѣ? А что я сказалъ, обѣщая окончаніе, сіе касается до книжечки начатой мною, не до »Жены« Сія книжечка учитъ: какъ читать подобаетъ Священное Письмо? Аще единъ глаголъ Божій уразумѣется, тогда весь храмъ Соломоновъ есть свѣтелъ. Во примѣръ сему взялъ я сіе. Поминайте »Жену Лотову« и толкуя сіе слово· »возмутилъ всю Св. Писанія купѣль.« Да уразумѣютъ спящіи на Библіи!» Или съ Павломъ сказать: »почивающіи на законѣ!« Яко не многочтеніе дѣлаетъ насъ мудрыми, но многожеваніе принудило сказать сіе: »како сей вѣсть книги, не учився?« И да познаютъ: яко единъ день въ тысящѣ, и вопреки: 1000 глаголовъ Божіихъ во единомъ глаголѣ сокрывается. Нынѣ же-много жрутъ, для единыя дисентеріи! И нѣсть имъ человѣка, могущаго приложить имъ вкусъ—Все дастъ вкусъ свой; и звѣзды въ сокровищахъ своихъ блеснутъ; аще есмы отъ числа оныхъ. Израиль толчаше Манну въ ступахъ. Во блаженное число сихъ людей да впишетъ Христосъ всѣхъ насъ! желаю вамъ сего, всеискренній братъ и нижайшій слуга, *Григорій Сковорода.* Postea scripsi. Да наречется же сія книжечка: »*Женою Лотовою.*« Предисловіемъ же да будетъ сіе мое къ тебѣ письмо. О возлюбленный друже! Тебѣ сію невѣсту безневѣстную и чистую голубицу въ даръ привожду первому; и тебѣ обручаю, именемъ Господа нашего Іисуса Христа! Протчее, при переписке, *повельвай наблюдать ортографію. Паче же всѣ ея листы хранить отъ нечистоты.* Цѣлуй любезнаго Наемана Петровича, и всю нашу братію. Миръ въ днехъ нашихъ! Аминь« На томъ же листѣ и надпись: »Господину моему, Іерееви, Іякову Правицкому, въ Бабаяхъ« (Молодикъ, 1843 г. стр. 236—7).

Новое письмо: »*1787 октября 7.* Изъ Гусинки.« — Вы, снится мнѣ, переписали »*Михаилову Борьбу*« (1) и паки требуете? Обаче посылаю. Негли обрящете, чего ваша перепись не образуетъ. Не медлите же много. Обаче чрезъ невѣрныя руки: *не! не! не!*«

Письмо: »*1787. Января 18. Изъ Гусинки.* — Духъ правъ обнови во утробѣ моей. Аще кто не имѣетъ новаго сердца, тому весь міръ есть *ветха ветошь.* Аще чія душа тужитъ, тому весь міръ плачетъ. Аще чіе сердце мучится и страждетъ, тому весь годъ безъ праздника. Аще чій духъ отчаяніемъ оледенѣлъ, тому весь годъ безъ весны. Аще чій смыслъ мертвый, тому весь вѣкъ безъ живота! О любезный мой друже Іякове! Изблюймо прочь ветхій квасъ мірскій. Стяжимъ новое сердце. Облещимся въ одежду повыя нетлѣнныя надежды, во утробу братолюбія! Тогда намъ вся тварь просвѣтится; весь міръ взыграетъ и возскачетъ! Будетъ намъ всякъ день »*Великъ-день.*«

Изданная въ 1837 г., въ Москвѣ, книжка Сковороды: »*Убогій Жаворонокъ*«, сопровождается, въ видѣ предисловія, слѣдующимъ письмомъ (2).

---

(1) *Изданное сочиненіе Сковороды.*

(2) Лицо, о которомъ здѣсь говорится, *Ѳ. И. Дикій*, одинъ изъ быв-

отъ 1787 г. — »Григорій Варсава Сковорода, любезному другу, *Ѳеодору Ивановичу Дискому*, желаетъ истиннаго мира. Жизнь наша есть вѣдь путь непрерывный. Міръ сей есть великое море всѣмъ намъ плывущимъ. Онъ есть Окіанъ. О! вельми немногими щастливцами безбѣдно преплаваемый! На пути семъ встрѣчаютъ каменныя скалы и скалки. На островахъ Сирены; во глубинахъ киты; по воздуху вѣтры; волненія повсюду; отъ камней претыканіе; отъ сиренъ прельщеніе; отъ китовъ поглощеніе; отъ вѣтровъ противленіе; отъ волнъ погруженіе. Каменныя, вѣдь, соблазны суть неудачи. Сирены суть то льстивые други; киты суть то запазушные страстей нашихъ зміи! Вѣтры разумѣй напасти. Волненіе: мода и суета житейская. Непремѣнно поглотила бы рыба младаго Товію, еслибы въ пути его не былъ наставникомъ Рафаилъ! (Рафа, Еврейски значитъ медицину; Илъ или Элъ, значитъ Богъ). Сего путеводника промыслилъ ему отецъ его. А сынъ нашелъ въ немъ Божію медицину, врачующую, не тѣло, но сердце. По сердцу же и тѣло. Іоаннъ, отецъ твой, въ седьмомъ десяткѣ вѣка сего *(въ 62 году)*, въ городѣ *Купянскѣ*, первый разъ взглянувъ на меня, возлюбилъ меня. *Услышавъ же имя, выскочилъ, и достигши на улицу, молча въ лицо смотрѣлъ на мене*, и проникалъ, будто познавая мене, толь милымъ взоромъ, яко до днесь, въ зеркалѣ моей памяти, живо мнѣ онъ зрится. Воистинну прозрѣлъ духъ его, прежде рожденія твоего, что я тебѣ, друже, буду полезнымъ. Видишь, *коль далече прозираетъ симпатія!* Пріими, друже, отъ меня маленькое сіе наставленіе. Дарую тебѣ »*Убогаго моего Жайворонка*«. Онъ тебѣ заспѣваетъ и зимою, не въ клѣткѣ, но въ сердцѣ твоемъ, и нѣсколько поможетъ спасатися *отъ ловца и хитреца, отъ лукаваго міра сего.* О, Боже! Коликое число сей волкъ, день и нощь, незлобныхъ жретъ агнцовъ! Ахъ! Блюди, друже, да опасно ходиши! Не спитъ ловецъ! Бодрствуй и ты. Оплошность есть мать нещастія!

шихъ друзей Сковороды. Отъ него досталъ М. И. Алякринскій присланную намъ рукопись Ковалѣнскаго »*Житіе Сковороды.*« Полагаемъ, что читателю любопытно будетъ узнать объ этомъ Дискомъ подробнѣе, и потому сообщаемъ о немъ письмо г. Алякрянскаго: »О Ѳ. И. Дискомъ извѣстно мнѣ, что онъ былъ изъ малороссійскихъ дворянъ, проживалъ въ Москвѣ, имѣлъ небольшой домикъ на Дѣвичьемъ Полѣ, недалеко отъ Дѣвичьяго монастыря. По ограниченному ли состоянію, или по усвоенному имъ ученію Сковороды, образъ жизни велъ очень простой и скромный. Не смотря на то, пользовался пріязнію людей весьма почтенныхъ; изъ нихъ памятны мнѣ: профессоръ Московскаго Университета, Мудровъ и Директоръ Коммерческаго училища, Калайдовичъ. — Ѳ. И. Дискій къ памяти Сковороды имѣлъ какое-то благоговѣйное почтеніе, а сочиненія Сковороды были самымъ любимымъ его чтеніемъ. Мое знакомство продолжалось съ нимъ отъ 1826 по 1828. Впослѣдствіи я узналъ о несчастной смерти Дискаго. 3-го іюля 1833 года, работавшій въ его домѣ плотникъ разрубилъ ему топоромъ голову; вмѣстѣ съ нимъ убита еще бывшая у него въ услуженіи женщина.«

*

Впрочемъ, да не соблазнитъ тебѣ, друже, то, что тетервакъ (1) названъ *Фридрикомъ*. Если же досадно, вспомни, что мы всѣ таковы. *Всю вѣдь Малороссію Велероссія нарицаетъ тетерваками*. Чего же стыдиться? Тетервакъ вѣдь есть птица глупа, но не злоблива! *Не тотъ есть глупъ, кто не знаетъ* (еще все перезнавшій не родился), *но тотъ, кто знать не хочетъ*! Возненавидь глупость; тогда хоть глупъ, обаче будеши въ числѣ блаженныхъ оныхъ тетерваковъ! обличай премудраго и возлюбитъ тя! Яко глупъ есть, какъ же онъ есть премудръ? яко не любитъ глупости! Почему? Потому что пріемлетъ и любитъ обличеніе отъ друговъ своихъ. О! да сохранитъ юность твою Христосъ отъ умащающихъ елеемъ главу твою, отъ домашнихъ сихъ тигровъ и сиренъ! Аминь. 1787-го лѣта, въ полнолуніе послѣднія луны осеннія.«

Передъ изданною книжкою Сковороды »*Брань Михаила*« посвященной другу его, Мих. Ив. Ковалѣнскому, и написанной, какъ видно изъ помѣтки на рукописи переданной намъ г. Алякринскимъ: »*въ 1788 году*,« помѣщено письмо Сковороды слѣдующаго содержанія:

»Возлюбленный друже Михаилѣ! Пріими отъ меня и сію книжечку, въ даръ тебѣ, именемъ твоего же тезоименитства печатлѣнную. Имя Михаилово пріялъ еси, пріими и сердце его.« — «Сія книжечка изводитъ на подъ-небесный позоръ два серца, ангельское и сатанинское«. И въ концѣ: »О, предовольно-довольно! Се, гдѣ нашъ Іаковъ покоился и спа; тамо спа въ Харонѣ, во градѣ любви! — Видишь ли, возлюбленный Михаилѣ! Се, гдѣ покоится другъ твой *старецъ Варсава Даніилъ Мейнардъ. Іюня, 19 дня, 1788 года.*«

Неизданная книжка Сковороды »*Жена Лотова*,« по рукописи, переданной намъ г. Алякринскимъ, сопровождается также письмомъ къ Ковалѣнскому, безъ означенія года и мѣста жительства Сковороды. По приведеннымъ выше отрывкамъ, оно относится также къ восьмидесятымъ годамъ прошлаго вѣка. Вотъ его начало:

»Любезный друже Михаилѣ! Въ самомъ открытіи *Намѣстничества Харьковскаго* (2), во время непрестанныхъ осеннихъ дощей, прогоняя скуку, написалъ я книжицу сію въ монастырѣ *Сьмиянскомъ*. Сей монастырикъ подарилъ Печерской Лаврѣ святый Іустинъ, Митрополитъ Бѣлоградскій, въ которомъ онъ часто уединялся, ради горнихъ вертоградовъ и чистаго неба. Братъ мой Іустинъ, звѣряка, бывый тогда игуменомъ, не могъ чувствовать вкуса къ моей »Женѣ Лотовой,« однако былъ типографомъ и забавлялся книгами эллинскими и римскими. Но ты, любезный друже, имѣешь вкусъ не звѣрскій.«

---

(1) *Тетервакъ* — тетеревъ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ посылаемой нигя.

(2) Открыто 29 *сентября 1780 года*.

Далѣе идетъ письмо снова къ Правицкому, отъ: »*1788. Августа 4.* Изъ Гусинки, Скрынницкой пустыни. (1) — Вотъ вамъ, по желанію вашему «Херувимскія пѣсни» paraphrasis! Таиновиднымъ херувимамъ сообразны и животворящей Троицѣ пѣснь принося,—видимый сей весь міръ извержимъ изъ сердца, да вмѣстимъ невидимый, и его царя, окружаемаго и стрегома тмами—копіеносныхъ херувимъ и серафимъ! Аллилуя, аллилуя, аллилуя!

Дорофорео есть копіеноснымъ лейбгвардеромъ. Дорофоруменосъ, сирѣчь: окруженъ копіеносною гвардіею, или строемъ. Дориносима есть полъ-грека, за полъ-славяна.«

По порядку годовъ, помѣщаемъ теперь изъ »Украинскаго Вѣстника« 1817 г. кн. 1, стр. 126 — 131, два письма Сковороды, отъ 1790 г., какъ сказано въ »Вѣстникѣ« издателями: »писанныя къ здѣшнему, (т. е. къ Харьковскому) купцу *Е. Е. У—ну*, который и доставилъ ихъ издателямъ.« Въ примѣчаніи Квитки къ статьѣ г. Срезневскаго, въ »Утренней Звѣздѣ« 1833 г. (кн. 1 стр. 80) сказано: »Написавшій статью въ Украинскомъ Вѣстникѣ »приложилъ письма Сковороды къ *Урюпину*.«—Вотъ эти письма:

I.

»*Изъ Великаго Бурлука. 1790 года Іюня 10 дня.* — Возлюбленный друже! Георгій Георгіевичъ! Миръ сердцу твоему и дому! Благодарю Богу и тебѣ, друже, за твое мнѣ страннопріимство. Седмицу у тебя почилъ *Старецъ Сковорода*, аки въ матернемъ домѣ! Да воздастъ же тебѣ той, иже на свой счетъ пріемлетъ все даемое нищимъ! Я вашимъ виномъ, не только въ дорогѣ, но и въ дому ползовался! Прошу покорнѣйше отдать низенькій поклонъ господину Петру Ѳедоровичу, *Аптекарю*, и показать наоборотѣ вашего письма мои строки Латинскія! Артему Дороѳеевичу и *Рощину*, съ товарищемъ, усердное мое почтеніе. Такожде и Стефану Никитичу *Курдюмову*, и всему его дому; а я пребуду, возлюбленный друже, вамъ искреннимъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою: Старецъ Григорій Варсава Сковорода.«

На оборотѣ написано слѣдующее: »Carissime amice Petre! Nisi simplicitatem et candorem animi tui nossem; equidem nunquam te interpellassem, nec tibi facesserem molestiam! Nunc cum Socrate dico illud vetus proverbium:

Novi Simonem et Simon me.

Mitte, sodes, saltem unicum fasciculum centaurei majoris; sive cardui benedicti. Macerabimus aut vino aut sikera! Gratissimum nobis fe-

(1) »Молодикъ«, 1843 г. *Стр.* 238.

reris, si miseris. Vale! Debitor tuae amicitiae et beta tuorum amicorum— Senior Gregor, Bar-Saba Skoworoda.«

II.

»Изъ Великаго Бурлака. 1790 года Іюля 2 дня.—Любезный друже! Георгій Георгіевичъ! Да будетъ миръ тебѣ и дому твоему! Не забывай, друже, что нынѣ течетъ первая четверть небесныя луны Аугуста. Разумѣй, яже глаголю.,. Даждь премудрому поводъ, и премудрѣйшій будетъ. Слушай Римскую сію пословицу: боязливаго сына мати не рыдаетъ! Не дремай! Жизнь наша есть море! Блюдите, како опасно ходите! Господь да хранитъ правая теченія твоя! Тако плови, да достигнеши въ гавань благоумащенныя старости оныя! Вѣнецъ хвалы старость!... А кое-то есть масло, умащающее щастливую старость? Кій вѣнецъ? Послушай! Помаза насъ Богъ духомъ!.. Елеемъ радости помазалъ есп его.—Веселіе вѣчное надъ главы Святыхъ! Ахъ! что лучше возможетъ усладити старость, какъ Божіе сіе масло? Вотъ тебѣ масло! *Добрая слава* (пословица) *лучше мякаго пирога!*

»Не думай же, друже, что *добрая слава есть тоже, что пустозвонкій мірскій газетъ, гремящій по улицамъ о тѣлесной твоей премудрости, о силѣ и богатствѣ.* Да не хвалится премудрый премудростію своею!... Отъ сего елея утекаетъ Давидъ! Елей же грѣшнаго да не намаститъ главы моея! Симъ елеемъ мажутся нечестивіи! Они украшаютъ стѣны и тѣлеса, а не сердца своя. А вотъ они суть! О лицемѣре! Омый прежде внутренность твоея склянины. На, вотъ же тебѣ, и истинный, сердца украшающій елей, и питающій. Назнаменался, напечатлѣлся на сердцѣ нашемъ, свѣтъ лица твоего. *Далъ еси веселіе въ сердцы моемъ. Отъ плода, пшена, вина и елея и протчее.* Сирѣчь, разбогатѣли-де мы въ богатствѣ, украшающемъ и питающемъ сердце. Умѣй же различать ложную славу отъ истинныя, яко же воровскую монету; и будеши блаженный оный, Христомъ похваляемый купецъ! Онъ надъ все свое имѣніе предпочелъ дражайшій нѣкій маргаритъ, хоть тратою всего, только бы достать оный. А кій той толь странный и чудный *маргаритъ?*

»Вотъ онъ! Заповѣдь Господня свѣтлая... Страхъ Господень чистъ!... Вотъ онъ! на пути свидѣній твоихъ насладихся, яко во всякомъ богатствѣ. Вотъ онъ! Открый очи моя, и уразумѣю цѣну его! Вотъ онъ! Пришлецъ азъ есмь на землѣ! Вотъ онъ! Слава добрая утучняетъ кости!... Вотъ онъ! Слава велія: послѣдовати Богу! Прильне сердце мое по тебѣ.... Во вѣки не забуду оправданій твоихъ. Ей! лучше голый да правый, нежели богатый беззаконникъ. Не убоюся отъ обнажающихъ тѣло, души же обнажить не могущихъ. Любезный друже! Вашъ истиннаго добра желатель и всепокорнѣйшій слуга, старецъ Григорій Вар-Сава Сковорода. Пришлите мнѣ *ножикъ съ печаткою.* Великою печатью не кстати, и не люблю, моихъ писемъ печатать. Люблю печататься еленемъ. *Уво овано моего еленя,* тогда, когда я у васъ въ Харь-

ковѣ пировалъ и буянилъ. Достойно! Боченочки оба отсылаются: вашъ и *Дубравина*! И сей двоицѣ отдайте отъ меня низесенькій поклонъ, и господину Прокопію Семеновичю.« —

Въ »Молодикѣ« (1843 г. стр. 229 — 234.) при »Письмѣ къ издателю« Василія Каразина, приложено письмо Сковороды къ Ковалѣнскому отъ 1790 года. Каразинъ пишетъ: »Посылаю къ вамъ то самое письмо украинскаго нашего философа, которое вы имѣть желали. Только оно не подлинное, а списанное мною съ подлинника, предъ самымъ его отправленіемъ на почту въ Орелъ, къ тайному совѣтнику, Михаилу Ивановичу Ковалѣнскому. Я тогда, т. е. за полстолѣтія слишкомъ, сохранилъ не только правописаніе почтеннаго Сковороды, но сколько могъ, даже и почеркъ его. Вотъ почему нѣкоторые ошибались почитая этотъ списокъ за подлинникъ. Такъ я о немъ и слышалъ, потерявъ, за давностію времени, изъ виду и памяти все это обстоятельство. Почему вы вообразите мое удивленіе, когда я увидѣлъ мой списокъ въ рукахъ нашего архипастыря пр. Иннокентія) который столь благосклонно предложилъ его для васъ. Сковорода жилъ тогда въ деревнѣ давно-умершаго моего отчима, Кол. Совѣтн. *Андрея Ив. Ковалевскаго*, въ Ивановкѣ, которая теперь принадлежитъ г. Кузину. Тамъ его и могила. Она украсится достойнымъ памятникомъ, какъ обѣщалъ мнѣ Козьма Никитичъ Кузинъ. Тогда, можетъ быть, напишу я біографію нашего мудреца. Мы подъ чубомъ и въ украинской свиткѣ имѣли своего Пиѳагора, Оригена, Лейбница. (1) Вотъ это письмо:

Изъ Олшанскія Ивановки. 1790 г. септембря 26.—Возлюбленный паче всѣхъ, человѣкъ Михайле! Миръ тебѣ, муже Божественныхъ желаній! Мати моя — Малороссія, и тетка моя — Украина, посылаютъ тебѣ въ даръ малорослую мою дщерь Авигею: »*Икону Алкивіадскую*.« Пріими ее, и яко Давидъ, наслаждайся ею. Она не лицемъ, но сердцемъ красавица, и вся слава ея внутрь ея! Съ нею бесѣдуя, бесѣдуешъ со мною! Сердце мое въ ней, а ея во мнѣ! Она тебѣ породитъ единаго точію сына, иже есть истое начало. Родъ сей лицемѣрный и сласто-очесный, ругаясь, нарицается бѣсною и буйною. Азъ же тя, прежде юношу, нынѣ же обрѣтохъ тя мужа, по сердцу моему. Сія моя дума — твоя есть, и твоя — моя! Вотъ единость! Любовь! Дружба!.. Письмо сокра-

(1) Каразинъ добавляетъ: »Подобно, какъ Москва, за полтораста лѣтъ, въ *Посошковѣ*, своего Филанджери, а Харьковъ нынѣ имѣетъ своего Іоанна Златоуста исторически говорить о живыхъ.«

щу. Не удерживаю отъ бесѣды съ дѣвою Евою. Только припишу воспѣтую мною въ Харьковѣ — Харькову »*Пьсеньку*« въ августѣ:

Oratio ad Deum
In urbem *Zacharpolim*:
Ex hoc *Zachariae Prophetae* grano:
r. hi sunt oculi Domini..

Zacharias oculos septem tibi praedicat esse.
Septimus est oculus: *Zachariana* polis.
Caeci sunt oculi: quando Pupilla latet.
O reclude tuos in eam, miseratus. Ocellos!
Sic sol verus erit: *Zachariana* Popis.

»Сіи очи откроетъ Авигея въ Захаровскомъ »*Свѣшникѣ.*« Tu versus facies slawonicos! Іаковъ мой къ сей моей дщерѣ *простудился* (1). Замарая въ ней и мое, и кому поднесена, — имя. Откуду сіе? Не вѣмъ! Сего ради пересылаю къ тебѣ, другу, сей, для него списанный, *списокъ*. Уживай лутче его себѣ сію твоего Лиценціата душу.

»Аще Богъ Помощникъ, во слѣдъ Авигеи, еще *два мои сыночки*, выправляютъ крыльца, и думаютъ къ вамъ летѣть. »Древній мыръ« — (пишу *ы* at differat ab illo: *мир*) и »Михаилъ, боряй сатану.« Они рожденны для тебя, и посвящены отъ самыхъ пеленъ твоему духу. Окажетъ прологъ! Будь же имъ отецъ и покровитель во вѣки! Но потерпимъ: снимаются копіи. Оригиналъ ли прислать? Увижу. До »Дщери« случайно привязалася »*Ода Сидронія-Езуиты.*« Благо же! На ловца звѣрь, по пословицѣ. Послѣ годовой болѣзни, перевезъ я ее въ Харьковѣ, отлѣтая къ матерѣ моей, пустынѣ. Люблю сію Дѣвочку. Ей! достойна быть въ числѣ согрѣвающихъ блаженну Давидову и Лотову старость оныхъ.—Прилагаю тутъ-же, какъ хвостикъ, и *закоснѣвшее мое къ вамъ писмишко Гусинковское*. Нынѣ скитаюся у моего Андрея Ивановича Ковалевскаго. Имамъ моему монашеству полное упокоеніе, лучше *Бурлука*. Земелька его есть нагорная. Лѣсами, садами, холмами, источниками распещренна. На томъ мѣстѣ я родился *возлѣ Лубенъ*. Но ничто мнѣ не нужно, какъ спокойна келія; да наслаждаюся моею невѣстою оною; сію возлюбихъ отъ юности моея... О, сладчайшій органе! Едина голубице моя, Библія! О, дабы собылося на мнѣ оное! Давидъ мелодивно выграваетъ дивно. На всѣ струны ударяетъ! Бога выхваляетъ! *На сіе я родился*. Для сего ѣмъ и пію; да съ нею поживу и умру съ нею! Аминь! Твой другъ и братъ, слуга и рабъ, *Григорій Варсава Сковорода, Даніилъ Меінгардъ.*« — Приписка:

»*Число моихъ твореній*. Лутчее — значатъ звѣздки.

1) *Наркисъ узнай себя*. *** Первородный плодъ.

---

(1) Остылъ.

2) *Симфонія Библейныхъ словъ сему:* * »Рѣхъ сохраню пути.«
3) *Симфонія* * *Аще не увѣси самую тебѣ и* пр. ***
4) *Неграмотный Марко.* (У Якова Правицкаго.)
5) *Алфавитъ міра.* ***
6) *Разговоръ Кольцо.* *
7) *Древній мыръ.*
8) *Жена Лотова.* *
9) *Брань Михайлова со Сатаною.* **
10) *Икона Алкивіадская.* ***
11) *Бесѣда 1-я нареченна Сіонъ.*
12) *Бесѣда 2-я Сіонъ.*
13) *Бесѣда 3-я нареченна: Двое.* **
14) *Діалогъ:* дума и нетлѣнный духъ. (У Правицкаго.)
15) *Притча, нареченна: Убогій Жайворонокъ.* (У Дискаго.)

»ПЕРЕВОДЫ ИЗЪ ЦИЦЕРОНА.

1) *О старости,* * поднесена Ст. Ив. Тевяшову, изъ Плутарха.
2) *О смерти.*
3) *О Божіемъ правосудіи,* *
4) *О храненіи отъ доловъ.* (Дарена Алекс. Юр. Сопальскому.)
5) *О спокойствіи душевномъ.* * (Подн. Як. Мих. Захарж.)
6) *О вожделеніи богатства.* (Завезена *въ Крымъ* безъ списка.)
7) Езуита Сидріонія: *Ода о Уединеніи,* et coetera.

»У друга нашего, Бабайскаго Іерея, Іак. Правицкаго, *всѣ мои творенія хранятся.* По мнѣ бы они давно пропали! Я удивился, увидѣвъ у него моего Наркисса и Симфонію »аще не увѣси«. Я ее, ожелчившися, *спалилъ въ Острогожскѣ,* а о Наркиссѣ на вѣки было забылъ. Просите у его! *А я, не точію апографи, но и аутографи раздалъ, раздарилъ, расточилъ.*

Non prodest Messis: nisi servet cura fidelis.
Fons fundit largas: Testa reservat aquas, etc.

»*Post scripsi.* При »Авигеи« пріимите и »Алфавита« сына. Такъ духъ велѣлъ!«

Въ Публичной библіотекѣ, въ Петербургѣ, находится рукопись Сковороды: »*Книжечка Плутархова о спокойствіи души*«. Здѣсь приложено письмо Сковороды: »Высокомилостивому Государю, Якову Михайловичу Донцу-Захаржевскому«, отъ 1790 года, апрѣля 13. Въ началѣ онъ говоритъ: »Пріимите милостиво отъ человѣка, осыпаннаго вашими милостями и ласками, маленькій сей, аки лепту, дарикъ; уклонившисъ къ Плутарху, перевелъ я книжчонку его.« Подпись письма: »Любитель и сынъ міра Григорій Варсава Сковорода.«

Наконецъ, прилагаемъ послѣднее, неизвѣстно когда писанное письмо Сковороды къ *Тевяшову*, напечатанное при книгѣ его, изданной въ Москвѣ, въ 1837 г., »*Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ*« Вотъ оно:

»Милостивому государю, Владимеру Степановичу, его благородію, Тевяшову. Милостивый Государь! Идутъ къ вамъ два разговора, жаждущіи вашего лицезрѣнія. Удостойте ихъ своего пріятія. Они уже, прежде рожденія своего, опредѣлены доброму вашему духу. Почтеніе мое къ человѣколюбному и кротчайшему батюшкѣ вашему, усердіе мое къ вамъ, а доброжелательство къ цѣлой фамиліи вашей приноситъ оные! Христова философія обращается около сердца и врачуетъ оное. Душа есть mobile perpetuum, движимость непрерывная. Крыла ея суть мысли, мнѣнія, совѣты. Она или желаетъ чего, или убѣгаетъ отъ чего. Желая, любитъ; убѣгая, боится. Если не знаетъ, чего желать, а чего убѣгать, — тогда недоумѣваетъ, сумнится, мучится сюда и туда; какъ шарикъ, катается, мятется и вертится, какъ магнитная стрѣла,— поколь не устремитъ взоръ свой въ дражайшую точку холоднаго сѣвера.

»Такъ и душа наконецъ, когда найшла Того, кого нигдѣ нѣтъ, и вездѣ есть,—щастлива! Сей одинъ довлѣетъ ея насытить! А безъ сего, глотаетъ воздухъ, съ ядущимъ вся дни живота своего землю зміемъ.

»Мнѣнія подобны воздуху. Онъ между стихіями не виденъ; но твердѣе земли, а сильнѣе воды: ломлетъ дерева, низвергаетъ строенія, гонитъ волны и корабли, ѣстъ желѣзо и камень, тушитъ и разъяряетъ пламень.

«Такъ и мысли сердечныя. Онѣ не видны, какъ будто ихъ нѣтъ. Но отъ сей искры весь пожаръ, мятежъ и сокрушеніе. Отъ сего зерна зависитъ цѣлое жизни нашей дерево. Если зерно доброе, добрыми въ старости наипаче) наслаждаемся плодами. Какъ сѣемъ, такъ и жнемъ!

«Весьма я радъ буду, если сія книжечка въ прогнаніи только нѣсколькихъ дней скуки послужитъ. Но куда я доволенъ, если она хоть въ каплѣ внутренняго мира поспособствуетъ! Вседражайшій, сердечный міръ подобенъ самымъ драгоцѣннымъ камушкамъ. Одна крошечка цѣну свою имѣетъ. Если станемъ его одну каплю щадить, тогда можемъ со временемъ имѣть цѣлую чашу спасенія.

«Разливши мысли наши по однимъ наружнымъ попеченіямъ, и не помышляемъ о душѣ, не разсуждая, что отъ нея всякое дѣло и слово проистекаетъ; а если сѣмя зло, нельзя не послѣдовать худымъ плодамъ. Все насъ сирыхъ оставитъ, кромѣ сего неотъемлемаго сокровища!

«Представьте себѣ смѣсь людей, во всю жизнь, а паче въ кончину лѣтъ своихъ, тоскою, малодушіемъ, отверженіемъ у тѣхъ, задумчивою грустью, печалью, страхомъ, отчаяніемъ, среди изобилія, безъ ослабы мучащихся, и вспомните, что все сіе зло и родное нещастіе родилось отъ преслушанія сихъ Христовыхъ словъ:

»Ищите прежде Царствія Божія....
»Возвратися въ домъ твой! —
»Царствіе Божіе внутрь васъ есть!
»Омый прежде внутренность стакана!...«

«Но благодареніе Всевышнему за то, что никогда не бываетъ поздный трудъ въ томъ, что для человѣка есть самонужнѣйшее. Царствіе Божіе вдругъ, какъ молнія, озаряетъ душу, и для пріобрѣтенія вѣры надобенъ одинъ пунктикъ времени.

«Дай Богъ вамъ чисать слово Божіе со вкусомъ и примѣчаніемъ, дабы исполнилось на васъ:

»Блаженны слышащіе слово Божіе и хранящіи.« Другой разговоръ скоро послѣдуетъ. А я пребуду, милостивый государь! вашего благородія покорнѣйшій слуга, любитель Священныя Библіи, *Григорій Сковорода*.«

Представивъ отдѣльные анекдоты и черты изъ жизни Скороды, съ отрывками изъ его писемъ, мы такимъ образомъ пополнили двадцатилѣтній пробѣлъ біографіи его, писанной Ковалѣнскимъ. Теперь остается намъ перейти снова къ рукописи послѣдняго и разсказать по ней, съ добавленіями другихъ источниковъ, послѣдніе годы жизни Сковороды.

»Удрученъ, изможденъ, истощенъ волненіями свѣта, обратился я въ себя самого«, говоритъ Ковалѣнскій: »собралъ разсѣянныя по свѣту мысли въ малый кругъ желаній и, заключа оныя въ природное свое добродушіе, прибылъ изъ столицы въ *деревню*, надѣясь тамо найти брегъ и пристань житейскому своему обуреванію.« Хотя »свѣтъ и тамъ исказилъ все« и онъ »въ глубокомъ уединеніи остался одинъ, безъ семейства, безъ друзей, безъ знакомыхъ, въ печаляхъ, безъ всякаго участія, совѣта, помощи и соболѣзнованія«, — но былъ наконецъ утѣшенъ. »Сковорода, семидесяти-трехъ-лѣтній, по девятнадцати-лѣтнемъ-несваданіи, одержимъ болѣзнями старости, не смотря на дальность пути, на чрезвычайно ненастливую погоду и на всегдашне отвращеніе къ краю сему, пріѣхалъ въ деревню къ другу своему, село *Хотетово*, въ двацати пяти верстахъ отъ Орла, раздѣлить съ нимъ ничтожество его«. Это было, значитъ, въ годъ смерти Скороды, въ *1794 году*. — »Сковорода привезъ къ нему сочиненія свои, изъ которыхъ многія приписалъ (1) ему. Читывалъ оныя самъ съ нимъ ежедневно и, между чтеніемъ, занималъ его разсужденіями и правилами, каковыхъ ожидать должно отъ человѣка, искавшаго истины во всю жизнь, не умствованіемъ, но дѣломъ, и возлюбившаго добро-

(1) Посвятилъ.

дѣтель ради собственной красоты ея.« Они толковали о сектахъ. »Я не знаю мартинистовъ« ,говорилъ Сковорода. »Но всякая секта пахнетъ собственностію; а гдѣ собственность, тутъ нѣтъ главной цѣли или главной мудрости. Доходя до толковъ о »философскомъ камнѣ« и о »содѣланіи состава для продленія человѣческой жизни до нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ«, Сковорода говорилъ: »Это остатки Египетскаго плотолюбія, которое, не могши продлить жизни тѣлесной, нашло способъ продолжать существованіе труповъ, мумій. Сія секта, мѣряя жизнь аршиномъ лѣтъ, а не дѣлъ, не сообразна тѣмъ правиламъ мудраго, о которомъ пишется: *поживъ въ малѣ, исполнь лѣта доли*!«

Иногда, говоритъ Ковалѣнскій, разговоръ Сковороды касался смерти. »Страхъ смерти,« замѣчалъ онъ, »нападаетъ на человѣка всего сильнѣе въ старости, его. Потребно благовременно заготовить себя вооруженіемъ противу врага сего не умствованіями, но мирнымъ расположеніемъ воли своей. Такой душевный миръ пріуготовляется издали, тихо, въ тайнѣ сердца ростетъ и усиливается чувствомъ сдѣланнаго добра. Это чувство вѣнецъ жизни« . И наконецъ говорилъ: »Другъ мой! величайшее наказаніе за зло есть сдѣлать зло, какъ и величайшее воздаяніе за добро есть дѣлать добро!

Услыша въ окружности о прибытіи Сковороды къ другу своему, »многіе желали видѣть его, и для того нѣкоторые пріѣхали туда. Изъ начальства Правленія Орловскаго, *губернскій прокуроръ*, молодой человѣкъ, подошелъ къ нему и привѣтственно сказалъ: — Григорій Савичъ! прошу любить меня! — Могу ли любить васъ, отвѣчалъ Сковорода: я еще васъ не знаю!« — »другой, изъ числа таковыхъ же, *директоръ экономіи*, желая свести съ нимъ знакомство, говорилъ ему: я давно знаю васъ по сочиненіямъ вашимъ; прошу доставить мнѣ и личное знакомство ваше, Сковорода спросилъ: какъ зовутъ васъ? — Я называюсь такъ-то! — Сковорода, остановясь и подумавъ, отвѣтилъ: »имя ваше не скоро ложится на мое сердце!«

Простота жизни, замѣчаетъ біографъ, высокость познаній и долголѣтній подвигъ Сковороды »въ любомудріи опытномъ« раздиралъ ризу »высокомудрствующихъ«. Они отъ зависти говорили: »Жаль, что Сковорода ходитъ около истины и не находитъ ея!« Въ это же время онъ »увѣчеваемъ былъ уже знаменами истины« .

Вотъ послѣднія строки Ковалѣнскаго.

»Старость, осеннее время, безпрерывно мокрая погода умножили разстройку въ здоровьи его, усилили кашель и разслабленіе. Онъ, прожива у

друга своего *около трехъ недѣль*, проситъ отпустить его въ любимую имъ Украину, гдѣ онъ жилъ до того и желалъ умереть, что́ и сбылось. Другъ его упрашивалъ остаться у него зиму провести, и вѣкъ свой скончать, со временемъ, у него въ домѣ. Сковорода отвѣтилъ, что духъ его велитъ ему ѣхать, и другъ отправилъ его немедленно.—Напутствуя его всѣмъ потребнымъ, давъ ему полную волю, по нраву его, выбрать, какъ и куда, съ кѣмъ и въ чемъ хочетъ онъ ѣхать, предоставилъ ему для дороги нужный запасъ, говоря: возьмите сіе; можетъ быть, въ пути болѣзнь усилится и заставитъ остановиться, то нужно будетъ заплатить!—Ахъ, другъ мой! сказалъ онъ: неужели я не пріобрѣлъ еще довѣрія къ Богу; промыслъ его вѣрно печется о насъ и даетъ все потребное за благовременность!—Другъ его не безпокоилъ уже съ своимъ приношеніемъ.—1794 года, августа 26, отправился онъ въ путь изъ Хотетова въ Украину.—При разставаніи, обнимая друга, Сковорода сказалъ: »можетъ быть больше уже не увижу тебя! Прости! помни всегда, во всѣхъ приключеніяхъ твоихъ въ жизни, то, что мы часто говорили:—свѣтъ и тьма, глава и хвостъ, добро и зло, вѣчность и время....« Пріѣхавши въ Курскъ, присталъ онъ къ тамошнему архимандриту Амвросію, мужу благочестивому. Проживя нѣсколько тутъ, ради безпрерывныхъ дождей, и улуча вёдро, отправился онъ далѣе, но не туда, куда намѣревался. Въ концѣ пути, онъ почувствовалъ побужденіе ѣхать въ то же мѣсто, откуда поѣхалъ къ другу, хотя совершенно не былъ расположенъ. Это была слобода *Ивановка*, помѣщика Ковалевскаго. Болѣзни,—старостью, погодою, усталостію отъ пути,—приближали его къ концу его. Проживя тутъ больше мѣсяца, всегда почти на ногахъ еще, часто говорилъ онъ съ благодушіемъ: »духъ добръ, но тѣло немощно«. Далѣе Ковалѣнскій, замѣчаетъ, что предъ смертію онъ было отказался совершить нѣкоторые обряды, положенные церковью, но потомъ »представляя себѣ совѣсть слабыхъ«, исполнилъ все по уставу и скончался *октября 29, поутру на разсвѣтѣ, 1794 года* (1).

---

(1) Примѣчаніе. Подобное же рѣзкое уклоненіе отъ общепринятыхъ обрядовъ, при всемъ благочестіи своемъ, Сковорода оказывалъ и въ другихъ случаяхъ.—*К. С. Аксаковъ* передалъ намъ слѣдующее преданіе о Сковородѣ. Однажды, въ церкви, въ ту минуту, какъ священникъ, выйдя изъ алтаря съ дарами, произнесъ: »Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите«,—Сковорода отдѣлился отъ толпы и подошелъ къ священнику. Послѣдній, зная причудливый нравъ Сковороды и боясь пріобщить нераскаявшагося, спросилъ его: »Знаешь ли ты, какой великій грѣхъ ты можешь совершить,

Здѣсь мы пополнимъ очеркъ его послѣднихъ минутъ слѣдующими любопытными строками изъ статьи г. Срезневскаго »Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріѣ Сковородѣ (»Утрен. Звѣзда« 1833, г., стр. 88—91): «Въ деревнѣ у помѣщика К—го (Ковалевскаго), небольшая »кимна́тка«, окнами въ садъ, отдѣльная, уютная, была его послѣднимъ жилищемъ. Впрочемъ, онъ бывалъ въ ней очень рѣдко; обыкновенно или бесѣдовалъ съ хозяиномъ, также старикомъ, добрымъ, благочестивымъ, или ходилъ по саду и по полямъ. Сковорода до смерти не переставалъ любить жизнь уединенную и бродячую. — Былъ прекрасный день. Къ помѣщику собралось много сосѣдей погулять и повеселиться. Послушать Сковороду было также въ предметѣ. Его всѣ любили слушать. За обѣдомъ Сковорода былъ необыкновенно веселъ и разговорчивъ, даже шутилъ, разсказывалъ про свое былое, про свои странствія, испытанія. Изъ-за обѣда встали, будучи всѣ обворожены его краснорѣчіемъ. Сковорода скрылся. Онъ пошелъ въ садъ. — Долго ходилъ онъ по излучистымъ тропинкамъ, рвалъ плоды и раздавал ихъ работавшимъ мальчикамъ. Такъ прошелъ день. Подъ вечеръ хозяинъ самъ пошелъ искать Сковороду и нашелъ подъ развѣсистой липой. Солнце уже заходило; послѣдніе лучи его пробивались сквозь чащу листьевъ. Сковорода, съ заступомъ въ рукѣ, рылъ яму—узкую, длинную могилу. »Что это, другъ Григорій, чѣмъ это ты занятъ?« сказалъ хозяинъ, подошедши къ старцу. — »Пора, другъ, кончить странствіе!« отвѣчалъ Сковорода: »и такъ всѣ волосы слетѣли со бѣдной головы отъ истязаній! пора успокоиться!« — »И, братъ, пустое! Полно такъ шутить! Пойдемъ!« — »Иду! но я буду просить тебя прежде, мой благодѣтель, пусть здѣсь будетъ моя послѣдняя могила....« И пошли въ домъ. Сковорода не надолго въ немъ остался. Онъ ушелъ въ свою »кимна́тку«, перемѣнилъ бѣлье, умылся, помолился Богу, и подложивши подъ голову свитки своихъ сочиненій и сѣрую »свиту« — легъ, сложивши на крестъ руки. Долго его ждали къ ужину. Сковорода не явился. На другой день утромъ къ чаю тоже, къ обѣду тоже. Это изумило хозяина. Онъ рѣшился войти въ его комнату, чтобъ разбудить его; но Сковорода лежалъ уже холодный, окостенѣлый.«

Ковалѣнскій замѣчаетъ: »Предъ кончиною завѣщалъ онъ предать его погребенію на возвышенномъ мѣстѣ, близъ рощи и гумна, и слѣдующую, сдѣланную имъ себѣ надпись написать:

не приготовившись? И готовъ ли ты къ сему великому таинству?« — »Знаю и готовъ! »отвѣтилъ суровый отшельникъ, и духовникъ, вѣря его непреложнымъ словамъ, пріобщилъ его охотно.«

»*Міръ ловилъ меня, но не поймалъ*«.

Потомъ Ковалѣнскій прилагаетъ списокъ сочиненій Сковороды, по »своеручному списку« Сковороды въ письмѣ къ нему. Это письмо мы привели выше вполнѣ, подъ 1790 годомъ. Сказавши, что нѣкоторыя сочиненія Сковороды хранятся у него, Ковалѣнскій кончаетъ свое »житіе Сковороды Григорія Савича описанное другомъ его«, словами: »Другъ написалъ сіе въ память добродѣтелей его, въ благодарность сердцу его, въ честь отечества, въ славу Бога:

1795 года, февраля 9, въ селѣ Хотетовѣ. Надгробная надпись Григорію Савичу Сковородѣ, въ Бозѣ скончавшемуся, 1794 года, октября 29 дня.

»Ревнитель истины, духовный Богочтецъ,
»И словомъ, и умомъ, и жизнію мудрецъ.
»Любитель простоты и отъ суетъ свободы,
»Безъ лести, другъ прямой, доволенъ всѣмъ всегда—
»Достигъ на верьхъ наукъ, познаній духъ природы,
»Достойный для сердецъ примѣръ *Сковорода*.« (¹)

»Сочиненіе друга его *М. К.*« —

Пересказавши въ отрывкахъ рукопись Ковалѣнскаго, Снегиревъ дѣлаетъ одно любопытнее замѣчаніе съ своей стороны (стр. 261), намека на которое мы въ рукописи не нашли. — Вотъ оно: »*Одинъ его почитатель вызывалъ къ себѣ, черезъ Московскія Вѣдомости, желающихъ читать сочиненія Украинскаго мудреца*«.

Такова было, въ свое время, дань любви къ Сковородѣ и громадная извѣстность къ этому »Украинскому мудрецу.«

Изъ печатныхъ извѣстій о Сковородѣ, мы можемъ еще прибавить слѣдующія строки Хиждеу, изъ примѣчаній къ статьѣ его, въ »Теле-

---

(¹) Это стихотвореніе помѣщено подъ единственнымъ, повтореннымъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ, портретомъ Сковороды, по словамъ Снегирева (Отеч. Зап. 1823 г., ч. XIV. стр. 263) »*гравированнымъ П. Мещеряковымъ*«. Послѣ отдѣльнаго изданія, портретъ этотъ перепечатанъ въ *Утренней Звѣздѣ* 1834 г., при статьѣ Срезневскаго, безъ стиховъ, въ »*Картинахъ Свѣта*« Вельтмана, 1836 г., при статьѣ о Сковородѣ, со стихами, — и безъ стиховъ и статьи о Сковородѣ, въ дурной копіи, въ »*Иллюстраціи*« 1847 г.

скопѣ«, 1835 г. (XXVI ч., стр. 171): »Магистръ Кіевской Духовной Академіи, Симеонъ Рудзинскій, сообщилъ мнѣ описаніе и рисунокъ *Сковородиной сумы*, оставленной у его отца; но она не принадлежитъ къ роду »бесагъ« (двойная сумма, раздѣленная на двѣ ноши, соединенныя вмѣстѣшвомъ). Это просто »торба »или обыкновенная котомка.« Это также показываетъ всю силу уваженія, какимъ пользовался нѣкогда Сковорода на родинѣ....

Желая собрать окончательныя свѣдѣнія о Сковородѣ, мы снеслись съ помѣщикомъ Харьковской губерніи, *Н. С. Мягкимъ*, живущимъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ имѣніемъ Ивановкою, гдѣ послѣдніе дни жилъ и умеръ Сковорода. Вотъ письмо, которое мы получили отъ *Н. С. Мягкаго*, отъ 10 января 1856 года:

— »Г. С. Сковорода жилъ послѣднее время у моего тестя, коллежскаго совѣтника, Андрея Ивановича Ковалевскаго, въ селѣ Ивановкѣ, въ сорока верстахъ отъ Харькова. Онъ имѣлъ большое вліяніе на хозяина, укрощая его крайне-вспыльчивый нравъ, разражавшійся грозою надъ домашними и дворнею, и уважая отъ души его жену, умную и благочестивую женщину. Отъ прочихъ же женщинъ Сковорода удалялся. Похороненъ онъ былъ въ Ивановкѣ на возвышенномъ берегу пруда, близъ рощи, на любимомъ своемъ мѣстѣ, гдѣ по зарямъ игрывалъ онъ на своемъ завѣтномъ флейттраверсѣ псалмы. Черезъ двадцать лѣтъ, тѣло его было перенесено оттуда и похоронено въ саду священника, близъ памятника владѣльцевъ, по старанію одного изъ его учениковъ, который прибылъ, послѣ смерти его, изъ Петербурга и издалъ впослѣдствіи его портретъ. —Отъ тестя моего имѣніе перешло къ его сыну, коллежскому совѣтнику, Петру Андреевичу Ковалевскому, (1) отъ него къ Александру Кузьмичу Кузину, и теперь принадлежитъ малолѣтней дочери послѣдняго. —По времени, имя Сковороды въ Ивановкѣ было почти совсѣмъ забыто, и къ могилѣ его не имѣли никакого уваженія. Отъ этого, по мнѣнію тамошнихъ жителей, происходили нерѣдко странныя событія, и большею частію съ семействами тѣхъ, къ кому переходилъ садикъ, садикъ, съ могилою »философа«: или умирали неожиданно сами владѣльцы этого мѣста, или лишались своихъ женъ. Чаще же это, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ,

---

(1) Замѣтимъ кстати, что рукописныя сочиненія и переписка Сковороды, оставшіяся послѣ смерти его, находились долгое время въ рукахъ П. А. Ковалевскаго, отъ него переданы пресвященному Иннокентію, и благосклонностью послѣдняго были сообщены для этой статьи мнѣ, изъ Одессы.

кончалось тѣмъ, что или владѣльцы, или ихъ жены спивались съ кругу. Въ былые годы этотъ порокъ не былъ диковинкой. Предпослѣдній владѣлецъ сада и хижины обратилъ особое вниманіе на мѣсто покоя Сковороды, и дожилъ дни спокойно. Нынѣшній же даже обложилъ могилу дерномъ, а вблизи устроилъ свою пасику,—мѣсто, свято чтимое у насъ искони.— Еще любопытная черта дѣйствій памяти о Сковородѣ на впечатлѣнія потомковъ. По другую сторону рва, гдѣ была хижина Сковороды, садовникъ построилъ себѣ избу и мнѣ разсказывалъ о странномъ событіи, бывшемъ съ нимъ. Однажды, вслѣдъ за его переселеніемъ, откуда ни взялся вихрь, влетѣлъ съ визгомъ и громомъ въ окно, растворилъ настежь двери, чуть не сорвалъ крыши и перепугалъ до смерти его жену. Бѣдный содовникъ не зналъ, что на томъ мѣстѣ жилъ необыкновенный старикъ, Сковорода.—Наконецъ, когда Ивановка принадлежала П. А. Ковалевскому, женѣ послѣдняго одна юродивая сказала: »У тебя, матушка, въ имѣніи есть кладъ!« —Увы! эти слова были приняты за чистую монету; но клада не нашли, какъ ни старались.«

Заключимъ описаніе жизни Григорія Савича Сковороды сожалѣніемъ, что слова В. Н. Каразина, въ письмѣ его къ издателю »Молодика« (1843 г., 229 стр.) о Сковородѣ не сбылись. Каразинъ писалъ: »Ивановка принадлежитъ теперь господину Кузину. Тамъ могила Сковороды. Она украсится достойнымъ памятникомъ, какъ обѣщалъ мнѣ Козьма Никитичъ Кузинъ, этотъ рѣдкій гражданинъ и чрезвычайный человѣкъ для всякаго добра общественнаго. теперь село Ивановка, или »Панъ—Ивановка« (на Украйнѣ села часто называются именами владѣтелей »Панъ—Васильевка« —»Панъ Лукьяновка«)—принадлежитъ сыну Козьмы, Павлу Кузьмичу Кузину.—

ГЛАВА IV.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ СОЧИНЕНІЙ СКОВОРОДЫ.

Извѣстность Сковороды.—Характеръ и особенности его философскаго ученія.—Отрывки его »басень« и »стихотвореній«. I., Перечень печатныхъ сочиненій Сковороды.—II., Перечень неизданныхъ сочиненій Сковороды.—III., Перечень печатныхъ статей о Сковородѣ, съ 1806—1862 годъ.

Очеркомъ жизни Сковороды легко опредѣляется и его литературное значеніе. Многаго сказать о немъ нельзя. Важенъ Сковорода былъ, еще

повторяемъ, для своего времени не столько сочиненіями своими, сколько собственною своею личностью и примѣромъ своей жизни. Увлеченіе характеромъ Сковороды у современниковъ было такъ сильно, что даже позднѣйшія печатныя статьи о немъ называли его украинскимъ Сократомъ, сравнивали его съ великими иностранцами и съ Ломоносовымъ, отчего впрочемъ самъ Сковорода благоразумно отрекался, и наконецъ, какъ Хиждеу въ »Телескопѣ«, подступали къ разбору его философскихъ началъ, какъ современная наука подступаетъ къ Гегелю или къ Канту. Разсмотримъ эти увлеченія.

Первое, что представляется намъ въ этомъ случаѣ, это слѣдующее соображеніе: *Сковорода при жизни не печаталъ ничего.* По нашимъ усиленнымъ розысканіямъ оказалось, что только черезъ два года послѣ его смерти, въ Петербургѣ, безъ его имени, издана какимъ-то М. Антоновскимъ крошечная книжечка его »*Бесѣда о познаніи себя*,« которая прошла, безъ сомнѣнія, совершенно—незамѣченною. Потомъ, въ 1806 году, въ мистическомъ »*Сіонскомъ Вѣстникѣ*« помѣщено нѣсколько страничекъ изъ его »Предверія«. Наконецъ, уже только въ 1837 году, заботами Московскаго Человѣколюбиваго Общества, издано нѣсколько его брошюръ, о которыхъ также весьма немногіе тогда узнали, а теперь объ этихъ брошюрахъ знаетъ рѣдко кто и изъ библіографовъ. Значитъ, для печатнаго міра и публики, читающей такъ-называемыя книги, Сковорода со своими произведеніями, можно сказать, вовсе не существовалъ и не существуетъ.

Но, быть можетъ, его произведенія нашли къ публикѣ доступъ другою дорогою, въ области, такъ-называемой нашей *письменной литературы?* Быть можетъ, они удостоились, въ свое время, да и впослѣдствіи, судьбы такихъ сочиненій, каковы. »Ябеда« Капниста, »Горе отъ ума« Грибоѣдова и второй томъ »Мертвыхъ душъ« Гоголя, не говоря уже о другихъ замѣчательныхъ литературныхъ явленіяхъ, которыя за-долго допечати ходили по рукамъ въ сотняхъ и тысячахъ списковъ?—И съ этой стороны вопросъ рѣшится, къ сожалѣнію для славы Сковороды, иначе, нежели можно было бы ожидать. Сковорода писалъ не для барышень, не для офицеровъ и не для обучающагося юношества вообще, не для тѣхъ, словомъ, горячихъ и безкорыстныхъ поклонниковъ въ нашемъ отечествѣ всего, что живо говоритъ сердцу и мысли и за что этотъ особый кругъ читающаго міра такъ усердно спѣшитъ услужить любимому писателю и составить, мимо печатнаго міра и типографій, его громкую славу. Сковорода дѣйствительно имѣлъ такихъ безвѣстныхъ, услужливыхъ копіистовъ; но это

были люди другаго свойства, люди серьёзные, тяжелые на подъемъ и нелегко увлекающіеся. Да и было это въ тѣ времена, когда наука у насъ шла черепашьими шагами, а литература не расплодила еще переписчиковъ, не имѣвши еще ни автора, »Кавказскаго плѣнника« ни авторовъ »Демона« и »Горе отъ ума«. Словомъ, со Сковородою этого быть не могло на столько, чтобы опять-таки собственно его произведенія списки ли ему славу. Онъ писалъ тяжело, темнымъ и страннымъ языкомъ, о предметахъ отвлеченныхъ, туманныхъ, способныхъ заинтересовать кругъ слишкомъ ограниченный, почти незамѣтный. Значитъ, списывали его сочиненія только люди одного съ нимъ направленія и жизни, профессоры и ученики Духовныхъ Академій, старики-помѣщики и тѣ немногіе досужіе люди, которые списывали произведенія Сковороды, иногда сами ихъ не вполнѣ понимая, въ чемъ мы убѣдились сличая нѣкоторые списки прошлаго вѣка,—списывали и держали ихъ просто, какъ произведенія человѣка страннаго, причудливаго, непонятнаго, о которомъ ходило столько споровъ и толковъ и котораго, со всѣми его странностями, имъ удавалось видѣть лично.

Впрочемъ, съ одной стороны, еще при жизни Сковороды, произведенія его дѣйствительно находили доступъ къ значительной степени истинной литературной извѣстности. Нѣсколько полу-духовныхъ, полу-сатирическихъ стихотвореній его, какъ напримѣръ извѣстное стихотвореніе: »*Всякому городу нравъ и права*«, тогда же были переложены на музыку и распѣвались бродячими слѣпцами—бандуристами на торгахъ и перекресткахъ дорогъ. Нѣкоторыя пѣсни, какъ и вышеназванная, даже попали въ кругъ любимѣйшихъ простонародныхъ произведеній, то есть, въ кругъ такихъ, которыя народъ считаетъ своею собственностію, дополняетъ ихъ, передѣлываетъ и сокращаетъ, по собственному своему произволу, по врожденному поэтическому чутью и вкусу. Образчикъ этого г. Срезневскій привелъ въ своей статьѣ, въ »Утренней Звѣздѣ« 1834 года, напечатавши пѣсню Сковороды »Всякому городу« и ея варіянтъ—произведеніе уже народное.—Подобной участи достигли, въ наше время, нѣкоторыя стихотворенія Пушкина и Кольцова и извѣстная пѣсня Ѳ. Н. Глинки: »*Вотъ мчится тройка удалая*«—авторъ которой до сихъ поръ многими считается за лице спорное, неизвѣстное, и считаетъ множество варіянтовъ своей пѣсни.

Собирая впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ свѣдѣнія о жизни Сковороды, мы, по, непреложному опыту, пришли къ тому убѣжденію, что списковъ даже самыхъ любимыхъ сочиненій Сковороды могло существовать

при жизни его много-много два-три десятка. И у кого-же еще встрѣчаются эти списки? Или у помѣщиковъ, почти безвыѣздно жившихъ въ своихъ деревняхъ, людей несообщительныхъ по характеру и полныхъ мистическаго, суроваго настроенія, или въ тишинѣ ученыхъ, строгихъ кабинетовъ нашего академическаго духовенства. Самые наконецъ любимые стихотворные канты Сковороды проникали въ читающій, печатный и письменный міръ украинскій и русскій очень не далеко. Между списками прозаическихъ сочиненій Скроворды, стихотворныхъ мы почти нигдѣ не встрѣчали, за исключеніемъ одного. Въ печати же, только появились, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, три стихотворныя пѣсни его, въ »Телескопѣ« и въ »Утренней Звѣздѣ«.

Значитъ, безошибочно можно сказать, что печатною славою сочиненія Сковороды вовсе никогда на Украинѣ не пользовались. Письменную извѣстность ихъ на родинѣ Сковороды и внѣ ея поддерживалъ ограниченный кружокъ людей несообщительныхъ, полузатворниковъ, не составлявшихъ живой и особенно-плодотворной стихіи современнаго ему общества. А распѣваемые сатирическіе канты его слушались не высшимъ обществомъ; имъ внимало на торгахъ и перекресткахъ простой народъ, жители украинскихъ селъ и мѣстечекъ, поселяне, козачество, чумаки, бурлаки и далеко неграмотные еще тогда мѣщане, среди которыхъ жилъ и, сильнѣе всякихъ прозаическихъ и риомованныхъ произведеній своихъ, собственною личностію дѣйствовалъ на массы Сковорода. Съ этой точки зрѣнія на него должно смотрѣть. Съ этой точки зрѣнія и вытекаетъ тотъ несомнѣнный, по нашему, выводъ, что если сочиненія Сковороды и удостоились вращаться вмѣстѣ съ именемъ его въ устахъ его современниковъ, то современники эти большею частію говорили объ этихъ сочиненіяхъ со словъ другихъ, безкорыстно смѣшивая значеніе ихъ съ значеніемъ и личнымъ характеромъ самого Сковороды. Дѣйствительно, если прослѣдить большую часть его разсужденій, что̀ впрочемъ теперь, по странному, тяжелому и вычурному языку ихъ, добровольно сдѣлаетъ развѣ записной библіоманъ, изъ нихъ окажется, что̀, пожалуй, Сковорода былъ и замѣчательно начитанъ по своему, и отлично зналъ греческихъ и римскихъ авторовъ, прочитавши ихъ въ подлинникѣ, и вообще былъ цѣлою головою выше своихъ сверстниковъ по воспитанію и украинскихъ ученыхъ по наукѣ. Историкъ духовно-философскаго ученія въ Россіи отведетъ ему почетныя страницы въ своемъ трудѣ, и скажетъ, быть можетъ, много похвалъ Сковородѣ, какъ благородному, честному и горячему поборнику науки, которая до него шла путемъ ребяческихъ, школьныхъ, никому не нужныхъ риторическихъ

умствова ій, и отъ которой онъ такъ смѣло сталъ требовать смысла и силы, самоотверженія и службы пользамъ и нуждамъ общественнымъ. Авторъ статьи о Сковородѣ, А. К., въ »Воронежскомъ Сборникѣ« 1861 года, говоритъ, что Сковорода имѣлъ ясныя понятія о значеніи народа: и о народномъ воспитаніи. Вотъ, между-прочимъ, собственныя слова Сковороды.

»*Учителю подобаетъ быть изъ среды народа русскаго, а не нѣмцу и не французу. Не чужое воспитаніе должно быть привито къ русскому человѣку, а свое, родное.* Нужно его умѣть силой найти, выработать его изъ нашей же жизни, чтобы снова осмысленнымъ образомъ его обратить въ нашу же жизнь.«

Итакъ, еще разъ скажемъ, мы смотримъ на Сковороду, преимущественно какъ на »человѣка общественнаго« —дѣльца и бойца своего вѣка, который бесѣдами и примѣромъ своей жизни, горячею, почти суевѣрною любовью къ наукѣ и какимъ-то вдохновеннымъ, отшельническимъ убійствомъ плоти своей во имя духа и мысли, убійствомъ ветхихъ стремленій ветхаго человѣка во имя божественныхъ цѣлей высшей правды и разума, добра и свободы, пробуждалъ дремавшіе умы своихъ соотечественниковъ, зажигалъ ихъ на добрыя дѣла и чего ни касался, все просвѣтлялъ какимъ-то новымъ, яснымъ свѣтомъ. Не тетрадки сочиненій его, пересылавшихся отъ автора къ мирнымъ, приходскимъ духовникамъ и друзьямъ его, помѣщикамъ, а жизнь и устное слово Сковороды сильно дѣйствовали. Мимо украинскихъ Коллегіумовъ, въ Харьковѣ и въ Кіевѣ, онъ былъ любимѣйшій, ходячій Коллегіумъ. То, что теперь молодежь выноситъ изъ университетовъ, жажду познаній и жажду добра и дѣлъ, пользы и чести, все это выносилось тогда изъ бесѣдъ странника и чудака, украинскаго философа Сковороды. Примѣры этому мы представили въ его жизнеописаніи. Но лучшее доказательство силы общественнаго Сковороды то, что безъ него, въ извѣстной степени, не было бы долго основано перваго университета на Украинѣ. Дѣло Каразина къ открытію его въ Харьковѣ кончилось такъ легко потому, что въ 1803 году, первые изъ подписавшихся помѣщиковъ на безпримѣрную сумму въ *618 тысячъ руб. сер.*, для основанія его, были большею частію незамѣтно подготовлены къ этому; это были все или *ученики*, или *короткіе знакомые* и друзья Сковороды.

Вотъ почему Сковорода долженъ занять почетное мѣсто въ исторіи украинскаго общества, рядомъ съ *Каразинымъ*, *Квиткою-Основьяненкомъ* и *Котляревскимъ*, первыми настоящими умственными двигате-

лями малороссійскаго общества. Сковорода составляетъ переходъ отъ міра былой козацкой вольницы, на его глазахъ уничтоженной однимъ взмахомъ пера Екатерины II-ой, къ міру государственному, къ міру науки, литературы и искусствъ. Сынъ приходскаго священника, онъ бросаетъ схоластическую Академію для странствованія за-границей. Голышъ и бѣднякъ, бросаетъ онъ потомъ въ Переяславѣ, въ Харьковѣ и въ Москвѣ, удобства профессорства для свободной и бродячей жизни независимаго мыслителя. Съ этой точки зрѣнія онъ, современникъ Сѣчи и хаоса новаго общества, современникъ Гаркуши и былой неурядицы на Украинѣ, достоинъ полной признательности.

Чтобы нашъ трудъ не имѣлъ пробѣловъ, представляемъ отчетъ о его сочиненіяхъ. Опредѣленіе философскаго ученія Сковороды мы заимствуемъ изъ »*Исторіи философіи въ Россіи*« (1840 г., ч. VI, стр. 53—71) *А. Гавріила*, изучившаго печатныя и неизданныя сочиненія Сковороды. Разбирая исторію русской философской мысли отъ временъ древнихъ, онъ вслѣдъ за первыми представителями ея: *Никифоромъ*, *Кіев. митрополитомъ*, *Владиміромъ Мономахомъ*, *Даніиломъ Заточникомъ*, *Ниломъ Сорскимъ*, *Ѳеофаномъ Прокопичомъ Георгіемъ Конисскимъ*, разбираетъ и Сковороду Вотъ, что говоритъ ученый историкъ Русской философіи: (стр. 59—70) »Въ простонародной свиткѣ, съ »видлогою« и »торбою« за плечами, съ дудкою за поясомъ, съ палицею въ рукахъ, ходилъ Сковорода по селеніямъ, просвѣщалъ народъ старинымъ малороссійскимъ слогомъ, не льстилъ временщикамъ, и при богатствѣ внутренняго самодовольствія, почитая всякую почесть мышеловкою для души своей, часто говаривалъ: я все пока ничто; какъ стану что, то съ меня ничто. Добрый человѣкъ вездѣ найдетъ насущный хлѣбъ у людей, а воду даетъ ему земля безъ платы; лишнее не нужно. Меня хотятъ мѣрить Ломоносовымъ, какъ будто бы Ломоносовъ есть казенная сажень, которою также всякаго должно мѣрить, какъ портной однимъ аршиномъ мѣритъ и парчу и шелковую матерію и ряднину. Прошу господъ не заказывать мнѣ своихъ вощяныхъ чучелъ я ваяю не изъ воску, а изъ мѣди и камня. Мнѣ не нужны подорожныя: я отважно вступаю въ море не для прогулки, чтобы вилять изъ губы въ губу, но чтобы объѣхать землю, и для открытія новаго свѣта. Какъ Сократъ, не ограничиваясь ни мѣстомъ, ни временемъ, онъ училъ на распутіяхъ, на торжищехъ, у кладбища, на папертяхъ церковныхъ, на праздникахъ, когда, по его острому словцу, качетъ пьяная воля и во дни страды, когда въ бездождіи потъ поливаетъ землю. »Какъ мы слѣпы въ томъ, что нужно намъ есть... На Руси многіе хотятъ быть Пла-

тонами, Аристотелями, Зенонами, Эпикурами, а о томъ не разсуждаютъ, что Академія, Лицей и Портикъ произошли изъ науки Сократовой, какъ изъ яичнаго желтка цыпленокъ вывертывается. Пока не будемъ имѣть своего Сократа, дотолѣ не быть ни своему Платону, ни другому философу..« Энтузіазмъ Сковороды часто простирался до такой степени, что по нѣкоторымъ частнымъ явленіямъ его жизни можно бы почесть его за теоманта, испытавшаго всѣ переходы вдохновенія. Сковородѣ, въ энтузіазмѣ, казалось, что духъ его, носимый въ океанѣ безпредѣльныхъ идей, какъ бы осязаетъ вселенную въ ея безконечности, слышитъ со стороны вѣчности, видитъ въ соединеніи обѣихъ: но вселенною для него была Русь, человѣчествомъ — народъ Русскій. Энтузіазмъ Сковороды преимущественно отразился въ его драмахъ, или, по его надписанію, видѣніяхъ, въ коихъ онъ представилъ борьбу стараго и новаго образованія, какъ прю благихъ и злыхъ духовъ, о человѣчествѣ и народности. Видѣнія сіи можно называть тьмосвѣтомъ неподдѣльнаго русскаго патоса, и они достойны особаго историко-критическаго изученія, въ сравненіи съ Прометеемъ Эсхила, съ Аяксомъ Софокла, съ Бакхами-Эврипида, кои всѣ были извѣстны Сковородѣ въ подлинникѣ, и съ чуждыми для него: съ Благоговѣніемъ ко кресту, и съ чудодѣйнымъ Магомъ, Кальдерона, съ Фаустомъ, Клингера и Гёте, съ Каиномъ и Манфредомъ, Байрона. Иронія Сковороды была большею частію прикрытіемъ его энтузіазма; ея игривая молнія всего чаще тогда отражалась, когда преломляла высшую степень восторга. Иронія Сковороды дотого роскошествовала, что онъ обращалъ даже въ шутку свое собственное имя, называя мысли свои блиномъ бѣлымъ, спеченнымъ на черной сковородкѣ. О самопознаніи, какъ объ основномъ началѣ своего ученія, Сковорода, кромѣ Наркиза и Асканія, написалъ 6 разговоровъ о внутреннемъ человѣкѣ, съ коими соединена Симфонія о природѣ. Съ раскрытіемъ въ Сковородѣ внутренняго побужденія какъ народного мыслителя и наставника раскрылась вмѣстѣ и потребность пріобрѣсть сознаніе простонародности. Потому Сковорода, оставивъ учительство въ школѣ, проводилъ жизнь какъ старецъ, преимущественно въ селеніяхъ, кои онъ называлъ пустынями, въ тихой и смиренной долѣ, и, обращаясь въ кругу простаго народа, старался изучить его природу, его волю, его языкъ и обычаи: ибо, по его мысли, учитель не учитель, а только служитель природы. Мысль сію относилъ Сковорода и къ знанію законодателя, и она прекрасно развита имъ чрезъ уподобленія. Таково было педогогическое искусство Сковороды въ образованіи простаго народа, и отъ того жизнь и всѣ созданія Сковороды цѣломудренны и свободны,

какъ Библія и наши предки. Сковорода самъ называлъ ученіе свое тканкою и плеткою простонародною, а себя называлъ другомъ поселянъ, чужимъ для тѣхъ ученыхъ, кои такъ горды, что не хотятъ и говорить съ поселяниномъ, и онъ гордился именемъ народоучителя, презирая кривые толки и насмѣшки педантовъ своего времени. »Надо мною позоруются, говорилъ онъ: пускай позоруются; о мнѣ баютъ, что я ношу свѣчу предъ слѣпцами, а безъ очей не узрѣть свѣточа: пускай баютъ; на меня острятъ, что я звонарь для глухихъ, а глухому не до гулу: пускай острятъ; они знаютъ свое, а я знаю мое, и дѣлаю мое какъ я знаю, и моя тяга мнѣ упокоеніе.« »Барская умность, пишетъ Сковорода, — будто простой народъ есть черный, видится мнѣ смѣшная, какъ и умность тѣхъ названныхъ философовъ, что земля есть мертвая. Какъ мертвой матери рождать живыхъ дѣтямъ? И какъ изъ утробы чернаго народа вылонились бѣлые господа? Смѣхотворно и мудрованіе, якобы сонъ есть остановка и перерывъ жизни человѣка; я право не вижу толку въ междужитіи и междусмертіи: ибо что́ такое живая смерть и мертвая жизнь? О докторы и философы! Сонъ есть часть жизни, т. е. живая смѣна въ явленіи жизни, въ которой замыкаются прелести внѣшняго міра и отворачиваются духовныя мечты, чтобы свергнуть познаніе свыше, изъ внутренняго міра. Мудрствуютъ: простой народъ спитъ, пускай спитъ, и сномъ крѣпкимъ, богатырскимъ; но всякъ сонъ есть пробудный, и кто спитъ, тотъ не мертвечина и не трупище околѣвшее. Когда выспится, такъ проснется; когда намечтается, такъ очутится, и забодрствуетъ.« Такое сознаніе было первое, новое, образцовое на Руси; оно не было ни подражаніе инородному, ни продолженіе своему прежде данному, и потому Сковорода называлъ ученіе свое, изъ его самороднаго сознанія построившееся, новою славою. Въ одномъ видѣніи, въ коемъ душа его извергалась кипучею лавою энтузіазма и иронiи, онъ представилъ состязаніе свое съ бѣсомъ, враждовавшимъ его новой славѣ. »Даймонъ: слышъ, Варсава! Младенькій умъ, сердце безобразное, душа, исполненная паучины, не поучающая, но паучающая! Ты ли творецъ новыя славы? Варсава: Мы то, Божіею милостію, рабы Господни, и дерзаемъ благовѣстить новую славу. — Даймонъ: о странность въ словѣ, строптность въ пути, трудность въ дѣлѣ: вотъ троеродный и источникъ пустыни новыя. — Варсава: и лжешь и темнорѣчишь! Кто можетъ поднять на пути злато или бисеръ, мнящій быти нѣчто безполезное? Не виню міра, не вини и славы новыя!... Кто же виненъ? Ты, враже! ты, украшенная гробница!« —

Что́ касается до слога и способа выраженій Сковороды, то мы представляемъ отрывки изъ его лучшихъ, по нашему мнѣнію, произведеній, избирая, по преимуществу, мѣста по языку болѣе доступныя для современнаго читателя. Теософскихъ сочиненій его, очерченныхъ выше Гавріиломъ, мы не коснемся. Вотъ выдержки изъ его сочиненій, запечатлѣнныхъ болѣе характеромъ *сатирическимъ*. Изъ выдержекъ нашихъ легко видѣть, чѣмъ питалась украинская муза Сковороды, нашедшая вскорѣ за нимъ такое полное и цѣлое, хотя не совершенно художественное развитіе въ Котляревскомъ, авторѣ »Энеиды, вывороченной на-изнанку«, а въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Квитки-Основьяненка и Гулака — Артемовскаго ставшая вполнѣ художественною и народною.

Лучшимъ, то-есть, болѣе сноснымъ для нашего времени, по нашему мнѣнію, произведеніемъ Сковороды въ этомъ родѣ можно считать его »*Басни Харьковскія*«, изданныя въ 1837 году, въ Москвѣ.

Вотъ образчики этихъ басень:

(Стр. 26.) *Кротъ, нетопырь и два птенца: горлицынъ и голубининъ.* Великій и преисподній звѣрь, живущій въ землѣ кротъ, писалъ самое краснорѣчивѣйшее письмо, къ живущимъ на землѣ звѣрямъ и къ воздушнымъ птицамъ. Сила была такая: »Дивлюся суевѣрію вашему! Оно въ мірѣ найшло тое, чего никогда нигдѣ нѣтъ и не бывало. Какой вамъ насѣялъ сумаброд, будто въ мірѣ есть какое-то солнце? Оно въ собраніяхъ вашихъ прославляется, начальствуетъ въ дѣлахъ, печатлѣетъ концы, услаждаетъ жизнь, оживляетъ тварь, просвѣщаетъ тьму, истощаетъ свѣтъ, обновляетъ время. — Кое время? Одна есть только тьма въ мірѣ, такъ одно и время; а другому времени быть, чепуха, вздоръ, небыль... Сія одна ваша дурость есть плодовитая мать и другихъ дурачествъ. Вездѣ у васъ врутъ; свѣтъ, день, вѣкъ, лучъ, молнія, радуга, истина. А смѣшнѣе всего почитаете химеру, называемую око; будто оно зерцало міра, свѣта пріятелище, радости вмѣстилище, дверь истины.... Вотъ варварство! Любезніи мои други! Не будьте глупы: скиньте яремъ суевѣрія: не вѣрьте ничему, поколь не возьмете въ кулакъ. Повѣрьте мнѣ: не то жизнь, чтобъ зрѣть; но то, чтобъ щупать. *Отъ 18 Апрѣля 1774 г., изъ преисподняго міра №№*«.

Сіе письмо понравилось многимъ звѣрямъ и птицамъ. Напримѣръ совѣ, дремлюгѣ, сычу, удоду, ястребу, пугачу, кромѣ орла и сокола. А паче всѣхъ нетопырь пловко шатался въ семъ высокородномъ догматѣ и, увидѣвъ горличина и голубинина сыновъ, старался ихъ сею высокопарною философіею осчастливить. Но горличинъ сказалъ: Родители наши суть лучшіи тебѣ для насъ учители. Они насъ родили во тьмѣ; но для свѣта. А голубчикъ отвѣщалъ: Не могу вѣрить обман-

щику. Ты мнѣ и прежде сказывалъ, что въ мірѣ солнца нѣтъ. Но я, родившись въ мрачныхъ дняхъ, въ днешній Воскресный день увидѣлъ рано восходъ прекраснѣйшаго всемірнаго ока. Да и смрадъ отъ тебе и отъ удода исходящій свидѣтельствуетъ, что живетъ внутрь васъ не добрый духъ.—Сила: свѣтъ и тьма, тлѣніе и вѣчность, вѣра и нечестіе міръ весь составляютъ, и одно другому нужное. Кто тьма, будь тьмою, а сынъ свѣта да будетъ свѣтъ! Отъ плодовъ ихъ познаете ихъ.

(Стр. 17.) »*Оселка и Ножъ*.« Ножъ бесѣдовалъ съ Оселкою. »Конечно ты насъ, сестрица, не любишъ, что не хочешь въ стать нашу вступать и быть ножомъ?..« Ежелибы я острить не годилась, сказала Оселка, не отреклася бы вашему совѣту послѣдовать и состоянію. А теперь тѣмъ-то самимъ васъ люблю, что не хочу быть вами. И конечно, ставши ножемъ, никогда столько одна не перерѣжу, сколько всѣ тѣ ножи и мечи, которые во всю жизнь мою переострю. А въ сіе время на оселки очень скудно!—Сила: родятся и такіи, что воинской службы и женитьбы не хотятъ, дабы другихъ свободнѣе поощрять къ разумной честности, безъ которой всяка стать недѣйствительна.

(Стр. 10.) »*Чижъ и Щеголъ*.« Чижъ вылетѣвъ на волю, слетѣлся съ давнимъ своимъ товарищемъ-Щегломъ, который его спросилъ: »какъ ты, другъ мой, освободился?... Раскажи мнѣ.« — Чуднымъ случаемъ, отвѣчалъ плѣнникъ. Богатый Турка пріѣхалъ съ посланникомъ въ нашъ городъ, и прохаживаясь, для любопытства, по рынку, зашелъ въ нашъ птичей рядъ, въ которомъ насъ около четырехъ-сотъ у одного хозяина висѣло въ клѣткахъ. Турка долго на насъ, какъ мы одинъ предъ другимъ выспѣвали, смотрѣлъ съ сожалѣніемъ; наконецъ молвилъ: »а сколько просишь денегъ за всѣхъ?«—25 рублевъ, отвѣчалъ хозяинъ. Турка, не говоря ни слова, выкинулъ деньги, и велѣлъ себѣ подавать по одной клѣткѣ, съ которыхъ каждаго съ насъ выпущая на волю въ разныя стороны, утѣшался, смотря куда мы разлетались.«— А что жъ тебе, спросилъ товарищъ, заманило въ неволю?« — Сладкая пища, да красная клѣтка, отвѣчалъ счастливецъ. А теперь поколь умру, буду благодарить Бога этою пѣсенкою:

»Лучше мнѣ сухарь съ водою,
Нежели сахаръ съ бѣдою!«

Сила: Кто не любитъ хлопотъ, долженъ научиться просто и убого жить.

»*Старуха и Горшечникъ*.« (Стр. 49.) Старуха покупала горшки. Амуры молодыхъ лѣтъ еще и тогда ей отрыгалися. »А что за сей хорошенькій..?« — За того возьму хоть три полушки, отвѣчалъ горшечникъ. — »А за того гнуснаго (вотъ онъ): конечно полушка?« — За того ниже двухъ копѣекъ не возьму....« — »Что за чудо? — У насъ, бабка, сказалъ мастеръ,— не глазами выбираютъ: мы испытуемъ, чисто ли звонитъ?— Баба, хотя была не подлаго вкуса, однако не могла больше говорить; а только сказала, что и сама она давно сіе знала, да вздумать не могла.

(Стр. 50.) Изрядная Великороссійская пословица сія: *не красна хата углами, красна пирогами!* Довелось мнѣ въ Харьковѣ, между премудрыми эмблемтами, на стѣнѣ залы видѣть слѣдующій написанъ, схожій на черепаху, гадъ съ долговатымъ хвостомъ: средѣ черепа сіяетъ большая золотая звѣзда, украшая оной. Но подъ нимъ толкъ подписанъ слѣдующій: »подъ сіяніемъ язва!« Сюда принадлежитъ пословица, находящаяся въ Евангеліи: »гробы повапленныи.«

»*Оленица и Кабанъ.*« (Стр. 47.) Въ Польскихъ и Венгерскихъ горахъ Оленица, увидѣвъ домашняго Кабана: »желаю здравствовать, господинъ Кабанъ« — стала витаться — »радуюся, что васъ....—»Что жъ ты, негодная подлость, столько неучтива, вскричалъ, надувшись, Кабанъ. Почему ты меня называешь Кабаномъ? Развѣ не знаешъ, что я пожалованъ бараномъ, въ семъ имѣю патентъ, и что родъ мой, происходитъ отъ самихъ благородныхъ бобровъ; а вмѣсто епанчи для характера ношу въ публикахъ содранную съ овцы кожу.—»Прошу простить, ваше благородіе, сказала Оленица: я не знала. Мы простые, судимъ не по убору и словамъ, но по дѣламъ. Вы такъ же какъ прежде, роете землю и ломаете плетень. Дай Богъ вамъ быть и конемъ.«

(Стр. 49.) »Есть и въ Малороссіи пословица:»далеко свинья отъ коня.«

«*Змія и Буфонъ.*« (Стр. 20 и 21.) Какъ змія весною скинула ла(и?)новище (старая кожа), Буфонъ ее усмотрѣвъ: »куда вы, сударыня, сказалъ съ удивленіемъ,—отмолодѣли. Что сему причиною? Прошу сообщить.«—Я вамъ съ охотою сообщу мой совѣтъ, Змія говоритъ. — Ступайте за мною. И повела Буфона къ той тѣсной скважинѣ, сквозь которую она съ великою трудностію продравшись, всю старинную ветошь изъ себе стащила.—Вотъ, господинъ Буфонъ! Извольте полезать сквозь узкой сей проходъ. А какъ только пролѣзете, тотъ же часъ обновитеся, оставивъ всю негодность по другую сторону. — »Да развѣ ты мене тутъ хочешь задушить? вскричалъ Буфонъ. А хотя мнѣ сюда и удастся протащиться, то съ мене послѣднюю кожу сдеретъ...« — Прошу жъ не погнѣваться, сказала Змія: кромѣ сего пути нельзя вамъ туда дойтить, гдѣ быть удалось.—Сила: чѣмъ лучшее добро, тѣмъ большимъ трудомъ окопалось, какъ рвомъ. Кто труда не перейдетъ, и къ добру тотъ не прійдетъ.

Какъ образчикъ стихотвореній Сковороды, приводимъ слѣдующую извѣстнѣйшую пѣсню его: »*Всяколу городу нравъ и права*«, изъ сборника Сковороды: »*Садъ божественныхъ пѣсней*« присланнаго намъ Е. Д. Розальонъ-Сошальскимъ. Списокъ сдѣланъ въ 1792 году, сосѣдомъ г. Сошальскаго, Дятловымъ. Вотъ она:

ПѢСНЬ Х-я. »ВСЯКОМУ ГОРОДУ.«

Всякому городу нравъ и права,
Всяка имѣетъ свой умъ голова.

Всякому сердцу своя есть любовь,
Всякому горлу свой есть вкусъ каковъ.
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума́:
А мнѣ одно только не идетъ съ ума!

* *
*

Петръ для чиновъ углы панскіе третъ,
Ѳедька купецъ при аршинѣ все лжетъ.
Тотъ строитъ домъ свой на новый манеръ,
Тотъ все въ процентахъ: пожалуй, повѣрь!
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума́,
А мнѣ одно только не идетъ съ ума.

* *
*

Тотъ непрестанно стягаетъ грунта́,
Сей иностранны заводитъ скота́.
Тѣ формируютъ на ловлю собакъ,
Сихъ шумитъ домъ отъ гостей, какъ кабакъ.
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума́,
А мнѣ одно только не идетъ съ ума!

* *
*

Строитъ на свой тонъ юриста права́,
Съ диспутъ студенту трещитъ голова.
Тѣхъ безпокоитъ Венеринъ амуръ,
Всякому голову мучитъ свой дуръ.
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума́:
Какъ бы умерти мнѣ не безъ ума!

* *
*

Смерте страшна́, замашная косо́!
Ты не щадишь и царскихъ волосовъ!
Ты не глядишь, гдѣ мужикъ, а гдѣ царь?
Все жерешь такъ, какъ солому пожаръ!
Кто жъ на ея плюетъ острую сталь?...
Тотъ, чія совѣсть, какъ чистый хрусталь!

Въ книгѣ Сковороды »*Дружескій разговоръ*« (1) мы нашли еще одну характеристическую басню. Вотъ она:

(Стр. 10 и 11.) »Я мальчикомъ слыхалъ, отъ знакомаго персіянина, слѣдующую *басеньку:* Нѣсколько чужестранцевъ путешествовали въ Индіи. Рано вставши, спрашивали хозяина о дорогѣ. — Двѣ дороги, го-

(1) »*Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ*« Г. В. Сковороды. Москва. 1837 г.

ворилъ имъ человѣколюбивый старикъ: вотъ вамъ двѣ дороги, служащія вашему намѣренію! Одна напрямикъ; а другая съ обинякомъ. Совѣтую держаться обиняка. Не спѣшите: — и далѣе пройдете. Будьте осторожны. Помните, что вы въ Индіи. — »Батюшка! мы не трусы, вскричалъ одинъ вострякъ: мы Европейцы! Мы ѣздимъ по всѣмъ морямъ, а земля намъ не страшна вооруженнымъ.« — И, шовъ нѣсколько часовъ, нашли кожаной мѣхъ съ хлѣбомъ, и такое жъ судно съ виномъ. Наѣлись и напились довольно. Отдыхая подъ камнемъ, сказалъ одинъ: »не дастъ ли намъ Богъ другой находки? Кажется, нѣчтось вижу впередѣ по дорогѣ. Взгляньте: по ту сторону бездны чернѣетъ что-то....« Одинъ говорилъ: кожаной мѣшище. Другой угадалъ, что огорѣлый пнище. Иному казался камень, иному городъ, иному село. Послѣдній угадалъ точно. Они всѣ тамъ посѣли: нашедши на Индѣйскаго дракона, всѣ погибли. Спасся одинъ, находясь глупѣе, но осторожнѣе. Сей, по нѣкіимъ примѣчаніямъ, и по внутреннему предвѣщающему ужасу, притворился остаться за нуждою на сей сторонѣ глубочайшей яруги, и услышавъ страшной умерщвляемыхъ вой, спѣшно воротился къ старику, одобривъ старинныхъ вѣковъ пословицу: »боязливаго сына матери плакать нѣчево.« (Стр. 26 и 27.) »Любить мудрыхъ совѣты значитъ: самому себѣ зажигать факелъ, для безпреткновеннаго путешествія. Нѣтъ важнѣе, сирѣчь полезнѣе и величественнѣе, какъ узнать самаго себе и слышать въ нашемъ пепелѣ погребенную искру блаженства. Отсюду разжается благословенное оное царство, владѣть собою могти: и на стремленіяхъ душевныхъ, всѣхъ тигровъ лютѣйшихъ, какъ на везущихъ колесницу львахъ, ѣхать. Всѣхъ наукъ сѣмена внутрь человѣка сокрываются.« (Стр. 53.) Сіе есть высокопостепенное сумазбродство, если думать, что въ нашихъ временахъ взошло солнце, отворился ключъ здоровыхъ водъ; изобрѣтена соль.... Самонужность есть повсемственная и вѣчная. Богъ и премудрость безначальны. А то самая дрянь, что вчера съ грыбами родилось. (Стр. 92 и 93.) Потеряли цѣну свою Пророки языческіе тогда, когда пророченное о всеобщемъ, о безвременномъ, о безмѣстномъ, обративъ къ частному, мѣстному, перенесли оное на князи, на сыны человѣческіе. Сей есть всеобщій источникъ идолослуженія.

Изъ этихъ отрывковъ, надѣемся, достаточно видны собственно литературныя достоинства Сковороды. Намъ остается кончить нашъ очеркъ погоднымъ »*Перечнемъ печатныхъ сочиненій Сковороды*« и по возможности полнымъ *Перечнемъ неизданныхъ сочиненій Сковороды и печатныхъ статей*« о немъ. Такимъ-образомъ, вмѣстѣ съ очеркомъ современнаго ему общества, съ жизнеописаніемъ Сковороды и этимъ библіографическимъ обзоромъ, читатель будетъ имѣть полный очеркъ жизни и трудовъ писателя, который во всякомъ случаѣ заслуживаетъ памяти и уваженія.

I.

ПЕРЕЧЕНЬ ПЕЧАТНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ СКОВОРОДЫ.

(Съ 1798 — 1854 годъ)

1798 годъ.

1) Библіотека духовная, содержащая въ себѣ дружескія бесѣды о познаніи самаго себя. Изд. М. Антоновскимъ, 3 части, С. Петербургъ, 1798 г. При Императорской Академіи Наукъ. (Цензоръ архимандритъ Антоній) Въ 12 д. л., 225 стр.

Посвященіе: »Императору Павлу Первому.« Въ *Предисловіи* говорится отъ издателя: »По начертанію, сдѣланному въ книжкѣ: *Вѣрное лькарство отъ предубѣжденія умовъ*, которую я предъ симъ осмѣлился посвятить Вашему Импер. Величеству, издавая во-первыхъ сію Библіотеку Духовную, для усерднаго содѣйствованія вводимому отъ Вашего Величества истинному просвѣщенію подданныхъ, полагаю оную къ Монаршимъ стопамъ — всеподданнѣйшій *Михаилъ Антоновскій*.« — Имени Сковороды въ книгѣ нигдѣ не упоминается, вѣроятно, съ понятною спекулятивною цѣлью. — На заголовкѣ книги картинка, съ надписью: »*Познай себя*.«

Книга эта упомянута впервые въ »Опытѣ росс. библіографіи« Сопикова, ч. 2, 1814 г., 53 стр., подъ № 2, 216. Здѣсь, передъ словомъ: *рѣдка*, стоитъ прямо приписка: *Соч. Г. Сковороды*. По сличеніи ея съ рукописями Сковороды, это несомнѣнно. У Сковороды книга называется: «*Асхань, о познаніи себя*.» Въ библіотекѣ Преосвященнаго Иннокентія въ Одессѣ она прямо означена словами: «Напечатана въ Петербургѣ, въ 1798 году.» — По Смирдинскому каталогу она значится также съ именемъ Сковороды, подъ № 1239, съ припискою: 3 р. асс.

Мы видѣли эту книгу въ Имп. Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ, гдѣ она находится въ VI залѣ, въ VIII шкафѣ, подъ № 62.

1806 годъ.

2. Начальная дверь ко христіанскому добронравію. Приписка: »*Написана въ 1766 году, для молодаго шляхетства Харьковской губерніи, а обновлена въ 1780 году. Твореніе Г. Сковороды*.« Въ »Сіонскомъ Вѣстникѣ« 1806 года, изд. Ѳеоѳемптомъ Мисаиловымъ, ч. III, стр. 156 — 179. — О помѣщеніи статьи здѣсь нигдѣ не упомянуто. — Въ началѣ статьи предисловіе издателей »Вѣстника о жизни Сковороды.«

Краткое содержаніе статьи, по рукописи, приведено г. Срезневскимъ въ его »Запискахъ о Сковородѣ« въ »Утренней Звѣздѣ« 1834 г., стр. 73 — 74. Отрывокъ изъ нея, начало именно, въ 3 страницы, помѣщенъ имъ же, впослѣдствіи, въ »Москвитянинѣ« 1842 г., стр. 117—

119, о чемъ говорится въ »Указателѣ Москвитянина« П. И. Бартенева, во »Временникѣ И. М. Общ. Ист. и Древ. Росс.« 1853 г., кн. XXI, стр. 62.

1831 годъ.

3. Три пѣсни Сковороды, стихотворенія, въ *»Телескопѣ«* 1831 г., ч. VI, стр. 578—582. (Сообщены А. Хиждеу). Изъ заглавія: I. *»Ой ты, птичко желтобока«*, II. *»Ой поля, поля зелены«* и III. *»Всякому городу нравъ и права«*.

Это взято изъ неизданнаго тогда рукописнаго сборника Сковороды: *»Садъ божественныхъ пѣсней«*, гдѣ всѣ три пѣсни приведены подъ цифрами: *XVIII, XIII и X*. Такъ замѣчаетъ издатель. Между тѣмъ въ книгѣ »Сочиненія Сковороды«, изданной 1860 г. подъ №№ X, XIII и XVIII помѣщены въ »Садѣ божественныхъ пѣсень« пѣсни: »Нельзя бездны океана« — »Колика слава нынѣ« и »Ахъ ты тоска проклята«.

Послѣдняя пѣснь *»Всякому городу нравъ и права«* самая популярная изъ пѣсень Сковороды на Украинѣ, въ устахъ слѣпцовъ и бандуристовъ. Впослѣдствіи она подверглась измѣненіямъ у самого народа и любопытный варіантъ ея, съ подлинникомъ, приведенъ еще въ статьѣ г. Срезневскаго, въ »Утренней Звѣздѣ« 1835 г., стр. 82—88.

1836 годъ.

4. Отрывки изъ разныхъ сочиненій Сковороды приведены въ *»Московскомъ Наблюдателѣ«* 1836 г., ч. VI, стр. 205—736, въ повѣсти г. Срезневскаго *»Майоръ, майоръ!«* — Здѣсь они приведены на страницахъ: 211-й »Не забросать горстью персти бездны океана« — 443-й отрывокъ изъ »Думы о раѣ земномъ« — 447 кантъ »О, Боже живый глаголъ«. — Самая повѣсть можетъ быть принята за рядъ искусныхъ образцовъ устной рѣчи Сковороды.

1837 годъ.

5. Убогій жайворонокъ. Притча Г. В. Сковороды. (Изданная И. Человѣколюбиваго Общества Московскимъ Попечительнымъ Комитетомъ (1). Москва, въ типографіи Рѣшетникова, 1837 г. (Цензоръ И. Снегиревъ, 21 февр. 1836 г.) 32 стр., in 8.

Передъ книгой «Предисловіе» въ двѣ страницы, о жизни Сковороды, съ подписью: *М. Макаровъ* и *И. Рѣшетниковъ, члены Попечительнаго Комитета*. — Тутъ же въ началѣ помѣщено, приведенное нами въ статьѣ, письмо Сковороды къ Дискому, отъ 1787 г. Въ концѣ книги приложена: »Пѣснь Рождеству Христову« смѣсь прозы и стиховъ, и »Примѣчанія.«

---

(1) Равно и слѣдующія остальныя сочиненія въ этомъ спискѣ, изданы тѣмъ же Комитетомъ.

Книга эта упомянута въ »Реестрѣ книгъ« Ольхина, IV отд., подъ № 998.

6) Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ. Г. В. Сковороды. Москва, 1837 г. Въ тип. Рѣшетникова. 94 стр., in 8°. (Цензоръ архимандритъ Филаретъ).

Въ началѣ посвященіе и письмо къ Тевяшеву, приведенныя нами въ статьѣ о жизни Сковороды.

Упомянута въ »Реестрѣ« Ольхина, подъ № 237, VIII отд.

7) Бесѣда двое. Г. В. Сковороды Москва, въ тип. Рѣшетникова. 1837 г. (Цензоръ Виѳанской семинаріи ректоръ Агапитъ, 15 сент. 1836 г.) 50 стр., in 8°.

Упомянута въ »Реестрѣ« Ольхина, VIII отд., № 194.—Въ »Третьемъ продолженіи« Крашенинникова, отд. 1, упомянута подъ № 12,044.

8) Басни Харьковскія. Г. В. Сковороды. Москва, въ т. Рѣшетникова. 1837 г. (цензоръ архим. Агапитъ). 59 стр., in 8°.—Посвященіе *Панкову*. Письмо вначалѣ, приведенное нами въ своемъ мѣстѣ, выше отъ 1774 г. изъ села Бабаёвъ.—Всѣхъ басень 30. (Смѣсь прозы и стиховъ; въ концѣ нѣкоторыхъ стоитъ *сила*, или выводъ).

Содержаніе басень: 1) Собаки. — 2) Ворона и чижъ. — 3) Орелъ. — 4) Голова. — 5) Чижъ и щеголъ. — 6) Колеса часовыя. — 7) Орелъ и сорока. — 8) Голова и тулупъ. — 9) Мурашка и свинья. — 10) Двѣ курицы. — 11) Вѣтеръ и философъ. — 12) Осёлка и ножъ. — 13) Орелъ и черепаха. — 14) Сова и дроздъ. — 15) Змія и буффонъ. — 16) Жабы. — 17) Два цѣнные камушка. — 18) Собака и кобыла. — 19) Кротъ, нетопырь и два птенца. (При этомъ въ письмѣ приписка »крота изъ преисподней«, отъ 1774 г.)—20) Верблюдъ и олень.—21) Кукушка и дроздъ.— 22) Навозъ и алмазъ. — 23) Собака и волкъ. — 24) Кротъ и линксъ. — 25) Левъ и обезьяна. — 26) Щука и ракъ. — 27) Пчела и шершень. — 28) Оленица и кабанъ. — 29) Старуха и горшечникъ. — 30) Соловей, жаворонокъ и дроздъ.

Упомянута въ »Реестрѣ« Ольхина, подъ № 192, VIII отд.—У Крашенинникова въ »Третьемъ прибавленіи къ росписи книгамъ Смирдина«, 1852 г., на стр. 173.

1839 годъ.

9) Брань Архистратига Михаила съ сатаною, о семъ: легко быть благимъ. Г. В. Сковороды. — Москва, въ тип. Рѣшетникова, 1839 г. 45 стр. текста и VII стр. примѣчаній. — (Цензоръ, ректоръ, архимандритъ Филаретъ, 8 нояб. 1836 г.)

1854 годъ.

10) Пѣсня: »Ахъ счастье, счастье, бѣдное, злое!«, въ »Инвалидѣ« 1854 г., № 94, 28 апрѣля, въ статьѣ В. Аскоченскаго: *»Русскій композиторъ Веделевъ.«*

1860 годъ:

11) *Сочиненія въ стихахъ Григорія Савича Сковороды, съ его портретомъ и почеркомъ его руки. С. Петербургъ.* (Неизвѣстнаго издателя). 312 страницъ.

Содержаніе: I) XXXIII стихотворенія — Садъ божественныхъ пѣсней, прозябшій изъ зернъ св. Писанія; II. Проза: 1) Разговоръ о томъ — знай себе; 2) Убогій жайворонокъ; 3) Борьба и пря о томъ — претрудно быть злымъ, легко быть благимъ; 4) Бесѣда двое; 5) Пря бѣса со Варсавою; 6) Начальная дверь къ христіянскому добронравію, и 7) Самопознаніе.

Изъ этой прозы новаго, впервые здѣсь въ книгѣ изданнаго, только »Пря бѣса со Варсавою«, изъ которой впрочемъ напечатаны выдержки въ »Исторіи философіи« архим. Гавріила, томъ VI, 69 стр. Казань. 1840 г.; и »Разговоръ о томъ — знай себе«. — Эта безграмотная и неопрятная книга вообще издана очень странно; въ списокъ подписчиковъ на нее внесены имена людей, никогда на нее не подписывавшихся. Къ ней не приложено никакихъ поясненій, какъ составилась книга и откуда взяты нѣкоторыя ея указанія и самыя статьи. Она такимъ образомъ не можетъ служить даже слегка сноснымъ источникомъ къ объясненію сочиненій Сковороды и можетъ назваться спекулятивнымъ и постыднымъ явленіемъ русской литературы. — Приложенныя къ концу книги »письма Сковороды« составляютъ перепечатку изъ »Молодика.« Въ нее между прочимъ попало народное стихотвореніе о переведеніи Запорожцевъ на Тамань.

II.

ПЕРЕЧЕНЬ НЕИЗДАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ СКОВОРОДЫ.

М. Ковалѣнскій, въ рукописномъ сочиненіи своемъ »Житіе Сковороды, описанное другомъ его«, въ концѣ приводитъ списокъ неизданныхъ еще въ его время, 1794 года, и упомянутыхъ самимъ авторомъ въ письмѣ къ нему, сочиненій Сковороды. Опуская изъ этого списка напечатанныя вещи, означенныя нами выше, приводимъ не напечатанныя:

1) Наркизъ, узнай себя.
2 Симфонія, рекъ: сохраню пути моя.
3) Симфонія, аще не увѣси.
4) Неграмотный Марко.
5) Алфавитъ міра, о природѣ.
6) Разговоръ — Кольцо.
7) Древній міръ.
8) Жена Лотова.

9) Икона Алкивіадская (1).
10) Бесѣда I. Сіонъ (2).
11) Бесѣда II. Сіонъ.
12) Діалогъ — душа и нетлѣнный духъ.
13) Благодарный Ероднй.

ПЕРЕВОДЫ:

14) О старости Цицероновой
15) О Божіемъ правосудіи.
16) О смерти.
17) О храненіи отъ долговъ.
18) О свойствіи душевномъ.
19) О уединеніи, Сидронія.

Ковалѣнскій прибавляетъ: »Имѣются многія сочиненія его, изъ которыхъ лучшія *доставилъ онъ писанныя всѣ рукою своею другу своему*, и о всѣхъ приложилъ списокъ своеручный, при письмѣ къ другу. — Кромѣ сочиненій и переводовъ сихъ, многія на россійскомъ и латинскомъ языкѣ находятся письма его, весьма поучительныя, писанныя къ другу и прочимъ, многія стихословія и другія сочиненія, *которыхъ собраніе частію хранится у друга его.*« — Если со времени 1794 года уцѣлѣли въ семействѣ М. И. Ковалѣнскаго всѣ эти рукописи Сковороды, любопытно было бы издать ихъ въ свѣтъ, въ полномъ собраніи его сочиненій. Въ »Молодикѣ« 1843 г., г. Срезневскій называетъ слѣдующія неизданныя и не упомянутыя Ковалѣнскимъ сочиненія Сковороды (стр. 239—240):

20) О древнемъ зміи, или Библіи.

»Списокъ«, по его словамъ, »сдѣланный священникомъ Ѳ. Залѣсскимъ, въ 1763 г. декабря 10, хранится въ библіотекѣ Харьковскаго университета«.

21) Садъ божественныхъ пѣсней.

Кромѣ опубликованныхъ въ изданіи »сочиненій Сковороды« 1860 года, по словамъ г. Срезневскаго — »между 26 и 27 пѣснями, помѣщена мелодія, Carmen, по-русски и по латини, 1760 года. Въ спискѣ же профессора Е. М. Филомаѳитскаго еще прибавлены 29 и 30. Надъ 29 — 1788 годъ, сентября 17 ч., село Великій Бурлукъ.

22) Двѣ проповѣди: »Убуждшеся, видѣша славу его« и »Да лобжетъ мя«.

23) Толкованія изъ Плутарха, о тишинѣ сердца.

А. Хиждеу, въ »Телескопѣ« 1835 г., XXVI ч., стр. 12—157, упоминаетъ неизданныя сочиненія Сковороды:

24) Книжечка о любви до своихъ, наречennая Ольга Православная.

---

(1) Хранилась Иннокентія.
(2) Хранится у Ѳ. Н. Глинки.

»По словамъ магистра Кіевской Духовной Академіи, Симеона Рудзинскаго«, говоритъ Хиждеу, »это рецензія на другое сочиненіе самого Сковороды — Жена Лотова.«

25) Бесѣда ангельская о клеветѣ діавольской.

26) О внутреннемъ человѣкѣ. Разговоръ I. Симфонія о народѣ. Гласъ II.

27) Помни послѣдняя, помню и исповѣдуюся тебѣ, Господи.

Хиждеу прибавляетъ: »Такъ называется сочиненіе, которое есть родъ *автобіографической записки*. Оно писано по желанію Архіепископа Георгія Конисскаго, въ видѣ письма къ нему изъ Бурлука, отъ 1789 г., 5 мая.«—Г. Срезневскій сомнѣвается въ вѣрности всѣхъ вообще показаній Хиждеу. Любопытно бы видѣть рѣшеніе этого вопроса въ пользу или не въ пользу г. Хиждеу. Мы не имѣемъ для этого пока данныхъ.

Кромѣ этихъ печатныхъ указаній на рукописныя сочиненія Сковороды, мы имѣли подъ рукою присланныя намъ отъ разныхъ лицъ списки сочиненій его, за которые здѣсь приносимъ искреннѣйшую признательность.

Отъ покойнаго преосвященнаго Иннокентія, изъ Одессы, черезъ посредство профессора Зеленецкаго, намъ были присланы слѣдующія неизданныя рукописи сочиненій Сковороды, кромѣ приведенныхъ выше въ числѣ печатныхъ и не печатныхъ, которыми мы и пользовались для настоящаго труда:

28) Маленькій свиточокъ, изъ Плутарха Херонскаго, о добротѣ и злобѣ.

29) Трагедо-комедія (Въ силлабическихъ стихахъ).

30) О богослуженіи на небѣ.

31) Небо состоитъ изъ двухъ царствъ.

32) О первомъ состояніи человѣка послѣ смерти

Отъ г. Алякринскаго, изъ Владиміра на Клязьмѣ, кромѣ упомянутыхъ выше, въ числѣ печатныхъ и не печатныхъ сочиненій Сковороды, намъ присланъ былъ списокъ неизданнаго разсужденія Сковороды:

33) Сфинксъ, о древнемъ мудрецѣ Идипѣ.

Въ Императорской Публичной Библіотекѣ мы нашли *собственноручную неизданную рукопись Сковороды*:

34) Книжечка Плутархова о спокойствіи души. 40 страницъ, въ четвертку листа.

Въ »отчетѣ И. Публичной Библіотеки« за 1852 г., стр. 53, подъ рубрикою: Матеріялы для новой русской исторіи и для исторіи нашей словесности, — говорится объ этой рукописи: »Поступило изъ собранія г. Погодина подлинное разсужденіе философа Сковороды, о *Спокойствіи души*.

35) Черезъ посредство А. М. Лазаревскаго, мы получили отъ Н. М. Бѣлозерскаго, изъ Черниговской губерніи, слѣдующую замѣтку о неизданныхъ еще пѣсняхъ Сковороды:

»Найденъ въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ, при *Запискахъ моего дѣда*, хорунжаго нѣжинской полковой артиллеріи, Василія Осиповича Бѣлозерскаго, веденныхъ *съ 1772 по 1812 годъ*, въ г. Борзнѣ, Черниговской губерніи, переписанныя рукою моего дѣда, почеркомъ конца XVIII столѣтія, списокъ *пьесни Сковороды*: Ахъ, ушли мои лѣта, якъ вѣтры съ круга свѣта. — Ажъ тутъ и смерть за мною, страшная собою. — Лютѣ, звѣрски рыкаетъ, въ путь скоро понуждаетъ. А що жъ то за дорога? То жъ на той свѣтъ до Бога. Съ чимъ же я тамъ явлюся и чимъ Богу поклонюся? Но дарма порицаю, на смерть вину складаю. Моя жъ то воля злая, жила лѣта драгая. Сотнѣ лѣтъ закладала, о смерти же не гадала. Якъ же по той дорозѣ, пройти душѣ моей небозѣ? О Троице преблагая, прости дѣла моя злая! и Стану добро творити, за дѣла моя злая слезити.»

36) Наконецъ, *А. Л. Метлинскій* писалъ намъ въ 1856 г., изъ Харькова, слѣдующее: »Я пересмотрѣлъ рукописи *Библіотеки Харьковскаю Университета*. Ни по реестру, ни на дѣлѣ, болѣе двухъ не оказалось; обѣ съ надписью: *Сочиненія Сковороды, собранныя протоіереемъ Ѳедоромъ Залѣсскимъ, 1765 года, декабря 10*. Первая заключаетъ въ себѣ: »*Письмо — басень, Пустынникъ и его другъ;*« вторая: »*Борьба и пря о томъ — претрудно быть злымъ, легко быть благимъ*«. Это все статьи мистическаго содержанія, писанныя прозою и стихами. Какъ мы знаемъ, »Борьба« напечатана въ 1860 году.

III.

ПЕРЕЧЕНЬ ПЕЧАТНЫХЪ СТАТЕЙ О СКОВОРОДѢ.

Печатныя статьи о Сковородѣ разбросаны въ разныхъ журналахъ и сборникахъ. Вотъ ихъ полный перечень, въ хронологическомъ порядкѣ:

1) »Сіонскій Вѣстникъ«, на 1806 г., изд. Ѳеоѳемптомъ Мисаиловымъ, ч. III, августъ, С.П.бургъ, стр. 156—179, статья: »*Начальная дверь ко христіанскому добронравію*«, твореніе Г. Сковороды, съ нѣсколькими строками о жизни послѣдняго. Этотъ рѣдкій журналъ издавался въ *1806 году*. На III части тогда же онъ прекратился, и сталъ снова выходить въ *1817 и 1818 годахъ*. Въ послѣднемъ, на VIII части, прекратился, и болѣе уже не выходилъ.

2) »Украинскій Вѣстникъ« 1817 года, изд. Е. Филомаѳитскимъ и Р. Гонорскимъ, Харьковъ, апрѣль, ч. VI, въ смѣси, стр. 106—131, статья: »*Сковорода Украинскій философъ*«, за подписью: Густавъ Гессъ-де-Кальве и Ив. Верпетъ, съ присоединеніемъ двухъ писемъ Сковороды къ куппу Е. Е. Урюпину.

3) »Отечественныя Записки« 1823 года, изд. Павломъ Свиньинымъ, С. Петербургъ, ч. XVI, № 42 и 43, стр. 96—106 и 249—263,

статья: »*Украинскій философъ, Григорій Савичъ Сковорода*« за подписью *И. Сн.*, т. е. Ив. М. Снегиревъ. Въ выноскѣ сказано, что статья эта писана на основаніи вышеприведенной статьи »Украинскаго Вѣстника« и рукописной біографіи Сковороды, составленной его другомъ М. И. К—скимъ, т. е. М. И. Ковалѣнскимъ, о чемъ мы скажемъ ниже.

4) «Bulletin du Nord, *journal scientifique et litteraire, publiéà Moscou par G. le Comte de Laveau*« въ 1828 году, въ смѣси, тетрадь 10 и 11, стр. 149—156 и 270—275, томъ 3, сентябрь, статья Снегирева, въ переводѣ: *, Gregoire Savitsch Skovoroda, philosophe de l'Ukraine*«, съ примѣчаніемъ: »*Trad. par Mr. M.** du russe de Mr. Snegirow*«. (Вѣроятно *Hippolyte Masclet*, участвовавшій здѣсь).

5 »Телескопъ«, журналъ современнаго просвѣщенія, изд. Н. Надеждинымъ, Москва, 1831 года, ч. VI, стр. 578—582, статья: »*Три пѣсни Сковороды*«, съ примѣчаніемъ сообщено отъ А. Хиждеу. Самыя пѣсни слѣдующія: »Ой ты птичко желтобока« — »Ой, поля, поля зелены« и »Всякому городу свой нравъ и права«.

6 »Ученыя записки И. Москов. Университета« 1833 г., ч. I, смѣсь, въ статьѣ Снегирева: »*О старинномъ русскомъ переводѣ Тита Ливія*«, на стр. 695, нѣсколько строкъ о Сковородѣ, приводимыхъ нами цѣликомъ въ своемъ мѣстѣ.

7) »Утренняя Звѣзда«, собраніе статей въ стихахъ и прозѣ, Харьковъ, 1834 года, книжка I, стр. 67—92, статья: »*Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріѣ Сковородѣ*«, за подписью: *И. С.р.з.к.*, т. е. И. И. Срезневскій. Здѣсь приложенъ литографированный портретъ Сковороды и два варіянта пѣсни его: »Всякому городу нравъ и права«. Къ статьѣ присоединено примѣчаніе Квитки. Подъ статьею помѣтка: »Варваровка, на Днѣпрѣ, 1833 г., фев. 11.«

8) »Телескопъ« 1835 г., ч. XXVI, №5 и 6, стр. 3—42 и 151—178, статья: »*Григорій Варсава Сковорода, историко-критическій очеркъ*«, отрывокъ первый: »Общее основное понятіе о Сковородѣ, объясненное изъ его собственнаго сознанія« — съ выноскою, что эта статья извлечена изъ рукописи: »Gregor Skoworoda's Lebenswandel unp Wirkungskreis, oder historisch—kritik Würdigung seiner Schriften, als Beitrag zu einer Geschichte der slavischen Volksweisheit, in Briefen an Joh. Jos. Görres, Professor an der Universität zu München« — безъ подписи. Статью эту г. Срезневскій, въ »Молодикѣ« 1843 г., порицая за нѣкоторыя неточности, приписываетъ А Хиждеу. Къ статьѣ приложены примѣчанія: »Сковородинскій Идіотиконъ«.

9) »Московскій Наблюдатель«, журналъ энциклопедическій, 1836 года, Москва, ч. VI, стр 205—238, 435—468 и 721—736, повѣсть: »*Майоръ, майоръ!*«, за подписью: Срезневскій. Это разсказъ объ одномъ событіи изъ жизни Сковороды, съ отрывками его изрѣченій и кантовъ.

10) »Картины Свѣта«, энциклопедическій живописный альманахъ, на 1836 годъ, съ политипажными рисунками, Москва, изданіе А. Вельтмана, листъ 24, статья безъ подписи: »*Григорій Савичъ Сковорода*«, стр.

373—380. Въ заголовкѣ статьи приложенъ портретъ Сковороды, копія помѣщеннаго при »Утренней Звѣздѣ«. Самая статья есть перепечатка, въ сокращеніи, статьи Снегирева.

11) »Исторія русской философіи«, симбирской семинаріи ректора, Архимандрита Гавріила, Казань, 1840 года, ч. VI, стр. 53—70, § 154, статья: »*Григорій Савичъ Сковорода*«. Это сокращеніе статьи Снегирева и статьи Хиждеу о характерѣ ученія Сковороды, съ добавленіемъ нѣкоторыхъ изъ рукописи Ковалѣнскаго, которою авторъ, очевидно, пользовался. Отсюда перепечатана въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, XXX ч., отд. VI, стр. 11—14, въ обозрѣніи журналовъ, такъ какъ книга А. Гавріила появилась сперва въ »Ученыхъ запискахъ Казанскаго университета».

12) »Москвитянинъ» 1842 года, ч. I, стр. 117—119, въ матеріялахъ, статья: »*Преддверіе Григорія Савича Сковороды*«, съ подписью: доставлено г. Срезневскимъ.

13) »Молодикъ«, украинскій литературный сборникъ, изд. И. Бецкимъ, 1843 г., Харьковъ, стр. 229—244, двѣ статьи: »*Письмо къ издателю*« Василія Каразина и »*Выписки изъ писемъ Гр. Сав. Сковороды*« И. И. Срезневскаго. Къ книгѣ »Молодика« приложенъ, подъ № 18, на 7 листѣ приложеній, литографическій снимокъ автографа Сковороды, именно строки: »*Воля! о, небесный адъ! всѣ тебѣ ядь, всѣмъ ты ядъ!* »*Старчикъ Григ. Сковорода.*«

14) »Иллюстрація 1847 года. Здѣсь въ IV т., на стр. 24, съ подписью: *Григорій Савичъ Сковорода*, помѣщенъ довольно дурной снимокъ портрета Сковороды, помѣщеннаго въ »Утренней Звѣздѣ« и въ »Картинахъ Свѣта«, несхожій съ подлинникомъ, въ другой позѣ и съ добавленіемъ книги въ рукахъ Сковороды. Любопытно, что въ оглавленіи содержанія Иллюстраціи, за 1847 г., IV тома, подъ »Біографическими очерками нѣкоторыхъ замѣчательныхъ людей« стоитъ строка: *Григорія Сав. Сковороды—стр. 30-я*«, но этой біографіи ни здѣсь, ни при портретѣ не помѣщено.

15) »Москвитянинъ« 1849 г., ч. XXIV, стр. 68, III отд., нѣсколько строкъ, подъ именемъ: »*Анекдотъ о Г. С. Сковородѣ. Свиданіе Сковороды съ Епископомъ Тихономъ III, въ Острогожскѣ.*« Подпись: »Сообщено Н. Б. Баталинымъ изъ Воронежа.«

16) »Кіевскія Губернскія Вѣдомости« 1855 г., въ неофиц. части (№ 42, 43 и 44, за октябрь), статья: »Григорій Савичъ Сковорода« съ подписью: В. Аскоченскій и съ примѣчаніемъ: »Изъ втораго тома—Кіевъ, съ древнѣйшимъ его училищемъ, Академіею.« По другому примѣчанію и по выпискамъ автора видно, что любопытная статья его, по примѣру г. Снегирева, составлена по рукописи Ковалѣнскаго; но къ-сожалѣнію, г. Аскоченскій вовсе упустилъ изъ виду другіе, печатные источники о Сковородѣ. Въ выноскѣ онъ прибавляетъ: »*Подлинная рукопись, подаренная мною М. П. Погодину въ 1850 году, хранится нынѣ въ Им-*

нераторской Публичной Библіотекѣ.« Рукописи этой г. Погодинъ не передавалъ въ Публичную Библіотеку и мы ее тамъ не нашли.

17) Коротенькое »Свѣдѣніе о Сковородѣ« на двухъ страничкахъ, безъ ссылокъ и указаній источниковъ, при книгѣ: »Сочиненія Сковороды«, 1860 года.

18) Полемическій отвѣтъ *И. И. Костомарова,* (по поводу статьи о Сковородѣ Вс. Крестовскаго въ »Русскомъ Словѣ«)—въ Основѣ, 1861 года.

19) *Отвѣтъ на рецензію* Вс. Крестовскаго — въ »Петербургскихъ Вѣдомостяхъ« 1861 г., декабря 12.

20) »*Замѣтки о Сковородѣ*« въ »Воронежскомъ литературномъ сборникѣ выпуссъ I, Н. Гарденина и Н. Малыхина, 1861 г. »Григорій Савичъ Сковорода«, стр. 249—264, за подписью: *А. К.* Источникомъ имъ служили, повидимому, только печатныя свѣдѣнія о Сковородѣ.

Орестъ Халявскій.

ЗАМѢТКИ

О НАШЕЙ СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ.

Печатая свои «Замѣтки», я не придаю имъ значенія систематическаго труда, вполнѣ обнимающаго какую-нибудь сторону народной жизни. Это, просто, плодъ моихъ трехлѣтнихъ наблюденій надъ жизнью свободныхъ южнорусскихъ поселянъ, козаковъ и казенныхъ крестьянъ, съ которыми я имѣлъ случай довольно близко сходиться. Факты, подмѣченные мною, конечно, могутъ и не встрѣчаться на всемъ пространствѣ края, заселеннаго южнорусскимъ народомъ; но я могу поручиться за полную достовѣрность ихъ относительно мѣста моихъ наблюденій и, въ общихъ чертахъ, относительно уѣздовъ Черниговской губерніи, лежащихъ по лѣвой сторонѣ Десны. «Замѣтки» мои имѣютъ значеніе *матеріала*, для изученія южнорусской народной жизни,—не больше. Мнѣ кажется, что безъ обнародованія подобныхъ матеріаловъ, совершенно вѣрныхъ относительно извѣстной мѣстности, полное изученіе народной жизни невозможно.

I.

Начало марта.

Начинаю свои «Замѣтки» съ марта мѣсяца, потому что, по моему мнѣнію, для насъ, селянъ, начало весны—начало новаго года. Правда, мы празднуемъ и гражданскій, оффиціальный, новый годъ 1 января, поздравляемъ другъ-друга, говоримъ: *зъ но́вимъ годомъ, зъ но́вимъ щастємъ*«, чествуемъ его нѣкоторыми стародавними обрядами; но, въ сущности, съ 1-го января для насъ не начинается ничего новаго и этотъ день не можетъ служить эрою для начала года, въ нашей сельской жизни. Въ самомъ дѣлѣ, отпраздновавши *різдвяні святки*, мы продолжаемъ прежнія свои зимнія занятія: домолачиваемъ *хлібъ святи́й*, вывозимъ къ дому лѣсъ для построекъ, для топлива, для

горо́жи, стано́вимся під҃ ху́ру, кто охочій, т. е. извозничаемъ, по примѣру нашихъ бородатыхъ сосѣдей,—словомъ, дѣлаемъ то́, что́ начали дѣлать съ окончанія полевыхъ осенніхъ работъ и начала зимы. Что́ же тутъ новаго? мы только старое кончаемъ.

Другое дѣло, какъ подуетъ вѣтеръ съ юга и, съ помощью вновь ожившаго солнышка, а иногда и дождя съ туманомъ, сгонитъ снѣгъ съ полей; какъ растаютъ и разольются наши рѣчки и болота; какъ на мертвенномъ, сѣромъ фонѣ полей начнетъ пробиваться кой-гдѣ зелено-желтая травка. Это—весна уже началась, а съ нею рядъ новыхъ заботъ и нуждъ, о которыхъ мы позабыли съ окончаніемъ осени, т. е. послѣднихъ полевыхъ работъ, о которыхъ мы не думали цѣлую зиму и цѣль которыхъ снабдить насъ на весь годъ хлѣбомъ, а, при посредствѣ его, всѣмъ нужнымъ для насъ;—это для насъ, не шутя, не по-формѣ только, новый годъ начинается. Какова бы ни была зима, если у насъ есть *въ клу́ні и въ сту́зі*, мы не пропадемъ съ голоду: хороша зима—мы *хурованнѣмъ* что-нибудь добавимъ къ хлѣбу святому и къ нашимъ домашнимъ достаткамъ, коли есть охота да *худібчина* (скотъ) *добра*; худая—мы пролежимъ на печкѣ все свободное время, обойдемся и тѣмъ, что призапасено въ хозяйствѣ, и все-таки будемъ сыты. Не то дѣло весна и лѣто. Не удайся намъ огородиться, объораться, обсѣяться, обжаться во́-время, накажи насъ Богъ непогодою, холодомъ, градомъ, засухою, *моче́ю*, или другимъ какимъ-нибудь *ли́хомъ*—и мы сядемъ, какъ ракъ на мели, на цѣлый годъ; самая пустая хозяйственная неудача отзовется намъ на цѣлый годъ, и только будущая весна принесетъ надежду исправить ее. Все это хорошо знаемъ мы *селя́не-хлібороби* и считаемъ свой новый годъ не съ января, а съ марта, хоть и не поздравляемъ съ нимъ другъ-друга и не дѣлаемъ по этому поводу другъ-другу визитовъ.

Зато́ съ этого времени намъ начинаютъ дѣлать визиты, довольно частые и не совсѣмъ пріятные визиты, которыхъ мы не отплачиваемъ, но при которыхъ, волею неволею платимъ. Съ 1-го марта начинаютъ навѣщать насъ сборщикъ податей съ писаремъ и, прикомандировавъ къ себѣ мѣстнаго сельскаго старосту, десяцкаго, а иногда, для пущей важности и соцкаго, начинаютъ »*пра́вить поду́шне*« за первую половину текущаго года. Невелико это *поду́шне* (*), а не легко от-

(*) За годъ рублей до 3-хъ на ревизскую душу, съ поземельными и страховою премiей. Въ первой половинѣ года взыскивается 2 руб., остальные въ другой. Я говорю собственно о козакахъ, а не о казенныхъ крестьянахъ.

давать его для бо́льшей части поселянъ нашихъ! Конечно, человѣку мало-мальски *замо́жнёму*, имѣющему хоть немного своей землицы, своихъ воловъ и коней, *отбу́ть поду́шне* ничего не значитъ; у него и хлѣба отъ кормовъ останется, и овечку, или телку какую онъ, можетъ быть, продастъ осенью, и въ городъ могъ онъ отвезть что-нибудь на продажу, имѣя своихъ лошадокъ,—словомъ, ему только и труда, что вынуть деньги изъ *скри́нi* и отнесть сборщику. Не то́ совсѣмъ—заплатить *поду́шне* человѣку бѣдному, своими и женинными, а иногда и дѣтскими руками, заработывающему себѣ насущный. Хлѣба у него, заработаннаго за лѣто и зиму, столько, что дай Богъ, лишь бы хватило до новаго, да и то съ трудомъ; въ хозяйствѣ у него (да и то не у всякаго) свинья какая-нибудь, которой *звести́* никакъ нельзя, не рискуя встрѣчать всѣ будущіе великіе праздники безъ *ковбаси́* и куска сала; двѣ-три овечки, на которыхъ и на ихъ будущее потомство бѣднякъ смотритъ какъ на средство—не ходить въ трескучіе морозы въ изорваной свиткѣ; телка или коровка, съ надеждою на теленка и, слѣдовательно, на будущій кормъ и единственное лакомство для *дiтвори́*. Если и была у него съ осени овечка или свинья или телка, которую можно было продать, то она уже продана и вырученныя деньги пошли или на то же *поду́шне* за прошлый годъ, или на какую-нибудь *одѣ́жину*, на соль, на кварту *горiлки*, наконецъ, къ празднику.

Вѣдь и бѣдняку безземельному хочется походить на человѣка; не хочется вѣчно щеголять въ изорванной, заплатанной свиткѣ, хочется *пошанова́ть* праздникомъ родича, кума, или, просто, добраго сосѣда и кускомъ мяса и чаркой водки.

Да и кто рѣшится оспаривать у него такое жалкое право, кто рѣшится укрекнуть его за то, что ему жаль *звести́* на подать послѣднюю *худiбчину*, жаль лишить себя куска мяса въ праздникъ, а дѣтей своихъ ложки молока.

А деньги нужны: сельскія власти налегаютъ сильно, высѣчь грозятъ. Еще бы по сборщику ничего: сборщикъ—свой братъ *хлiборо́бъ*, а не чиновникъ; человѣкъ, съ котораго онъ *пра́вить поду́шне*, ему братъ и товарищъ; бытъ и нужды ихъ одинаковы, хорошо знаетъ онъ причины, по которымъ иногда не можетъ заплатить бѣднякъ подушного, при всемъ своемъ желаніи,—а главное, онъ знаетъ, что черезъ годъ самъ сдѣлается простымъ хліборобомъ и теперешній подчиненный легко можетъ сдѣлаться его начальникомъ. Поэтому-то онъ и снисходителенъ и не кричитъ и не ругается. Другое совсѣмъ дѣло—писарь. Въ раннемъ

дѣтствѣ вырванъ онъ изъ сельской среды и пересаженъ въ школу при волостномъ правленіи. Тамъ его одѣли по формѣ, учатъ грамотѣ и постоянно указываютъ на прекрасную будущность: «учись, учись хорошенько» говорятъ ему: «не будешь учиться—на село воротимъ, будешь опять мужикомъ, воловъ погонять будешь, или свиней пасть, въ свиткѣ порванной и лаптяхъ будешъ ходить, всякій будетъ помыкать тобою, бить тебя будетъ; а выучишься—самъ паномъ будешь—писаремъ; не тебя, а ты другихъ будешь драть за чубъ: писарь—великое дѣло!» Мальчикъ и самъ видитъ, что писарь, дѣйствительно, великое дѣло, что помыкаетъ онъ бѣдными хлѣборобами сколько душѣ его угодно, что обираетъ онъ ихъ самымъ немилосерднымъ образомъ, что пользуется онъ черезъ это всѣми удобствами жизни: и одѣтъ чисто, почти *по-панськи*, и ѣстъ *смачно*, и чаекъ попиваетъ, а ужъ о водкѣ и говорить нечего—пей сколько вынесетъ голова, да еще даромъ! И некому указать ему все безобразіе подобнаго счастья, некому объяснить, что бѣдный кусокъ хлѣба, честно зарабатываемый послѣднимъ наймитомъ, лучше удобствъ жизни, добываемыхъ не только волостнымъ писаремъ, но иногда и окружнымъ начальникомъ, на поприщѣ служенія отечеству. И вотъ, мальчикъ выучился, добился давножеланнаго мѣста писаря и смотритъ на народъ, изъ среды котораго вышелъ, какъ на что-то стоящее неизмѣримо ниже его. Не знаетъ онъ, да и знать не хочетъ, быта и нуждъ этого народа; онъ хлопочетъ только, чтобы народъ этотъ понималъ разстояніе, существующее между ними, чтобы чествовалъ его сниманьемъ шапки и угощеніемъ разными яствами и питіями, а самое главное, чтобы свято исполнялъ свои обязанности передъ начальствомъ. И вотъ почему, на просьбу какого-нибудь бѣдняка подождать подушного недѣльки двѣ, онъ, только-что вытянувшій около полукварты водки, съ спокойной совѣстью кричитъ: »лентюга́ пога́ний! по шинка́хъ, ма́буть, день и нічъ седи́шъ, послідне пропива́ешъ, а нема́ заробы́ть на поду́шне!»

»Та, пожа́луйте, господа́ пи́саръ«, чуть не плачетъ бѣднякъ: »де жъ ёго въ Бога заробить? Що́ замолотивъ, те й імо́, а на другій якій робо́ті нігде стать; хиба́ развѣ зо́ три за всю зіму хто руба́ть лісу покли́че, та й то на то́локу,—а хочъ и не на то́локу, дакъ за три ра́зи—три гривенники... И со́лі жъ тре́ба...»

»Ось, якъ засы́племо тобі гаря́чихъ, бу́дешъ ти знать сіль»! кричитъ писарь; »ось неха́й не бу́де гро́шей після-за́втрёго—зна́тимешъ ти сіль! Иди къ бісу«!

Уходитъ одинъ бѣднякъ, а писарь принимается за другого. И не совсѣмъ виноватъ писарь, а тѣмъ–болѣе страдательно потакающій ему сборщикъ: и надъ ними есть власть...

Пошелъ бѣднякъ, разсуждаетъ, какъ-бы раздобыть эти несчастные два рубля. И хорошо еще, если два, хорошо, если ему, безземельному горемыкѣ, приходится оплачивать только свою работящую душу, если не сидятъ еще у него на шеѣ двѣ–три ревизскихъ души, или умершихъ, или лежащихъ въ люлькѣ, или бѣгающихъ по улицѣ въ однѣхъ сорочкахъ. А вѣдь послѣднее встрѣчается несравненно чаще, чѣмъ первое. И поневолѣ согрѣшитъ бѣднякъ: «Господи!» подумаетъ; »и на що я такий несчáсний уродúвся! Онъ, Петрó Помелéнко: землі въ ёго днівъ по двáдцять въ рýку, сінокóсівъ, лісівъ,—коней зъ двадцятерó— а плáтить за одну дýшу. У мéне хатúна тільки, та городця шматóкъ, та бáтьківська нúвка не–знать–якá—платú за трехъ! И нáщо мині Богъ дітéй тихъ послáвъ, або чомъ не прибрáвъ іхъ до ревúзіі!« А деньги все–таки нужны,—ропотъ не даетъ денегъ. Занять нужно,—иначе не вывернешься. И идетъ бѣднякъ занимать; начинаетъ съ бѣднѣйшихъ, почти съ своего брата—безземельца; знаетъ онъ, что бѣднѣйшій больше самъ нужду терпитъ, слѣдственно и чужой нуждѣ больше будетъ сочувствовать; выпрашиваетъ два рубля, или сколько тамъ нужно, почти плача, срокомъ *до Микóли* или, тамъ *до Святої недíлі*, предлагаетъ, вмѣсто процентовъ, свой трудъ на нѣсколько дней, въ самое горячее время, когда *городúть* начнутъ. И счастливъ, когда достанетъ... только рѣдко удается такое счастье: не одинъ онъ путешествуетъ по хатамъ: такихъ путешественниковъ чуть не четвертая часть села собралась, а трудомъ добытая ничтожная копѣйка трудно выпускается изъ *скрúні* или кожанаго *гаманця*, хоть бы и за проценты.

»А що, сúнку, (або чоловíче), досíпавъ де грошúнятъ?« спрашиваютъ въ семьѣ воротившагося домой бѣдняка.

— »Досíпаешъ!.. такé тепéръ и стáло!«

И начинаетъ бѣднякъ самый подробный разсказъ о своихъ странствіяхъ по хатамъ, о своихъ просьбахъ и предложеніяхъ, о поводахъ къ отказу. Грустно выслушиваетъ его семья.

»Оце, лихá годúночка! Щóжъ тепéръ мáемъ робúти?«

»А щó робúти? звісно, більшъ нічого, якъ до богатирівъ трéба кúнутьця.., Нічóго не вдіешъ!«

»До котрóго жъ ти? До Пархóменка, чи до Чубія, чи мóже...

»Да вже тамъ до котрóго–нéбудь... хибá не однáкові чортú?

Замолкаетъ бесѣда, и каждый еще грустнѣе принимается за свое обыденное дѣло: хорошо они знаютъ, что́ такое *багатúръ*.

Въ 1–й книжкѣ *Основы* 1861 г., слово *багатúръ* переведено: *богатый*, *богачъ*. Переводъ этотъ не совсѣмъ вѣренъ, т. е. лучше сказать, онъ не передаетъ и не исчерпываетъ всего, что́ мы, селяне, привыкли соединять съ понятіемъ о богатырѣ. Богатаго человѣка мы такъ и называемъ *багáтимъ*, иногда *замóжнимъ*, *хазяíномъ на всю гýбу*, и т. д. *Багатúръ* у насъ не то: это, дѣйствительно, человѣкъ богатый на все и преимущественно на наличныя деньги; но, кромѣ того, это человѣкъ, который спитъ и видитъ, кáкъ бы увеличить свое богатство всѣми законными и незаконными способами, который готовъ послѣднее потянуть съ бѣдняка, оставить его на всю жизнь безъ куска хлѣба, лишь бы хоть копѣйку лишнюю положить въ свою *скрúню*. Багатиръ всегда ростовщикъ, у него всегда есть запасная копѣйка для займа ближнему; но и родному отцу не дастъ въ займы онъ и гроша безъ страшныхъ процентовъ, которые не уступя́тъ, а иногда, пожалуй и превзойдутъ, такъ называемые жидовскіе, безъ различныхъ обременительныхъ условій, отдающихъ занимателя въ полную, почти не прекращающуюся, кабалу заемщику. Не живя въ селахъ, трудно вообразить, какимъ тяжелымъ, неотразимымъ гнетомъ лежитъ этотъ немногочисленный классъ селянъ надъ безземельными и малоземельными бѣдняками; трудно представить, какія нелѣпыя отношенія устанавливаются между первыми и послѣдними, отношенія напоминающія, а иногда могущія и перещеголять, покойную власть помѣщиковъ (конечно не по праву, а на дѣлѣ). И грустнѣе всего, что этотъ гнетъ, эта власть не возбуждаютъ общаго протеста, общаго негодованія! Напротивъ: багатырú имѣютъ огромный вѣсъ въ обществѣ, гдѣ живутъ, пользуются неотразимымъ вліяніемъ на всѣ его дѣла. Всякій, болѣе или менѣе честный человѣкъ (а такіе составляютъ огромное большинство сельскаго населенія) въ душѣ своей осудитъ багатира, назоветъ его грѣшнымъ, безбожнымъ человѣкомъ, но всякій, понимая силу денегъ, преклонится и уступитъ ему, хоть бы и нужды никакой не было ни въ немъ, ни въ его деньгахъ.

Во время сбора подушного самая обильная жатва для багатыря, самая удобная пора, для вершенія его незаконныхъ дѣлишекъ. Въ это время у него *хàта не зачиня́ется*; всякому деньги нужны, всякія, значитъ, и условія предлагать можно:—поневолѣ примутъ.

Вотъ является къ нему одинъ: видъ понурый,—совѣстно бѣдняку и посмотрѣть прямо; знаетъ онъ, что еще на улицѣ догадались, зачѣмъ и куда онъ идетъ, знаетъ, что и въ хатѣ объ этомъ догадались. Тихо, сквозь зубы, ворчитъ онъ обычное: »*добри́день*« и »*бу́дьте здорові́ зъ сёго́дняшнимъ дне́мъ*«. »Спаси́бі«, отвѣчаетъ равнодушно багатиръ—хазяинъ и преспокойно предлагаетъ гостю сѣсть, какъ-будто и не догадывается, что гость совсѣмъ не для бесѣды пришолъ.

»Та сади́ Богъ все до́бре« отвѣчаетъ гость; »ми й посто́ймо«.

Молчаніе.

»Я до ва́шої ми́лости, ді́ду, прийшо́въ...

»Ска́жешъ«.

»Чи не бу́де ва́шої ла́ски,—грішми зарятуйте на поду́шне«.

И бѣднякъ низко-пренизко кланяется сидящему предъ нимъ багатырю. Тотъ морщится.

»Де́ въ ме́не ти́ї гро́ші набра́лись?

»Де-таки́ у васъ гро́шей нема́,—хай вамъ Богъ спори́ть! Зді́лайте бо́жеську ми́лость, зарятуйте.«

И опять нѣсколько низкихъ поклоновъ:

»А бага́то тобі?«

»Та два карбо́ванці. Я бъ ва́шій ми́лості объ Мико́лі и отда́въ. Помывсь крить у Евтуше́нка клу́ню, такъ зароблю.«

»Не зна́ю, що́ й робити́ зъ тобо́ю... Нема́ гро́шей таки́хъ за́йвихъ«.

»Зді́лайте ми́лость«! Нѣсколько поклоновъ. »Я ду́рно й несхо́чу; який тамъ процентъ поло́жите...«

»Не зна́ю, ей-Бо́гу! Хиба́ отъ-якъ: дамъ я тобі два карбо́ванці, а ти мині за нихъ клу́ню покри́ешъ стару́, та на комо́рі гре́бінь ви́ложишъ, та сіни полата́ешъ:—познóсило вітромъ соло́му, дакъ тіче́. Отта́къ, коли́ хо́чешъ«.

»Дежъ-такій, ді́ду́сю, такъ же ду́же обі́дно бу́де на ме́не. Я жъ у Евтуше́нка за одну́ клу́ню, ще й ме́нша дъ ва́шої, взявъ чоти́рі карбо́ванці«.

»Чомъ же се тобі Евтуше́нко гро́шей не дасть?«

»Чому бъ не давъ, якъ би були́? объ Мико́лі продасть кобы́лу дакъ и дасть, а тепе́ръ нема́«.

»То-то жъ и те, що нема́«.

»Дакъ бу́дте ласкáві! Я вамъ лу́чше такъ чого́ поможу́ днівъ три робити́ за процентъ—косить тамъ, чи сіно ки́дать«.

»Ні, не буде такъ. Та́къ, коли́ хо́чешъ, якъ я кажу́, мо́жно:— послідні отда́мъ.

И долго длятся подобные переговоры. Приводитъ разные резоны бѣднякъ, кланяется чуть не до земли, упрашиваетъ, разжалобить старается. Но не урезонишъ и не разжалобишъ ничѣмъ черстваго дѣда, тѣмъ больше, что онъ хорошо знаетъ, чѣмъ это кончится: кончится тѣмъ, что бѣднякъ, волей-неволей, приметъ всѣ его условія, лишь бы опять не подвергнуться угрозамъ писаря, или даже осуществленію этихъ угрозъ,—чего добраго.

Такъ оно и кончается обыкновенно. Правда, иногда бѣдняка взрываетъ наглость и безсовѣстность подобныхъ предложеній и, подъ вліяніемъ минутнаго чувства, онъ уходитъ отъ багатыра́. Но тѣмъ хуже ему: воротится онъ опять въ ту же хату, только кланяться и унижаться нужно будетъ еще больше, только больше кобенеться станемъ багатырь и, пожалуй, выругаетъ еще, зачѣмъ надоѣдаетъ, а не то, къ крытью клуни еще день, или два косовицы, прибавитъ. А что́ дѣлать? Деньги нужны—и согласиться на все нужно. И выйдетъ, что багатырь сдеретъ съ бѣдняка сто на сто въ-продолженіи какихъ-нибудь двухъ недѣль, потому только, что у перваго есть запасные два рубля, а у послѣдняго—нѣтъ.—

Приходитъ другой горемыка:—съ тѣмъ та же исторія,—только на другой ладъ: »До́бре, я дамъ тобі чоти́рі карбо́ванці за́разъ, тільки ти стань ора́ть у ме́не на все лі́то, та ко́ли тамъ покли́чу колісъ помогти́ робити.« Послѣ долгаго пренія бѣднякъ, конечно, соглашается. А нанять ратая на все лѣто стоитъ у насъ 6 р. и, сверхъ-того, хозяинъ обязанъ посѣять, въ пользу ратая, на своей землѣ, двѣ мѣрки (около 3-хъ пудовъ) жита (ржи) или овса,—что́ все составитъ не меньше 10 р, ср. Выраженіе же: »коли́ тамъ колісъ робити́ поможешъ« значитъ, что до конца оранки, т. е. почти до начала Октября, будешъ ты дѣлать колеса въ моей повѣткѣ, во все свободное время отъ оранки и жниновъ, и за это, пожалуй, я сдѣлаю еще тебѣ милость: позволю тебѣ, безъ уговора, выорать моими волами твою нивку или огородъ. И такъ, образомъ, бѣдняку придется заплатить за заемъ болѣе ста процентовъ, хоть и не въ такой короткій срокъ, но здѣсь, какъ разсказано выше, грозитъ ему еще кое-что́ худшее, нежели плата большихъ процентовъ. *Критни́къ* покрылъ крышу, разсчитался съ долгомъ, да и свободенъ на все лѣто. Можетъ быть еще гдѣ-нибудь ему придется найти работу до жниновъ, а не то́—колесо

сдѣлаетъ, повозчонку какую–нибудь—и раздобудетъ копѣйку и на соль, и на осеннія подати. Не то ратаю: онъ закабалилъ себя почти на всю весну, лѣто и часть осени; кромѣ жнивъ, ему, для себя собственно, нѣтъ и двухъ недѣль свободнаго времени. А тамъ—осень придетъ, а съ нею и требованіе податей, а взять опять негдѣ. И опять, волей–неволей нужно *лізти въ вічі багатирю*, а тотъ, ужъ конечно, не упуститъ случая не только поставить его орать на будущую весну, но поставитъ еще и молотить на самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ. И выйдетъ, что за восемь, много—десять рублей, бѣднякъ закабалитъ себя почти на весь годъ въ работу, безъ твердой надежды освободиться отъ этой кабалы и на будущій годъ. Въ самомъ дѣлѣ, только какой нибудь счастливый сллучай, или продажа послѣдней нивки, или огорода могутъ освободить бѣдняка отъ этой добровольно накинутой на себя барщины.

Но тяжелѣе всего приходится тѣмъ бѣднякамъ, которые не могутъ предложить въ уплату процентовъ свой потовой трудъ, потому-что багатиръ этого не хочетъ. Такіе поневолѣ должны занимать деньги подъ закладъ земли. А заемъ этотъ производится обыкновенно на такихъ условіяхъ: за десятину пахатнаго поля, или за сѣнокосъ косаря въ четыре, багатыръ никакъ не даетъ больше пяти руб. ср., да и то еще если земля хорошая, и до уплаты денегъ пользуется правомъ пахать землю и косить сѣнокосъ въ свою пользу. Десятина средственной земли даетъ ржи копъ 7 или копъ 10, овса. Отдавая эту землю пахать съ копы, можно получить безъ всякаго труда двѣ копы ржи, или $2^1/_2$ копы овса. Копы ржи не купишь у насъ менѣе 1 р. 75 к., копы овса менѣе 80 к.; всего, значитъ, за два года не менѣе 5 р. 50 к. Присчитавши третій годъ, когда земля лежитъ подъ паромъ, найдемъ средній годовой доходъ съ десятины: 1 р. 83 к. Здѣсь я бралъ самый посредственный урожай и самую посредственную цѣну. Но и этотъ посредственный годовой доходъ составитъ болѣе 36 процентовъ съ 5 рублей. Возьмемъ теперь сѣнокосъ: четыре косаря накосятъ не менѣе 20 копенъ сѣна. Отдавая такой сѣнокосъ, по принятому у насъ обыкновенію, косить съ половины, получимъ 10 копенъ безъ всякаго труда; цѣна копны не менѣе 25 к.,—и того–2 р. 50 к. годового дохода, т. е. 50 процентовъ съ 5 рублей. Не въ этомъ, однакожъ, главная тяжесть займовъ подобнаго рода: Дѣло въ томъ, что заложенную землю весьма трудно воротить назадъ. Заложивши землю, бѣднякъ лишается того хлѣба, который получалъ об-

рабатывая ее и который шилъ на прокормленіе семьи, или на выручку копѣйки, нужной въ хозяйствѣ. Слѣдовательно, для недостающаго надо заработать, да къ тому же еще надобно заработать и занятыя деньги и деньги на *подушне* къ осени. А коли, у насъ, на мѣстѣ, трудно на одно *подушне* заработать, то, конечно, почти невозможно заработать количество втрое большее. А между тѣмъ, багатыръ употребляетъ всѣ зависящія отъ него средства, все свое вліяніе, чтобы заставить бѣдняка уступить ему заложенную замлю *въ вічность*, потому что на землю и у насъ стало довольно скупо, и у насъ она значительно цѣнится. Конечно, багатиръ настоящей цѣны не даетъ, онъ сдѣлаетъ только весьма незначительную прибавку къ занятой у него суммѣ: но все-таки, въ большей части случаевъ, желаніе его исполняется. Заработать сумму, нужную для выкупа земли, какъ мы видѣли, трудно, почти невозможно; продать землю въ другія руки, за настоящую цѣну, или занять денегъ для выкупа, на условіяхъ менѣе тяжкихъ, тоже невозможно, потому что на это никто въ своемъ селѣ не согласится, какъ бы ни нужна была ему земля, какъ бы ни было сильно у него желаніе помочь ближнему. Не согласится потому, что это значитъ—*отбивáть хлібъ у багатиря* и, слѣдовательно, сдѣлать его смертельнымъ врагомъ себѣ, а на это трудно рѣшиться, зная, какъ велико значеніе и вліяніе его на всѣ сельскія дѣла. Дѣлать же какія нибудь сдѣлки на-сторонѣ, въ другомъ селѣ, мы, селяне, особенно бѣднѣйшіе изъ насъ, рѣшительно не привыкли.

Вотъ слабый очеркъ того, чрезъ какія мытарства приходится пройти, при отдачѣ подушнаго, человѣку безземельному и вообще неимѣющему своего хозяйства, а добывающаго себѣ и семьѣ насущный хлѣбъ собственными руками (*). Гораздо уже легче тѣмъ, которые хоть коровокъ пару запрягаютъ, хоть одну шкапу имѣютъ. Такой дровъ гдѣнибудь нарубитъ коли своихъ нѣтъ, и свезетъ въ городъ, остатки хлѣба повезетъ на базаръ, однимъ словомъ вывернется какъ нибудь собственными средствами. Но и этимъ приходится пострадать немножко. Вообще мы народъ безпечный, не-слишкомъ предусмотрительный.

(*) Я говорилъ здѣсь о бѣдняках, зарабатывающихъ себѣ насущный хлѣбъ постоянно на мѣстѣ, въ своемъ селѣ. Но есть еще другіе, которые отправляются, на лѣтніе мѣсяцы, на заработки въ южныя губерніи, болѣе нашей хлѣбородныя и меньше населенныя и которыхъ у насъ называютъ «*донцями*», хоть на Донъ они почти никогда не заходятъ. Участь ихъ гораздо тяжелѣе. Я поговорю объ нихъ подробнѣе въ одной изъ слѣдующихъ статей.

Что́ бы намъ продать то, что́ приходится продать на подýшне, мѣсяца два раньше, когда и дорога лучше и цѣны высше? Нѣтъ, мы ожидаемъ покуда сборщикъ съ писаремъ визитъ намъ сдѣлаетъ, и тогда уже *притьмолсь* на базаръ. И скопится насъ тамъ много, много, *предложеніе перевѣсить запросъ*, какъ выражаются политико-экономы, и мука и дрова продадутся десято процентами ниже. Мѣстные жиды очень хорошо знаютъ это обстоятельство и всѣ свои закупки стараются дѣлать въ то время, когда *музикѣвъ нацнуть за подусне пекти*«.

Но все имѣетъ свой конецъ. Какими бы то ни было путями, а мы добыли себѣ денегъ на подушне и заплатили ихъ; багатирі пріобрѣли, для безвозмездной обработки, нѣсколько лишнихъ нивъ, огородовъ и сѣнокосовъ, и поставили себѣ почти даровыхъ работниковъ; писаря получили *по сороківці одъ книжки* (*), истребили множество даровой чехони и водки и отправились въ свои волостныя правленія; сборщиии, старосты и соцкіе обратились къ своимъ обычнымъ занятіямъ, приниматься за которыя имъ крайне не хочется, послѣ дароваго пьянства, впродолженіи почти мѣсяца. Потолкуемъ мы еще съ недѣлю объ этомъ времени, собравшись въ праздникъ на улицѣ, перескажемъ другъ другу, гдѣ, кто́ и ка́къ досталъ себѣ денегъ, вспомянемъ: *кому́ накрути́въ мли́нка пи́саръ, кому́ ляпасі́въ надава́въ, а кого́—и лома́кою*; вспомнимъ также, какъ этотъ самый грозный писарь, перебравши черезъ край, танцовалъ *навпри́сядки* съ пьяною Грицихою, по-колѣна въ грязи, на улицѣ; погуторимъ обо всемъ этомъ, да и забудемъ до осени.

Да и пора забыть: наступаетъ время, когда намъ нужно заявлять на дѣлѣ наступленіе нашего новаго года, т. е. приняться за тѣ заботы и труды, которые онъ приноситъ съ собою.

Иванъ Конискій.

Сельце Переходовка,
Нѣжинскаго уѣзда. 1862 г.

(*) За записку въ податныя книжки подушнаго, писаря установили, въ нашей мѣстности, сборъ въ свою пользу, по 10 коп. ср. отъ книжки.

ВОСПОМИНАНІЕ О НОВОМОСКОВСКѢ.

(Изъ дорожныхъ записокъ 1861 года.)

Новомосковскъ—уѣздный городъ Екатеринославской губерніи; рѣка Самарь, на которой стоитъ онъ, долго составляла южную границу Украины, а послѣ соединенія ея съ Россіей, при Богданѣ Хмельницкомъ, и южная граница всего Русскаго государства раздвинулась отъ Бѣлгородской черты также и до Самари и верховьевъ Калміуса. За Самарью были, и еще не дальше ста лѣтъ назадъ, *дикія* степи. Красота мѣстности, по которой протекаетъ Самарь, и богатства ея, замѣчены еще Бопланомъ въ XVII вѣкѣ; онъ говоритъ, что теченье Самари тихое по-причинѣ извилистыхъ береговъ; что она обильна рыбой; что онъ видѣлъ весной даже сельдей и осетровъ, которые ловились въ ней; что окрестности Самари богаты медомъ, воскомъ, дичиной и строевымъ лѣсомъ, который употреблялся тогда на постройки во всѣхъ окрестностяхъ, въ томъ числѣ и на постройку койдакской крѣпости, и что козаки называли Самарь *святою* рѣкою. Хотя, въ настоящее время, ни осетровъ, ни сельдей въ Самари уже не водится, но она и нынѣче еще прекрасна, богата рыбой и лѣсомъ; при ней же были селитряные заводы, разоренные въ 1703 г. взбунтовавшимися Запорожцами. Самарь изъ числа тѣхъ поэтическихъ рѣкъ, которыя, въ украинскихъ думахъ, называются: *річки нізовиі—помошниці Дніпровиі*. И, Боже! какихъ кровавыхъ событій не видѣли ея берега, ея окрестности. Здѣсь-недалеко, (у днѣпровскихъ пороговъ) Печенѣги убили Святослава; здѣсь—въ XI столѣтіи—Мстиславъ Изяславичъ, съ Чорными Клобуками, разбилъ Степняковъ-Половцовъ (Кумановъ) и множество душъ христіанскихъ, захваченныхъ ими, избавилъ отъ неволи. Здѣсь не одинъ разъ злой Татаринъ тащилъ нанизанными на шестѣ, продѣтомъ сквозь связанныя руки, несчастныхъ русскихъ плѣнниковъ, и они слезами и кровью обливали послѣднюю грань родной земли. Сюда же, черезъ дикія, безводныя, степи, какъ къ обѣтованной землѣ, стремились тѣ ю.-русскіе смѣльчаки, которымъ иногда удавалось убѣжать изъ

турецкаго плѣна, отъ ручнаго помолу пшеницы въ Азовѣ, отъ службы на турецкихъ каторгахъ и отъ другихъ жестокихъ работъ.

Въ одной украинской думѣ, про смерть трёхъ братьевъ, упоминаются: поля Самарскія, рѣчка Самарка, Крыничка Салталка; въ другой, о бѣгствѣ 3–хъ братьевъ изъ Азова, говорится также о рѣчкѣ Самаркѣ и о высшихъ степяхъ Самарскихъ, гдѣ одинъ изъ братьевъ, пѣшій, на девятый день бѣгства, безъ воды, безъ хлѣба, погибаетъ у Савуръ–Могилы, а два конные легли выше рѣки Самари. Есаулъ Ѳедоръ Безродный, умирая, проситъ своего джуру тоже сходить къ рѣчкѣ Самаркѣ, взять воды, согрѣть и промыть его раны смертельныя. Еще въ одной пѣсни—отецъ спрашиваетъ: «гдѣ твоя, сынъ, доля? А чи въ Сулі, чи *въ Самарі*, чи въ тихімъ Дунаі?»...

Самарь служила камнемъ преткновенія любимцу царевны Софіи, князю Голицыну, въ оба похода его въ Крымъ. Въ первый походъ, въ 1687 году, когда съ нимъ участвовалъ и Малороссійскій Гетманъ Самойловичъ, Крымскій Ханъ неожиданно зажегъ сухой ковыль и камыши въ обширныхъ степяхъ, начинавшихся за Самарью, и заставилъ его вернуться назадъ, съ уономъ въ лошадяхъ, отъ недостатка подножнаго корму. Слѣдствіемъ этого было паденіе Самойловича, на котораго Голицынъ сложилъ всю вину неудачи и возвышенье Мазепы, получившаго гетьманство за усердную помощь Голицыну—въ клеветѣ на Самойловича. Тогда же, на основаніи договора, подписаннаго Мазепой, при вступленіи въ санъ Гетмана, начата постройкой Неплюевымъ, при устьѣ Самари, на лѣвомъ ея берегу, Богородицкая крѣпость, которая, несмотря на увѣренье русскаго правительства, что она служитъ для защиты отъ Крымцевъ, очень встревожила Запорожцевъ, такъ–что Кошевой ихъ, Иванъ Гусакъ, высказалъ за это Мазепѣ сильное негодованіе, а тотъ, въ свою очередь, сдѣлалъ ему строгій выговоръ и грозилъ вслѣдъ–за–тѣмъ послать противъ него войско, но остановился, по случаю свирѣпствовавшаго въ то время, въ Запорожской Сѣчи, мороваго повѣтрія. Во второй походъ, въ 1689 году, Голицынъ дошелъ до Перекопа, гдѣ Крымскій Ханъ Селимъ обманулъ его переговорами о мирѣ, а между тѣмъ русское войско, лишенное въ безплодной и безводной странѣ средствъ къ существованію, пришло въ изнеможеніе, послѣ чего Голицынъ принужденъ былъ вторично возвратиться безъ успѣха, преслѣдуемый Татарами до самой Самари.

Когда Хмельницкій началъ войну съ Польшею, къ нему, съ береговъ Самари, шли дикіе лугари или лѣсные гайдамаки.

Вообще, Гайдамаки, существовавшіе до конца прошлаго столѣтія, переселялись по большей части за Самарь, гдѣ, по Самарско-Волчьимъ водамъ, были товщи—т. е. запорожскіе зимовники.

Въ Новомосковскѣ, который, до времени, какъ сдѣлали его уѣзднымъ городомъ, т. е. до 1794 г., назывался Самарью, Новоселищемъ и слободкой Новоселовкой,—существовала Самарская Паланка до самого разоренія, въ 1775 г., Запорожской Сѣчи.

Въ настоящую пору, Новомосковскъ, съ селеніями Вороновкой и Животиловкой, имѣетъ до 10 т. слишкомъ жителей; въ немъ есть заводы: салотопенные, мыловаренные, кожевенные, кирпичные, три ярмарки: Средопостная, Троицкая и Спасовская. Троицкая ярмарка, учрежденная въ 1860 г., вмѣсто Воздвиженской (14 сентября), почти не существовавшей на дѣлѣ,—открыта въ 1861 году; въ первый разъ на нее явилось три воза, кажется, съ мукой, и больше ничего.

Какъ видно, нелегкое дѣло—назначить время, удобное для ярмарки!

На остальныхъ двухъ ярмаркахъ преимущественно сбывается рогатый скотъ, лошади, кожи, разные жизненные припасы, рыба тарань и проч.; на Спасовской, между прочимъ,—горы арбузовъ, чудовищныхъ величинъ и превосходнаго качества, пирамиды янтарнаго сотоваго меду. Но это богатство имѣетъ и свою невыгоду: когда ярмарка эта кончается, мухи, лишенныя продовольствія, съ ожесточеніемъ налетаютъ миріадами на городъ.

Народонаселеніе Новомосковска, за исключеніемъ малой доли Евреевъ, состоитъ изъ Малороссіянъ; они преимущественно занимаются дубленіемъ кожъ, боемъ, покупкой и продажей скота, мелкимъ торгомъ по ближайшимъ ярмаркамъ, шитьемъ простыхъ сапоговъ и проч., а Евреи (которые существуютъ въ Новороссійскомъ краѣ съ 1806 г.) ремеслами, а нѣкоторые—коммиссіонерствомъ по продажѣ пшеницы, что́ исполняется обыкновенно та́къ: Еврей даетъ производителю задатокъ, беретъ пробу, покажетъ ее покупателю, получаетъ отъ него задатокъ и везетъ товаръ, передавая его съ рукъ на руки.

Новомосковскъ стоитъ на большомъ трактѣ изъ сѣверныхъ и малороссійскихъ губерній, въ Одессу, Бердянскъ, Крымъ, на Донъ и къ Азовскому морю. Черезъ него каждую весну проходитъ и проѣзжаетъ тысячъ до 100 рабочихъ и вожчиковъ всякаго рода, преимущественно косарей и чумаковъ:—одни ищутъ работъ, другіе ѣдутъ за крымскою солью, за донской рыбой и *до мо́ря*; не то—нанимаются

для перевозки пшеницы въ Бердянскъ, Таганрогъ, шерсти по ярмаркамъ и т. п.

Само-собою, такое движеніе много поддерживаетъ городъ, потому что проходящіе и проѣзжающіе покупаютъ съѣстные припасы, деготь, становятся на ночлегъ, хотя большая часть этихъ людей, благодаря теплому краю, имѣютъ ночлеги за городомъ. Въ прошломъ году, во время моихъ прогулокъ, я однажды набрелъ вечеромъ на цѣлый таборъ такихъ проѣзжихъ за кладбищемъ... Телеги и возы разставлены были въ немъ вродѣ стариннаго гуляй-города укрѣпленіемъ; лошади и волы пущены были на подножный кормъ; кругомъ этого подвижнаго четвероугольника бѣгали и лаяли собаки; по срединѣ разведенъ былъ огонь, гдѣ, на треугольномъ таганѣ, въ котлѣ, варился ужинъ; у огня двигались, отражаясь на красномъ пламени, черныя фигуры мужчинъ и женщинъ; по временамъ раздавался дѣтскій крикъ. Картина была очень живописная.

— Что это за люди? спросилъ я старика.

— Переселенцы на вольные *степá*, подъ Орѣховъ...

Я не былъ въ Новомосковскѣ лѣтъ 16; въ теченіе этого времени городъ выдержалъ большой пожаръ, нѣсколько наводненій, скотской падежъ и, по сосѣдству, войну 1853—1856 г., и не смотря на то, сдѣлался гораздо лучше: соединился съ Вороновкой, и довольно хорошо обстроился. Общественныя бѣдствія неразъ служили къ выгодѣ нѣкоторымъ изъ его жителей. Такъ, въ тридцатыхъ годахъ, одинъ мелкій торговецъ сдѣлался въ немъ значительнымъ капиталистомъ, продавая во время голода хлѣбъ по чудовищнымъ цѣнамъ. Теперь случилось то же: самарскіе *шведы* (*шевцi*, сапожники) и *кушнiрi*, (занимающіеся выдѣлкою шкуръ), пользуясь падежемъ скота въ окрестностяхъ, скупили за безцѣнокъ множество кожъ и составили себѣ изрядные капитальцы,—поставляя этотъ товаръ, во время войны, въ армію. Война, кромѣ того, принесла неисчерпаемые золотые источники питейному откупщику, содержателю почтовыхъ станцій и разнаго рода мѣстнымъ промышленникамъ по маркитантской части. Многіе изъ нихъ, понабивъ кису, стали строиться. Ихъ постройки бросались въ глаза, и зависть, неразлучная спутница всякаго успѣха, распустила про нихъ самыя нелѣпыя сказки. Объ одномъ говорили, что онъ разбогатѣлъ оттого, что покупалъ въ Нахичеванѣ, или Маріуполѣ, фальшивые кредитные билеты по 10 рублей за тысячу и сбывалъ ихъ потомъ въ разныхъ мѣстахъ по настоящей цѣнѣ; о другомъ, что у него во время крым-

ской войны остановился коммиссіонеръ, везшій въ чемоданѣ 18 т. червонцевъ; что хозяинъ эти червонцы стянулъ у коммиссіонера, но что коммиссіонеръ оставилъ это дѣло втайнѣ, не смѣя жаловаться, такъ-какъ воръ у вора дубинку укралъ, т. е. что коммиссіонеръ самъ утащилъ эти деньги изъ казны, и проч. т. п.

Во время моего отсутствія, Новомосковскъ, кромѣ построекъ сдѣлалъ успѣхи и по другимъ частямъ: напримѣръ, въ немъ явилось нѣсколько фортепіанъ, чего прежде не было; учреждена больница, выстроено гимнастическое заведеніе для солдатъ, расположенныхъ въ городѣ и окрестностяхъ; открылось еврейское училище 1-го разряда. Евреи и Еврейки приняли общій европейскій костюмъ; я видѣлъ нѣсколькихъ очень миленькихъ евреекъ въ шляпкахъ и чепцахъ; завелось 5-ть или 6-ть такъ-называемыхъ, по мѣстному выраженію, *земляныхъ мельницъ* для крупчатки, приводимыхъ въ дѣйствіе силою лошади; прибавилось много кузницъ; кладбище украсилось прекрасными тополями; прошла планировка по городу: нѣкоторыя улицы закрыты, другія проложены вновь, но въ заднихъ концахъ города она такъ перепутала все, что я нѣсколько разъ блуждалъ въ нихъ какъ въ лабиринтѣ; исчезли допотопныя дрожки на столбикахъ и съ кожаными мѣшками, явились пролетки и коляски; общественная безопасность ограждается новымъ каменнымъ острогомъ... а пословица все-таки права: *хороша тюрьма—да чортъ ли въ ней!*

Время, могучее время! Даже Самарь видоизмѣнилась: островокъ близь Лукьяноваго перевозу исчезъ; даже уѣздное училище въ это время поворотилось лицомъ въ другую сторону. (Это значитъ, что почетный смотритель Алексѣевъ построилъ, на мѣстѣ стараго, новое, оборотивъ его фасомъ на другую улицу.

Народъ въ Новомосковскѣ очень добрый и привѣтливый.

Нарядъ самарскаго мѣщанина: длинный нанковый халатъ, суконный картузъ, или шапка изъ мерлушекъ цилиндрической формы, и шаравары, упрятанные въ длинныя голенища смазныхъ сапоговъ.

Праздничный нарядъ мѣщанки: монисто (гранаты, кораллы, иногда янтари), ситцевая кофта, *сподни́ця* (юпка), матерчатый платокъ на головѣ, повязанный *у́точкой*; синія *понючи* (чулки съ розовыми стрѣлками) и *черевйки* (башмаки), иногда краснаго сафьяна.

Въ Новомосковскѣ прежде существовало конокрадство, да не прошло и теперь; но значительнаго воровства нѣтъ.

Живутъ въ Новомосковскѣ весело; приглашаютъ не на обѣдъ, а

на водку: »*а ну́ те, Сама́рці, потя́немъ по ча́рці*!« это что-то въ родѣ закуски съ мѣстными пирожками, разными соленьями, сухояденьями и достаточнымъ возліяніемъ; вечеркомъ, чаи и пуншъ—по большей части съ простой водкой. Это увеселеніе сопровождается иногда слѣдующей пѣсней:

Ой хто пьé—той крúвитця!
Хтожъ не пьé—той дúвитця!
А ми бу́демъ пúти,
Та Бóга молúти
И за вáсъ, и за нáсъ,
И за нáшу нéньку—
За нéньку старéньку,
Що вúвчила пúти
Горілочку измаленьку!

Разумѣется, я говорю о большинствѣ населенія; есть господа и въ Новомосковскѣ, что́ зададутъ пиръ не хуже иного столичнаго. По вечерамъ звучитъ иногда фортепіано и, навѣрное, всегда услышите вдали хоровыя пѣсни и говоръ самый оживленный, самый неугомонный—лягушекъ, которыхъ здѣсь милліоны въ рѣкѣ и окружающихъ болотахъ.

Свадьба у простого народа сопровождается скрипкой, бубнами и цимбалами, и играется иногда цѣлую недѣлю, переходя изъ одного дома участвующихъ въ другой съ прискокомъ *журавля*, *метелицi*, и *горлицi*.

Несмотря на то́, что подъ бокомъ лѣсъ, принадлежащій, впрочемъ, монастырю и казнѣ, а не городу, топливо въ Новомосковскѣ очень дорого, какъ вообще оно дорого во всемъ южномъ краѣ, который, по безлѣсью, по-необходимости строитъ хаты–*мáзанки*, замѣняя бревна кирпичомъ и глиной, а дрова—соломой, бурьяномъ (дикими травами) и *кизякóмъ*, приготовленнымъ изъ скотскаго навоза. По недостатку топлива, въ Н.-м-скѣ нерѣдко случается кража досокъ съ заборовъ и перекладинъ съ кладбищенскихъ крестовъ.

Краса Новомосковска—чудный вѣковой дубовый лѣсъ, находящійся на лѣвомъ берегу Самари, на восточной сторонѣ города. Онъ тѣмъ больше дорогъ, что кругомъ безлѣсье. Есть дубы по нѣскольку сотъ лѣтъ. Самая рѣка дѣлается отъ сосѣдства лѣса еще прекраснѣе. Сто́итъ часовъ въ пять по полудни, въ ясный день, лѣтомъ, посмотрѣть на нее у монастырскаго перевоза,—тамъ, гдѣ она дѣлится на

двѣ рѣки, когда она отъ дубоваго лѣсу, отъ прибрежной лозы, отъ камышей, глядящихся въ нее, освѣщенная косвенными лучами солнца, принимаетъ золотисто–изумрудный, прозрачный цвѣтъ: что́ это за прелесть! На рѣкѣ иногда обозначается тѣнь, издали принимающая очертаніе человѣческаго тѣла: вотъ и самарская русалка или *ма́вка*, какъ ее здѣсь называютъ. Дѣйствительно, для русалокъ здѣсь очень удобное мѣсто. На Самари же, поближе къ парому, есть и другое поэтическое мѣсто—это такъ называемое *чернѐче пѐкло*. Давно когда-то—нѣсколько монаховъ переправлялись черезъ рѣку въ лодкѣ... набѣжалъ вихрь, лодка опрокинулась и они всѣ пошли ко дну. Послѣ того, народъ назвалъ это мѣсто, на своемъ поэтическомъ языкѣ, *чернѐчимъ пѐкломъ*.

Гро́зы въ Новомосковскѣ—поразительной прелести. Въ двухъ мѣстахъ евангелія говорится: «какъ молнія исходитъ отъ востока и видна бываетъ до запада, такъ будетъ пришествіе Сына человѣческаго. (Матѳ., XXIV, 27)». «Я видѣлъ сатану, спадшаго съ неба, какъ молнію. (Лук., X, 18)».

Все значеніе этихъ картинныхъ выраженій можно понять только въ степныхъ мѣстахъ, гдѣ небосводъ широкъ, и гдѣ гроза видна на весьма далекое пространство.

Красотѣ Новомосковскихъ грозъ много также способствуетъ темнота здѣшнихъ ночей: молнія, на бѣломъ ингерманландскомъ небѣ, какъ ракета, пущенная днемъ, не производитъ полнаго очарованія.

Небо въ Новомосковскѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ такъ темно, какъ въ Петербургѣ только въ августѣ. Попытаюсь описать грозу 18 іюня 1861 года.

Надо мною благодатное
Небо родины моей;
Пью дыханье ароматное
Бальзамическихъ полей!....

На горизонтѣ, въ сторонѣ къ кладбищу, молнія. Сверкнетъ—и вдругъ затѣмъ все погрузится въ тьму; снова сверкнетъ—и откроется свѣтлая полоса, и разомъ предстанутъ въ ней чорныя деревья, чорные дома́,—какой–то особый чорный міръ... Грома не слышно. Это гроза вдали, а вотъ другая, поближе: она захватила собой полнеба, и освѣщаетъ, сопровождаясь по–временамъ раскатами грома, бѣлыя хаты, бѣлый домъ уѣзднаго училища, который одиноко вырѣзывается во мракѣ на площади, церковь и другія постройки. Иногда эта молнія, сверкнувъ,

какъ–будто скинетъ съ неба покровъ ночи—и вдругъ появятся, въ глубинѣ, въ золотистомъ потокѣ, темныя тучи, то разорванныя въ клочья, то въ видѣ какихъ–то столбчатыхъ громадныхъ зданій, а издали рвется на васъ вѣтеръ, сильный—но теплый, какъ изъ натопленной печи, шумятъ деревья и долетаетъ отрывками разгульная пѣсня.

Но гроза близится, и вотъ она—надъ самимъ Новомосковскомъ.

Замигало небо молніями, точно крыльями жаръ–птицы; прокатился надъ вами громъ, будто тысячепудовое артиллерійское орудіе по желѣзному мосту, ежеминутно угрожая раздавить его своей тяжестью. Надвинулась на городъ черная туча, и какъ огнедышущая гора, начала извергать изъ себя кровавое пламя.

Вдругъ съ трескомъ раскололся сводъ небесный, блеснула молнія какъ раскаленная цѣпь;—въ другой разъ—какъ вырванное съ корнемъ и опрокинутое огненное дерево съ обнаженными вѣтвями; въ третій разъ—въ видѣ пламенной змѣи съ рубиновой головой, которая, быстрѣй мгновенія, кинулась къ землѣ... Затѣмъ, гдѣ–то въ сторонѣ страшный ударъ.

Мнѣ не пришлось, въ этотъ разъ, видѣть такъ–называемой *горобйной ночи*, когда небо рокочетъ безъ–умолку, до самаго разсвѣта, когда бываетъ въ одно и то же время, въ разныхъ концахъ, нѣсколько громовъ и молній: небо раскроется и молнія загорится огненнымъ занавѣсомъ; въ ней засверкаютъ новыя, скрещиваясь иногда изломанными своими извивами, будто клинки шпагъ, а воробьи въ испугѣ кричатъ и мечутся, то изъ–подъ соломенныхъ крышъ, то подъ крыши. Обыкновенно, послѣ такой ночи, находятъ ихъ множество мертвыми; отъ этого, говорятъ, такая ночь и называется *воробьиною*. По народному повѣрью, эта ночь должна быть въ субботу, наканунѣ Троицына дня, но бываетъ и раньше, и позже, и далеко не каждый годъ.

Новомосковскъ находится подъ 48° 38′ сѣверной широты и подъ 52° 56′ восточной долготы, слѣдов., пользуется благодатной южной природой. Зной, въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ нѣкоторые дни былъ такъ великъ, что съ 12 до 4 часовъ послѣ обѣда почти никто не выходилъ на улицу,—все пряталось въ домахъ; даже окна нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстъ, напримѣръ Ратуши, въ эти часы закрываются ставнями, какъ будто и судебныя дѣла, по случаю несноснаго жара, ложатся спать. Небо въ такіе дни было ясно; обыкновенно, когда оно дѣлалось густаго синяго цвѣта, когда на немъ появлялись летучія маленькія облачка, называемыя *барашками*, а на горизонтѣ сто-

яли желто-мѣдныя тучи, громоздившіяся одна на другой и плававшія въ какомъ-то безцвѣтномъ сухомъ туманѣ, который придавалъ всему фарфоровый матовый блескъ, это непремѣнно предвѣщало грозу.

По вечерамъ, жужжа, летали огромные, рогатые жуки.

Въ лѣсу здѣсь множество зеленыхъ ящерицъ. Я видѣлъ одного такого маленькаго крокодила, который несъ во рту живаго мотылька.

Забравшись разъ въ густоту лѣса, наполненнаго озерами и болотами, образующимися большею частью при весеннемъ разливѣ Самари, я увидѣлъ здѣсь лазурную рѣку, которая вся поросла широкими листьями *латáття* (лопушника), съ бѣлыми и желтыти водяными лиліями, словно небо, усѣянное звѣздами.

Въ Новомосковскѣ могли бы быть отличные плодовые сады, потому что въ немъ растетъ шелковица и даже спѣлъ когда-то виноградъ въ монастырѣ; но «безъ труда—нѣтъ плода».

Изъ вредныхъ травъ, здѣсь растутъ подъ захорами и надъ рѣкой: бѣлена или блекота (дурманъ) которая, говорятъ, перенесена въ Европу цыганами изъ Индіи, вѣхъ (цикута), болиголовъ.

Арбузы здѣсь отличные; дыни-цареградки (*качáнки*) также хороши. Недостаетъ тому и другому путей сообщенія, чтобы стать въ соперничество съ астраханскими на московскихъ и петербургскихъ рынкахъ. Весь Новороссійскій край много потерялъ съ отмѣною Ѳеодосійско-московской желѣзной дороги.

Новомосковскъ—родина извѣстнаго доктора Петра Назарьевича Савенка, который былъ въ 30-хъ годахъ профессоромъ с.-петербургской медико-хирургической академіи; здѣсь же провелъ большую часть своей жизни и погребенъ Прокофій Степановичъ Левандовскій. Очень немногіе знаютъ—кто́ былъ Левандовскій; а между тамъ, это былъ талантъ, и очень замѣчательный музыкальный талантъ,—сочинитель партеснаго пѣнія, котораго произведенія, можетъ-быть, не уступятъ сочиненіямъ Сарти, Дехтярева и Веделя.

Кромѣ того, Левандовскій занимался, и довольно успѣшно, живописью. Рисунокъ его правильный, свѣтъ, тѣнь и полутоны—безукоризненны, отчего въ его картинахъ чрезвычайная рельефность; колоритъ тяжеловатъ, но это относятъ не къ художественному недостатку, а къ бѣдности красокъ. Левандовскій и жилъ живописью, занимаясь поставкою иконостасовъ для церквей.

Но главное его призваніе—духовно-музыкальныя сочиненія, которыя пѣлись архіерейскими хорами въ Екатеринославѣ, Одессѣ, Ак-

керманѣ, Кишиневѣ, и всегда поражали и восхищали слушателей необыкновенной своей прелестью.

Къ-сожалѣнію, всѣ эти прекрасныя произведенія до сей поры нетолько не изданы, но даже и не собраны. Левандовскій жилъ и умеръ безпечнымъ художникомъ (*).

Вотъ нѣкоторыя изъ его произведеній. Концерты:

1) *Суди ми, Боже.* 2) *Преклони, Господи, ухо твое.* 3) *Плачу и рыдаю.* 4) *Хвалите Господа вси языци.* 5) *Благословлю, Господа, на всякое время.* 6) *Къ тебѣ, Господи, воздвигохъ душу мою.* 7) *Изъ глубины возвахъ къ тебѣ, Господи.* 8) *Помилуй мя, Боже.* 9) *Литургія.* 10) *Херувимская пѣснь.* 11) *Благодарственная пѣснь Богу.* 12) *Кантъ на Свѣтлое Христово воскресенье.*

Но, вѣроятно, кромѣ этихъ, найдутся многія другія.

Прокофій Степановичъ Левандовскій, сынъ протоіерея Стефана Левандовскаго, родился 8-го іюля 1782 г. (**); онъ воспитывался въ кіевской духовной академіи. Еще въ малолѣтствѣ, у кіевопечерскихъ монаховъ, научился онъ живописи и составленію красокъ; потомъ, самоучкой, началъ играть на гусляхъ, на скрипкѣ и фортепіано. Въ Кіевѣ, въ крѣпости, содержался отставной капитанъ Ведель, за какое-то оскорбительное выраженіе; это былъ авторъ нѣкоторыхъ замѣчательныхъ духовныхъ сочиненій, которыя и въ настоящее время очень уважаются; впослѣдствіи, мѣстное начальство, чтобъ освободить его отъ заключенія, назвало его полупомѣшаннымъ и отдало подъ присмотръ полиціи. Молодой Левандовскій посѣщалъ Веделя въ крѣпости и тотъ давалъ ему уроки въ музыкѣ и научилъ его генералъ-басу; а такъ-какъ ученикъ не могъ вознаграждать учителя за ученье деньгами, то, каждый разъ, когда приходилъ на урокъ, приносилъ ему или булку, или нюхательнаго табаку.

По случаю войны съ Наполеономъ и Портою, составилась милиція; пылкій Левандовскій поступилъ въ кіевскую милицію, но когда

(*) Пользуюсь случаемъ, чтобы, во имя добраго дѣла, просить всѣхъ, у кого найдутся музыкальныя сочиненія Прокофія Степановича Левандовскаго, отсылать ихъ, или вѣрныя съ нихъ копіи, *въ г. Павлоградъ, сыну его Флорентину Прокофьевичу Левандовскому*, который желалъ бы приготовить къ изданію произведенія своего отца. *Гр. И.*

(**) Свѣдѣнія о Пр. Ст. Левандовскомъ доставлены мнѣ сыномъ его. Но этотъ замѣчательный талантъ ждетъ подробнаго изученія. *Гр. И.*

часть ея потребовали на усиленіе молдавской арміи, находившейся тогда подъ начальствомъ Михельсона, онъ, увлекаемый призваніемъ къ жизни художника, не ожидая требованія остальной части милиціи, досталъ лодку и поплылъ внизъ по теченію Днѣпра — безъ всякихъ средствъ къ жизни, безъ опредѣленной цѣли, взявъ только свою неизмѣнную скрипку да нѣсколько книгъ. Черезъ нѣсколько дней плаванія, пристalъ онъ къ берегу, у мѣстечка Ржищева; отдохнувъ здѣсь, онъ принялся сочинять концертъ «*Боже, въ помощь мою вонми*». Однажды, Л. заигралъ на скрипкѣ разныя народныя украинскія пѣсни; на эту игру явились толпою жители и чуть не на рукахъ понесли къ себѣ заѣзжаго Орфея, угостили его и такъ полюбили, что предлагали ему самую лучшую невѣсту на селѣ, съ тѣмъ только, чтобы онъ остался у нихъ; но новому Вадиму звенѣлъ его колокольчикъ все дальше и дальше. Онъ пріѣхалъ на лодкѣ въ Екатеринославль,—въ какомъ году—неизвѣстно, но до 1807 г. Городъ былъ еще молодой, (существованію его было въ то время съ небольшимъ 20 лѣтъ); требовались люди. Левандовскій не имѣлъ никого знакомаго въ Екатеринославлѣ, но кое-какъ пріютился въ немъ и, посѣщая церкви, сталъ помогать дьячкамъ на клиросѣ. Такимъ образомъ, открылись городу таланты Левандовскаго, и его талантамъ обширное поле занятій, Левандовскій дѣлается, на нѣкоторое время, регентомъ хора пѣвчихъ екатеринославскаго архіерея Платона; занимается живописью, снимаетъ портреты съ значительныхъ лицъ города, учитъ ихъ дѣтей на фортепіано и, наконецъ поступаетъ, въ 1807 г., въ гражданскую службу.

Левандовскій былъ на службѣ недолго; получа чинъ коллежскаго регистратора, въ должности письмоводителя врачебной управы, онъ, въ исходѣ 1814 г., вышелъ въ отставку и окончательно занялся музыкой и живописью.

Ему понравился городъ Новомосковскъ, и онъ, въ 1820 году, переѣхалъ сюда на постоянное житье.

Левандовскій занимался миніатюрами и большими портретами; иконостасы сдѣлалъ онъ для пяти церквей, въ томъ числѣ и для новомосковской кладбищенской церкви, въ оградѣ которой онъ похороненъ въ іюнѣ 1849 г. Кромѣ сочиненія духовныхъ піесъ для пѣнія, онъ переложилъ на фортепіано: *Господи помилуй*, *Херувимскую пѣснь*, *Царю небесный*, *Отче нашъ*, *Пріидите, поклонимся*» и многія другія, а на маленькій органъ—всю обѣдню Бортнянскаго; также по-

ложилъ на фортепіано множество малороссійскихъ пѣсенъ, сочинилъ нѣсколько маршей, экоссесовъ, полонезовъ, вальсовъ и мазурокъ.

И этотъ человѣкъ во всю свою жизнь не имѣлъ другаго фортепіано, какъ въ 5 октавъ, и лучшихъ красокъ, какъ корпусныя!

Въ жизни—былъ онъ скромный, безкорыстный человѣкъ, существовалъ съ семействомъ единственно своими трудами и вѣчно боролся съ нуждой, но никогда не падалъ нравственно.

Для изученія замѣчательно-талантливой самородной личности Левандовскаго надо желать, чтобы всѣ его сочиненія были собраны и напечатаны. Да извлечется свѣтильникъ изъ-подъ спуда!

Въ Новомосковскѣ, нынѣче (1861 г.) есть и другой человѣкъ, который, также какъ и Левандовскій, не палъ ни передъ нуждой, ни передъ бѣдой: это Василій Степановичъ Выставкинъ.

Отецъ его былъ новомосковскій купецъ; вслѣдствіе разныхъ несчастныхъ обстоятельствъ, онъ разорился; домъ и все его имущество пошло на удовлетвореніе долговъ. Сынъ его, Василій Степановичъ, посѣщалъ уѣздное училище, потомъ поступилъ въ Харьковъ, въ прикащики въ книжный магазинъ, наконецъ перешелъ въ откупъ, гдѣ, за свою трезвость, честность и расторопность, онъ скоро сталъ получать довольно значительное жалованье, которымъ содержалъ себя и свое семейство.

Извѣстно, что́ такое, въ степныхъ мѣстахъ, ручьи и рѣченки. Иная лѣтомъ—воробью по колѣна, а осенью и весной—разливается на огромныя пространства, срываетъ мельницы, дома, мосты. Въ одной изъ такихъ рѣченокъ, при своихъ разъѣздахъ, въ позднюю осень, Выставкинъ увязъ; оставаясь долго въ водѣ, простудился и лишился употребленія ногъ. Сколько его ни лечили—и на дому, и въ больницѣ,—онъ окончательно сдѣлался недвижнымъ калекой.

Никто не осудилъ бы Выставкина, еслибъ онъ, въ такомъ несчастномъ положеніи, обращался за помощью къ ближнимъ; однакожъ онъ не поддался бѣдствію, сталъ за самое ничтожное вознагражденіе—учить грамотѣ дѣтей, которыя идутъ къ нему съ охотою, и тѣмъ добываетъ себѣ хлѣбъ.

Въ наше время, когда проявилось живое стремленіе ко всеобщему образованію, бѣдный калѣка, съ гордостью пренебрегающій нищенствомъ, и лично служащій, по мѣрѣ силъ, тому же образованію, подавая въ лицѣ юнаго поколѣнія грамоту народу,—не правда ли, заслуживаетъ добраго слова и почетной памяти...

Я былъ у Василія Степановича Выставкина. Представьте себѣ красиваго, крупныхъ размѣровъ, человѣка, съ чорными огромными усами, на лицѣ котораго, повидимому, пышетъ здоровье: и однакожъ этотъ человѣкъ, какъ Илья Муромецъ, сиднемъ сидитъ уже нѣсколько лѣтъ.

— Иногда мнѣ кажется, разсказывалъ онъ, что я хожу, бѣгаю, прыгаю,—и какъ я радъ тогда!

Но то былъ сонъ коварный сонъ!
Обманомъ только тѣшилъ онъ!

Въ Новомосковскѣ — 3 церкви и всѣ три деревяныя; предполагаютъ строить и кирпичную,—однакожъ это пока одно предположеніе. Зато соборная церковь въ Новомосковскѣ, хоть и деревянная, но это—чудо въ своемъ родѣ! Она состоитъ изъ девяти златоглавыхъ башенъ, каждая о 4–хъ ярусахъ; эти башни, поставленныя по три въ линію, образуютъ изъ себя три ряда, и въ такомъ видѣ соединены вмѣстѣ; среднія башни выше боковыхъ; все это, въ общемъ, составило фигуру изъ 9 конусовъ, дотого правильную, что съ какой бы вы точки ни глядѣли на нее, она отовсюду представляетъ поразительную гармонію и красоту. Самое соединеніе этихъ башенъ достойно удивленія: сложенныя изъ сосновыхъ брусьевъ, почти нигдѣ нескрѣпленныхъ гвоздями, онѣ служатъ одна опорою другой, на основаніи равновѣсія, угаданнаго здѣсь съ непостижимою вѣрностью.

Украинскій зодчій не придалъ своему произведенію никакихъ внѣшнихъ украшеній; но надобно посмотрѣть въ ясный лѣтній вечеръ съ берега Самари, на эту церковь, когда нельзя распознать, изъ какого матеріала она построена: тогда представится на горѣ, на розовомъ отблескѣ потухающей зари, величественный девяти–купольный силуетъ ея, нимало неустудающій многимъ знаменитымъ и богатѣйшимъ храмамъ.

Иконостасъ этой церкви также замѣчателенъ; онъ—въ стилѣ рококо и нѣкоторыми особенностями походитъ на иконостасы церквей построенныхъ въ Петербургѣ и окрестностяхъ, во время Елизаветы Петровны, подъ вліяніемъ растрелевской архитектуры. Мѣстные образа въ иконостасѣ всѣ въ золотѣ и серебрѣ.

Новомосковскій Троицкій соборъ составляетъ историческій памятникъ, потому–что начатъ еще Запорожцами, за годъ до разрушенія Сѣчи; во время атакованія запорожскаго укрѣпленія, въ храмовой праздникъ, въ троицынъ день, 1775 г., церковь выведена была по

окна, но окончена въ то время, когда Новоселовка,—нынѣшній Новомосковскъ,—сдѣлалась слободой Азовской губерніи, Екатеринославскаго уѣзда. Должно полагать, что этотъ храмъ конченъ, по-крайней-мѣрѣ наружно, въ 1778 г., потому-что аттестатъ мастеру Акиму Погребняку выданъ 10-го января 1779 г. (*).

О построеніи новомосковскаго собора я давно когда-то слышлъ вотъ-что:

Когда церковь была заложена, мастеръ, выведя какъ-слѣдуетъ фундаментъ, вдругъ куда-то скрылся; всѣ поиски о немъ были напрасны; такъ прошло нѣсколько дней; наконецъ онъ явился и принесъ модель строющагося храма, сдѣланную изъ осоки.

На вопросъ—гдѣ онъ былъ, мастеръ отвѣчалъ, что когда онъ приступилъ къ постройкѣ, то самъ испугался, что не въ состояніи выстроить такой церкви, какую обязался поставить, и убѣжалъ,—и скрывался въ камышахъ надъ рѣчкой; но тутъ во снѣ явился ему св. Николай, которому онъ очень усердно молился о помощи, и указалъ—какъ ее построить; послѣ того наутро онъ всталъ и сдѣлалъ эту модель изъ оситняку (т. е. изъ осоки).

Но сынъ мастера, Иванъ Погребнякъ, о построеніи новомосковскаго собора разсказывалъ иначе (*).

(*) Вотъ копія этого аттестата; я получилъ ее отъ почтеннаго старожила г. Новомосковска, Романа Ивановича Пукалова, который имѣлъ въ рукахъ подлинный аттестатъ, хранившійся у сына Акима Погребняка, Ивана, и списалъ съ него копію.

АТТЕСТАТЪ.

Данъ сей государственной слободы Новыхъ Водолагъ жителю Акиму Погребняку, въ томъ, что онъ, Погребнякъ, по данному намъ, нижеподписавшимся, отъ себя контракту Азовской губ., Екатеринославскаго уѣзда, въ слободѣ Новоселовкѣ, деревянную о девяти верхахъ трех-престольную церковь издѣлкою въ совершенное привелъ докончаніе, за которую издѣлку и договоренную цѣну 1976 р. всѣ полнымъ числомъ онъ, Погребнякъ, отъ насъ получилъ; а что онъ сію работу производилъ рачительно, добропорядочно и превосходно, въ томъ мы, на предбудущія времена, симъ его Акима Погребняка одобряя, подписываемся. 1779 г. Генваря 10-го дня. Церкви Свято-Троицкой Самарицкой Протопопъ Григорій Порохня. Священникъ Стефанъ Ивановъ. Іерей Василій Злепокъ. Священникъ Иванъ Ковалевскій. Священникъ Аврамій Сагайдоковскій. Священникъ Иванъ Михайловъ. Священникъ Іаковъ Соколовскій. Порутчикъ и Смотритель Антонъ Головатый. Порутчикъ Ѳедоръ Легкоступъ. Полковой старшина Лаврентій Миргородскій. Полковой Хорунжій Яковъ Нерода. Полковой Хорунжій Новоселовской. Троицкой церкви ктиторъ Іаковъ Легкій. Той же церкви ктиторъ Павелъ Кореневскій.

(*) Роману Ивановичу Пукалову.

«Была въ Самарѣ, на мѣстѣ нынѣшней соборной церкви, маленькая церковь, пришедшая уже въ совершенную ветхость. Захотѣлъ кошевой и батьки куренные отаманы выстроить, взамѣнъ старой, новую церковь, достойную ихъ средствъ и усердія.

— Да ктожъ намъ выстроитъ? возникъ вопросъ при совѣщаньи.

— Кто? я знаю—кто́! отвѣчалъ одинъ Запорожецъ.

— Ну, скажи.

— И скажу. Былъ я недавно въ Мерефѣ (*); тамъ поставлена теперь славная церковь о пяти верхахъ; въ ясный день кресты на ней горятъ точно паникадила, всякая христіанская душа не нарадуется, глядя на нее...

— Ктожъ ее строилъ?

— И то́ скажу! Строилъ ее человѣкъ изъ Водолагъ, а прозывается онъ—Якимъ Погребнякъ.

— Такъ поѣхать за нимъ, рѣшили *батьки́*, и поѣхали за мастеромъ.

Явился Якимъ Погребнякъ.

— Ты можешь построить намъ церковь?

— Могу.

— Ну, гдѣ тебѣ такому «непоказному» выстроить Божій храмъ!— подсмѣивались Запорожцы.

— Ей, батьки́, могу; а коли хочете, я сперва намалюю на бумагѣ, каку́ю вамъ церковь могу поставить.

— Ну, намалюй.

Черезъ недѣлю мастеръ приходитъ и приноситъ фасадъ церкви съ *пятью* куполами.

Отаманы посмотрѣли и сказали:

— Да, церковь намалевана славная; но каково-то ты ее построишь?

— Строить намъ не въ первый разъ; я еще и не такую съумѣю выстроить: я могу сдѣлать церковь съ девятью *банями* (куполами).

— Ну, козаче, отозвался на это одинъ изъ отамановъ; и я, какъ малымъ былъ, то также *бре́хавъ*, только батько не разъ кормилъ меня за то березовой кашей.

— По-правдѣ могу! отвѣчалъ, не смущаясь, Погребнякъ; я и ее вамъ намалюю, коли хотите.

— Намалюй.

(*) Харьковской губерніи.

Мастеръ ушелъ и черезъ нѣсколько дней снова принесъ планъ и фасадъ церкви, но уже съ девятью куполами — нынѣшняго собора.

Запорожны, какъ увидали, такъ и ахнули. Церковь имъ очень понравилась.

Приступили къ торгу и рѣшили дѣло за 2,000 р.; когда *могорычъ* запили, Погребнякъ сказалъ:

— Ну, батькй! я также хочу пожертвовать на храмъ Божій, »— и изъ договорной цѣны уступилъ еще 24 рубля; такимъ-образомъ, за издѣлку этой церкви, какъ значится въ аттестатѣ, заплачено 1,976 руб.

Отъ времени пребыванія Запорожцевъ въ Новомосковскѣ, кромѣ собора, осталось еще нѣсколько предметовъ для воспоминаній и было много преданій; но тѣ и другіе годъ-одъ-году исчезаютъ, изглаживаются изъ памяти народной.

Въ пяти верстахъ отъ города находился войсковой мостъ; черезъ него шли чумаки въ Крымъ и на Донъ; еще нѣсколько лѣтъ назадъ показывали его сваи; теперь ужъ, кажется, и свай не видно; близъ этого мѣста наказывали преступниковъ.

Разсказываютъ о какомъ-то несчастномъ священникѣ: сынъ его учился въ кіевской семинаріи и былъ чуть ли не въ богословіи. Но тутъ онъ вздумалъ вкусить разгульной жизни и бѣжалъ, — какъ часто это водилось тогда, — на Запорожье; дорогой встрѣтился онъ съ Гайдамаками и, не зная промысла ихъ, пристaлъ къ нимъ, потому-что они назвались Січовиками и обѣщали привезти его въ Січъ... Вдругъ ихъ схватили и присудили за разныя убійства къ смертной казни, въ томъ числѣ, какъ сообщника, и бѣднаго молодаго человѣка.

Отецъ его, бывшій священникомъ кіевской епархіи, узналъ черезъ кого-то объ этомъ. Но въ то время не было тѣхъ средствъ сообщенія, какія теперь существуютъ; пока онъ собрался, пока пріѣхалъ — наступилъ день казни: горемычный отецъ бросился къ Кошевому и обливая ноги его слезами, разсказалъ о невинности своего сына. Кошевой ту-жъ минуту послалъ съ козакомъ свой *перначъ*—пріостановить казнь юноши, но было уже поздно: отецъ получилъ съ висѣлицы еще теплый трупъ сына.

Другому отцу выпала еще болѣе ужасная доля: на него возложили собственноручно повѣсить на желѣзный крюкъ, за ребро, своего сына... Несчастный дрожалъ, плакалъ, и не рѣшался приняться за дѣло.

— Прорѣжь тутъ, старый! да и надѣнь на крюкъ,—говорилъ ему

обезумѣвшій сынъ, указывая на свой бокъ: — не умѣлъ учить, такъ *катуй* свое нарожденье.

Въ Новомосковскѣ существуютъ еще двѣ высокія могилы, одна—въ самомъ городѣ, у еврейской синагоги, тутъ казненъ былъ какой-то Джигирь; а другая—въ полуверстѣ отъ города, у еврейскаго кладбища, въ сосѣдствѣ съ кирпичнымъ заводомъ; она называется *Калѐникова могила.*

Замѣчательно здѣсь это сосѣдство еврейскихъ священныхъ мѣстъ къ мѣстамъ позорнымъ,—вѣроятно не случайное: быть можетъ и въ этомъ проявилась застарѣлая народная вражда къ дѣтямъ Іуды; но все проходитъ,—и евреямъ, право, теперь недурно въ Новомосковскѣ.

Каленикова могила получила названіе отъ того, что здѣсь исполненъ приговоръ надъ Запорожцемъ Каленикомъ, осужденномъ къ смертной казни *на го́стру па́лю*, т. е.—на колъ.

Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, были еще въ Новомосковскѣ старые люди, которые сами видѣли, въ дѣтствѣ, эту казнь и такъ разсказывали о ней.

Прежде Каленика, за день или за два, повѣшенъ былъ здѣсь какой-то знатный Запорожскій старшина, по прозванію Старчай, — человѣкъ богатый и холостой; когда его вели на казнь, по немъ, какъ по мертвомъ, звонили въ колокола; священники его сопровождали съ крестами и хоругвями, останавливались нѣсколько разъ, читали Евангеліе, и онъ всякій разъ подходилъ и подклонялъ голову подъ Евангеліе. Передъ висѣлицею онъ раскланялся во всѣ стороны, просилъ у всѣхъ прощенія и, именемъ Бога, поклялся въ своей невинности... Дѣйствительно, только-что его повѣсили, прискакалъ гонецъ, съ объявленіемъ, что онъ невиненъ, и съ приказаніемъ освободить его; но Старчай уже былъ мертвъ.

Каленикъ, посаженный на колъ, три дня былъ живъ и все просилъ пить... но никто не смѣлъ подать ему воды. Тѣло его оставалось въ такомъ положеніи шесть недѣль и дотого высохло, такъ сдѣлалось легко, что при небольшомъ вѣтрѣ вертѣлось на колѣ какъ мельница.

Верстахъ въ четырехъ отъ Новомосковска, съ западной его стороны, идетъ длинная гора, въ-видѣ вала; на ней видно, въ разныхъ мѣстахъ, нѣсколько кургановъ, расположенныхъ по два, довольно симметрично. Вѣроятно, курганы эти входили въ цѣпь тѣхъ редутовъ, которые построены были Запорожцами отъ устья р. Орели до Конской

рѣчки, и на которыхъ находились *фигуры*, сложенныя въ видѣ пирамиды изъ 20 смоляныхъ бочекъ, для того, чтобъ ихъ, — чуть покажутся Татары,—зажигать; это́ служило мѣстнымъ жителямъ предостереженьемъ отъ непріятеля.

На другомъ берегу Самари, на островѣ, между рѣчками Самарой и Самарчукомъ, близь Новомосковска, въ лѣсу, находится Пустынно-Николаевскій мужской монастырь; онъ также построенъ Запорожцами и назывался прежде *войсковымъ*. Время основанія его съ точностію неизвѣстно, но полагаютъ, что онъ существуетъ больше 150 лѣтъ.

Основанію его положили начало два отшельника; они избрали здѣшній, тогда дикій, лѣсъ, мѣстомъ для труженической своей жизни. Не знаю, къ этому, или къ позднѣйшему времени относились кельи, выкопанныя близъ селенія Вольнаго, въ горѣ, которая называется «*Прыстинъ.*» На дверяхъ этихъ келій видѣли надписи: «Прости мене, брате (*). Въ лѣсу отшельники нѣсколько времени жили такъ, что никто не зналъ объ ихъ существованіи; наконецъ, на нихъ набрели запорожскіе разбойники, называвшіеся *каменниками* (комíшниками?); они построили старцамъ кельи; снабжали ихъ пищей, и вообще имъ служили. Но монахи, узнавъ про кровавый промыслъ своихъ покровителей, хотѣли бѣжать; однакожъ каменики зорко сторожили ихъ, вѣроятно, изъ боязни, чтобъ отшельники не донесли на нихъ, а можетъ статься и думая, что ихъ грѣхи искупаются заботами о святыхъ старцахъ. Впослѣдствіи, по распоряженію Коша, разбойники были переловлены; причемъ открыты въ лѣсу и отшельники; этотъ случай, полагаютъ, былъ причиною основанія монастыря.

Запорожская Січь надѣлила монастырь *то́вщами*, т. е. дубовыми рощами и правомъ на обселеніе при себѣ вольныхъ людей до 50 дворовъ; отчего составилась впослѣдствіи монастырская вотчина въ 845 душъ.

Монахамъ предоставлено было нѣкоторое время даже вѣнчать своихъ прихожанъ. Доходы монастыря умножались добровольными приношеніями отъ простыхъ и знатныхъ козаковъ и другихъ лицъ; нѣкоторые изъ нихъ и жили здѣсь, а другіе пріѣзжали оканчивать свою жизнь; въ-особенности, много сдѣлалъ для монастыря бывшій Лейбъ-Кампаніи священникъ Кирилъ Николаевичь Тарновскій, имѣвшій по со-

(*) Свѣдѣнія объ основаніи монастыря взяты изъ Исторической Записки объ этомъ монастырѣ, изд. въ Одессѣ, въ 1838 г.

сѣдству свои земли, котораго народъ прозвалъ *дикимъ*; потомъ, на его счетъ построена каменная Свято-Николаевская церковь, съ придѣломъ Кирика и Улиты; она существуетъ до сей поры.

Монахи, по Самари и въ другихъ мѣстахъ, имъ принадлежащихъ, выстроили много мельницъ, завели скотные дворы, хутора, пасіки; у нихъ были свои рыбныя ловли, сѣнокосы, хлѣбопашество.

Послѣ уничтоженія Запорожской Сѣчи, Самарскій монастырь стали называть причисленнымъ къ Кіево-Межигорскому Спасо-Преображенскому монастырю; по учрежденіи штатовъ, въ 1764 г., для всѣхъ монастырей, и когда послѣдовало, 10-го апрѣля 1786 г., Высочайшее повелѣніе о малороссійскихъ монастыряхъ въ-особенности,—вслѣдствіе коего, въ числѣ прочихъ, упразднена и Кіевско-Межигорская обитель,—Самарскій монастырь оставленъ въ Екатеринославской епархіи, и съ 1791 г., называется домомъ екатеринославскихъ архіереевъ.

Въ 1794 г., у него отобраны всѣ крестьяне, многія земли, и онъ остался только при 243 десятинъ лѣса.

Нынѣче монастырь въ упадкѣ: мельницъ, пасікъ — давно и слѣдовъ нигдѣ незамѣтно; прежде можно было въ немъ напиться прекраснаго меду,—теперь и того нѣтъ.

Кромѣ большой церкви, построенной Терновскимъ, въ монастырѣ: справа—каменныя кельи съ церковью, а съ прочихъ сторонъ—деревянныя; у входа—прекрасная колокольня; выстроена въ 1828 г.

Иконостасъ въ главной церкви съ большимъ вкусомъ, съ колонами, сдѣланными подъ малахитъ; къ сожалѣнью, онѣ потеряли первоначальную свѣжесть; мѣстные образа въ серебряныхъ ризахъ. Здѣсь же есть древняя Икона Ахтырской Божіей Матери; этому образу болѣе 100 лѣтъ.

9-го мая, въ день Св. Николая, ежегодно бываетъ у ограды монастыря ярмарка, и тогда собирается сюда множество народа, даже изъ сосѣднихъ губерній.

Не знаю, какъ теперь, но въ прежнее время здѣсь можно было въ этотъ день видѣть Русскихъ кликушъ, слѣпыхъ старцевъ, распѣвавшихъ о Лазарѣ и т. п., и малороссійскихъ бандуристовъ.

Такъ-какъ въ Новомосковскѣ населеніе малороссійское, то въ немъ всѣ обычаи повѣрья, пѣсни и сказки общія всей Малороссіи.

Русалокъ называютъ *мавками*, и полагаютъ ихъ господство до Троицына дня и недѣлю спустя; тогда въ лѣсу или на водѣ онѣ могутъ защекотать встрѣчнаго, или завести въ омутъ. Чтобъ избѣжать бѣды,

нужно носить съ собой полынь, и чуть явится Русалка, бросить ей эту траву съ такимъ причитываньемъ:

Мáвко, Мáвко! нá тобі полúнь
Та мене покинь!

Здѣсь же я слышалъ что-то въ родѣ первообраза прекрасной повѣсти Гоголя «Вій,»—но съ менѣе трагическимъ концомъ. Вотъ-какъ мнѣ разсказывали:

Былъ въ селѣ дьячекъ красавецъ;—всѣмъ дівчатамъ онъ нравился, нѣкоторыя даже съ ума сходили отъ него, въ томъ числѣ и одна панночка—дочка какого-то старшины; но дьякъ любилъ чернобровую шинкарку. И сколько панночка ни вертѣлась передъ нимъ и въ *горлúцѣ*, и въ *метéлицѣ*, и въ *танкý* (хороводѣ), дьякъ не обращалъ на нее никакого вниманія. Скоро ревнивый глазъ панночки замѣтилъ, кто́ ей перешелъ дорогу. Разъ дьякъ шелъ къ шинкаркѣ, а у шинкарки въ эту ночь собрались вечерницы; и вотъ, только-что́ отворилъ онъ *хвíртку* (калитку), вдругъ надъ входомъ стала огромная *макúтра* (родъ глинянаго котла), стала—и не даетъ пройти ему во дворъ, къ шинкаркѣ. Дьякъ думалъ-было проскользнуть подъ макитру, но и макитра спустилась книзу; онъ хотѣлъ переступить черезъ нее:—макитра поднялась вверхъ. У дьячка была палка въ рукахъ — и онъ изо-всей силы—хвать палкой по макитрѣ. «О-о!» застонала вдругъ макитра разбитымъ голосомъ, и тутъ онъ увидѣлъ, какъ отскочила отъ него уже не макитра, а женщина, и убѣжала, спотыкаясь и хромая.

Дьячекъ пришелъ на вечерницы, не говоря никому ни слова о томъ, что́ съ нимъ случилось; но ему и веселье было не въ веселье: все ему чудился этотъ тяжкій стонъ, какой онъ услышалъ, когда ударилъ по макитрѣ палкой.

На другой день входитъ къ дьячку отецъ панночки—самъ старшина:

— Здравствуй, Охримовичъ, сказалъ онъ.

— Здравствуйте, добродію.

— Ты знаешь, Охримовичъ: Господь посѣтилъ меня:—дочка моя ночью Богу душу отдала?

— Чи ій-Богу?

— Ій-Богу.

— Во-истину, прискорбная вѣсть! говорилъ дьячекъ; царство ей небесное, вѣчный покой!

— Умирая, чадо мое милое захотѣло, чтобъ ты читалъ по ней

псалтырь: двѣ ночи въ церкви, а третью, чтобъ прочиталъ на самой могилѣ; такъ послужи намъ, Охримовичъ!

Дьякъ задумался...

— Читать въ храмѣ Божіемъ, отвѣчалъ дьячокъ, я радъ и готовъ, но читать на могилѣ, пане,—этого еще не бывало, и я не могу.

— Будь ласковъ, *го́лубе!* такое завѣщанье было умершей!

— Ей, нельзя; тамъ ночью всякая погань водится.

Но тутъ старшина посулилъ ему такую плату, давши и задатокъ, что онъ забылъ всякій страхъ и взялся читать.

Идучи въ церковь, дьячокъ встрѣтился съ шинкаркой.

— Сегодня я не приду на вечерницы: буду читать псалтырь въ церкви надъ панночкой,—сказалъ онъ.

— Кому жъ и зачитывать ее, какъ не тому, отъ чьихъ рукъ она и въ гробъ легла,—отвѣчала шинкарка.

— Что́ ты, молодице, мелешъ? сказалъ дьякъ.

— А кто разбилъ палицей макитру? вѣдь панночка была вѣдьма; ну, *дяче!* вона́ теперъ тобі *оддяче*! (отблагодаритъ), прибавила шинкарка, лукаво подмигнувъ правымъ глазомъ.

У дьяка холодъ по жиламъ пробѣжалъ. Онъ постоялъ съ-минуту молча, и вдругъ, сколько духу, бросился бѣжать отъ шинкарки.

— Постой, постой! кричала она ему въ слѣдъ: я тебѣ что́-то скажу, я тебя научу...

Но дьячокъ не остановился, а прибѣжалъ прямо къ попу... «Батюшка, говорилъ онъ священнику: случилось та́къ и та́къ; я взялся читать по панночкѣ двѣ ночи въ церкви, а третью на могилѣ; теперь, узнавши, что она вѣдьма, и вѣдьма, которую я же самъ и въ могилу вогналъ, мнѣ не въ моготу приходится. Благословите отказаться;— пускай читаетъ кто хочетъ,—только не я!

— Нѣтъ, *сына́шу*, нельзя! Не давши слова — крѣпись, а давши — держись. Комужъ и спасать *парафіянъ* (прихожанъ) какъ не намъ? Мое дѣло—снять съ нихъ на себя бремя грѣховъ на исповѣди, твое—отчитать ихъ; на то́ ты—дьякъ.

— Такъ, батюшка! да... тутъ вся нечистая сила ополчится на меня!

— На нечистую силу у тебя есть святая молитва; а старшина— человѣкъ именитый; съ нимъ нельзя такъ играть словами; въ его домѣ останавливается проѣздомъ самъ архіерей; что́ тогда будетъ, когда владыка узнаетъ, что мы отказали въ спасеніи просящимъ нашей духовной помощи?

И священникъ, ясно и твердо, доказалъ, что отказываться отъ чтенія псалтыря по покойницѣ ни въ какомъ случаѣ нельзя.

Опустивши голову ниже плечъ, съ отчаяньемъ вышелъ дьячокъ отъ попа.

— Видишъ, кто скоро бѣгаетъ, тому скоро и ноги отказываются служить!—говорила смѣясь, вновь подвернувшись ему, шинкарка. Давно ли ты улепетнулъ отъ меня, *якъ добрий кінь*; *а теперъ и тебе хочъ кинь*: еле-еле бредешь!

— Да отвяжись ты отъ меня, *ящурко*, сказалъ дьячокъ; тутъ горе, а ей смѣхъ!

— Оттого я и смѣюсь, что знаю чѣмъ пособить твоему горю.

— Ты?

— Я.

— Помоги, будь ласкова, коли сила есть, просилъ ее со слезами на глазахъ дьячокъ.

— Сама я тебѣ помочь не могу, мій лебе́дику, хотя душой бы рада, а дамъ тебѣ добрый совѣтъ, который сто́итъ доброй помочи, а—на дѣлѣ—и я буду противъ тебя!

— Что́ ты сказала? спросилъ съ изумленіемъ дьячокъ.

— А то́, что и я—знахарка,—грѣхъ передъ тобой это таить,—и я відьма,—оттого я всѣ відёмські норови́ и знаю; но я тѣломъ и дѣломъ должна служить своимъ сестрамъ-вѣдьмамъ.

— Господи, спаси меня и помилуй! сказалъ съ ужасомъ дьячокъ.

— Однакожъ, я хоть и вѣдьма, продолжала шинкарка, да не такая великая какъ панночка; *вона́—дванадцяти-кри́лка, а я тільки шести-крилка*; *вона всімъ намъ голова́*. И если она потребуетъ и меня къ себѣ на могилу, я должна явиться и искать тебя вмѣстѣ со всѣми.

— Пропалъ же я бѣдный, на вѣки вѣковъ пропалъ! застоналъ дьячокъ въ отчаяньи.

— Не бойся, Охримовичь, сдѣлай только то́, что́ я скажу тебѣ, а скажу я тебѣ во́тъ-что: первыя двѣ ночи, покудова ты читать будешъ въ церкви, съ тобой не случится ничего страшнаго: нечистая сила не посмѣетъ напасть на тебя въ храмѣ Божіемъ; такъ ты исполняй свое дѣло въ церкви смѣло,—ничего не бойся; но въ третью ночь, когда будешъ идти на могилу, возьми съ собой хлопчика, веревку и півня; на могилѣ вели себя хлопчику съ вечера привязать ко кресту, а

пѣвня подвяжи къ себѣ подъ мышку. О-полночь, встанетъ изъ гроба панночка и станетъ тебя искать съ своими помощницами и подмощниками, со всякою тварью и тайною силою. И коли они успѣютъ тебя найти прежде, чѣмъ пѣвни заспѣвають, ты придави подъ мышкой своего пѣвня, онъ закричитъ—и они, какъ только услышатъ его голосъ, разбѣгутся, подумавши, что уже наступили *дóсвітки*.

Дьячокъ обнялъ молодицу, поблагодарилъ и ушелъ.

И правду сказала она: въ тѣ ночи, когда онъ читалъ въ церкви, съ нимъ ничего особеннаго не случилось; только въ первую ночь казалось ему, что мертвая, лежа въ гробу, иногда скалила зубы, а во вторую, будто кто-то въ темныхъ углахъ церкви, по-временамъ, передразнивалъ его, т. е. переговаривалъ по-своему тѣ псалмы, которые онъ читалъ надъ мертвою; но когда онъ останавливался, чтобъ вслушаться въ этотъ голосъ, все умолкало.

Наступила третья ночь; дьячокъ, ни живъ ни мертвъ, побрелъ на могилу. По совѣту шинкарки, онъ взялъ съ собой хлопчика, веревку и пѣвня и только-что́ пали на землю сумерки, онъ подошелъ къ большому дубовому кресту, который уже поставленъ былъ надъ могилой панночки, и велѣлъ хлопчику привязать себя, взявши подъ мышку пѣтуха. Когда дѣло было сдѣлано, онъ отпустилъ мальчика и остался одинъ.

Пока еще не совсѣмъ стемнѣло, дьякъ видѣлъ передъ собой, вблизи и вдали, множество могилъ, свѣжихъ и старыхъ, провалившихся и крутогорбыхъ, поросшихъ чебрецомъ и другими травами, съ крестами и безъ крестовъ; видѣлъ склепы, рѣшетки; все это огораживалось глубокимъ рвомъ, которымъ заканчивалось кладбище; за кладбищемъ стояли двѣ мельницы.

Чтобъ позабыть свой страхъ, дьячокъ сталъ читать наизустъ, не переводя духу, псалмы; но зубы его поминутно плясали, и самъ онъ былъ въ лихорадкѣ. Скоро могилы, кресты, склепы, мельницы,—все это потонуло въ темнотѣ, какъ въ безднѣ. Но долго еще и эту непроглядную ночь оживлялъ шумъ кладбищенскихъ тополей, съ которыми игралъ ночной вѣтеръ; иногда слышался лай деревенскихъ собакъ и стучали проѣзжавшіе по дорогѣ возы; все это еще ободряло дьячка. Наконецъ, какъ будто по всей землѣ моръ прошолъ: сдѣлалось такъ тихо, что дьячокъ слышалъ, какъ стучало въ немъ сердце. Бывало, въ попойкахъ, на вечерницахъ, на весіллі (на свадьбѣ), онъ не замѣчалъ, какъ ночь проходила, а теперь—онъ самъ дозналъ, что

всякая ночь для человѣка въ бѣдѣ—такое море, которому и берегу нѣтъ.

И дьякъ—мысленно сталъ уже читать все, что́ только приходило ему на память изъ священнаго писанія. Та́къ настала полночь... Вдругъ раздался вблизи пронзительный крикъ дикой кошки и на двухъ или на трехъ могилахъ, въ разныхъ мѣстахъ, показались дрожащіе синіе огоньки. И вотъ, слышитъ дьячокъ: кто-то скачетъ по могиламъ—прыгъ-прыгъ; тутъ прорѣзался мѣсяцъ изъ тучи и видитъ дьякъ, при блѣдномъ свѣтѣ: прибѣжала на панночкину могилу большая бѣлая *хорти́ця* (гончая сука), остановилась какъ вкопанная передъ могилой, подняла голову и завыла; ей отвѣчала на селѣ, возлѣ, другая собака, той—третья и пошли онѣ перекликаться, точно *вартовіі* (часовые); тутъ могила, какъ разломанный жолудь, разсѣлась пополамъ... и встала изъ гроба мертвая въ бѣлой сорочкѣ, съ распущенною косою, раскрывши большіе черные глаза; разводя руками, будто человѣкъ въ водѣ, когда переходитъ глубокую рѣку или дівчина съ завязанными глазами, когда играютъ въ *пана́са*, (жмурки, прятки), стараясь схватить кого-нибудь,—обошла вѣдьма свою могилу кругомъ, заскрежетала зубами и сказала: *нема́! нема́!*

Потомъ закричала задыхавшимся голосомъ:

— *Люби́ мене́, си́ла тёмная, стань мині у приго́ді!*

И вдругъ—послышался шумъ, какой слышенъ отъ надвигающейся градовой тучи; стали налетать на могилу совы, пугачи, *кажани́* (летучія мыши) и всякія ночныя птицы, набѣжали разные лютые звѣри—волки, медвѣди и такіе, которымъ дьячокъ и названья дать не зналъ; приползъ со всѣхъ сторонъ всякій ядовитый гадъ—змѣи, тарантулы, ящерицы, жабы, и всякая подземная нечисть и погань. Всѣ они собрались вокругъ мертвой, какъ куры вокругъ хозяйки, когда та, посыпая зерно, закричитъ имъ: «*путь-путь-путь-путь-путь!*» Немного погодя, валитъ цѣлая копна сѣна и перекинулась старымъ шаповаломъ, который, ухмыляясь, утиралъ кровавыя губы рукавомъ сѣраго кафтана.

— А! подумалъ дьячокъ: не даромъ тебя, рябая собака, на селѣ дразнили упыремъ.

Прикатился и большой клубокъ нитокъ и обернулся ткачихой.

— Значитъ взаправду говорили про тебя, старая сука, что ты вѣдьма,—опять подумалъ дьякъ.

Вотъ какая-то молодица, въ калиновомъ вѣнкѣ, прилетѣла на помелѣ; за нею появился горбатый уродъ съ кабаньими клыками.

Глядь, и мельницы, стоявшія за кладбищемъ, не шевеля крыльями, вдругъ запрыгали и скачутъ тоже къ мертвой панночкѣ; дьякъ всматривается:—то не мельницы, а двѣ старыя-престарыя бабы съ наверченными на голову платками.

А тутъ, одинъ по одному, поднимаются изъ провалившихся могилъ костлявые мертвецы.

И все завыло, заревѣло,—свиститъ, шипитъ, скрежещетъ.

— Найдите мнѣ, найдите ворога моего лютаго, и берите за него—мою анаѳемскую душу и тѣло мое треклятое,—крикнула панночка.

И звѣри, гады, кажаны, пугачи, вѣдьмы, упыри, мертвецы, оборотни—принялись искать дьячка. Вотъ, они заползали по могиламъ, стали рыться въ землѣ, забѣгали по всему кладбищу, расплывшись вездѣ, какъ рѣка въ половодь.

А панночка, ожидая надъ своей могилой блѣднѣетъ, синѣетъ,—почернѣла, какъ сырая земля.

А звѣрье, а гады, а вся земная и подземная нечисть—все ищутъ дьячка, неутомимо ищутъ, и не находятъ.

У панночки изо рта забила кровавая пѣна.

Вотъ нѣкоторые оборотни вертятся у самаго креста, а самого дьячка не видятъ.

Панночка трясется, будто ее родимецъ бьетъ.

Проходитъ часъ, другой, въ напрасныхъ поискахъ. У панночки очи засвѣтились волчьимъ огнемъ.

Вдругъ раздался хриплый голосъ упыря:

— Нѣтъ, намъ безъ шинкарки не найти его!

— Такъ подайте сюда шинкарку,—сказала грозно панночка.

Упырь и двѣ вѣдьмы бросились за нею.

Черезъ нѣсколько минутъ, видитъ дьячекъ, прилетѣла на лопатѣ шинкарка—блѣдная, простоволосая, въ длинной рубашкѣ.

— Ты, сука, куда дѣвала дьяка? подавай намъ его! приказывала яростно панночка.

— Вотъ онъ! вотъ онъ! отвѣчала шинкарка, указывая не него.

— А, такъ ты здѣсь! а, такъ ты въ моихъ рукахъ! закричала дико панночка: у-у-у! завыла она, какъ голодная волчица, и хотѣла уже броситься на него.

Но въ ту жъ минуту дьякъ придавилъ пѣтуха подъ мышкой; онъ

заголосилъ: ку-ку-ри-ку!... и панночка навзничь упала въ могилу и скрылась въ ней, и нечистой силы—какъ не бывало!

Такъ любовь чуть-было не погубила, любовь же и спасла дьячка.

Въ Новомосковскѣ, можно бы собрать въ народѣ, не одну замѣчательную легенду, пѣсню, преданіе, сказку.

Григорій Надхинъ.

ПОСЛѢ ПОѢЗДКИ НА ВОЛЫНЬ.

Я выѣхалъ изъ Волыни въ такія лѣта, когда могъ быть только безмолвнымъ и безучастнымъ свидѣтелемъ всего вокругъ меня живущаго и дѣйствующаго. Мои воспоминанія о родной жизни, о нравахъ и обычаяхъ моихъ земляковъ были дѣтскія, безотчетныя; и вотъ, я возвращался на родину какъ въ землю невѣдомую, и думалъ, что я, пожалуй, буду чужой даже среди родныхъ. И я не ошибся; даже подъ родительскимъ кровомъ я встрѣтилъ чуждую для меня жизнь. Неразъ я задавался вопросомъ: для чего отрывать меня отъ родной почвы, отъ родной жизни? Нужно ли это было? разумно ли? Въ этомъ случаѣ, имѣлась въ виду цѣль—образовать молодыхъ людей въ *столицѣ* или для занятія видныхъ священническихъ мѣстъ въ *нашихъ захолустьяхъ*, или для учительской должности въ духовныхъ училищахъ. Предоставляю судить всякому, достигалась ли эта цѣль. Священнику нужно знать жизнь своихъ прихожанъ, ихъ потребности, наклонности, а его отрываютъ отъ этой жизни, заставляютъ забыть даже то́, что́ дѣтскій глазъ могъ уже отчасти замѣчать въ родномъ селѣ. Священнику необходимо знать народный языкъ, а его заставляютъ объясняться съ своими прихожанами языкомъ, для нихъ совершенно чуждымъ и непонятнымъ... Но къ несчастію, или, можетъ быть, къ счастью, мнѣ не удалось попасть на предположенное поприще. «По распоряженію начальства» я воротился на родину, но не для того, для чего меня увозили...

Много представлялось моему воображенію перемѣнъ на родинѣ въ теченіи восьмилѣтней моей жизни въ Петербургѣ. Одно освобожденіе крестьянъ изъ-подъ опеки помѣщиковъ на волю много могло перевернуть во взглядахъ и жизни народа. Я думалъ встрѣтить своихъ земляковъ возродившимися къ новой жизни; я думалъ, что они перестали оплакивать свою горькую долю; я думалъ, что, вслѣдствіе распространенія вездѣ школъ (а онѣ росли въ послѣднее время, точно грибы послѣ дождя), въ нихъ пробудилось сознаніе разумной и само-

стоятельной дѣятельности. Съ такими-то думами я ѣхалъ на родину! Но жизнь наша идетъ независимо отъ логики. Кажется, чего бы лучше? Крѣпостныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ кончились; ничто, повидимому, не препятствуетъ проявленію дѣятельности самостоятельной; а на дѣлѣ выходитъ иначе. Недоумѣваешь, отчего это такъ; а какъ присмотришься къ жизни бѣдныхъ тружениковъ, недоумѣніе изчезаетъ...

Не доѣзжая до Кіева по сю сторону Днѣпра, я встрѣчалъ много селянъ-украинцевъ, которые *попасали* своихъ лошадей и воловъ. По моему наблюденію, ихъ нисколько не привлекалъ Кіевъ, который такъ величественно раскинулся по горамъ, прославленнымъ историческими преданіями и поэтическими сказаніями южнорусскаго народа. Они даже не смотрѣли на эту великолѣпную картину; ихъ взоръ блуждалъ гдѣ-то далеко, искалъ степей малонаселенныхъ, искалъ лѣсу уединеннаго и, казалось, съ удовольствіемъ останавливался на безлюдной мѣстности. Отчего бы это такъ?.. Ясно,—отчего. Украинецъ знаетъ, что жизнь въ городахъ не его жизнь,—ему тамъ тѣсно; тамъ на каждомъ шагу его ограничиваютъ, стѣсняютъ, тамъ надо ему извратить, изломать себя, чтобъ жить. Украинецъ любитъ степь, оттого, что только тамъ для него просторно и привольно; никто тамъ не скажетъ: «здѣсь не твое мѣсто!» Быть-можетъ, онъ неразъ уже бывалъ въ Кіевѣ; быть можетъ память его полна разсказовъ о его чудесахъ, рѣдкостяхъ; но онъ знаетъ, что ему многаго не дадутъ посмотрѣть, и, пожалуй, выпроводятъ изъ всякаго общественнаго мѣста... изъ-за чего же ему интересоваться? Онъ знаетъ, что тамъ господствуютъ паны, да жиды.

Къ слову—о жидахъ. Грустное и непріятное впечатлѣніе легло на мою душу при видѣ жидовъ. Нельзя не пожалѣть объ ихъ горькой долѣ—влачить жизнь среди другихъ народностей, быть ихъ посмѣшищемъ, терпѣть презрительные укоры, переносить унизительныя для человѣка притѣсненія, страдать и въ тоже время не видѣть ни отъ кого участія къ своему страданію. Тутъ приходило мнѣ невольно на память маленькое происшествіе, которому я былъ очевидцемъ лѣтъ 12 тому назадъ, когда изъ роднаго села ѣхалъ въ кременецкую бурсу *на ученье*. Въ то время была чрезвычайно дождливая погода и большія дороги превратились въ непроходимую грязь. Недалеко отъ м. Катербурга случилась огромная *баюра* (лужа), чрезъ которую никакимъ способомъ нельзя было пройти безъ того, чтобы не влѣзть въ грязь по-поясъ. Случилось тутъ ѣхать крестьянину на волахъ,

— Перевези мене, чоловіче, *безъ баюру*, сказалъ жидъ, шедшій въ Катербургъ, обращаясь къ крестьянину.

— Сядай, псяюхо, сказалъ тотъ, презрительно осматривая жида съ головы до ногъ.

Едва только они проѣхали половину баюры, крестьянинъ какъ-бы опомнился и спросилъ своего компаньона: «що ти даси мені за те, що я тебе перевезу?»

— А що тобі дати? дамъ килішокъ горілки, якъ приідемо до Катербурга».

— То я тебе за килішакъ горілки буду везти до самого Катербурка? Давай півзолотого, а коли не хочешь, заразъ вилазь у болото». И чрезъ нѣсколько секундъ жидъ очутился въ болотѣ.

Тяжело такъ жить; нужно имѣть много бодрости духа, стойкости характера и твердости воли, чтобъ жить такъ, какъ живетъ жидъ; нужно быть закаленнымъ до послѣднихъ предѣловъ, пройти сквозь огонь и воду, чтобы такъ нечувствительно относиться ко всему, враждующему съ нимъ. И жидъ, дѣйствительно, таковъ! Онъ и среди горькой доли не унываетъ; онъ смѣется надъ презрѣніемъ и насмѣшками, съ которыми относятся къ нему его новые соотечественники. Плюйте ему въ глаза, онъ не обидится этимъ, и тутъ же не упуститъ случая надуть васъ. Вы отворачиваетесь отъ него, чтобы избавиться отъ его непрошеной помощи, а онъ забѣгаетъ къ вамъ съ другой стороны съ вопросомъ *czego pan potrzebuje*? (что вамъ угодно)? Это васъ злитъ, выводитъ изъ терпѣнія, но вы вспомнили, что вы первый разъ пріѣхали въ *этотъ* городъ и что безъ содѣйствія жида вамъ нельзя обойтись. Жидъ это знаетъ, и вы не успѣли еще прійти въ себя, онъ уже въ одной ермолкѣ стоитъ передъ вами и готовъ за *півзолотого* обѣгать весь городъ, чтобы отыскать то, чего вамъ нужно.

Надобно замѣтить, что въ Волынской губерніи пути сообщенія чрезвычайно затруднительны; тутъ много помогаютъ жиды. Жидовскія *балагули* играютъ у насъ роль дилижансовъ. Въ каждомъ городѣ, въ каждомъ почти мѣстечкѣ, есть своего рода станціи, откуда эти балагулы отправляются. Цѣны за мѣста въ балагулахъ довольно незначительны, особенно въ сравненіи съ в.-русскими извощиками, но пока вы найдете балагулу, пока выѣдете изъ города, у васъ выйдетъ не мало денегъ. Нужно дать *фактору* за то, что онъ отыщетъ *подрядчика*, нужно дать подрядчику, который, давая вамъ въ залогъ свой

паспортъ, обязывается на извѣстный срокъ и за извѣстную цѣну найти вамъ балагулу; наконецъ, надо дать кое-что и хозяину балагулы на водку, сверхъ платы за балагулу. Но это бы еще ничего; послушайте далѣе. Если съ вами ѣдутъ христіане, то вы счастливы. Вы можете остановиться гдѣ вамъ угодно, съѣсть и выпить, что̀ вамъ угодно. Бѣда, если судьба сведетъ васъ въ балагулѣ съ одними жидами: тогда вы въ полномъ ихъ распоряженіи. Ни одной корчмы они не пропустятъ, вездѣ у нихъ знакомые, вездѣ у нихъ дѣла̀. Приходится иногда по часу, по два, ждать, пока они справятся съ своими дѣлами. Тутъ не помогаютъ ни мольбы, ни даже угрозы—не заплатить денегъ. «Заразъ, заразъ!» отвѣтитъ онъ вамъ стараясь уйти отъ васъ, чтобы вы снова не настаивали. При выѣздѣ изъ Любаръ, въ которомъ мы простояли три часа, гдѣ-то пропалъ одинъ жидъ, и мы должны были на выѣздѣ, у корчмы, простоять еще часа два, пока его не отыскали; ему, видите, захотѣлось повидаться съ однимъ своимъ пріятелемъ! Вотъ еще случай. За 7 верстъ до Бердичева, балагула останавливается. Что̀ это значитъ? спрашиваю я.

— Будемъ Богу молитись, спокойно отвѣчаетъ мнѣ жидъ.

— Бога вы побойтесь: вѣдь не далеко Бердичевъ,—тамъ помолитесь.

— Мы заразъ... И это *за́разъ* тянулось два часа.

Жидъ никогда не уважитъ вашей просьбы, если она не приноситъ ему барыша; но если гдѣ чуетъ хоть малѣйшую выгоду, онъ, по одному вашему намеку, готовъ сдѣлать все, что̀ вамъ угодно. Вы пріѣхали въ корчму, въ которой балагулъ намѣренъ *попасать* лошадей. Вы еще не успѣли сойти съ балагулы, жидъ, вашъ компаньонъ, съ участіемъ вамъ предлагаетъ: *może pan chce herbaty? Ja powiemniech panu samowar postawią*. (Неугодно ли вамъ чаю? Я скажу, чтобъ вамъ поставили самоваръ). И какъ онъ радъ, какъ скажешь ему: *да!* Какъ онъ хлопочетъ тутъ, суетится... изъ-за чего? изъ-за стакана чаю. Мнѣ приходилось во всю дорогу, отъ Житомира до Староконстантинова, поить ѣхавшихъ со мною жидовъ своимъ чаемъ.

Въ-продолженіе полугода жизни на Волыни, мнѣ неоднократно приходилось сталкиваться съ жидами: тутъ-то я по опыту убѣдился, что чѣмъ благороднѣе,, мягче и человѣчнѣе съ ними обходишся, тѣмъ наглѣе они становятся, тѣмъ съ бо́льшимъ презрѣніемъ они на тебя смотрятъ и тѣмъ усерднѣе стараются тебя надуть. Это люди изолированные, люди, для которыхъ интересы другихъ народностей, нахо-

дящихся въ самыхъ тѣсныхъ съ ними сношеніяхъ, ничего не значатъ. Жидъ живетъ *для себя*, во имя того убѣжденія, что онъ выше всѣхъ, не принадлежащихъ его племени и не почитающихъ Іеговы такъ, какъ онъ почитаетъ. Къ этому привела его исторія; поступать такъ съ чужими иновѣрцами, заставляетъ его законъ (*). Онъ помнитъ, что дружественныя отношенія его предковъ къ сосѣдямъ–иновѣрцамъ всегда сопровождались гибелью для нихъ; онъ помнитъ, какимъ бѣдствіямъ подвергались они за пренебреженіе законовъ Іеговы и за поклоненіе богамъ чужимъ. Онъ все это помнитъ, и изъ всего этого вывелъ урокъ—не сближаться ни съ кѣмъ, смотрѣть на другіе народы, какъ на враговъ, готовыхъ отнять у него завѣтъ его отцовъ, завѣтъ Іеговы. Онъ боится ихъ по безсилію своему и въ тоже время ненавидитъ и презираетъ ихъ, во всякомъ случаѣ считая себя выше всѣхъ, считая себя народомъ, которымъ нѣкогда управлялъ самъ Богъ, предназначая для высшихъ цѣлей. Онъ съ гордостью можетъ предъ цѣлымъ свѣтомъ засвидѣтельствовать, что ни костры инквизиціи, ни мечи бароновъ, ни сабли козаковъ, не измѣнили ихъ ни на одну іоту. Надо дивиться живучести этого племени, лишеннаго отечества и считающагося *отребіемъ* вездѣ, куда ни заносила его судьба.

Вглядываясь въ жизнь жидовъ, вы съ изумленіемъ останавливаетесь на ихъ вѣрности самимъ–себѣ, вѣрности тѣмъ началамъ, которыя разъ на всегда усвоены ими. Жидъ XIX в. ничѣмъ не отличается отъ жида I в.; онъ, собственно говоря, не живетъ, не развиваетъ своихъ убѣжденій, но свято бережетъ ихъ, и гордится тѣмъ, что тысячи лѣтъ прожилъ, оставаясь вѣрнымъ себѣ. И еще тысячи лѣтъ проживетъ и можно съ увѣренностію сказать, что ни сколько не измѣнится. Онъ живетъ прошедшимъ и живетъ для будущаго, въ которое онъ вѣруетъ, и эта–то вѣра укрѣпляетъ его въ его безотрадной и безпріютной жизни. Для него, собственно говоря, нѣтъ настоящаго; онъ и не живетъ настоящимъ; онъ только запасается средствами для жизни *будущей*; потому–то онъ и не принимаетъ къ сердцу ничего *настоящаго*, дѣйствительнаго. Въ литературѣ, въ послѣднее время, поднялись за евреевъ. Вы думаете, что они это считаютъ услугою для себя съ вашей стороны? Ошибаетесь. Мнѣ въ Житомирѣ приш-

(*) Желающій можетъ прочитать въ № 25 газ. «День» статью г. Александрова; тамъ собраны всѣ правила, какія внушаетъ талмудъ Іудеямъ для руководства въ ихъ сношеніяхъ съ людьми всѣхъ другихъ исповѣданій.

лось встрѣтиться съ жидомъ, который читаетъ русскіе журналы. «Посмотрите», сказалъ онъ мнѣ, «и объ насъ пишутъ!..»

Изъ этого можно заключить, что отношенія жидовъ къ другимъ и не могутъ отличаться человѣчностію. Пусть что-угодно говорятъ въ ихъ защиту ихъ сторонники,—жидъ всегда останется жидомъ, и даже *сіонскіе* рыцари, при первой встрѣтившейся возможности и выгодѣ, станутъ въ ряды противниковъ того народа, который считаютъ своими *соотечественниками*. Ротшильды, Миресы, Альперины и др. яснѣе солнца убѣждаютъ насъ, что жидъ можетъ жить только для своихъ выгодъ. Изгнанные, безсильные, безпомощные, они поняли, чѣмъ можно завоевать самыя сильныя государства. Если справедлива ходячая пословица: «деньги — сила», то жидовъ, владѣющихъ этою силою, никакъ нельзя назвать безсильными. И жидъ старается пріобрѣсти эту силу, не разбирая средствъ; онъ готовъ у бѣдняка отнять послѣдній кусокъ хлѣба безъ всякой жалости, хотя бы этотъ бѣднякъ, въ прежнее время, платилъ ему втрое дороже противъ обыкновеннаго. Онъ будетъ пользоваться всякою съ вашей стороны ошибкою, и еще посмѣется надъ вами. Въ м. Кузьминѣ я покупалъ какую-то вещь, за которую нужно было заплатить 18 *грошей*; но отвыкши считать деньги на *гроши*, я отсчиталъ жидовкѣ 18 к. ср. Чрезъ полминуты братъ напомнилъ мнѣ мою ошибку и я потребовалъ назадъ 9 к. Жидовка всевозможными клятвами увѣряла меня, что я ошибаюсь... И такъ бываетъ на каждомъ шагу, покрайней мѣрѣ, у насъ.

Въ Житомирѣ и во всѣхъ другихъ городахъ и мѣстечкахъ Волынской губерніи странно поражаютъ мѣняльные столики. Ихъ такъ много, что почти предъ каждою лавкою стоитъ столикъ. Эти столики приносятъ большіе барыши жидамъ, потому что мелкой монеты (даже мѣдной) рѣшительно нѣтъ(*), иногда приходится платить 5 к. за размѣнъ 1 рубля, даже еслибъ вы и покупали что-нибудь.

Еще одно послѣднее сказанье... Извѣстно, какую роль играли жиды во время существованія «рѣчи посполитой», когда имъ отдавались въ аренду даже православныя церкви. Теперь жиды не играютъ такой важной роли, но все-таки стараются прицѣпиться къ панскому двору, и рѣдкій помѣщикъ не имѣетъ *вірника* изъ жидовъ. Не малую роль играютъ теперь жиды и при исправникахъ, становыхъ приставахъ

(*) Недостатокъ мелкой монеты доказывается существованіемъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ—Заславскомъ, Староконстантиновскомъ, бумажныхъ мелкихъ денегъ князя Сангушко.

и др. чиновникахъ. Это первѣйшіе конокрады, контрабандисты и т. п. Своею близостію къ властямъ они стараются обезопасить свои продѣлки и, надо сознаться, это имъ удается.

Вотъ я уже въ родномъ селѣ, среди родныхъ, съ грустью и тоской ожидавшихъ моего пріѣзда, среди своихъ земляковъ, пытливо устремившихъ на меня свои взоры, какъ бы спрашивая, непривезъ ли я имъ изъ Петербурга, *отъ самого царя*, какой-нибудь радостной вѣсточки про волю. Первое, о чемъ я спросилъ встрѣтившихся мнѣ земляковъ,—это: какъ вы поживаете теперь *на волѣ?*..

Съ перваго разу меня поразила недовѣрчивость, съ которою мои земляки относились къ помѣщикамъ, ко всѣмъ распоряженіямъ мировыхъ посредниковъ и даже своимъ непосредственнымъ, своимъ собственымъ, начальникамъ,—къ волостнымъ и сельскимъ старостамъ. Но надо сознаться, что эта недовѣрчивость не неосновательна. Уставныя грамоты должны писаться по соглашенію помѣщика съ крестьянами; а у насъ, большею частію, все дѣло дѣлалось одними помѣщиками, да мировыми посредниками: крестьяне приглашались въ волостное правленіе *только* для подписи этихъ грамотъ! Полуграмотные и даже вовсе безграмотные, они невѣрили написанному въ этихъ грамотахъ и даже съ подозрѣніемъ смотрѣли на волостное правленіе, не подкуплено ли оно панами.

Кто слѣдилъ за крестьянскимъ дѣломъ, тотъ не могъ не замѣтить, что уставныя грамоты на Волыни писались очень неохотно; и тогда какъ въ великорусскихъ губерніяхъ сотни уставныхъ грамотъ приведены уже были въ дѣйствіе, у насъ и десятка ихъ небыло. Какъ извѣстно, это обстоятельство заставило Волынскаго губернатора ѣздить по губерніи, объяснять дѣло и увѣщевать народъ къ составленію уставныхъ грамотъ. «Я самъ,»—писалъ губернаторъ по этому случаю,—«поѣхалъ по губерніи, по селамъ и волостямъ, *чтобы вамъ лично объявить* царское слово и *разстолковать вамъ Положеніе*. Я собиралъ васъ въ разныхъ мѣстахъ. Народа собиралось много, по двѣ и по три тысячи; я нѣсколько разъ читалъ и толковалъ вамъ царскія слова» Спрашивается, что за причина нежеланія крестьянъ — составлять и подписывать составленныя уставныя грамоты? Неразъ мнѣ случалось заговаривать объ этомъ съ крестьянами, неразъ я допытывался причины, и всегда и отъ всѣхъ слышалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ; »Щóжъ отсе за воля безъ землі?!« И я ничего не находилъ отвѣтить имъ на ихъ рѣчи, кромѣ того, что земля принадлежитъ по-

мѣщику, что ему давать даромъ землю невыгодно. Видно, горька была здѣшняя опека *пáньська*, когда крестьяне не хотятъ имѣть съ ними никакого дѣла, когда имъ тяжелы самыя ничтожныя отношенія къ *мостивымъ* панамъ; разъ навсегда они хотятъ покончить дѣло съ ними—и тогда только они будутъ считать себя вольными. Надо замѣтить, что на Волыни помѣщики большею частію поляки; а извѣстно, что́ они значили и значатъ еще въ жизни южнорусса.

Волынь была нетолько свидѣтельницею, но и театромъ вѣковой кровавой борьбы козаковъ, за свои права и вольности, съ поляками; ей больше всѣхъ доставалось отъ этой борьбы. Будучи населена русинами, подпавшими панской опекѣ, она терпѣла еще и отъ козацкихъ набѣговъ, которые постоянно раззоряли, жгли и грабили мѣстечки и села потому только, что онѣ принадлежали панамъ, необращая вниманія на то, что чрезъ это страдали ихъ же братья. Волынскіе *хлібороби* все это видѣли и очень хорошо понимали, кто былъ главною причиною ихъ несчастій. Свою непріязнь къ ляхамъ они передавали дѣтямъ и внукамъ, и я не встрѣчалъ на Волыни ни одного крестьянина, который бы отозвался о своемъ панѣ, да и вообще о каждомъ шляхтичѣ, сколько нибудь выгодно. Итакъ, не крѣпостная только зависимость служитъ причиною недовѣрчивости къ мостивымъ панамъ, не она одна породила такую ненависть къ нимъ: иначе шляхтичи простые, не паны, не подпали бы подъ ту же категорію. Самаго лучшаго шляхтича крестьянинъ нашъ окреститъ презрительнымъ прозвищемъ—*ляшись-ко*, съ прибавкой иногда: добрый. Объясненіе всего этого нужно искать въ исторіи. Вотъ почему наша громада, желая воспользоваться волею, прежде всего хочетъ прекратить всякія отношенія къ панамъ. «Вездѣ», пишетъ волынскій губернаторъ, «гдѣ я собиралъ крестьянъ, они мнѣ объявляли: «*хотимъ царскаго выкупа*» (Сѣв. Пч. 1862 г. № 208.

Не смотря на такія отношенія волынскихъ южноруссовъ къ панамъ, воля начала уже обнаруживать свое благотворное дѣйствіе. Вслѣдствіе учрежденій волостныхъ правленій, они очутились подъ управленіемъ людей изъ своей же среды, которыхъ они сами же и выбирали на своихъ «*радахъ*». И прежде, во время панованья помѣщиковъ, наши крестьяне часто собирались или возлѣ церкви, или возлѣ корчмы, или гдѣ-нибудь на *горбóчку*, и здѣсь разсуждали обо всемъ, что́ только касалось ихъ жизни домашней, взаимныхъ отношеній; тутъ толковали и о своей горькой долѣ, и не одному приходило на память

преданіе о тѣхъ радахъ, на которыхъ когда-то каждый имѣлъ право подавать свой голосъ. Но все это давно было; *було́ коли́сь... да що не мина́е?!*.. Теперь громада получила гораздо больше значенія; ихъ *ра́ди* стали оживленнѣе; кругъ предметовъ для разсужденія сталъ обширнѣе. Неразъ я видалъ, какъ старички, едва движущіеся, съ палкою въ рукахъ, спѣшили на раду, сказать молодымъ людямъ *яке́ розу́мне сло́во*, подать совѣтъ, отмѣченный многолѣтнею опытностію, и пріятно было видѣть, ка́къ внимательно слушали этихъ мудрецовъ и какъ послѣ взвѣшивали и повѣряли каждое ихъ слово. Многіе изъ нихъ, вѣроятно, были дѣти тѣхъ, которые были свидѣтелями страшныхъ подвиговъ Гонты и Зализняка, которые жили въ то время, когда на Волыни, на Подоли и на Украинѣ (собственно) происходила ожесточенная рѣзня, которые, быть-можетъ, видѣли, ка́къ съ живаго Гонты, уполномоченный польскимъ правительствомъ, *регментарь* Стемпковскій, сдиралъ полосами кожу, отрубалъ ему руки и ноги, вырывалъ сердце и, наконецъ, четвертовалъ. Они, вѣроятно, слышали эту печальную повѣсть отъ своихъ отцовъ и, конечно, не могли въ душѣ не питать благоговѣнія къ людямъ, мужественно ратовавшимъ за вѣру и свободу, и, безъ сомнѣнія, отъ чистаго сердца оправдывали ихъ жестокую месть соплеменникамъ, безразсудно нарушавшимъ ихъ права человѣческія. Они помнили разсказы своихъ отцевъ, какъ въ ихъ время собирались подъ открытымъ небомъ рады, и могли руководить своихъ преемниковъ въ *громадськихъ* сходкахъ. Любо было слушать какъ староста, обращаясь къ собравшимся на раду крестьянамъ съ словами: *пано́ве-грома́до!* предлагалъ на ихъ разсужденіе каждое слово мироваго посредника, каждое рѣшеніе волостнаго правленія.

Я слышалъ, что въ великорусскихъ губерніяхъ волостныя правленія отличаются деспотическими тенденціями, особенно поближе къ большимъ городамъ, усвоивая тотъ же духъ и направленіе, которые господствуютъ во всѣхъ почти русскихъ присутственныхъ мѣстахъ. «Придешъ завтра»! обыкновенно говорятъ *волостные* (старосты) своему же брату, хотя бы у послѣдняго было самое необходимое дѣло. Не знаю, получили ли здѣсь право гражданства взятки; но достовѣрно знаю, что, по окончаніи всякаго дѣла, все начальство отправлялось въ кабакъ для угощенія на счетъ того, въ чью пользу рѣшено было дѣло... Бываютъ попойки и у насъ, но тутъ все дѣлается цѣлою громадою, и каждый, не исключая и старосты, покупаетъ горілку на свои гроши и *частує* кого ему угодно. У насъ, кажется, поняли, что ста-

роста есть представитель громады; онъ долженъ заботиться объ ея интересахъ: потому только громада и согласна платить ему жалованье. Въ с. Г—кахъ С. уѣзда разсказывали, будто помѣщикъ подарилъ старостѣ двѣ или три десятины земли, съ тѣмъ, что бы онъ радѣлъ объ его интересахъ. Узнавши это, крестьяне этого села отказывались и слушать его и давать ему деньги на жалованье, говоря: »*нехáй ёму панъ плáтить, бо вінъ пáнові слýжить*«. А надо замѣтить, что паны, особенно мелкопомѣстные, чрезвычайно хлопочутъ о томъ, чтобы склонить старостъ на свою сторону. Въ с. З—цахъ С—го уѣзда, паны приглашали старосту къ себѣ въ гости, обращались съ нимъ за панибрата, угощали его *гербатою* и съ изумительною вѣжливостію пожимали ему руку. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они и успѣвали, особенно если взять во вниманіе неопредѣленность теперешнихъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Но если старосты увлекались льстивыми предложеніями пановъ, то старались, чтобы ничего этого не знала громада, потому-что, во всякое время, она готова сказать своему старостѣ: »*покúнь, негíдний сúне, свое старóство,—гóді тобі панувáти; бо ти нашъ хлібъ ісú, а чóр'зна кому слýжишъ*»...

Отношенія нашихъ крестьянъ къ духовенству нѣсколько отличаются отъ великорусскихъ. Въ Великороссіи духовенство и церковь составляютъ что-то особенное отъ народа, почти внѣшнее по отношенію къ нему. На Волыни я встрѣтилъ совершенно другой взглядъ; тамъ церковь и народъ—это одно цѣлое, а священникъ—приставникъ къ церкви и народу, блюститель человѣческаго спасенія.

Къ замѣчательнымъ церковнымъ учрежденіямъ, доказывающимъ вышепоказанныя отношенія крестьянъ къ духовенству, принадлежатъ такъ-называемыя *брáтства*. Братство составляютъ зажиточные прихожане обоего пола. Главную принадлежность каждаго *братчика* и каждой *сестрúчки* составляютъ большія восковыя свѣчи, съ которыми они стоятъ въ церкви во время важнѣйшихъ частей богослуженія, напр. во время чтенія евангелія, при освященіи св. даровъ и т. п. «Это обычай древнихъ братствъ; такъ стояли нѣкогда, съ собственными зажженными свѣчами, князья, дворяне и другихъ сословій братчики въ Львовѣ, Вильнѣ, Луцкѣ, Могилевѣ и др. мѣстахъ (*)». Братчики, во главѣ которыхъ стоитъ церковный староста и ключникъ, суть посредники между священникомъ и прихожанами. Находитъ ли нужнымъ

(*) Кіевск. Епарх. вѣд., № 8.

священникъ что-нибудь сдѣлать въ церкви,—произвести починку, купить какую-нибудь вещь,—онъ обращается къ братчикамъ, и безъ ихъ совѣта ничего не вправѣ сдѣлать. Братчики, посовѣтовавшись между-собою, объявляютъ громадѣ, и если предложеніе священника будетъ принято всѣми, то они берутъ на себя обязанности исполненія. Впрочемъ, братчики, и безъ всякаго напоминанія священника, считаютъ своею обязанностію заботиться о церковныхъ пользахъ, о приращеніи церковнаго имущества, объ украшеніи храмовъ, о пріобрѣтеніи нужныхъ для церкви вещей. На ихъ же обязанности лежитъ заботиться о церковныхъ домахъ и другихъ зданіяхъ, принадлежащихъ церкви.

Правда, *братства*, въ настоящее время, вслѣдствіе политическихъ перемѣнъ, потеряли то огромное значеніе, какое онѣ имѣли прежде, когда отношенія югозападнаго края къ сосѣдямъ, были федеральныя; но нельзя и теперь не замѣтить слѣдовъ ихъ существованія въ дѣятельности на пользу церкви и прихожанъ. Они видны въ такъ называемыхъ *братскихъ* и *сестричныхъ* обѣдахъ въ храмовые праздники, поминальные дни, на проводы (ра́доница) и др. праздничные дни назначаемые по согласію братчиковъ и сестрицъ. Братскіе обѣды приготовляются обыкновенно въ дни св. Николая, Георгія великомученика и др. на счетъ зажиточныхъ прихожанъ и непремѣнно братчиковъ; а сестричные въ дни св. Варвары, Екатерины и др. Въ назначенное время братчики и сестрицы, по общему соглашенію, приносятъ на *цвинтарь усе, чимъ спомігъ імъ Богъ*. Послѣ обѣдни и *парастаса*, въ хорошую погоду, обѣдъ приготовляется подъ открытымъ небомъ близъ церкви, или въ колокольнѣ; въ случаѣ же неблагопріятной погоды,—въ домѣ священника, что́ у насъ, впрочемъ, рѣдко, а большею частію, въ *школѣ* (та́къ называется жилище дьячка и пономаря), или въ частной *хатѣ*, близкой къ церкви. Послѣ краткой литіи начинается собственно обѣдъ, за которымъ братчики и сестрички прислу́живаютъ всѣмъ, начиная отъ священника и оканчивая послѣднимъ, покрытымъ лохмотьями нищимъ. Эти обѣды вполнѣ носятъ на себѣ черты, напоминавшія *вечери любви* первенствующихъ христіанъ. Если гдѣ, то особенно здѣсь, священникъ удобнѣе всего можетъ оказывать благотворное вліяніе на прихожанъ своими совѣтами и наставле́ніями; тутъ онъ ближе всего къ нимъ.

Дѣятельность теперешнихъ братствъ ограничивается предѣлами только своей церкви, да и здѣсь онѣ не находятъ для себя простора,—

во-первыхъ, по недостатку матеріальныхъ средствъ, которыхъ у *кріпака-хліборода* всегда мало, а во-вторыхъ, по вмѣшательству другихъ лицъ, не принадлежащихъ непосредственно къ ихъ церкви. Если бы данъ былъ просторъ ихъ дѣятельности, если бы ничто не стѣсняло ихъ извнѣ, тогда никто не жаловался бы на недостатокъ школъ для народнаго образованія, богадѣленъ для пріюта бѣдныхъ и престарѣлыхъ. Все это явилось бы,—потому-что и цѣль братствъ церковныхъ, по своему первоначальному значенію, состоитъ въ томъ, чтобы доставлять все нужное для духовнаго блага своихъ братьевъ; а какое благо выше для человѣка, если не просвѣщеніе?

Чтобы не подумалъ кто-нибудь, что это неосуществимая мечта, укажемъ на существованіе одного братства въ Кіевской губ. Каневскаго уѣзда въ с. Дыбинцахъ. «Оно существуетъ и теперь въ такомъ же видѣ, въ какомъ существовало и въ прошломъ столѣтіи; тоже устройство, тотъ же порядокъ, тѣже цѣли и средства, все тоже до малѣйшихъ подробностей. По-прежнему, продолжаются сходки и совѣщанія братскія и приговоръ ихъ обязателенъ для всѣхъ по-прежнему... Неодно содержаніе и украшеніе храма Божія, не одни поминальные и праздничные обѣды озабочиваютъ и теперь это братство»,—но также «пособіе обѣднѣвшимъ братьямъ и вообще бѣднымъ, погребеніе бѣдныхъ, обученіе желающихъ грамотѣ и гончарному мастерству, и главное—поддержаніе нравственной чистоты въ обществѣ... Всѣ, провинившіеся предъ уставомъ братскимъ, предъ судомъ нравственности и мнѣнія общественнаго, подлежатъ суду братства и не могутъ противиться ему... Судъ этотъ употребляетъ различныя наказанія, преимущественно денежныя пени; но главная цѣль наказаній состоитъ въ томъ, чтобы виновный принесъ раскаяніе предъ братствомъ. Замѣчательно—въ братствѣ никогда не употреблялись тѣлесныя наказанія (*)». Глядя на эти братства, какъ бы видишъ предъ собою собранія первенствующихъ христіанъ, заботящихся о водвореніи чистой нравственности между всѣми членами христіанскаго общества,—видишь, какъ всякій проступокъ, всякій *грѣхъ* искуплялся общественнымъ раскаяніемъ предъ цѣлымъ собраніемъ, — видишь, что тутъ не карали *грѣшника*, но исправляли, — видишь все это — и тяжело становится на душѣ, при видѣ упадка нравственнаго значенія христіанскихъ общинъ, или братствъ,

(*) Кіевск. Епарх. Вѣд. № 8.

и съ недоумѣніемъ спрашиваешь: отчего иногда самыя благодѣтельныя учрежденія падаютъ, и въ тоже время самыя нелѣпыя торжествуютъ? Отчего?! (*).

Итакъ, возможны и въ настоящее время подобныя братства; нужно только возбудить громаду къ дѣятельности, напомнить ей ея старое, по причинѣ различныхъ обстоятельствъ, забытое учрежденіе; нужно уяснить ей то благотворное значеніе, какое оно имѣло и можетъ имѣть въ жизни каждаго человѣка. И это тѣмъ легче сдѣлать, что при каждой церкви существуютъ еще братства,—только дѣятельность ихъ ограничена... Кто же можетъ и долженъ это сдѣлать? Мнѣ кажется, что это долженъ и можетъ сдѣлать скорѣе всего священникъ... Но тутъ встрѣчается затрудненіе. У насъ, на Волыни, священники пользуются нѣкотораго рода барщиною отъ своихъ прихожанъ, и церковный староста, сколько я замѣчалъ, *обязанъ*, неизвѣстно почему, исправлять для священника всѣ работы *найма*. Въ настоящемъ году вышелъ указъ, запрещающій священникамъ пользоваться услугами старосты; но противъ этого указа возстала большая часть священниковъ, какъ-будто онъ лишалъ ихъ какихъ нибудь правъ законныхъ! Указъ этотъ слѣдовало предъявить церковнымъ старостамъ,—и тогда старосты могли бы прекратить свои унизительныя отношенія къ священникамъ. Что́же? многіе, на *собо́рцяхъ* (*), рѣшили—не показывать этого указа старостамъ!

Нельзя не замѣтить, что на Волыни отношенія священниковъ къ прихожанамъ не всегда отличаются такими качествами, какихъ бы слѣдовало ожидать отъ христіанскаго пастыря. Неразъ мнѣ приходилось слышать отъ крестьянъ жалобы на священниковъ за то, что послѣдніе требуютъ платы за священнодѣйствія. Бывали случаи, что прихожане, безъ всякой церемоніи, указывали священникамъ на инвентарныя правила и новыя правила, которыми священнику воспрещается брать что-нибудь отъ своихъ прихожанъ за отправленіе священнодѣйствій. Волостныя правленія, сколько я знаю, также противъ платы. Правда,

---

(*) Почтенный народолюбецъ—христіанинъ теперь можетъ утѣшиться: начальство кіевской митрополіи оцѣнило великое значеніе братствъ и, приглашая священниковъ къ возстановленію этого народно-христіанскаго учрежденія въ видахъ улучшенія содержанія сельскихъ храмовъ, школъ, госпиталей и проч., издало *уставъ братствъ*, основанный на уставахъ братствъ древнихъ, но примѣненный къ потребностямъ нынѣшняго времени. *Ред.*

(*) *Собо́рці*—это собранія священниковъ и всего причта по благочиніямъ для исповѣди и св. причастія во всѣ 4 поста.

многіе прихожане никогда не отказываются давать за труды священнику любимому и уважаемому, хотя бы тотъ и не требовалъ; они возмущаются только принудительными поборами и постыднымъ торгомъ, столь неприличнымъ священнику. Спору нѣтъ, всякій трудъ достоинъ награды, но трудъ священника самъ-по-себѣ долженъ быть наградой. Скажутъ: этимъ сытъ не будешь. Справедливо; но чѣмъ же виноватъ бѣдный прихожанинъ, что съ него берутъ иногда послѣднее? притомъ, развѣ священникъ рѣшительно остается безъ всякаго содержанія? У насъ на Волыни, кромѣ священниковъ-дворянъ, которые имѣютъ иногда свои земли, каждый приходскій священникъ пользуется не малымъ количествомъ земли, которую, вдобавокъ, прихожане сами и обработываютъ. Притомъ, они получаютъ еще, хотя ничтожное, жалованье, которое, во всякомъ случаѣ, достаточно для того, чтобы одѣться и обуться. Приходилось мнѣ выслушивать жалобы священниковъ на недостаточность содержанія, на невозможность жить однимъ жалованьемъ, не занимаясь земледѣліемъ и другими промыслами: «а развѣ прилично священнику, приносящему дары Господу Богу, копаться въ навозѣ?» обыкновенно прибавляли въ-заключеніе. Что же вы не вспомните Іакова—брата Господня? Да, наконецъ, позвольте васъ спросить: какъ же живетъ вашъ прихожанинъ, иногда съ огромной семьей, при двухъ или трехъ десятинахъ земли, за которую нужно отбывать барщину помѣщику, да еще платить подушный окладъ? всматривались ли вы когда нибудь въ его жизнь? Если нѣтъ, то посмотрите, сколько онъ переноситъ трудовъ для себя, для своего семейства, для помѣщика, и наконецъ—для васъ?! И при всемъ томъ—онъ живетъ, и живетъ иногда безропотно, надѣляя пріобрѣтенными потомъ и кровью грошами и тѣхъ, которые, по-справедливости, могли бы обойтись безъ этихъ трудовыхъ грошей. Пора бы, по одному христіанскому человѣколюбію, отказаться отъ трудовыхъ грошей бѣдняковъ-хліборобовъ: тогда общество нашло бы другіе, болѣе приличные, источники для вознагражденія васъ.

Можетъ-быть, кому-нибудь будетъ любопытно знать, какова бываетъ плата за священнодѣйствія у насъ на Волыни; сообщаю то, чему самъ былъ очевидцемъ.

Родится дитя; повивальная бабка дастъ знать священнику, и ни въ какомъ случаѣ она не должна являться къ нему съ пустыми руками. Не принято, да, притомъ, едва ли бы священникъ согласился дать молитву даромъ; и вотъ баба несетъ ему курицу и полштофа водки.

Идетъ родильница въ сороковой день *до ви́воду*,—опять должна нести курицу.

Затѣятся въ селѣ свадьба; прежде всего, заботятся о томъ, чтобы *згоди́ти попа́*, что, сколько я могъ замѣтить, самое непріятное дѣло въ жизни крестьнина. Приходятъ къ попу, а нерѣдко и къ *попадьѣ* (1), и начинается *торгъ*, въ собственномъ смыслѣ слова. Одинъ священникъ, немного учившійся въ академіи, когда я замѣтилъ ему объ этомъ, не очень приличномъ, торгѣ, сказалъ мнѣ: «кто хочетъ жениться, съ того нужно побольше брать, потому что это такое дѣло, что безъ денегъ нельзя обойтись; нужно на что́-нибудь жить»... Поэтому-то бѣднякамъ жениться и нельзя!.. Послѣ торга, наканунѣ свадьбы или и въ самый день свадьбы предъ вѣнчаніемъ, и женихъ и невѣста представляютъ священнику по одной курицѣ и по бутылкѣ водки. Послѣ вѣнчанія, когда молодые идутъ до *ви́воду*, опять приносится курица и водка...

Умираетъ ли кто,—опять идетъ торгъ: священникъ, съ своей стороны, желаетъ получить побольше, а прихожанинъ хочетъ дать по меньше. Священникъ угрожаетъ *казенными* похоронами... крестьянину этого не хочется—и онъ даетъ послѣднее. Мнѣ удалось быть свидѣтелемъ одного подобнаго торга. У одного крестьянина была жена; мужъ покойницы проситъ священника похоронить ее *по Божому, съ про́водомъ*, т. е. вынести изъ дому въ церковь съ хоругвями и крестомъ, при колокольномъ звонѣ, и изъ церкви такимъ же образомъ на кладбище, и предлагаетъ за это два злота. «Э! братъ,» замѣчаетъ священникъ: »давай два рубля, а то, коли хочешь, принеси на цвинтарь, то я и даромъ поховаю, по-казенному (2)». »*Мені бъ татуню* (3), *хотілось по-христия́нськи, та я такъ бага́то гро́шей не ма́ю*«. Священникъ спускаетъ на 10 злотыхъ, крестьянинъ съ своей стороны прибавляетъ еще злотый. Тяжело было видѣть такую постыдную торговлю при гробѣ христіанки! Чрезъ нѣсколько ми-

---

(1) У насъ, на Волыни, очень часто приходы предоставляются малолѣтнимъ сиротамъ. Въ такомъ случаѣ, вдова, *іімость-добродзіка* нанимаетъ заштатнаго священника за извѣстную плату, а сама распоряжается приходомъ. Пристраивать сиротъ—дѣло хорошее; но нельзя ли найти иныхъ средствъ,—поблагоприличнѣе?—въ-особенности для края—съ католичествомъ, и проч.

(2) У насъ священники почти всегда стараются говорить съ своими прихожанами книжнымъ р. языкомъ,—по московськи—какъ объясняетъ народъ, не въ силу ли того, что имъ, какъ аристократамъ, неприлично говорить по хлопски?

(3) Такъ прихожане называютъ у насъ священника.

нутъ является братъ покойницы. *Щожъ, тату́ню, чи пі́дете хова́ти, чи ні?*« спрашиваетъ онъ у священника. »*Пі́ду, якъ дасьте 8 злòтихъ; а то приноси́ть на цвинтарь, то я й даромъ похова́ю*«, съ стоическою твердостію продолжаетъ священникъ. »*Та вже, про́ше тату́ня, не турбуйтеся йти: ми и сами́ загра́баемъ. Богъ ви́бачить намъ, бо ми бі́дні*«. Дѣло, однакожъ, кончилось тѣмъ, что священникъ согласился хоронить съ проводомъ; но тутъ другая остановка. Является дьячекъ съ претензіею, что ему мало дали,—всего только, кажется, 20 грошей,—и отказывается пѣть. Не правда ли грустная картина?.. И такія картины нерѣдки.

Изъ этого краткаго перечня священническихъ доходовъ, нельзя не видѣть, что едва ли не первую роль играетъ водка. При каждомъ, сколько-нибудь замѣчательномъ, событіи въ жизни прихожанина, требующемъ участія священника, священнику приносится водка. Не знаю, приличнѣе ли получать подобные дары, или заниматья земледѣліемъ. Мнѣ кажется, что подобные подарки рѣшительно унижаютъ духовное лицо, какъ въ глазахъ прихожанъ, такъ и во мнѣніи иновѣрцевъ. «Чтожъ дѣлать, коли несутъ? Такой ужъ обычай; противъ обычая ничего не сдѣлаешь». Да, вѣдь, на священникѣ лежитъ обязанность искоренять дурные обычаи, и поддерживать и вводить новые, болѣе чистые и благородные. Согласитесь, что прихожанинъ не принесъ бы вамъ водки, если бы вы сказали ему, что это неприлично; а то онъ предполагаетъ, что у васъ иначе ничего и недопросишься, и вотъ онъ несетъ вамъ угощеніе. Что́ крестьяне не въ пользу этого обычая, это видно изъ того, что въ мѣстечкѣ Кузьминѣ, Староконстантиновскаго уѣзда, прихожане жаловались архіерею на то́, что священникъ требуетъ отъ нихъ водки, и просили его уничтожить этотъ обычай.

У насъ есть прекрасный обычай—приносить въ церковь хлѣбы, такъ называемые *книші* (обыкновенно по три) какъ бы въ даръ Богу; приносятъ также и другіе съѣстные припасы. Это напоминаетъ первыя времена христіанства, когда христіане приносили въ храмъ хлѣбъ и вообще все, что́ имѣли, для вечери любви, и тутъ угощали бѣдныхъ. Надъ этими *прино́сами* совершаютъ *паста́сы* (панихиды), если сверхъ хлѣбовъ положены и деньги,—или *литіи*, если нѣтъ денегъ; но, потомъ, все это обращается не въ пользу неимущихъ, которыхъ иногда довольно много стоитъ на церковной паперти, а въ пользу причта, не смотря на то, что у иного священника нѣсколько *стіжківъ* хлѣба стоитъ еще на току необмолоченными. По моему мнѣнію, было бы

лучше хлѣбъ этотъ отдавать весь дьячкамъ и пономарямъ, которые, дѣйствительно, не имѣютъ иногда куска хлѣба, или хлѣбъэтотъ продавать, и вырученныя деньги отдавать вдовамъ и сиротамъ духовнаго званія.

Итакъ, всякій согласится, что подобные поборы не приличны священнику. Но какъ же, спрашивается, жить священнику при недостаточномъ жалованьи? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, заниматься земледѣліемъ и копаться въ навозѣ? чтожъ дурнаго въ земледѣліи? Ап. Павелъ, учитель цѣлой вселенной, строилъ палатки, чтобы имѣть кусокъ хлѣба; онъ не считалъ никакой работы низкою для себя и работалъ, не смотря на великіе и опасные, въ то время, труды благовѣствованія слова Божія. Почему же священнику невозможно трудиться? Я не говорю, чтобы священникъ исключительно занимался земледѣліемъ; есть много другихъ занятій, которыя для человѣка благороднаго всегда благородны, будь это плотничество, или сапожничество и т. п. Говорить,—что такой-то трудъ низокъ для священника,—значитъ не понимать значенія труда, не понимать христіанства, которое освящаетъ всякій трудъ.

Мимоходомъ замѣчу, что на Волыни священническія семейства, по большей части, носятъ на себѣ польскій отпечатокъ; все у нихъ на польскій—*панський*—манеръ и даже говорятъ они все по-польски; рѣдко гдѣ услышишь книжно-русское словцо, а по украински... какъ можно:—*to język chłopsky* (это мужичій языкъ). Случалось мнѣ бывать въ нѣсколькихъ домахъ священническихъ, и я замѣтилъ здѣсь двѣ крайности. Во-первыхъ—стремленіе уподобляться полякамъ, которые у насъ считаются цивилизованнѣе другихъ. По пріѣздѣ на Волынь, я затруднялся сначала говорить по-польски и даже, отчасти, по-украинськи, и обыкновенно съ перваго разу, вездѣ начиналъ *по-московськи*. И что же? въ нѣкоторыхъ мѣстахъ со мной не хотѣли или не умѣли—не знаю, говорить по-русски и даже по-малороссійски, не смотря на мои просьбы. Другая крайность—это копировать великоруссовъ и говорить *по-великорусски*, сохраняя въ неприкосновенности всю польскую обстановку. Надо замѣтить, что русское слово какъ-то не гармонируетъ съ польскою обстановкой. Меня удивляло, какъ можно быть до такой степени равнодушнымъ къ родной жизни, къ роднымъ обычаямъ, къ родному слову? Какъ можно до такой степени поддаваться внѣшнему, противуестественному, положительно-вредному вліянію? Какъ не понять, что положеніе принятое духовенствомъ, ведетъ его

къ разъединенію съ народомъ, отнимаетъ огромную долю нравственнаго вліянія, взаимнаго пониманія и довѣрія? Сперва я думалъ, что все это происходитъ отъ малоразвитости и малообразованности, но скоро я убѣдился въ иной причинѣ. По дорогѣ, я побывалъ въ кіевской академіи; тамъ я замѣтилъ, что нѣкоторые земляки мои говорили, даже между собою,—какъ они думаютъ—по-русски. Сначала я считалъ это дѣломъ привычки; но полюбопытствовалъ спросить: почему вы не говорите на родномъ языкѣ? «Потому», отвѣчали мнѣ, «что малороссійскій языкъ—это языкъ *плебейскій* (!), а польскій и русскій у насъ признаны *аристократическими* (!!). Въ порядочномъ домѣ тебя осмѣютъ, если ты хоть заикнешься по-малороссійски.»

Что жъ это за образованіе, за духовное *просвѣщеніе*, если оно поддерживаетъ такія дикія, затхлыя понятія? Вѣдь эти люди предназначаютъ себя на служеніе народу, который только и говоритъ по-малороссійски, которому ненавистенъ языкъ польскій и—малопонятенъ и даже непріятенъ для слуха—великорусскій...

Въ Житомірѣ, одинъ господинъ, учившійся въ университетѣ, старался (разумѣется—безуспѣшно) мнѣ доказывать, что нелѣпо дѣлаетъ тотъ, кто хлопочетъ о развитіи народнаго языка,—что и писать по-малороссійски нелѣпо: въ Германіи, тоже много нарѣчій, но только одно получило право гражданства въ литературѣ и въ высшемъ, образованномъ, обществѣ и никто ничего не говоритъ противъ этого. Что за верхоглядство, какое непониманіе въ этомъ сравненіи, выхваченномъ наобумъ изъ *Русскаго Вѣстника*, какое полное незнаніе или неразумѣніе духа исторіи и народностей!... Я не стану вдаваться въ подробный разборъ этой доктринерской нелѣпости: кто читалъ *Основу*, кто жилъ среди своего народа, и знаетъ языкъ его, тотъ ее пойметъ и оцѣнитъ по-достоинству; но приведу, покрайней мѣрѣ, одно соображеніе: что наука и вообще знаніе, коль-скоро онѣ будутъ сообщаться на одномъ какомъ бы то ни было привиллегированномъ языкѣ, не достигнутъ свей образовательной и воспитательной цѣли, потому что найдутся тысячи непонимающихъ того языка, на которомъ онѣ сообщаются. Это можно уже видѣть и въ томъ, какъ трудно бываетъ учить малороссійскихъ мальчиковъ грамотѣ по в.-русскимъ, или церковно-славянскимъ, учебникамъ. Этого не понимаютъ—или не хотятъ понять, Богъ ихъ знаетъ,—наши учители; нерѣдко они угощаютъ своихъ *парахіянъ* проповѣдями, которыя трудно бываетъ понять даже и учившемуся уже сколько-нибудь. Крестьянинъ, выслушавъ подобную про-

повѣдь, обыкновенно возвращается къ себѣ домой безъ малѣйшаго назиданія, и садясь за столъ, читаетъ »*Оче нашъ*«, попрежнему, т. е. съ прибавкою въ концѣ: »избави насъ отъ лукаваго *твоего святого*, и при крестномъ знаменіи, произноситъ слова: *мнявця* (вмѣсто *во имя Отца*; сколько я ни слышалъ вездѣ такъ произносятъ неграмотные) и т. п.

Въ Житомірѣ же, я слышалъ и такія сужденія:—мало того,—что нелѣпо дѣлаютъ издатели «Основы», заботясь о развитіи украинскаго языка и объ изученіи южнорусскаго народнаго быта,—но еще и *противузаконно*. На какомъ основаніи—это труднѣе понять, нежели первое... Жаль, что существуютъ еще такія узкія понятія; они вредятъ народному образованію, и почти всегда указываютъ въ подобныхъ проповѣдникахъ шляхетскія тенденціи, или чисто-формальный, чиновническій, бездушный взглядъ на жизнь, науку и—на законность.

При такомъ взглядѣ на вещи не мудрено, что воспитаніе и образованіе поповичей и поповенъ идетъ въ разладъ съ жизнію народною; имъ, какъ иноплеменникамъ, чужды и радость и горе крестьянъ, имъ чужды крестьянскіе интересы, имъ неизвѣстны нужды и потребности народа.

Извѣстно, что прихожане жертвуютъ деньги въ церковь. Эта жертва тѣмъ больше соотвѣтствуетъ цѣли, чѣмъ лучше распорядятся пожертвованными деньгами. Каждый жертвователь, конечно, предполагаетъ, что эти деньги пойдутъ на удовлетвореніе его нравственныхъ нуждъ. Поэтому, общество, которое созидаетъ и поддерживаетъ храмъ—какъ мнѣ кажется, имѣетъ право желать, чтобы на пожертвованныя деньги удовлетворялась существеннѣйшая, настоятельнѣйшая, въ настоящее время, нужда края—образованіе—вопервыхъ пастырей, а во вторыхъ—народа. Пусть стѣны храма будутъ просты, пусть иконы остаются безъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній, пусть священныя одежды будутъ только приличны, но небогаты, лишь бы, зато, просвѣщенныя души вѣрныхъ, представятъ Богу жертву, которая будетъ дороже всякихъ драгоцѣнныхъ камней. Правда, не всѣ церкви равно богаты; есть очень много церквей бѣдныхъ, но за то есть много и такихъ, которыя могли бы подѣлиться своимъ имуществомъ съ бѣднѣйшими. Если иногда имущества церковныя употреблялись на военныя издержки—и это считалось дѣломъ законнымъ и святымъ, то несравненно большей похвалы должно бы заслуживать употребленіе его на

народное образованіе. Въ этомъ, съ которой стороны ни глядите, не было бы ничего противузаконнаго и заслуживающаго укоризны. Апостолъ Павелъ сказалъ: «служащіе алтарю, съ алтаремъ дѣлятся»; священникъ, по согласію съ прихожанами и, въ-особенности, съ братчиками, можетъ употреблять церковныя деньги для образованія въ школахъ своихъ дѣтей, и для устроенія, при недостаточныхъ средствахъ прихожанъ, народныхъ училищъ.

Необходимость народнаго образованія на Волыни видна, а изъ того, что, при различныхъ неблагопріятныхъ столкновеніяхъ съ не всегда благонамѣренными сосѣдями, волынскіе хлібороби измѣнялись во многомъ вовсе не къ лучшему, заимствовали много чужаго, нисколько несоотвѣтствующаго ихъ народной жизни. Этого нельзя не замѣтить на каждомъ шагу. Вотъ дівчата поютъ пѣсни; но что́ это за пѣсни? Правда, это тѣ самыя пѣсни, которыя пѣлись когда–то давно, давно, во дни народной славы, но... вслушайтесь: какъ онѣ исковерканы разными вставками, напоминающими крѣпостныя отношенія... Не рѣдко въ этихъ пѣсняхъ встрѣчаются по́льскія слова́, а иногда и цѣлыя пѣсни переиначены на польскій ладъ,—uslachetnione; а между–тѣмъ, отъ нихъ вѣетъ какою то невыразимою и невыносимою грустью... Да, горька, вѣрно, доля народа, когда онъ не въ силахъ не только развиваться, но и удержать въ цѣлости и чистотѣ то́, что́ завѣщали ему его предки!

Сколько я помню, 9 лѣтъ тому назадъ, школы при церквахъ на Волыни считались рѣдкостію; теперь при каждой почти церкви есть нѣсколько учениковъ, которыхъ обучаютъ рѣдко священники, а большею частію дьячки; но ка́къ обучаютъ? Такъ, какъ обучалъ Кутейкинъ Митрофанушку. Учитель читалъ: *блаженъ мужъ*-.. Ученикъ за нимъ повторялъ: *блаженъ мужъ*... *Иже не иде*, продолжалъ учитель; *иже не иде*, повторялъ ученикъ; показывая вовсе не на *иже не иде*, а на какихъ нибудь—*нечестивыхъ*. Вотъ какое ученье! И такимъ манеромъ, бѣдный мальчикъ учится 4, 5 лѣтъ и читаетъ изъ–рукъ–вонъ плохо. «Сколько ты лѣтъ учишься?» спросилъ я въ одномъ селѣ мальчика, читавшаго что–то въ церкви. «5 лѣтъ», отвѣтилъ онъ, а между тѣмъ ни одного слова правильно не прочиталъ! Ученье это тѣмъ и ограничивается, по большей части, что мальчикъ кое–какъ научится читать часословъ, псалтирь и–то за дьячкомъ въ церкви, а иногда и писать, пополамъ съ грѣхомъ, и только. Въ селахъ, гдѣ живутъ государственные крестьяне, школы устроены на счетъ правительства и

опредѣлено даже жалованье учителямъ,—впрочемъ, и тамъ наука не очень-то процвѣтаетъ... Да, плохо у насъ дѣла дѣлаются...

И день идé, и нічъ идé
И, гóлову схопи́вши въ ру́ки,
Диву́есся, чому́ не йдé
Апóстолъ прáвди и нау́ки..-

И справді, чому не йде?...

На Волыни, при православныхъ церквахъ, есть много пустыхъ зданій, принадлежащихъ этимъ церквамъ, которыя или были когда-то жилищами латинскихъ монаховъ, или занимались какими-нибудь польскими школами. Одно такое зданіе находится въ Кременцѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ Базиліанскій монастырь. Носился слухъ, будто въ этомъ зданіи хотѣли устроить училище для дѣвицъ духовнаго званія. Это было бы прекрасное дѣло, тѣмъ болѣе, что на Волыни нѣтъ такого училища, а житомірскій пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ не для всѣхъ доступенъ, и приходится ограничиваться образованіемъ, сообщаемымъ доморощенными гувернантками-шляхцянками. Потребность училища для дѣвицъ духовнаго званія уже чувствуется здѣсь священниками, и каждый изъ нихъ, вѣроятно, не отказался бы пожертвовать какую-либо часть изъ своего жалованья на устройство его.

Еще есть зданіе пустое въ м. Вишневцѣ, Кременецкаго уѣзда. Писано было въ газетахъ, что графъ Плятеръ, при согласіи и содѣйствіи другихъ помѣщиковъ, хотѣлъ устроить тамъ гимназію; но едва-ли это благородное дѣло состоится. Носятся слухи не совсѣмъ благопріятные на этотъ счетъ. Странно! У насъ ни одно дѣло не обходится безъ какихъ-нибудь, независящихъ отъ насъ, обстоятельствъ.

Видѣлъ я еще одно зданіе въ Староконстантиновѣ; въ немъ живетъ соборный причтъ. Вы не можете себѣ представить, до какой степени запущено это зданіе. Вокругъ него навалены кучи навоза; во второмъ этажѣ вездѣ пробиты стѣны и въ одномъ изъ сдѣланныхъ такимъ образомъ отверстій поставлена деревянная лѣстница; и по этой лѣстницѣ прямо со двора, во второй этажъ, ходятъ и люди, и собаки, и свиньи; на корридорѣ грязь, въ комнатахъ—тоже. Недоумѣваешь, отчего это у насъ все вездѣ валится? На что́ лучше кременецкаго зданія, которое теперь занимаетъ бурса; и оно, несмотря на свою прочность, приходитъ въ упадокъ. Особенно жаль прекраснаго ботаниче-

скаго сада при этомъ зданіи; у хорошаго хозяина онъ приносилъ бы огромный доходъ, а теперешніе владѣльцы сада, прогуливаясь въ немъ, только разсуждаютъ: «а что, если бы этотъ садъ росъ на *Бонѣ* (гора въ Кременцѣ, съ развалинами древняго замка королевы Боны): тогда бы, вѣроятно, онъ не былъ такъ хорошъ!..

Оедоръ Пелéста.

21 сентября 1862.

ПЯТЬ ДЕНЬ ЗЪ ЖИТТЯ Х—ГО СТУДЕНТА.

(*Вічній памяті Т. Гр. Шевченка*).

Збудуй хату зъ лободи, та въ чужую не веди:
Чужа хата такая, якъ свекруха лихая!..»

Зъ народнёї пісні.

Торікъ, на останніхъ дняхъ чéрвця, заіхавъ у *Охтирку* студентъ Х—го университету, В. С. Г., зъ паськими книжками, и мавъ іхъ при собі чималенько. На той часъ лучився у паньському селі *Каплунівці* ярмарокъ, на Йвана Купала. Село жъ Богодухівського повіту, верстовъ за 20 відъ *Охтирки*. Заіжій чоловікъ, подумавъ, погадавъ, розживсь на підводу, та й знявсь зъ своімъ крамомъ до гурту, за день до Йвана. Поіхавъ, якъ и слідъ, Каплунівською улицею (а виспавсь добре и не голодний), жупанець на ёму блакитної китайки ледаченькій, сорочка шита червоною заполоччю, а стёжка довгими кінцями такъ и мае на всі заставки (бо вже й вітерець схопився объ обідній порі,)—въ соломяному брилі зъ широкими крисами, въ шкаповихъ черевикахъ и въ заялозенныхъ пістрёвихъ штаніхъ; тілько и краси на ёму, що добрий червоний каламайковий поясъ.

Вулиця широка й рівна, мовъ плугомъ заорана; тілько верби та садовина поперехилялись черезъ тини та коливають віттямъ, куди вітеръ віе... Иде шляхомъ огрядний, понурий чоловікъ, въ сірій киреі, ціпкомъ підпираючись...

— Добридень, дядьку!« каже зъ воза Г.

— Здоровъ!« відказавъ чоловікъ.

— Тирррy, періста!.. Чи це шляхъ у Каплунівку?«

— Цей самий, козаче!« додавъ землякъ.

— Скажіть, будь ласкові, добродію, чи не були ви часомъ на тімъ тижні у *Хухрі*: здаетця, я бачивсь зъ вами у Хухрянського дяка?.. Якъ ви прозиваетесь?« запитавъ знову Г.

— *Буцай*, Карпо. Братъ мій Сидіръ возивъ туди хуру, моэ зъ нимъ и спіткавсь?«

— Эге, такъ и е: обличчямъ вінъ дуже скида на васъ:—сказано, рідъ! Ну, спасибі жъ, прощавайте! Кланяйтесь низенько Сидору Уласовичу, хай здоровъ буде: добре ми зъ нимъ потеревенили; перекажіть, що крамарь зъ книжками згадуе ёго,—нехай чита на здоровья!.. А чи не знаете, часомъ, добродію, де бъ мені тута розжитись на бечівку: віжки щось овсі знехтувані?..«

— Та ідь прямо, а онъ-то, цабэ, сама хата съ намазаннимъ верхомъ—*Коза Кіндратъ* живе, у ёго й спитай: вінъ чоловікъ дорожній...«

— Добре! Тричі дякую, дядьку!«

— Ідь здоровъ, Боже поможи спродатись!«

— Спасибі!« одмовивъ крамарь; а далі ляснувъ пугою, та й звернувъ до *Кози*. Кіндрата не було дома,—десь у дорозі; хазяйка жъ пішла черезъ улицю до куми, чи що, а відъ дітвори, що грались у дворі, толку не добивсь. Нічого було ёму робити. Напивсь зъ відра води, утерсь рукавомъ, на візъ—та й далі...

На виізді зъ Охтирки, по Каплунівській дорозі, у праву ручъ, буде обкопане ровомъ городянсько гробовище, зъ гостроверхою церквою, вкрите зеленимъ тонконігомъ и сизою заполоччю та рясне хрестами... Трохи далі—на белебині—стоіть кущъ вітряківъ, обвішавши крила мовъ индики въ жару... а шляхъ у Каплунівку порився геть гадюкою проміжъ хлібами...

Околицею, зъ обохъ рукъ нивья, скілько окомъ кинути... Сонце стало на-півдні. Спека страшенна; мáрево жъ миготить, наче біжить полемъ, мовъ та филя на морі... Де-не-де виткнетця у бальці хуторець, и побіля замаячять верби, опустивши гілля, мовъ окропомъ опарені... А оглянься назадъ — такъ Охтирка и кинетця тобі въ вічі своіми густими садками й зеленими банями на церквахъ... И такиньки усе ажъ верстовъ на 10 до первого шинку.

На 10 верстовъ, сюди й туди по-надъ шляхомъ, купою стоять и сумують *козацькі могили*, мабуть зъ тридцять, коли не більше. Що то за могили, и черезъ віщо вони *козацькі*, не допитавсь ні въ кого нашъ Г., хочъ и въ шинкъ заходивъ, де вже, звісно, не безъ людей, а надто ще й підъ ярмарокъ. Побалакавши зъ людьми, й напоівши шкапу, крамарь роспитавсь про дорогу й рушивъ собі помаленьку.

Дорогою траплялись ёму люде то зъ ярмарку, то простували туди жъ таки.

Чоловіки стрижені усе густо въ стіжокъ, а підголенихъ чубівъ щось не видно було, якъ у де-якихъ селахъ Лебединського и Зіньківського повітівъ. На головахъ часомъ здорові пояркові брилі, отъ якъ у полуденнихъ повітахъ Чернігівщини... Жінки въ спідницяхъ, більше кубовихъ зъ вишневими квітками, и въ баевихъ юпкахъ; були и въ кормазиннихъ, або жовто-гарячихъ картацькихъ плахтахъ зъ колісчастими запасками спереду..

Дорога ёму відъ шинку простяглась трохи балкою и усе жъ таки степомъ. Зновъ пашня на обидві руки. Трава місьцями добряча, некошена. Гречки ще е тілько на сході. Жита́ и пряди́ва гарненькі. Плоскоті рідко. На небі мовъ жабуриння попьялись скрізь білі хмари. Сонце маёрить міжъ ними—то засяе, то овсі змуне — и вже геть звернуло зъ полудня. Спека стала спадати... Жайворонки, знявшись зъ гніздъ, заливаютця собі по-надъ нивьямъ... Вітрець подиха, и мовъ на дощъ збіраетця... Широко диши́ собі и впивайся тиею благодаттю, що вітае скрізь по полю, мовъ у раі—ніхто тобі не забороне!..

Верстовъ за сімъ, не доіздячи до Каплунівки, ажъ генъ-генъ, цабе, широкою борозною повоклись лі́си... Підъізжаючи до хут. *Осітнягівъ*, мабуть верстовъ за 5 відъ Каплунівки, стала поривця въ полі й птиця: шуліки (рябці, половики), gави и припотні... Це вже завжди така приміта: де люде обертаютця—то й птиця живитця побіля нихъ. Виявились и баштани въ степу зъ навьязаннимъ по тичкахъ пірьямъ, щобъ то хижу полохати птицю (отъ, якъ горобця, сороку, gаву й иншихъ), — забороняти огородину відъ шкоди. Здалека ще видко було й Каплунівку въ долині—ось-ось, незабаромъ, та й въ селі...

Г. люльку вже пихкавъ-пихкавъ, нёкаючи на шкапу, а вона щось пристае... А тутъ и те спада на думку, що й ярмарокъ вже становитця—и, чого доброго, й місце путьне втеряешъ. Сякъ-такъ, переваги-ваги, якъ тамъ кажуть, допхавсь вінъ підъ село, ставъ на взгірьі, давъ кобилі спочивокъ, и самъ трохи обдивився.

Ажъ тутъ, надъ яромъ, вподовжъ ёго, зъ одного боку, утленька цегеляня, а тамъ, по-одаль, підъ горою—паньські цегляні кошари довгі-довгі: ознака, що панъ кохаетця въ шлёнці; внизу — путьній ставокъ, и черезъ ёго ледаченькій містокъ (вже краще було бъ добру греблю зробити, и на довше бъ стало!); за ставкомъ на Стрибулькуватій горі церква, а геть далі горою, уквічаною лісчиною, вербами

и садовиною, попьялись затишні й розлогі хатки Каплунівськихъ селянъ... Шляшокъ до міста поснувавсь по горі проміжъ хатками, до самоі церкви, звідкіля й розлягався людській гомінъ, ажъ лунало навкруги...

Перве найперве, що кинулось у вічі нашому крамареві, були *Рашавці*, зъ довгими цішками, народъ ручій, зрячій, високостанний, низько стрижений, въ поганенькихъ соломяныхъ бриляхъ, въ дранень кихъ куцинахъ и въ засмальцёванихъ полотняныхъ штаніхъ; чоботи на нихъ зъ довгими халявами; коженъ зъ добримъ клункомъ за плечима, а поверхъ тихъ клунківъ вьязка личаныхъ полотенківъ на решета... По хуторахъ росказують про нихъ, що Рашавець муху мае въ носі, затимъ, що які бъ злющі не були собаки, ні–за–що ёго не рватимуть. А черезъ віщо жъ се... Бачите, вони халяви змазують вовчимъ лоемъ: отъ собака якъ нюхне—и візьме ii жахъ, и піде верещати... Стояли ті *Рашавці*, якъ вартовики, низкою; де–хто въ потилиці чýхавсь. Отъ одинъ и каже:

— Нема щось сходу и нашому товарові! Онъ, позаторікъ, або и спрежду, оце було зовсімъ спродаесся; а теперъ, чи не врожаі, чи отта Москва, що почала плентатись по всіхъ усюдахъ... Глянъте, братця, якого іхъ сюди налинуло!... (показуе на Суздальцівъ що зайняли рядъ зъ образами, ложками, поясами и иншими мантулками):— овсі хлібъ отбиваютъ...«

— Та що й казать, панове!« додавъ другій: »якъ я ще хлопцювавъ,—далебі було—нехай старі тілько постачають, якъ метнутця наші парубки скрізь по ярмаркахъ!..«

— Святе діло,—відказавъ матернішій. »А теперъ?.. Разъ черезъ тихъ становихъ, якъ зайдешъ у село, соцькихъ та десяцькихъ, життя нема,—а то й зъ людьми набалакаесся, поти збудишъ, або обмінишъ що–небудь: розбирати, бачъ, почали, доти намацають свое, та й то до–схочу; дорого заправишъ — и рукою махне; а хлібъ же треба зъ чогось істи?..«

Г. заіхавъ на постоялний, заложивъ сіньця шкапіці, знісъ книжки въ зайву хатину, а самъ пішовъ ярмаркомъ відшукувати міста, де бъ то краще притулитьця зъ своімъ крамомъ, щобъ и людімъ видко гаразъ та й собі стояти веселішъ.

Місьцями тута орудуе соцькій, довготелесий чоловікъ, трохи зъ підсиненимъ окомъ и зъ мідною бляшкою на свиті, въ поярковому брилі, зъ вьязовимъ вище поперека цішкомъ,—звісно якъ у началства.

— А де бъ тутъ, пане соцькій, одібрати місце?« каже, піднявши руку до крисъ, Г.

— *Какій* у васъ товаръ?« запитавъ соцькій.

— Та зъ книжками, добродію: аби бъ, знаете, стілъ де постановити на доброму місьці, щобъ людімъ видніше.«

— Вибирайте *де завгодно*; тілько вже, звісно, поторгувавши, *треба соцького*...«

— Та добре, добре! Вже ми звичай знаемо, пане соцькій!«

— А *какі*–пакъ у васъ книжки?« запитавъ зновъ, крутнувши уса и взявшись лівою за поясъ, панъ соцькій.

— Усе Українські, по нашому, бачте, надрюковані: отъ, сами здорові, добродію, побачите й роздивитись!« каже крамарь.

— Себъ–то *Мараросійські?*« спитавсь соцькій.

— Эге–жъ!«

— Гмъ!.. Кумедне діло... У насъ *этого* зроду не було! Заврядъ чи й торгуватимете?.. До цёго *наші хахли* не дуже голінні,— та вже не що́, становітця!..« заплішивъ соцькій.

Після такоі розмови зъ соцькимъ, нашъ крамарь бувъ певенъ. Сонечко вже на заході; нічого мабути й росташовуватьця: піти поблукати... И, такички мізкуючи, пильненько обглядаючись, пройшовъ вінъ містомъ и навернувсь до церкви. Йшла вечерня. Людей щось небагато. Канастасъ новенькій. Церква веселенька. Якъ увійти въ ню, заразъ у праву ручъ прибита на стіні довгенька, чорненька дощечка, на котрій списані чудеса Богородиці (а въ цій церкві та е икона Чудотворноі Матері Божоі) *славяно–руськимъ текстомъ*. Стоіть біля тиі дощечки кремезний чорнявій чоловікъ, високого стану, у воронімъ сіряці й чита вслухъ, ставши граблищемъ и часомъ плямкаючи... Коло ёго скупчились баби й молодиці та й слухають собі, буцімъ–то и сами письменні: бо очі тежъ упьяли на дощечку. Чита вінъ поважно, спочиваючи й *вимовляючи по–українській*: оберта слова, куди ёго язикъ верне,—байдуже ёму до того, що надрюковано по иншому!

Вийшовши зъ церкви, Г. узявъ на шагъ насіння и, лускаючи, пішовъ собі за своімъ діломъ—усе жъ таки відшукувати теплого міста. Блукавъ блукавъ,—узяло ёго завзяття: не втерпівъ, щобъ и сёгодня не поторгувати. Отъ, и рішивъ стати підъ церквою, біля бублейниць, паляниниць и крамарівъ зъ медяниками, пижиромъ, перцемъ й ріжками... А за оградою, на цвинтарі, баби—стариці яко мога вигукують навсидьки *божественнихъ*, вимахуючи до–голосу деревьяними чашеч–

ками.,. А що жъ тутъ чинити? Поіднавъ нашъ крамарь, на постоялному, здоровій стілъ и дзиґликъ, за четвертакъ грошей, та й розіклавъ по ёму книжки, а вони жъ то усе новенькі, чепурненьки, мовъ оберемокъ запашнихъ квітокъ роскинений... Народъ дивуетця, бо, здаетця, зъ поконъ-віку, якъ и село стоіть, не було ще тутъ крамарівъ зъ книжками.

Кутокъ зовсімъ глухий: поблизу—чумацькихъ и стовповихъ дорогъ дасьбі; жидови тежъ не чутно. Усе свої люде.

Перші кинулись до книжокъ полупанки. Мняли-мняли, запитали відкіля—и простяглись далі. Яковось то імъ и часъ гаяти? Здаетця, велике заняття затлумило іхъ голови, бо мовъ наввипередки, одинъ одного сбиваючи зъ нігъ, гапяють по ярмарку... Опісля підплівъ, хитаючись, якийсь натоптуваний вже справжній панъ, бо й пика ёму червона, пузо зъ вагою и одежа хочъ и німецька та коштовита. Подививсь, покректавъ, доставъ кабатирку зъ парсуною Наполіона, нюхнувъ, ухмельнувсь та й каэ, кепкуюче: »Ну, нашолъ куда явиться съ книгами?!..« Запитавъ, що за проява? Г. сказавъ ёму свое певне мення (що, мовъ, студентъ Х-го Унів).

Панъ здвигнувъ плечима и поплівсь геть.

За паномъ навалило до столу й людей. Беруть тиі книжки въ руки, читають... зъ радощівъ регочутця... й притьмомъ дивуютця—сами собі віри не доймають, що якъ-таки по ихнёму понапечатувано?..

— Дивись, парень, яка дивна книжка« озвавсь одинъ зъ гурту: »такъ неначе до тебе балака?!«—«Чудасія та й годі!« кажуть инші. »Гараздъ, що трапились: треба купити!«—»Отъ же добре, куме, що й ми вихопились на ярмарокъ: у насъ у *Гаркавці* (*) сёго не побачили бъ?..« толкуютця панщане. Торгуютця огуломъ: те своеі, а те своеі... Сутужно й крамереві иногді буває! Поки тую славу приобрієшъ міжъ людьми, що лишнёго не вигадуешъ—язикъ добре одубіе... Такі то вже неймовірні!—Дивизія, та й годі: *Київська* граматка коштуватиме два съ копою, або певно коповикъ—отъ же за сю не було бъ такоі торохнечі; а наша тихъ 10 шагівъ—та й то дорого! Старенькі жіночки товпились запитувати *граматокъ, що померших записувати*, бо, вештаючись по ярмарку, чують, що проявивсь крамарь зъ граматками—отъ и собі забажалось роздобутьця на новину! Звичайно, чого кому треба! Поважні й літні люде питали усе »Премуд-

(*) Гаркавець—паньське село верстовъ за 3 відъ Каплунівки.

рости Соломонові,« »Часівъ Покаянія,« »Ісуса Сина Сирахова...« Перегодивши трохи, якъ задзвонили на девяту, йде вже й самъ панъ Каплунівській зъ тиею червоною пикою, що запакувавъ бувъ крамарівъ західъ у ці закутки зъ книжками. Привертають, здоровкаютця, перекинулись словомъ–другимъ—и дідичъ запрохавъ крамаря до себе на юшку (чай). »Гаразд!« Хліба–соли не цураюсь!« сказавъ крамарь. »Тільки вже вибачайте,« мовлявъ »що не маю иншої одежі.« —»Ничего, заходите, пожалуйста!« відказавъ панъ.

Не сподівано заторгувався. Збутокъ на починъ горячій: людді й полупанки кинулись на дрібьязокъ (брошюры) й виручають по–троху. Не натякни панъ крамареві объ юшці, заславши підпарубочого зъ двора, въ німецькімъ кантанку, зъ тимъ »щобъ неодмінно зайшовъ зъ книжками« — то ще довгенько пропанькався бъ. Піду, подумавъ собі Г. »більшъ копи лиха не буде.« Люде вже зъ церкви рушили давненько. Ярмаркові скрізь складаютця на нічъ... »Хочъ круть–верть, хочъ верть–круть!« Забравши остані книжки, крамарь покрився за хлопцемъ до пана... Стрівается соцькій, зуби вишкиряе и *вже й руку дае...*

Прийшовъ вінъ у двіръ, спасибі Богу, благополучне; а двіръ гарний, здоровий, порісъ шпоришемъ... Пани на рундуці сёрбають той часъ... Опрічъ пана хазяіна, поручъ зъ нимъ сидить якийсь офіцеръ та й ще зо трое панівъ,—балакають. Підійшовъ нашъ крамарь, віддавъ *добри–вечіръ*, а пани ёму махнули головами, наче муха імъ у носі замаруділа. Сказано садовитьця. Вінъ приткнувсь на дзиглику, постановивъ біля себе на помості бриль—ажъ тутъ и скакань юшки до молока опинивсь у рукахъ... Отъ, одинъ панъ и рече: »Что это у васъ за костюмъ?« — »Якъ, бачите: тутешній, добродію!« відказавъ Г. Побачимо, що то ще буде! подумавъ собі крамарь. Узявъ та й закуривъ... Отъ пани й заходились роспитувати: »Що за чоловікъ? Якъ сюди занесло? На віщо прийнявъ таку обузу на свою голову?..«

— Своя воля, панове:—зхотілось трохи по світові провіятця й до людей придивитьця!..« Дивуютця, коли хочете. Отъ, одинъ панъ таки поквапився холоду нагнати—такъ на–прямець й ріже: »Я« каже »у газетахъ напишу: быть можетъ, вы съ какимъ дурнымъ умысломъ дѣдаете подобныя вещи?..«

— Батителю мій! Які химери погнавъ?.. Шутка! Чи то-жъ сполівався чоловікъ оттакоі зневаги? Вінъ може зъ існіснькоі щирости обернувсь до людей, щобъ таки не збавити літа, справляючи лежники валюкою діло,—а тутъ ёму ще й халена!?.. Невчімъ же люде й бирю-

куваті зъ панами, ажъ вони скрізь однаковісінькі! Неймовірні!.. Хай вже ковта неборакъ-крамарь и такий полудень: може посніда смашніше!

Отъ »теревені по тені—вербові колеса« и розбалакались объ *волі*, про *комету*, що тоді стреміла въ небі, за *университети* русскі и німецькі, объ *руськихъ военныхъ...*« Прогрессъ, прогрессъ!..« загули пани... Другій панъ манівцемъ спитавъ: »Нѣтъ-ли подробныхъ географическихъ картъ?..« Розмовляли й »о женщинахъ и дѣвицахъ въ-особенности,« »о новой формѣ платья по различнымъ вѣдомствамъ.« На прощанні, Каплунівській господарь О—въ узявъ ажъ на два карбованці дрібязку *для людей* и Чорну Раду на московській мові *для себе*, затимъ, що »не втне Панько Оришки«—не чита панъ-добродій по-українській.—Вітаютця... Отъ же ні одинъ и *руки не подавъ*, якъ, бацця, поводитця міжъ письменними людьми; а *репетуютъ о прогрессі?*!.. Эге! такі-то пани! міркувавъ собі крамарь, та й потягъ до постоялного, якъ мурий долиною...

Чи спали люде, чи ні, а нашъ крамарь якъ-що замгнувъ, то й гараздъ: де-які й думки, бачте, вештались по голові... Вже вінъ брався й голічерева и сторчака—не спитця та й годі: усе позира въ вікно, чи хутко розсвіне, щобъ то мерщій й самому схопитись,—бо завтра Йвана, день ярмарковій, то й людей густіше буде.

Заворушились ярмаркові...

24-го червця. Нічого було гаятьця й нашому крамареві: вихопивсь и вінъ та й ставъ вже біля Суздальцівъ. Отъ же й не гараздъ зробивъ—самъ шкодуе; щось люде білшъ витрішки купують... мабути поки одправа въ церкві одійде... Отъ же стали привертати й до книжокъ. Такъ щожъ бо? Підійшла коренаста молодиця, зъ бавиною у хустці: давай ій »Еруслана Лазарёвича« за-для ії Митрика! А тутъ то сёго вибачайте! Потімъ парубоство обаравило за »Библейську Исторію« та »Арихметику;« картинъ витівали... Граматки жъ нівечять: *молитовъ*, кажуть, *трохи*, або *складівъ* нема?..

Хлопьята казки розбірають: — *Півпівника*, *Дівку-семилітку*, *Бабусю зъ того світа*... Дешевеньке й кумедне! Дрібненькі *проповіді*, Гречулевича, торгуючись ажъ пітъ ливъ, розбирали попи... Де-хто зъ людей запитували: »Чи нема чого Сковородиного, або про Сковороду?«

Якъ сонечко вже підбилось, пішовъ оглядати ярмарокъ и самъ становий зъ цяцькою на околиці. Никнувъ и до книжокъ. Потрімавъ де-які въ рукахъ, спитавъ крамареве прізьвисько? чиі книжки? А за

тимъ тихесенько: »Нѣтъ-ли чего изъ Колокола? Искандера?..« Звичайно, що не було сёго нічого. Не покуривъ, значить, а піймавши облизня, пішовъ скільки видно. Русь-Суздальці притьмомъ добуваютця »Еруслана Лазарёвича,« и куди якъ дивуютця, що така сила книжокъ, а Ер. Лаз. *нѣтутьки!?*.. Беруть зъ нудьги вже й наші въ руки, читають: »Сѣрая Кобыла,« »Тарасовая Ночь..,« Жодне жъ то гне по своёму!

Підлітали й панночки. Найбільшъ вподобали *Тополю, Наймичку* та *Катерину*, Шевченка. Инші дорікали, чомъ не привізъ »Юрія Милославського,« »Онъ и Она,« »Киргиза« etc.

Спитався Г. у батюшки, чому у нихъ школи нема?« — »Та якъ тута тій школі бути?« рече панотець: »Старі не хотять віддавати: кажуть, що въ москалі скорішъ візьмуть, або якъ буде писаремъ, кажуть, знікчемніе, знавісніе—ні Богові свічка, ні чортові кочерга!..« А малого спитай »чомъ у школі не бувъ?« —Каже:—»у полі бувъ! Батько оравъ, а я гейкавъ!..« Думка жъ громадська объ цімъ осьдечка:

— Щожъ, хочъ би тутъ и обчеське училище було? Якъ туди дітей посилати? Нікому гараздъ вчити! А хиба такъ, аби бъ тілько до школи ходивъ? Шкода й заходу! Зледащіе, одъ хазяйства одібьетця, та й буде того пантрувати, що й писарі... А все черезъ те, що трохи пісьменнихъ міжъ нами... Писарь — усёму голова, орудуе, якъ самъ знае!.. Морока, та й годі!..« По ярмарку люде швендяють и купами и въ-ростичъ усе одягненькі, гарно ходять: комері на сорочкахъ до діла повишивувані червоною й синёю заполоччю, пазухи тежъ де въ кого. Сиві або чорні смушеві шапки на парубкахъ (у старинныхъ людей більше капелюхи, й бороди инші не голять); муругі або чорні свити до 3-хъ усівъ, демикитонові, пістрёві, абі китаеві штани, добрі шкапові чоботи, червоні або зелені каламайкові пояси...

Дівчата усі у намистахъ: у жодної якихъ тілько не вздришъ! разківъ по-кілько, ажъ шию гне... Золоті й срібні дукачі, а иногді й червінці при намисті. Голови імъ обведені червоною, широкою стёжкою, обо чорною бархоткою, и найбільше рожою позаквічувані; кісниківъ у косі сила розномастихъ... Білі, чепурні свитки до 3-хъ усівъ тежъ; червоні плахти; жовті й червоні чоботи...

Краще жъ усіхъ була одна *Краснокуцька* дівка, сирота Елисавета: ії можно допитаться у бублейному ряду. Що́ за гарна! Чорнявенька, кароока, кругловиденька, чорнобривенька, трішки кирпатенька...

губки й зубки—крий, Боже, гарнесенькі! Поглядъ якъ искра... голосокъ тихій—співучій, любенькій... Та нехай вже ій легенько икнетця!..

Всіі поживи на цёму ярмаркові зъ 12 карб. Людімъ дрібьязку й граматокъ на два съ копою,—40 экземпл.; панамъ, полупанкамъ и попамъ на 9 р. 50 к.,—35 экз.; сі жъ бо брали *Кобзаря*, *Чорну Раду*, *Повісті Квітки*, *Хату*, опрічъ дрібьязку.

Поторгувавши, Г. подякувавъ соцькому—наділивъ ёму »Хмельнищину,« якъ пісьменному чоловікові. Випили по звичаю по чарці та й попрощались. Панъ соцькій дуже дякувавъ за подарунокъ и випровадивъ ажъ за ворота. Въ шинку жъ, що біля постоялного, гула пісьня:

»Ой сівъ—запивъ, ой сівъ—запивъ,
Запивъ, зажурився...«

У Каплунівці, Г. прочувъ, що на *Прокіпья* ярмарокъ у Охтирці. Вернувшись туди, нашъ крамарь такий рішенець поклавъ собі: перегодити не-скілько—зостанусь, а тимъ часомъ й перепочину. Ото й діждавъ, що ярмарокъ почавъ споряжатись. Бувъ шостий день липця. Роспитавшись зъ людьми, Г. довідавсь, що треба *билетъ* брати и за місце платити. Заразъ пійшовъ у *Думу*, подавъ свій *видъ*, положівъ гроші и взявъ вітте, за № 36, оттакий квитокъ: »Билетъ. Данъ изъ Комитета торговцу Студенту В. Г–у на занятіе мѣста 1 саж. для торговли разными книгами. Всего 50 к. ср. получены 6 іюля 1861 г. съ тѣмъ, чтобы по окончаніи ярмарки были зарыты ямы на занимаемомъ имъ мѣстѣ. Градскій глава В–нъ.«

Предузвілля, та й годі! Добре бути заздалегідь на місті якъ тілько заклёвуетця ярмарокъ: одбирай собі де схочъ притулокъ. И 7 липця вже нашъ крамарь и виставивсь зъ своімъ товаромъ на ріжку, на роздорожжі, оттамъ саме, де скуповують у селянъ щетину, віскъ, полотно, восчину, рунця и иншій хмизъ зъ хазяйства... Сусіда ёго зъ одного боку—тутешній крамарь зъ усякими мантулкамй, склада усе, що лучитця купити по вигоді: восчину, старі чоботи, віскъ, муху, пірья, щетину, полотна... Зъ другого—якійсь панській парубійко, що вислано ёго збрую збути. Передъ носомъ—середохрестя и люде кишять, якъ жуки на дорозі... Ззаду—постоялний и шинкъ.

Заздалегідь треба оповістити, що въ Охтирці стоять постоемъ москалі-гарматщики, затимъ,—що починъ и кінець торгу нашому крамарёві одъ нихъ склався.

Якъ теперъ у помку, каже було Г., перший узявъ у мене всячини по-троху одинъ офіцеръ зъ лагерівъ и дуже зрадівъ, що напавъ на свое... За нимъ вже підходили москалі и розбирали *граматки*: молитовъ імъ треба, а тутъ вони й е.. Г. простоявъ на Охтирському ярмарці ажъ цілихъ три дні: 7, 8 и 9 липця. Було й зачимъ стояти: ярмарокъ жевріvъ, и люде ёго не цурались. Усёго-то не згадаешъ, що траплялось ёму за ці три дні, а такъ нерекину, що роітця въ голові зъ крамаревого оповідання:

Зъ сусідою, Охтир. крамаремъ, вони засябрувáли: чи треба кому попоісти, або чарку горілки випити—другій й згодитця за ёго; у одного здачі дасьбі—у другого найдетця... Такъ зненацька и запобіжишъ братерства у тому крамарстві. Може черезъ те вони гарно скрізь и справляютця, що держутця одинъ одного.

Де-які батюшки, мабутя скрипники, або співаки, кидались на »Українські Пісні,« а то брали проповіді й граматки. Зъ *Кириківки* два попи казали, що давно чули про Гречулевича, та нігде не доводилось придбати ёго компонування, а теперъ добре розжуемо, кажуть: гараздъ, що піймали до рукъ!.. Полупанки й судовики тежъ не минали—брали більше такі книжки, що »для сміху,« якъ сами казали: *Пархімове Сніданя*, *Сіра Кобила*, *Мертвецькій Великдень*, *Енеида*, *Салдацькій Патретъ*... У цій юшці загартувавсь и думський писарь: бо ні на що друге й не позіхавъ, якъ тілько на *смішні*... Хлопці-молоднеча розбирали усячину, на-скільки въ кого кошту сягало. »Сіру Кобилу« дуже вподобали. Старъ же чоловікъ проходивъ собі, попурившн голову, и кеді-не-кеді де-які повертались до крамаря зъ книжками и то усе турбувались объ божественнихъ: *Псалтиря*, *Акаѳистівъ*, *Жития* імъ хочетця. Молоднеча загадувала: »Свяченої Сторії,« »Молитовниківъ,« »Числовця,« «Псалтиря,« »Еруслана Лазарёвича,« »Пісень,« щобъ було багато у одній книзі, а то що намъ зъ десятка?.. »Картинъ...« Иногді схопе хлопья книжку, побіжить за гріщми до матері тамъ, чи до дядька—дивись, вже й вернулось, и замісь одніі бере дві-три.. Тута жъ въ гурті й своя рада: »Э, добряча книжка, та шкода що складівъ нема, якъ у Київській!« Другій проваде: »Якъби сторії які були,—щебъ краще!..«

Пройшли поузъ стола два Тарюги, узявшись за руки... Голосъ

зъ гурту:—»Ачъ які виголені! якъ би я царь, велівъ би поприбивать гвіздочками отті шапочки!..» Старовина́ озиваетця!

Доводилось часомъ, взявши въ руки *Хату* або *Кобзаря*, читати людімъ, якъ-що збіралась чималенька купка біля столу. »Катерину« літні люде слухали поважно, а молоднеча спершу реготалась... Молодиці й дівчата прислухались до »Тополі«, де-які вигадували витребеньки, бо жартівливі вже собі повдавались; довго не йняли віри, *щобъ то оте усе було понапечатуване*?!. ажъ поки хто письменний зъ громади не завірявъ своімъ власнимъ голосомъ. Тоді вже слухали ще прихильніше, ажъ слёзи иногді пробивались де въ якихъ зъ очей... Такички шанували й »Наймичку«, »Тарасову Нічь«; де-що зъ »Хмельнищини« люди слухали зъ великою увагою... Одинъ старий чумакъ довго стоявъ и слухавъ и завершивъ оттакечки: »й істи можна відцуратьця, й роботу забути—усе бъ тілько слухавъ; якъ-то воно гарно та до-діла жъ то усе!..« Въ останнє, передъ мовою чумака, крамарь читавъ »Мірошника«, »Рожу да Хміль« и »Ячмінь« Гребінчини.—Були й такі, що розглядаючи книжки, балакали про себе: »Та се тілько для насмішки! Та на́ що воно?.. Вигадують, щобъ тілько кепкувати зъ нашого брата! и къ чо́му воно?.. Намъ *псалтиря* та *числовця*, а це все ка-зна-що! Намъ не кстаті!?..«

Панночки білше на крамаря здавались, що́ краще, и брали дрібязку зъ *Кобзаря* та »Українські пісьні«.

Одна молоденька пані, щира украінка, добре мову нашу розуміе, забрала »Листи зъ Хутора«.

Натовпилось панівъ. Одинъ генералъ запопавъ »Чорну Раду« по московській: бравъ би й наші, та не вкусе.

Підъіхавъ ридваномъ дуплинастий панъ, злізъ на землю, порився у книжкахъ, запитавъ, чи нема якихъ другихъ, а далі й каже:

— Дурацкій языкъ! Ничего не поймешъ!

— Каковъ бы ни былъ языкъ народа, но ужъ никакъ не дурацкій! Нужно полюбить народъ, всмотрѣться въ жизнь его, сжиться съ нимъ:—тогда и языкъ будетъ понятенъ!—відказавъ крамарь.

— А ты откуда? спитавсь панъ.

— Изъ Харькова!

— Да вотъ у меня и крестьяне—хохлы, а я то все-таки ничего не понимаю!.. доказавъ панъ.

— Такая ужъ, видно, доля ваша!—порадивъ его крамарь.

Панъ махнувъ рукою, покрутивъ головою—и потеліпавсь далі.

Підскакує плюгавенький панокъ зъ Ляшківъ, десь управителемъ живе, якъ казавъ сусіда. Мужицкое!.. Малороссійское!.. и тежъ зникъ...

Офіцеръ, два чини (чиновники), *піпъ и пані*. Ці підійшли, запитують крамаря, якъ торгуе?

— Щось охтирська *публика* не дуже–то охоча до книжокъ: східъ зовсімъ ледачій!—каже крамарь.

1–й чинъ. Ахтырская публика выписываетъ получше! Смотри, еще вздумалъ претендовать? О, у насъ найдутся и такіе, что и васъ *этакихъ шаромыжниковъ опишутъ* съ этимъ негоднымъ крамомъ!

Крамарь. Не гнівайтесь, добродію: бо городничій іде...

Пані. Я смотрю, что Т—ны оступили—вотъ я и себѣ!..

Другій чинъ. О, это все у насъ можна достать!..

Піпъ. Зъ Харькова студенты за безцінокъ висилають!..

Навідувавсь и благочинний: отецькимъ окомъ подивився на книжки, а своею щирою й любязною розмовою підвеселивъ трохи крамаря на добре діло...

Москалі стали кругъ стола густою лавою. Давай вони незаборонно вигукувати:

Святцівъ гражданськихъ, *грамматики* Востокова, якогось *Францеля Винціліана? Битвы Русскихъ съ Кабардинцами?.. Соломона... Еруел. Лазаревича* и *Бови Королевича?.. Арихметики?*

Де–хто зъ дотепнішихъ підбивавъ людей до товару: »покупайте, хохлики, покупайте!«

Инші витівали: »А нѣтъ–ли такихъ *рыцарскихъ книгъ?..* или *пъсельниковъ?...*

Одинъ москаль, взявши »Конотопську Відьму,« пустивсь було овсі бракувати товаръ: »Искаверканый языкъ!.. Отъ и у насъ эти хахлы такъ говорятъ: *лынія!..*«

2 м. »Что это значитъ такое чтеніе—Хата? Чорная Рада? Опять и эта какая–то?!..

3 м. »Тарасова Ночь!« Пустая сказка! Намъ бы божественнаго!..«

4 м. »Это все хохлики и ихъ книжки!.. Они всѣ на одинъ манеръ?!..

5 м. »Что это все хохлацкіе разговоры?..

— Завидного нѣту!.. Намъ божественнаго! Пѣсень!..

Одначе розбирали *граматки*, а зъ дрибьязку *Тополю* и *Сіру Кобилу*... И за це треба дякувати!

Всёго збутку на охтирському ярмарці на 17 р, 20 к. ср.—Лю-

дімъ—дрібьязку и граматокъ—58 экз., на 3 р. 62 к. ср.; панамъ, полупанкамъ и попамъ—60 экз., на 13 р. 58 к. ср.

»Сиряно-масляно,—дай Боже на користь!«

А. Гавришъ.

Г. Охтирка 1862 року,
у травні, на Іондівці.

НЕПРАВДИВОСТЬ И РАВНОДУШІЕ—ГЛАВНѢЙШІЯ ПОМѢХИ КЪ РАСПРОСТРАНЕНІЮ ГРАМОТНОСТИ.

(ОТВѢТЪ И ВЫЗОВЪ «ВѢСТНИКУ ЮГО-ЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССІИ.»)

Такъ-какъ, кромѣ печати, нѣтъ другаго пути отвѣтить на обвиненіе г. Говорскаго, то я и обращаюсь въ редакцію «Основы» съ просьбою напечатать настоящій отвѣтъ. Для многихъ желательно будетъ его напечатаніе потому, что »Вѣстникъ« оклеветалъ *все направленіе*; меня же задѣлъ, какъ личность, случайно попавшуюся на зубокъ. Путемъ всепроникающей сплетни растягиваются тонкія паутинныя нити надъ каждымъ, кто не держится воззрѣній »Вѣстника« и К°. На это есть и доказательства, если потребуются.

А. Стояновъ.

Въ сентябрьской книжкѣ *Вѣстника, (издаваемаго г. Говорскимъ)*, я помѣстилъ отчетъ о *бывшей* ежедневной школѣ въ Кіевѣ. Редакція почла нужнымъ сдѣлать къ нему свои примѣчанія. Эти-то примѣчанія и вызываютъ настоящій мой отвѣтъ.

Редакція, не зная ни хода обученія въ школѣ, ни ея направленія, ни ея успѣховъ, получивъ всѣ свои свѣдѣнія о ней путемъ сплетенъ, не выставивъ ни одного *положительнаго факта*, на который бы могла опереться, взводитъ на меня,—подписавшаго свою фамилію подъ отчетомъ,—и на всѣхъ учителей,—посвятившихъ свой трудъ обученію въ ежедневной школѣ,—такія обвиненія, которыя ничѣмъ не отличаются отъ самой недобросовѣстной клеветы.

Отдавая свой отчетъ о школѣ, уже закрывшейся, въ »Вѣстникъ *югозападной* Россіи,« я хотѣлъ, людямъ, слѣдящимъ за народнымъ образованіемъ, передать свѣдѣніе о ходѣ школы, просуществовавшей почти полтора года и принесшей свою пользу; заявить о бывшихъ средствахъ школы, отдать отчетъ о нихъ жертвователямъ, и, наконецъ, сообщить нѣкоторые результаты, пріобрѣтенные путемъ опыта. Взводя на эту школу небылицы, какъ я уже сказалъ, по сплетнямъ, (иначе онѣ и не могли быть получены, что̀ и доказано будетъ ниже), редакторъ входитъ въ сферу *національныхъ убѣжденій*, видитъ въ школѣ примѣненіе этихъ убѣжденій на-дѣлѣ, и са-

мую цѣль школы характеризуетъ преслѣдованіемъ *темныхъ областныхъ интересовъ*. Вслѣдствіе этого, людей, которые вели дѣло, онъ не можетъ назвать благонамѣренными сынами отечества, и въ самомъ фактѣ видитъ *преступленіе!*

Сплетни о ежедневной школѣ и учителяхъ ея ходятъ уже давно. До-тѣхъ-поръ, пока онѣ не явились *печатно*, предъ судомъ общественнаго мнѣнія, мы молчали на основаніи одной, весьма справедливой, пословицы.

Теперь, имѣя предъ собою *формулированныя* редакціею *Юго-западнаго Вѣстника* обвиненія, мы *должны* и *желаемъ* отвѣчать.

Дѣйствительно, учителя ежедневной школы признаютъ ее дѣломъ, осуществившимъ ихъ убѣжденія. Иначе они и не взялись бы за дѣло; ибо дѣйствовать свободно противъ собственныхъ убѣжденій—безчестно.

Но для того, чтобы уяснить наши убѣжденія и наше дѣло, напередъ необходимо *честное* представленіе дѣйствительности,—необходимы факты несомнѣнные, а не выдуманные. Въ обвиненіяхъ редакціи нѣтъ *ни одного* вѣрнаго факта.

И такъ, сначала, мы возстановимъ дѣйствительность, доказавъ г. Говорскому, что всѣ факты, имъ приводимые, или совершенно ложны, или искажены имъ своеобразнымъ способомъ, или же совсѣмъ не поняты. Затѣмъ, мы постараемся защитить самое направленіе школы.

За школу взялись люди, убѣжденія которыхъ редакторъ называетъ *преступными*, несвойственными благонамѣреннымъ сынамъ отечества.

Имѣя предъ собою такую, выходящую уже за предѣлы печати, клевету, люди этихъ преступныхъ убѣжденій подвергаютъ ихъ общественному суду.

Давно уже ходили глухіе толки и сплетни объ убѣжденіяхъ и способахъ дѣйствія такихъ преступныхъ людей. Давно уже и люди эти ждали только случая, чтобы высказаться гласно, и такимъ образомъ вызвать обвинителей и сплетниковъ съ поля нелѣпыхъ подозрѣній, гнусныхъ сплетень и клеветы, на открытую и свободную борьбу мнѣній.

Первый вопросъ, который мы зададимъ г. Говорскому, будетъ слѣдующій: откуда онъ почерпнулъ *фактическія* свѣдѣнія о школѣ?

Школа наша разрѣшена была еще при Н. И. Пироговѣ; въ Новостроенной воскресной школѣ объявлено было объ ея открытіи (такъ

какъ помѣщеніе и новой школы было на *Новомъ Строеніи*). Распорядителемъ выбрали К. В. Шейковскаго: (вслѣдствіе предстоявшаго ему экзамена, я занялъ его мѣсто). Необходимо было еще, по уставу всѣхъ *безплатныхъ* школъ для народа, имѣть надзирателя за школой. Такъ-какъ Новостроенная воскресная школа была подъ надзоромъ дирекціи 2-й гимназіи, а учителя ежедневной школы почти всѣ были и учителями воскресной новостроенной школы, то они и обратились съ просьбою къ исправлявшему тогда должность директора, М. К. Чалому; но, по-причинѣ занятій его по воскреснымъ школамъ, Учебный Округъ предложилъ учителямъ ежедневной школы выбрать надзирателемъ кого-либо изъ профессоровъ университета. Мы обратились къ Адъюнкту Химіи, Абашеву, и онъ согласился.

Школа была *публичною* и, слѣдовательно, открытою для *всѣхъ* посѣтителей безъ исключенія. Но, кромѣ проф. Караваева, однажды полюбопытствовавшаго заглянуть въ школу, и немногихъ другихъ лицъ, положительно незнаемыхъ г. Говорскимъ и никогда имъ невиданныхъ, *никто* больше не заглядывалъ въ школу и, слѣд., не могъ знать, что́ тамъ дѣлается.

Учебный Округъ поступилъ сообразно съ уставомъ, одобривъ выбранныхъ, учителями школы, распорядителя и надзирателя.

Вся бѣда въ томъ, что надзиратель этотъ былъ *одинъ* только разъ въ школѣ, да и въ этотъ одинъ разъ не думалъ вникнуть въ то, какъ идетъ дѣло обученія (*).

(*) Здѣсь, разъ навсегда, отвѣтимъ на одно курьезное возраженіе. Говорятъ:—если надзиратели школъ строго слѣдятъ за ними, учителя порицаютъ надзирателей; еслиже не слѣдятъ, то тоже порицаютъ (такой софизмъ сочинилъ очень недавно одинъ философъ). Мы же отвѣтимъ силлогизмомъ на софизмъ. Надзиратель школы долженъ, по уставу, слѣдить за ходомъ обученія; его порицаютъ тогда, когда онъ исключительною цѣлью своею поставляетъ формальныя придирки. А если онъ не слѣдитъ, а м. т. вѣритъ нелѣпымъ сплетнямъ, распускаемымъ длинноязычными господами, въ родѣ *Вѣстника*,—и тогда опять порицаютъ его.

Все это мы относимъ и къ г. Абашеву. Округъ передалъ наблюденіе за школой г. Абашеву. А. г. Абашевъ не только избралъ себѣ *второй путь*, т. е. не заглядывать въ школу и—не только вѣрить сплетнямъ, но и распространять ихъ. Г. Абашевъ отзывался, что школа—плодъ личнаго увлеченія, скороспѣло начатая и скоро сама-собою закрывшаяся. Сказать подобную вещь, разъ только мимоходомъ заглянувши въ школу, не значитъ поступать добросовѣстно.

И такъ, учителя школы, ученики и сплетня—вотъ три источника, изъ которыхъ могъ г. Говорскій почерпнуть свои свѣдѣнія о школѣ.

Ни одинъ учитель не могъ передать такихъ свѣдѣній редактору, ибо между учителями не было лгуновъ.

Учениковъ не зналъ редакторъ, ибо не жилъ и не живетъ на *Соломенкѣ*, или *Протасовскомъ-яру*. Отъ какого-нибудь *родителя* онъ могъ слышать желаніе, чтобы закрыта была эта *мужицкая* школа. Но почему онъ *поименно* не указалъ на источники своихъ свѣдѣній? Развѣ позволительно голословно взводить столь тяжкія обвиненія? Мы приглашаемъ редактора сдѣлать прямое указаніе на лица хоть теперь.

Итакъ, покуда, остается *одинъ* видимый источникъ — *сплетня*, который мы торжественно и отдаемъ въ вѣдѣніе г. Говорскаго.

Что́же, на основаніи столь *достовѣрнаго* источника, утверждаетъ редакторъ?

Мы будемъ, пунктъ за пунктомъ, отвѣчать на его обвиненіе.

1). »Ученики ежедневной школы практиковались только въ изученіи мѣстнаго нарѣчія. Въ этой, чуть-ли не языческой, школѣ, во весь періодъ ея существованія, не слышно было ни одного слова на общерусскомъ языкѣ.«

Пишущій эти строки, бывъ учителемъ воскресной школы, самъ пробовалъ сначала учить мальчиковъ на великорусскомъ языкѣ *въ пору самого первоначальнаго обученія* и долженъ былъ навсегда отказаться отъ подобнаго нелѣпаго педагогическаго опыта. Онъ убѣдился въ слѣдующемъ: *мальчика, начинающаго ученіе, необходимо вести на понятномъ, родномъ для него, языкѣ до-тѣхъ-поръ, пока онъ не начнетъ сознательно усвоивать прочитанное.*

Никто не отвергаетъ великорусскаго языка (это было бы такъ же нелѣпо, какъ и *исключительно* навязывать его), такъ точно, какъ не отвергаетъ всякого другаго языка, какъ средства для знанія и развитія. Всякій знаетъ, что на великорусскомъ языкѣ *очень много* не только религіозно-нравственныхъ, но и чисто-*реальныхъ* книгъ, могущихъ сообщить разныя свѣдѣнія, развить память и соображеніе ученика,—но годныхъ только тогда, когда онъ можетъ *сознательно* удерживать въ памяти прочитанное.

Мы коснемся еще вопроса о томъ, на-сколько долженъ входить элементъ народнаго языка въ школу, во второй части нашего отвѣта, и тогда *прямо* выразимъ наше мнѣніе.

Посмотримъ теперь только на то, что было на *дѣлѣ* въ ежедневной школѣ.

Слова почтеннаго г. Говорскаго, поставленныя нами въ началѣ пункта—полная клевета, основанная на сплетняхъ, или собственномъ предположеніи; утверждаемъ это и, въ-доказательство, приводимъ слѣдующіе факты:

а). Ученики *высшаго* отдѣленія (Писаревъ, Шереметьевъ, Вербицкій, Антіоховъ, Василевскій, Милевскій и др.) *всегда* читали по великорусски тѣ книги, которыя были въ школѣ (статьи изъ «Вокругъ Свѣта», «Народнаго Чтенія», «Дѣтскаго Міра и Христоматіи, Ушинскаго» и др., которыя я бралъ въ библіотекѣ новостроенной воскресной школы). Такъ какъ, кромѣ всезнающихъ сплетниковъ, одни учителя знаютъ, что дѣлалось въ школѣ, то я могу представить, какъ свидѣтелей, гг. Шейковскаго и Шварца, обучавшихъ этихъ учениковъ. *Иногда* только ученики этого отдѣленія брали украинскія книги (разбитые отдѣльно нѣкоторые разсказы Марка Вовчка, Шевченка (Катерина, Тополя), Основьяненка, изъ «Хаты» и читали ихъ съ удовольствіемъ въ свободное время.

б.) Ученики *средняго* отдѣленія всегда брали домой Евангеліе, раздѣленное по евангелистамъ. Здѣсь я могу поставить въ свидѣтели г.г. Чубинскаго, Рыльскаго, Нечипоренка, Вербицкаго, Косача и др., бывшихъ учителями.

в.) Одни только ученики *низшаго* отдѣленія читали по букварямъ Кулиша, Ященка и таблицамъ Горячковскаго, такъ-какъ путемъ роднаго языка ходъ механическаго чтенія шелъ вдвое скорѣе.

Слова мои, вмѣненныя мнѣ редакторомъ въ преступленіе, получаютъ совершенно другой смыслъ для человѣка, знающаго дѣйствительный ходъ обученія. Редакторъ говоритъ: «г. Стояновъ сказалъ: «уже ничего не осталось читать.» Въ замѣткѣ моей сказано:

«Когда уже почти ничего не осталось читать, перечитывали нѣкоторыя повѣсти изъ *Основы*,» т. е. когда ничего уже не осталось читать *по-украински*. Меня могутъ спросить, для чего я не вставилъ въ отчетъ, что въ школѣ учились *и по-великорусски*? Дѣло очень просто. Я хотѣлъ только сказать, что до сихъ поръ народное образованіе терпитъ отъ недостатка *реальныхъ* книгъ на украинскомъ языкѣ, книгъ для *первоначальнаго* развитія,—того, что Нѣмцы называютъ Anschauungslehre. Могло ли притти мнѣ въ голову, что люди, незаглядывавшіе въ *публичную* школу, могутъ вообразить, что

здѣсь не слышно было *ни одного слова* по-великороссійски? Я писалъ отчетъ для того, между прочимъ, чтобы показать, какъ необходимы *на практикѣ* понятныя книги для первоначальнаго обученія на понятномъ языкѣ. Кто же не знаетъ, что до-сихъ-поръ, если бы кто *теперь* хотѣлъ вести далѣе дѣло обученія *систематически* на украинскомъ языкѣ, то это было бы не то что *преступно* (какъ выражается г. Говорскій), а *почти невозможно*, покрайней мѣрѣ безъ объясненій учителя, безъ особенныхъ усилій,—вслѣдствіе недостатка въ учебникахъ.

И изо всего этого выводить, что въ школѣ «преслѣдовались темные областные интересы, что слова мои—преступленіе, что учителя школы неблагонамѣренные сыны отечества!» О фантазія, да еще и недобросовѣстная фантазія, г. редакторъ.

2.) Редакція говоритъ: «обращалась-ли школа къ кому-нибудь съ просьбою о снабженіи полезными для чтенія книгами»? и отвѣчаетъ: »и не думала.« Это ложь. Я всегда бралъ русскія книги для ежедневной школы изъ библіотеки новостроенной воскресной школы. Это можетъ засвидѣтельствовать г. Рубисовъ, бывшій распорядитель новостроенной воскресной школы. Правда, школа не обращалась ни къ кому за «безчисленнымъ множествомъ душеспасительныхъ сочиненій». Но къ кому бы она обратилась? Никто, вѣдь, не объявлялъ, что онъ *даромъ* будетъ давать книги, а школа не имѣла денегъ на большіе расходы.

Что́же можетъ быть душеспасительнѣе и религіознѣе св. Евангелія? А его, г. редакторъ, ученики читали съ жадностью.

И такъ—и здѣсь редакторъ клевещетъ,—умышленно или неумышленно,—пусть скажетъ его совѣсть.

3.) Редакторъ говоритъ, что «въ школѣ, подъ вліяніемъ мелкой пропаганды, учителя были вербовщиками исключительнаго, *сепаративнаго* направленія. Учителя, быть можетъ, превышали число навербованныхъ ими учениковъ». О сепаративномъ направленіи школы мы уже сказали, да и еще скажемъ о такъ-называемомъ *сепаратизмѣ* во 2-ой части нашего отвѣта. *Вербовщики* исключительнаго, сепаративнаго *направленія*! Безсмысленная фраза и бездоказательная клевета. Ссылаюсь на всѣхъ преподавателей Новостроенской воскресной школы (они знаютъ, что въ ней было просто объявлено объ открытіи новой школы (послѣ чего, въ первый день открытія явилось до 60 учениковъ), ссылаюсь на всѣхъ людей, близко знав-

шихъ школу, на тѣхъ родителей, которые иногда посѣщали школу (пусть скажутъ, *вербовали* ли мы дѣтей—Кваченко, Ивановскій, нѣкоторые университетскіе сторожа (Давиденко и др.), жена жандарма Пилипенка и др.).

4) Редакторъ говоритъ, что, вѣроятно, ежедневная школа научила мальчиковъ играть въ бабки, т. е. что успѣшныхъ результатовъ не было, что ученикамъ *навязывали* школу. Успѣшные результаты состоятъ въ томъ, что около 20 мальчиковъ научилось только-читать, что другая половина научилась читать сознательно и разсказывать прочитанное, что мальчики узнали счисленіе и первыя правила ариѳметики, а нѣкоторые—и первыя дроби; что высшій классъ выпущенъ съ умѣньемъ правильно писать. Наконецъ, что всего важнѣе, успѣхъ состоитъ въ развитіи нравственной правды между учениками, въ смягченіи цинизма, въ пріученіи нѣкоторыхъ къ болѣе-честнымъ отношеніямъ къ товарищамъ-однолѣткамъ и т. д.

Мальчики, послѣ закрытія школы, приходили и постоянно спрашивали, когда откроется школа,—спрашиваютъ и теперь. Ссылаюсь опять на г.г. студентовъ, Тищенка и Лещена, видѣвшихъ это.

И послѣ этого редакторъ осмѣливается говорить, что, вѣроятно, ученики научились играть въ бабки—въ «языческой» школѣ!

5) Редакторъ говоритъ, что единственнымъ предметомъ школьнаго обученія было *языкознаніе* (*?!*) Это ложь. Кромѣ ариѳметики, ученики высшаго класса читали, какъ я уже сказалъ, удобопонятныя статьи на великорусскомъ языкѣ. Чего еще хочетъ редакторъ: — физики, астрономіи, геометріи? Развѣ онъ не знаетъ, что, по уставу воскресныхъ школъ, вся программа состоитъ въ чтеніи, первыхъ правилахъ ариѳметики и письмѣ?

6) Редакторъ спрашиваетъ, какъ осмѣлился я назвать *рутинными* существующія низшія школы, т. е. приходскія училища? Это ужъ черезчуръ наивно. Развѣ г. Говорскій не знаетъ, что дѣлается въ приходскихъ училищахъ? Тамъ, гдѣ *одинъ* учитель, изъ-за куска хлѣба, забиваетъ учениковъ буквою, зубреніемъ — тамъ развѣ нѣтъ рутины? Да развѣ и теперь учителя Сельскаго Педагогическаго Института, посѣщая приходскія училища для педагогической практики, не заставали тамъ учениковъ, сидящихъ за букваремъ по два года и ничего не знающихъ?!

7) Въ-связи съ этимъ пунктомъ, редакторъ спрашиваетъ, какъ осмѣлился я утверждать, что будущіе сельскіе учителя могли бы имѣть

практику въ подобной школѣ, какъ ежедневная. Что жъ тутъ преступнаго? Вѣрно ли понимаетъ редакторъ, что такое практика? Это обученіе учениковъ грамотѣ и счисленію учителями Сельскаго Института подъ руководствомъ опытныхъ уже учителей. А надъ свѣжими, незабитыми субъектами развѣ практика не была бы успѣшнѣе, нежели надъ забитыми и изнуренными? Впрочемъ, практика эта была — мое предположеніе (это видно и изъ замѣтки моей): я хотѣлъ предложить ее Сельскому Институту, если бы школа существовала долѣе. Но — она закрыта прежде, чѣмъ открытъ Сельскій Институтъ.

8) Наконецъ, (выразимся словами редактора) болѣзненнѣе всего и наше вниманіе, вмѣстѣ съ редакторомъ, остановилось на томъ, что въ школѣ не преподавался Законъ Божій. Это совершенная правда, единственная правда изо всей замѣтки редактора. Но какъ осмѣлился онъ, скажемъ и мы въ свою очередь, назвать на этомъ основаніи школу языческою? Пускай онъ укажетъ намъ, какъ мы совращали учениковъ; проповѣдовали-ли имъ какія нибудь анти-религіозныя, или анти-нравственныя понятія?—пускай укажетъ,—иначе онъ опять недобросовѣстный клеветникъ. А почему не преподавался Законъ Божій? Знаете—почему? г. редакторъ. Потому, что *три* духовныхъ пастыря, которыхъ *я просилъ* быть законоучителями школы, *отказались* отъ этого. Наконецъ, мнѣ оффиціально обѣщали, что въ школу будетъ ходить монахъ Михайловскаго монастыря—и я успокоился. А монахъ не являлся...

Положимъ, мы бы сами могли преподавать Законъ Божій; мы не настолько неосновательны и не настолько недобросовѣстны, г. редакторъ, чтобы противиться преподаванію Закона Божія,—одной изъ самыхъ живительныхъ стихій въ образованіи народа. (Вы увидите это изъ дальнѣйшаго нашего объясненія во 2-ой части отвѣта.) И, дѣйствительно, мы давали ученикамъ Евангеліе,—но учить, учить Закону Божію сами *не посмѣли*. А знаете ли почему, почтенный редакторъ? Потому именно, что боялись, чтобы подобные вамъ крикуны и сплетники не назвали насъ *еретиками*, не слышавши ни одного звука, ниразу не заглянувши въ школу.

Я выше сказалъ, для кого и для чего писалъ я свой отчетъ. Редакторъ могъ поступить такимъ-образомъ: поставить вопросы и выразить сомнѣніе насчетъ нѣкоторыхъ пунктовъ: — преподавался ли Законъ Божій, исключительно ли употреблялся одинъ Украинскій языкъ,

неужели не слышно было ни одного слова по-великорусски и т. д. Тогда я ответилъ бы ему, не обвиняя его въ клеветѣ. Онъ избралъ себѣ другой путь. Онъ *прямо* говоритъ, что учителя преслѣдовали темные областные интересы, что они навязывали родное языкознаніе мальчикамъ, что школа была языческою, что *ему давалось слышать*, какъ родители называли школу мужицкою и жалѣли, что школу не закрываютъ, что учителя—вербовщики исключительнаго сепаративнаго направленія, превышавшіе числомъ своимъ учениковъ (*), что онъ не вѣритъ, чтобы ученики ничего не дѣлали по закрытіи школы, что играть въ бабки научили ихъ въ ежедневной школѣ, что школа не думала ни къ кому обращаться за полезными книгами, и т. д. и т. д.

Мы опровергли всѣ клеветы редактора, основанныя на сплетняхъ. Теперь мы приглашаемъ его *гласно* и *поименно* объявить всѣ данныя, на которыхъ онъ основываетъ свои обвиненія; мы приглашаемъ его сказать, гдѣ ему «*давалось слышать*« такія вещи.

А до-тѣхъ-поръ, пока онъ это сдѣлаетъ, мы предоставляемъ разсудить и администраціи и читающей публикѣ, на сколько добросовѣстны обвиненія, взводимыя *г. Говорскимъ*.

Вторая часть нашего объясненія будетъ *исключительно* отвѣтомъ на вопросъ:—*можетъ ли получить право гражданства въ школѣ украинскій языкъ?*

Подъ именемъ Украинофильскаго направленія—въ Кіевѣ привыкли понимать столь многое и до такой степени извращать понимаемое, что люди этого направленія, обвиняемые и не могущіе гласно оправдаться, давно уже добиваются—путемъ печати опровергнуть взводимую на нихъ клевету.

Сплетни и толки, распускаемые на людей этого направленія со всѣхъ сторонъ, касаются не одного только *обученія* и вообще *школы*, но и всей жизни, убѣжденій и ихъ выраженія *на дѣлѣ*.

Убѣжденія такихъ людей ждутъ только случая, чтобы высказаться открыто и тѣмъ поставить вражебную сторону въ необходимость

(*) Сказать подобную нелѣпость, при представленныхъ мною въ отчетѣ статистическихъ данныхъ, значитъ обвинить меня въ чудовищной лжи. Я приглашаю редактора потребовать отъ меня статистическіе списки школы, веденные мною отъ самого начала школы—и тогда объявить, въ *Вѣстникѣ*, кто виноватъ—онъ или я. Въ замѣткѣ моей указано, что среднее число съ перемежками посѣщавшихъ школу было 70, а среднее число учителей 5.

не бросать камнемъ въ людей, или, вѣрнѣе, въ какой–то темный призракъ, освѣщенный только сплетнею и клеветою.

Здѣсь, въ отвѣтѣ нашемъ редактору *Вѣстника*, мы исключительно возмемъ одну сторону дѣла—*школу*, *народное образованіе*, такъ–какъ на нее главнымъ образомъ взводитъ клевету редакція. Мы выразимъ *просто* и *прямо* убѣжденія тѣхъ людей, которыхъ редакторъ называетъ *неблагонамѣренными сынами отечества* и *вербовщиками–сепаратистами*.

Слово *сепаратизмъ*, въ сферѣ *народнаго образованія*, понимается такъ–точно, какъ выразила это редакція: — преслѣдованіе темныхъ областныхъ интересовъ, отчужденіе отъ другой части Русскаго племени, разрывъ съ Великорусскою литературою,—однимъ словомъ понимается такъ же сбивчиво, такъ же нелѣпо, какъ понимается дѣло и въ сферѣ жизни общественной.

Вмѣсто того, чтобъ быть неосвѣщенною мишенью для полуслѣпыхъ или умышленно–закрывающихъ глаза застрѣльщиковъ, намъ лучше освѣтить себя: — тогда пускай стрѣляютъ, — но не изъ–за угла, а лицомъ къ лицу.

Человѣка, изучающаго этнографію Южнорусскаго края, и убѣждающагося этимъ путемъ въ особенности Южнорускаго народа въ *этнографическомъ* отношеніи,—они называютъ сепаратистомъ.

Человѣка, на основаніи положительныхъ *филологическихъ* данныхъ, признающаго Малорусскій языкъ—языкомъ, а не нарѣчіемъ, они называютъ сепаратистомъ.

Человѣка, который, изучая *исторію* Южнорусскаго народа, видитъ особенный національный типъ, дѣйствующій въ этой исторіи — они тоже зовутъ сепаратистомъ.

Наконецъ, они называютъ сепаратистомъ и человѣка, который осмѣливается утверждать, что для того, чтобы мальчикъ дошелъ до сознательнаго пониманія книги, необходимо *сначала* вести его обученіе на родномъ, понятномъ для него, языкѣ!

На всѣ эти обвиненія они набрасываютъ, съ свойственною имъ ловкостью, оттѣнокъ чисто общественнаго свойства. Они говорятъ, что люди, провозглашаемые сепаратистами, переносятъ свои сепаративныя убѣжденія въ жизнь, стараются проводить ихъ въ–ущербъ существующему порядку, стараются навязать народу нелѣпыя общественныя понятія и даже мечтаютъ о политической независимости.

Мы не станемъ теперь опровергать всѣхъ подобныхъ обвиненій.

Скажемъ лишь существенное: тѣ, кого зовутъ сепаратистами, глубоко уважая народъ и его убѣжденія, уважаютъ и основы этихъ убѣжденій, далеко не соотвѣтствующія всѣмъ соціалистическимъ теоріямъ, которыхъ (замѣтимъ) смѣшно, дико у насъ бояться. Поэтому, идти противъ основъ народной жизни искренніе народолюбцы никогда не посмѣютъ, считая такой путь недобросовѣстнымъ, вреднымъ и нелѣпымъ.

Будучи убѣждены, что *образованіе* народа, а слѣдовательно и его развитіе, могутъ идти при всякомъ законномъ порядкѣ, лишь бы только обличаемы были длинноязычные сплетники и дозволена была честная, открытая борьба мнѣній, всякія увлеченія скороспѣлыми политическими планами они признаютъ тѣмъ-большею нелѣпостью.

Цѣль ихъ — мирнымъ путемъ образованія дать *знаніе*, а черезъ него, какъ черезъ средство, дать *развитіе* умственнымъ и нравственнымъ способностямъ простаго народа, улучшить его бытъ, внѣ всякихъ соціальныхъ и политическихъ, большею частію произвольныхъ и насильственныхъ, перестановокъ.

Признавая *слово* средствомъ для передачи *знанія*, они выбираютъ *легчайшее*, простое и естественное средство—родной и понятный языкъ.

Тѣмъ не менѣе, до-сихъ-поръ они не вводили его, какъ *исключительный* языкъ въ сферу школы: они употребляли его, какъ педагогическое средство, отнюдь не отвергая великорусскаго языка и великорусскихъ книгъ *реальнаго* содержанія.

Въ этомъ случаѣ, самое главное не въ *средствѣ*, т. е. не въ языкѣ, а въ *цѣли*.

Какая же *цѣль*, или, лучше сказать, что́ должно понимать подъ словомъ «*народное образованіе?*»

Мы уже сказали: *развитіе* всѣхъ способностей человѣка, для того, чтобы онъ могъ идти къ дальнѣйшему знанію собственнымъ путемъ.

А это развитіе достигается усвоеніемъ религіозно-нравственныхъ истинъ и такими практически-полезными свѣдѣніями, которыя пригодны были бы въ жизни.

Письмо и чтеніе, съ сознательнымъ усвоеніемъ прочитаннаго, объясненіе явленій видимой природы: — вотъ скромный объемъ школьнаго обученія.

Признавая религіозное чувство однимъ изъ самыхъ живительныхъ элементовъ народнаго образованія, встрѣчая въ народѣ глубоко-вкорененное благоговѣніе ко всему священному, такъ-называемые сепаратисты во главѣ школьнаго обученія ставятъ «*Слово Божіе.*»

Есть–ли что́–либо *преступное* въ подобной *цѣли?*

А съ другой стороны, есть–ли что либо преступное въ *средствѣ*, если средство прямѣе ведетъ къ такой цѣли, не одобрить которой не можетъ самый «благонамѣренный сынъ отечества?»

И такъ, въ сферѣ народнаго образованія, такъ–называемые сепаратисты могутъ быть названы *сепаратистами* только въ одномъ отношеніи:

они признаютъ Южнорусскій языкъ необходимымъ элементомъ при школьномъ обученіи.

Что́ же опаснаго, преступнаго, неблагонамѣреннаго въ подобномъ сепаратизмѣ?

Сепаратисты въ этомъ смыслѣ, признавая Южнорусскій языкъ неотъемлемымъ достояніемъ Южнорусскаго народа, обрадуются какъ истинно–полезному и разумному улучшенію въ бытѣ страны, если языку народа дано будетъ *право гражданства въ школьномъ обученіи.*

Это они исповѣдуютъ громко и торжественно.

До–сихъ–поръ мало книгъ съ реальными, техническими, свѣдѣніями на Украинскомъ языкѣ, и *потому, до–сихъ–поръ, Украинскій языкъ употреблялся въ школѣ только какъ средство, какъ пособіе при объясненіи книги, писанной по–великорусски.*

Почему же не открыть полезному дѣлу свободнаго пути?

Если дѣйствительно существуетъ языкъ у существующаго народа, если есть люди, готовые посвятить трудъ свой на составленіе учебныхъ книгъ на этомъ языкѣ, то почему, *имѣя одну и ту же цѣль — нравственное развитіе лица,*—не воспользоваться выигрышемъ въ средствѣ (такъ–точно какъ пользуются машиной вмѣсто ручной работы)?

Если дѣло это будетъ созданіемъ искуственнымъ, такъ оно самособою и разрушится; если существованіе самобытнаго, изъ собственныхъ началъ развивающагося языка есть только фантазія мечтательныхъ головъ, если народъ отвергнетъ этотъ *выдуманный мужицкій* языкъ, то и всѣ попытки—строить на пескѣ падутъ сами–собою, не причинивъ никому и ничему никакого вреда.

Если же это дѣло—дѣло, соотвѣтствующее природѣ вещей, «дѣло рукъ Божіихъ,» то—что́бы вы ни говорили, ка́къ бы вы ни кричали о «вавилонскомъ смѣшеніи языковъ,» какія бы клеветы ни взводили,—оно пойдетъ своимъ путемъ—и народъ приметъ *полезныя и необходимыя ему свѣдѣнія*, на родномъ и понятномъ для него языкѣ.

Если подобныя книги явятся, тогда выигрышъ въ средствѣ убѣдитъ

каждаго употребить это средство для достиженія *общей* всѣмъ благомыслящимъ и благонамѣреннымъ людямъ цѣли,—т. е. *развитія темной, непросвѣщенной еще знаніемъ, личности путемъ положительнаго знанія и религіозно-нравственнаго пониманія.*

А пока—украинскій языкъ въ школѣ есть необходимое, неизбѣжное вспомогательное средство при объясненіи великорусскихъ книжекъ, и отвергать его такъже нелѣпо, какъ отвергать рычагъ, блокъ и воротъ въ механикѣ.

Кто находитъ мысль эту несостоятельною, пусть докажетъ—но только не такъ, какъ доказываетъ редакція *Западно-Россійскаго Вѣстника*, не путемъ голословнаго обвиненія, пустой звенящей фразы и ни на чемъ неосновательной клеветы. Вѣрьте, что мысль, пораженная мыслью, а не пустымъ звукомъ, всегда уступитъ этой разумной силѣ: пусть только она будетъ *разумна*.

Если вы, узнавъ хоть теперь, что языкъ мы ставимъ *средствомъ* для знанія, а не *цѣлью* школьнаго обученія, докажете намъ путемъ *разумнаго* опроверженія, что унизительно для простолюдина принимать свѣдѣнія на родномъ и понятномъ для него языкѣ, то мы готовы отказаться и отъ своего мнѣнія, и отъ самого *дѣла*, какъ слѣдствія мнѣнія.

Уступить мы можемъ только предъ разумнымъ, не голословнымъ, не клевещущимъ, опроверженіемъ, если таковое возможно съ вашей стороны, гг. противники.

Но какъ осмѣлились вы, г. Г., на томъ только основаніи, что въ школѣ употреблялся украинскій языкъ, какъ вспомогательное средство, взводить на людей обвиненіе не только въ національномъ, но даже и въ политическомъ, сепаратизмѣ? У мало-мальски добросовѣстнаго человѣка не хватитъ смѣлости придать такое толкованіе даже и тому глубокому—нашему и весьма уже многихъ—убѣжденію, что украинскій языкъ, какъ болѣе другихъ *легкое* средство для знанія (знанія, одинаково труднаго для развитія всякой личности какого бы то ни было народа) долженъ бы получить *право* (равноправнаго съ другими) *гражданства* въ школьномъ обученіи... За что ему стоять въ этомъ отношеніи, ниже, напримѣръ, польскаго, допущеннаго въ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ?

Здѣсь мы кончаемъ нашъ отвѣтъ, на главные пункты. До сихъ поръ мы отвѣчали серьезно, безъ смѣху, касаясь возраженій редакціи, или вѣрнѣе клеветы и обвиненій, взводимыхъ на самое *дѣло*.

Въ-заключеніе, мы, смѣха ради, коснемся нѣкоторыхъ курьезныхъ выдумокъ почтеннаго редактора, достойныхъ уже не негодованія и серьезнаго возраженія, а самаго веселаго смѣха, выходокъ,—обнаруживающихъ полное его невѣжество въ южнорусской литературѣ и любопытный строй его доморощенной логики.

«Катерину» Шевченка, «Листъ про Злодія у Гакивниці» и «Дзвонаря» г. Мордовцова онъ считаетъ недостойными педагогическаго вниманія и выражается объ нихъ съ глубокимъ презрѣніемъ: «какія-то катеринки, злодіи!« Бѣдный редакторъ «*Вѣстника юзападной Россіи*, вѣроятно, никогда и не заглядывалъ въ эту *оригинальную письменность* (собственное его выраженіе) и потому такъ добродушно-нелѣпо судитъ объ ней. Онъ и не подозрѣваетъ, что въ *Катеринѣ*, кромѣ изящества и красоты стиха, заключается изображеніе народнаго понятія о семейной и дѣвической чистотѣ нравовъ, выражается совѣтъ противъ вторженія въ сельскій нравственный бытъ циническаго элемента; что въ «Злодіі» одномъ изъ самыхъ лучшихъ разсказовъ для народа, выражена вся нравственная сила громадскаго приговора, исправляющая провинившагося, безъ униженія его личности; что въ «Дзвонарѣ» прекрасно изображены симпатическія отношенія ученика къ старому солдату-учителю, не перерванныя извѣстной методой-*бійки* и *лайки*; онъ не вѣдаетъ, почему мальчики такъ охотно, съ такою жадностью, учатъ наизустъ эти и другіе разсказы, изящные по выраженію, доступные по простотѣ, нравственно вліяющіе своею, близкою къ народной жизни, идеею, просто и изящно выраженною, на неиспорченные еще долбленіемъ умы мальчиковъ.

По всей вѣроятности, онъ, изъ предубѣжденія ко всякой книжкѣ, написанной *провинціальнымъ* языкомъ, почелъ бы себя «преступнымъ и неблагонамѣреннымъ сыномъ отечества,» если бы осмѣлился заглянуть въ эти книжки... А если онъ заглядывалъ въ нихъ, то что же отвѣтить ему на его нагло-пошлыя сужденія?

Наконецъ, что всего смѣшнѣе, онъ удивляется такому оригинальному патріотизму въ устахъ Стоянова и пишетъ курсивомъ послѣднія двѣ буквы... О, г. редакторъ! неужели вы полагаете, что развитіе и убѣжденія человѣка зависятъ отъ случайнаго стеченія буквъ въ его фамиліи? неуж ели вы думаете, что человѣкъ,—взросшій на той землѣ и воспитанный тою землею, гдѣ теперь онъ живетъ, помнящій только по преданію свою далекую родину, окруженный честнымъ народомъ, служить которому онъ обязанъ,—не былъ бы чужеяднымъ наростомъ,

полипомъ, если бы сидѣлъ сложа руки, или носился въ сферахъ заоблачныхъ мечтаній и механически, схоластически-образовавшихся теорій?

Вѣдь не у всѣхъ же убѣжденія находятся въ *исключительной* зависимости отъ происхожденія.

Но—довольно обо всемъ этомъ. Къ-дѣлу! На основаніи закона и безпристрастія, я *требую* отъ васъ—перепечатать мой настоящій отвѣтъ въ слѣдующей книжкѣ вашего *Вѣстника... извините... злословія*—и вотъ почему.

Вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, журналъ вашъ имѣетъ особенныхъ подписчиковъ, можетъ-быть невсегда прочитывающихъ другіе журналы. Вы, наклеветавши на бывшую ежедневную школу, черните, въ ихъ глазахъ, и все направленіе. Книжка ваша пойдетъ въ села. Что́ скажутъ ваши почтенные читатели, прочитавъ вашу замѣтку? что́ подумаютъ они о тѣхъ сельскихъ учителяхъ, которыхъ имъ посылаютъ изъ Кіева, если въ этомъ самомъ Кіевѣ существовала языческая преступная школа, гдѣ учили люди неблагонамѣренные, вербовщики—сепаратисты?

При другихъ обстоятельствахъ, за взведенныя *лично на меня* обвиненія, я имѣлъ бы право потребовать васъ къ суду и тѣмъ, кажется, явилъ бы первый примѣръ справедливой просьбы объ охраненіи лица, являющагося въ печать, отъ бездоказательной клеветы. Это, можетъ-быть, подѣйствовало бы на васъ сильнѣе самой правды... Но... я предаю васъ и себя только суду общественнаго мнѣнія. Надѣюсь, что оно, увидѣвъ данныя и одной и другой-стороны, рѣшитъ, кто правъ, кто виноватъ...

Александръ Стояновъ.

27 сентября 1862. Кіевъ.

Въ моей замѣткѣ, напечатанной въ В. Ю. З. Р., сдѣланы значительныя ошибки. Въ началѣ замѣтки, вмѣсто *20-го апрѣля*, какъ сказано въ рукописи, напечатано 20 *августа*. Изъ этого можно, пожалуй, вывесть, что школа существовала еще тогда, когда уже сдѣлано было распоряженіе закрыть ее,—и т. обр. учителей школы можно заподозрить въ противозаконномъ поступкѣ; ошибка эта тѣмъ бо-

лѣе неумѣстна, что и слѣдующая фраза гласитъ: «съ *августа* школа уже не открывалась.»

На концѣ статьи пропущена частица *не* и искаженъ, поэтому, весь смыслъ. Вмѣсто фразы—«вторая половина, къ сожалѣнію, *не* сбылась,» напечатано «*сбылось*».

Наконецъ, г. Мордовцовъ пожалованъ въ Мордоуховы (!).

А. Стояновъ.

БРАТСТВА ВЪ УКРАИНѢ.

Съ особенною радостью сообщаемъ нашимъ читателямъ благую вѣсть изъ «*Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей*,» гдѣ напечатанъ *Уставъ Братствъ*. Мы всегда были того убѣжденія, что въ народныхъ началахъ нашей исторической жизни, въ развитіи народнаго духа, въ сближеніи съ народомъ всѣхъ сословій во имя общей пользы, заключается вѣрнѣйшій залогъ нашего благосостоянія, заключаются естественныя, слѣдов. и самыя дѣйствительныя, средства для противодѣйствія всѣмъ враждебнымъ вліяніямъ на нашъ Край, съ какой бы стороны они ни приходили: со стороны ли старинныхъ историческихъ враговъ нашихъ, или со стороны неразумныхъ, неопытныхъ друзей народа, которые думаютъ осчастливить его не на *его*, а на *свой* ладъ. По этому-то мы привѣтствуемъ *Уставъ Братствъ* съ искреннею радостью и считаемъ своимъ долгомъ—засвидѣтельствовать нашу глубокую признательность всѣмъ, кому принадлежитъ честь возстановленія древняго, истинно-народнаго, жизненнаго учрежденія! *Ред.*

«Въ нѣсколькихъ изъ предшедствовавшихъ №№ *Епархіальныхъ Вѣдомостей* за нынѣшній годъ,»—сказано въ № 17-мъ,—«мы предложили историческій обзоръ братствъ, существовавшихъ въ югозападномъ краю Россіи, и указавъ примѣры братствъ въ Кіевской губерніи въ прошломъ столѣтіи и остатки ихъ въ настоящее время, пришли къ тому заключенію, что возстановленіе братствъ было бы теперь какъ нельзя болѣе благовременно и полезно въ видахъ улучшенія содержанія сельскихъ храмовъ, школъ, госпиталей и проч. Полагая, что священники кіевской епархіи, раздѣливъ высказанныя нами мысли относительно братствъ, приступятъ ра́ди пользы церкви, къ ихъ возстановленію, мы, для облегченія желающихъ, съ разрѣшенія начальства, воскресить знаменитое нѣкогда учрежденіе, спѣшимъ предложить проэктъ устава для сельскаго братства, составленный на основаніи уставовъ древнихъ братствъ, но примѣнительно къ потребностямъ нынѣшняго времени. Само-собою разумѣется, что этотъ уставъ, какъ про-

экъ, смотря по мѣстнымъ нуждамъ и условіямъ, можетъ потребовать нѣкоторыхъ дополненій или измѣненій.

« УСТАВЪ

для сельскихъ братствъ въ кіевской епархіи.

Во имя Отца и Сына Св. Духа.

«Господь нашъ Іисусъ Христосъ, идя на вольное страданіе и уже готовясь разстаться съ своими учениками, говорилъ имъ: *сія заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга* (Іоан. 15, 17): *о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 35). *Братство возлюбите*,—писалъ одинъ изъ божественныхъ учениковъ, св. апостолъ Петръ. И нетолько ученики Господни, но и всѣ первые христіане жили какъ братья: *у вѣрующихъ*, говорится въ Дѣяніяхъ св. апостолъ (Дѣян. 4, 32, 34), *была одна душа и одно сердце и не было между ними никого бѣднаго*: *ибо нуждамъ неимущихъ пособляли руки сильнѣйшихъ*.

Памятуя оныя слова Спасителя нашего и св. Его ученика и стараясь подражать примѣру св. апостоловъ и ихъ учениковъ, мы нижепоименованные жители села N, прихожане церкви N, съ благословенія и наставленія нашего отца духовнаго и пастыря, іерея NN, вознамѣрились, съ Божіею помощію, обновить наше церковное братство, какое и было у нашихъ благочестивыхъ предковъ, какъ о томъ въ книгахъ пишется довольно, и для сего даемъ обѣтъ предъ Богомъ и совѣстію нашею жить между собою и со всѣми въ мирѣ, любви и согласіи, какъ Господь повелѣлъ, никого не обижая ни словомъ, ниже дѣломъ, но стараясь помогать другъ другу, какъ братъ помогаетъ брату, и всѣмъ съобща, по мѣрѣ силъ нашихъ, заботиться о пріумноженіи въ насъ хвалы Божіей, о поддержаніи и украшеніи св. храма Божія, въ которомъ молимся, о содержаніи школы и размноженіи у насъ науки и людей грамотныхъ побожныхъ, объ устроеніи (если будетъ достатокъ и Господь поможетъ) госпиталя и странноприимницы на помощь недугующимъ и престарѣлымъ, и вообще о томъ, чтобы помогать нетолько другъ другу въ нуждѣ и бѣдности, но и всѣмъ требующимъ пособія, сколько и когда будетъ возможно. А чтобы намъ сей святый обѣтъ исполнять въ точности и успѣшно и чтобы Христолюбивое братство наше, которое мы обновляемъ и установляемъ, стояло твердо и нерушимо на вѣчныя времена, для сего мы, на сей и буду-

щіе часы, для насъ самихъ и всѣхъ, кто захочетъ пристать къ братству нашему, уложили запись въ такихъ пунктахъ, которые свято хранить и исполнять долженъ каждый изъ насъ.

1) Братство наше, по обычаю древнихъ братствъ, пусть называется по имени святаго или праздника, въ честь котораго посвящена у насъ церковь.

2) Духовный отецъ нашъ, іерей N, да будетъ и въ этомъ дѣлѣ нашимъ совѣтникомъ, руководителемъ и наставникомъ. Да предсѣдательствуетъ онъ на нашихъ сходкахъ, когда самъ прійти пожелаетъ или будетъ приглашенъ отъ насъ.

3) Чтобъ удобнѣе и лучше былъ присмотръ за имуществомъ и всѣми дѣлами братства, для сего мы каждый годъ, добровольно и съ общаго согласія, избираемъ четырехъ *старшихъ братчиковъ*, или *рочнихъ справцівъ*, изъ людей найболѣе чтимыхъ и уважаемыхъ.

4) Изъ нихъ найстаршій братчикъ завѣдываетъ и распоряжается всѣми дѣлами братства, его доходами, расходами и долгами. Онъ созываетъ сходки и распускаетъ оныя, ведетъ по книгѣ прихода и расхода счетъ казнѣ братской, принимаетъ и выдаетъ деньги, дѣлаетъ наряды по дѣламъ братства и вообще заботится какъ о сохраненіи мира и единодушія во всемъ братствѣ, такъ и о томъ, чтобы казна братская не уменьшалась, а увеличивалась. Другой старшій братчикъ, называемый *ключникъ*, держитъ у себя ключъ отъ *братскої скриньки*: онъ справляетъ долги братства и наблюдаетъ какъ за цѣлостію братской казны, такъ и за тѣмъ, чтобы пріемъ и выдача производились не иначе, какъ въ присутствіи всѣхъ старшихъ братчиковъ. Два остальные старшіе братчики участвуютъ въ совѣщаніяхъ и рѣшеніяхъ по всѣмъ текущимъ дѣламъ братства, такъ-что никакое дѣло и не можетъ состояться безъ ихъ согласія, а главнымъ образомъ на ихъ обязанности лежитъ исполненіе опредѣленій совѣта братскаго: — пойти или поѣхать куда-либо, купить или продать что-нибудь, созвать на сходку, призвать должника и т. под. Они же наблюдаютъ за порядкомъ, тишиною и благоприличіемъ на братскихъ сходкахъ.

5) Старшими братчиками могутъ быть одни и тѣ же лица годъ, два и болѣе, но неиначе, какъ если будутъ выбраны общимъ голосомъ на каждый годъ особо. По окончаніи года найстаршій братчикъ, если не будетъ выбранъ на другой годъ, обязанъ передать во всей цѣлости казну и все вообще имущество братское тому, кто будетъ избранъ на его мѣсто.

6) Всѣ обыкновенныя дѣла братства рѣшаются общимъ голосомъ старшихъ братчиковъ, дѣла же особенной важности, какъ напр. выборъ рочныхъ справцовъ, значительная постройка и вообще чрезвычайный расходъ или сборъ неиначе, какъ съ согласія всѣхъ наличныхъ членовъ братства.

7) Для рѣшенія братскихъ дѣлъ постановляются сходки: обыкновенныя, чрезвычайная и главная. Обыкновенныя сходки бываютъ разъ въ недѣлю и разъ въ мѣсяцъ. Недѣльныя и мѣсячныя собранія должны быть въ недѣльный или праздничный день, первыя между заутренею и литургіею, а вторыя въ послѣобѣденное время. На недѣльныхъ сходкахъ обязаны присутствовать всѣ старшіе братчики, но могутъ быть и рядовые, кто пожелаетъ; на мѣсячныя сходятся всѣ члены братства, развѣ кто болѣнъ, въ отлучкѣ или другими особенно важными препятствіями будетъ удержанъ. Въ недѣльныхъ собраніяхъ, которыя бываютъ на короткое время, происходятъ переговоры между старшими братчиками объ обыкновенныхъ дѣлахъ братскихъ, а на мѣсячныхъ братія совѣщаются между собою о томъ, какъ бы увеличить доходы братства и сдѣлать какое либо богоугодное дѣло; здѣсь же производится общимъ голосомъ судъ надъ всѣми провинившимися въ чемъ либо предъ братствомъ или другъ предъ другомъ, причемъ виновный непремѣнно долженъ исполнить штрафъ, какой положенъ будетъ братствомъ и испросить прощеніе у братства или у обиженнаго. На мѣсячныхъ же сходкахъ каждый братчикъ обязанъ дать *до братской скриньки* грошей шесть или гривну мѣдную, а кто не будетъ на сходкѣ, тотъ обязанъ дать послѣ. Сходки чрезвычайныя созываются въ неопредѣленное время по требованію особенно важныхъ, непредвидѣнныхъ и не требующихъ отлагательства дѣлъ, какъ напр. для выбора кого либо изъ старшихъ братчиковъ на мѣсто умершаго или совершенно неисправнаго и вреднаго для братства. Главная сходка бываетъ разъ въ году въ недѣлю Ѳомину или на проводы. Здѣсь старшіе братчики даютъ отчетъ братству во всѣхъ дѣлахъ за цѣлый годъ, производится повѣрка денежныхъ суммъ и расходовъ, выборъ въ должности старшихъ братчиковъ, передача казны и ключа, судъ надъ провинившимися, но еще неподвергавшимися суду, и общее совѣщаніе объ улучшеніи братства во всѣхъ отношеніяхъ.

8) Братскія сходки помѣщаются въ школѣ или въ домѣ найстаршаго братчика, а если бы это было неудобно, мы должны, когда позволятъ средства, построить, купить или нанять особое помѣщеніе.

Въ комнатѣ, гдѣ будутъ происходить братскія собранія, должно имѣть застланный столъ, икону, крестъ, евангеліе и свѣчи: тутъ же ставится и *братская скринька*, если нужно вынуть или внести деньги.

9) Братскія сходки назначаются на дѣло Божіе и какъ бы предъ очами самого Бога; посему на братскихъ сходкахъ должно соблюдать миръ, тишину, порядокъ, благоприличіе и даже благоговѣніе. Не должно быть здѣсь ни шуму, ни споровъ и пустаго разглагольствія, ни тѣмъ болѣе пьянства, или ссоры и драки. Если бы какой братъ пришелъ на сходку въ нетрезвомъ видѣ, то онъ долженъ быть немедленно удаленъ отсюда, и неиначе можетъ быть и въ другой разъ принятъ, какъ если принесетъ раскаяніе въ своемъ поступкѣ и испроситъ прощеніе у братства. Когда кто либо въ собраніи скажетъ неприличное или обидное другому слово, старшій братчикъ кротко и съ любовію долженъ замѣтить ему объ этомъ, а онъ въ свою очередь извиниться и испросить прощеніе у обиженнаго; непокорнаго судятъ всѣ присутствующіе и налагаютъ на него штрафъ, смотря по его винѣ и состоянію.

10) Общій порядокъ, который мы объязываемся соблюдать на братскихъ сходкахъ, долженъ быть такой: На недѣльныхъ сходкахъ найстаршій братчикъ вначалѣ засѣданія читаетъ: *Царю небесный*, а по окончаніи: *Достойно есть*. Тѣ же молитвы читаются или поются (если будутъ умѣющіе пѣть) и на прочихъ сходкахъ. Когда будетъ священникъ, онъ читаетъ молитвы, а за отсутствіемъ его—найстаршій братчикъ. Всякій вошедшій въ братское собраніе долженъ трижды перекреститься предъ св. иконою съ благоговѣніемъ и, отдавши поклонъ братьямъ, чинно сѣсть на своемъ мѣстѣ. Когда соберутся всѣ братчики или большая часть ихъ и когда уже прочитана или пропѣта будетъ молитва, священникъ, а если его не будетъ, найстаршій братчикъ, или кто знаетъ грамоту, читаетъ сіи слова:

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. Сіе богоугодное, законное, церковное братство правильно и вѣчно соблюдать заповѣдано Духомъ Святымъ отъ самого Господа и Спаса нашего Іисуса Христа святымъ Его апостоламъ, а отъ нихъ святымъ церквамъ по всей вселенной, также и намъ сынамъ святой соборной и апостольской церкви. И о семъ у насъ слово. Господь Іисусъ Христосъ во святомъ евангеліи своемъ говоритъ: *аще любите Мя, заповѣди Моя соблюдите*; (Іоан. 14, 15), *заповѣдь нову даю вамъ, да любите другъ друга* (Іоан. 13, 34); *и о семъ разумѣютъ вси, яко Мои*

ученицы есте, аще любовь имате между собою (Іоанн. 13, 35). И возлюбленный ученикъ Христовъ, св. Іоаннъ Богословъ написалъ: *Богъ любы есть, и пребываяй въ любви, въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ.* А священный Псалмопѣвецъ еще въ Ветхомъ Завѣтѣ возгласилъ: *се что̀ добро или красно, но еже жити братіи вкупѣ.* За все сіе Господь обѣщалъ намъ животъ вѣчный.

По прочтеніи этихъ словъ, одинъ изъ старшихъ братчиковъ, обращаясь къ собранію, говоритъ: «Господа братія! кто знаетъ что либо, относящееся къ братству, пусть объявляетъ. Кто имѣетъ внести долгъ, или какой доходъ братскій, пусть взнесетъ. Кто имѣетъ дѣло какое до братства или до кого либо другаго, пусть исполняетъ» (*). И начнутся такимъ образомъ братскія разсужденія.

11) Когда окончатся разсужденія о дѣлахъ братства, братія могутъ продолжать засѣданіе, прося священника или грамотнаго братчика прочесть что–нибудь изъ евангелія, или занимаясь душеспасительными разговорами; но при этомъ отнюдь не должно быть разговоровъ о обыкновенныхъ дѣлахъ житейскихъ.

12) Главное, о чемъ заботятся и разсуждаютъ братчики на сходкахъ, это содержаніе и украшеніе храма Божія, поддержаніе и улучшеніе школы и госпиталя (если будетъ), пособіе обѣднѣвшимъ преимущественно братчикамъ и водвореніе въ братствѣ добрыхъ нравовъ и житія христіанскаго.

13) Братство наше, если не будетъ имѣть достаточной суммы, не обязывается давать все содержаніе церкви, школѣ и госпиталю, но будетъ помогать имъ и заботиться объ нихъ, по мѣрѣ средствъ своихъ; въ такомъ случаѣ оно только совѣтуется съ священникомъ и обществомъ о томъ, что̀ нужно для церкви, школы или госпиталю. Если же школа или госпиталь все содержаніе будутъ получать отъ одного только братства, то оно одно завѣдываетъ и распоряжается ими, прося только совѣта и наставленія отъ священника.

14) Братство не вмѣшивается ни въ какія дѣла, его некасающіяся и подлежашія вѣдѣнію и разбирательству сельскаго и волостнаго управленія, не входить ни въ чьи семейныя и хозяйственныя дѣла и тяжбы; но если бы два или нѣсколько лицъ изъ односельцевъ, а тѣмъ

(*) Слова, означенныя кавычками, заимствованы, въ сокращеніи, изъ устава луцкаго братства.

болѣе изъ членовъ братства, въ какой либо тяжбѣ сами попросили посредства *суда* и примиренія *рѣшенія* братскаго, объявивъ, что они добровольно и безпрекословно подчинятся ему: то братство не можетъ отказать ихъ просьбѣ, обязываясь впрочемъ разрѣшать и примирять вражду, *судить* по долгу совѣсти и сущей справедливости, сообразно съ закономъ любви Христовой.

15) Желающій вступить въ братство, объявивъ о своемъ намѣреніи старшимъ братчикамъ и получивъ ихъ согласіе, является на первую братскую сходку и здѣсь цѣлуетъ крестъ, евангеліе и руку священника, а потомъ подаетъ руку всѣмъ братіямъ въ знакъ того, что онъ обязывается жить со всѣми въ мирѣ, любви и согласіи и исполнять всѣ постановленія братства. При этомъ онъ даетъ *до братської скриньки вступного* злотый одинъ или 15 к. с.

16) Всякій братъ, узнавъ о какихъ либо дурныхъ и закону христіанскому противныхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ другаго брата, напр. пьянствѣ, воровствѣ и т. под., долженъ усовѣстить его съ кротостію и любовію при одномъ или двухъ братьяхъ, а если онъ не раскается и не дасть обѣщанія исправиться,—объявить о томъ всему братству, которое дѣлаетъ ему человѣколюбивое и кроткое увѣщаніе. Когда виновный не послушаетъ и не исправится въ своемъ поведеніи, — оно проситъ священника подѣйствовать на него своимъ пастырскимъ словомъ, Если же и послѣ этого виновный нераскается и не подастъ надежды на исправленіе, то братство исключаетъ его изъ своего общества и списка, объявивъ ему въ общемъ собраніи о такомъ исключеніи.

17) Никто изъ братіи, безъ уважительной причины, напр. болѣзни или отлучки по дѣламъ общественнымъ, не долженъ отказываться отъ посѣщенія братскихъ сходокъ;—виновный подвергается штрафу, какой положитъ братство (въ первый разъ напр. 15 к., во второй 30 к., пожалуй и не деньгами, а напр. воскомъ, хлѣбомъ и т. под.) Часто опускающій братскія собранія, безъ уважительной причины, по одному нерадѣнію и равнодушію, исключается изъ списковъ братства, если нераскается по предварительномъ о томъ объявленіи.

18) Когда братство нарядитъ кого изъ братчиковъ на какую нибудь повинность братскую, напр. копать яму для умершаго бѣднаго, дѣлать гробъ и т. под., никто не въ правѣ отказаться, а ослушавшійся долженъ испросить прощенія у братства и выполнить штрафъ, какой оно положитъ, подъ опасеніемъ за неоднократное ослушаніе исключенія изъ списка и общества братскаго.

19) Для объявленія распоряженій братства, напр. призыва на сходку и по другимъ надобностямъ, братство имѣетъ у себя круглую деревянную или жестянную окрашенную дощечку, съ изображеніемъ на одной сторонѣ мѣстнаго храма, а на другой св. креста, чаши и евангелія. Кому изъ членовъ братства показана будетъ эта дощечка съ объявленіемъ распоряженія братства черезъ одного изъ старшихъ братчиковъ, тотъ долженъ итти безъ отговорки и немедленно на указываемое ему дѣло, показывая тѣмъ свою готовность итти по гласу Господа, зовущаго насъ ко спасенію чрезъ дѣла богоугодныя. Какія бъ ни были у кого въ семьѣ заботы и дѣла, все нужно оставить ради добраго и душеспасительнаго дѣла, помня слова, сказанныя Спасителемъ одному изъ апостоловъ: *остави мертвымъ погребсти своя мертвецы.*

20) Кромѣ того, братство имѣетъ у себя *упись* или вписную книгу для живыхъ членовъ, синодикъ или *граматку* для записыванія скончавшихся братчиковъ. Для поминовенія живыхъ и умершихъ въ молитвахъ предъ Господомъ братство служитъ каждогодно четыре литургіи, на которыхъ должны присутствовать всѣ братчики: двѣ заздравныя—въ храмовый праздникъ и въ день возстановленія братства, и двѣ заупокойныя—на проводы и въ Дмитріеву субботу. Въ эти четыре дня братство раздаетъ милостыню нищимъ и угощаетъ ихъ обѣдомъ; за служеніе жъ литургіи и молебновъ, или панихиды, даетъ благодарность священнику и причетникамъ. Вино и просфоры для литургіи въ эти дни братство даетъ отъ себя.

21) Братство имѣетъ также въ церкви свои *ставники* (4, 8 и 12, сколько возможно будетъ), съ которыми братчики должны стоять во время литургіи отъ начала чтенія Апостола и до того времени, когда пропоютъ: *и всѣхъ и вся.*

22) Когда умретъ какой либо братъ, всѣ братчики должны присутствовать при его погребеніи, провожать тѣло его до могилы и молить Бога о упокоеніи души его.

23) Въ недѣлю проводную или Ѳомину, когда сдѣлаютъ выборъ новыхъ рочныхъ справцовъ или старшихъ братчиковъ, читается вслухъ всѣхъ эта запись наша, которую мы уложили, а потомъ братія дѣлаютъ складку на весь годъ и даютъ каждый по 50 к. ср. Кто не имѣетъ всѣхъ денегъ сполна, тотъ можетъ доплатить послѣ, но не позже трехъ мѣсяцевъ.

24) Къ пожертвованіямъ или складкѣ приглашаются и непринад-

лежащіе къ братству, и даютъ, сколько кто хочетъ и можетъ,—деньгами или чѣмъ либо другимъ.

25) Въ храмовый праздникъ, а если возможно, то и на Рождество, на Свѣтлое Христово Воскресенье, на Троицу или же на Успеніе Божія Матери и въ день святителя Николая, братство варитъ и потомъ продаетъ медъ, по стародавнему обычаю. Деньги, вырученныя отъ продажи меду, составляютъ доходъ братства и вносятся *въ братскую скриньку*.—Медъ можетъ быть продаваемъ отъ одного до трехъ дней—не болѣе. Нельзя давать меду въ долгъ людямъ несостоятельнымъ. Упиваться непригоже и грѣшно, а потому строго воспрещается.

26) Членами братства могутъ быть нетолько односельцы, но и посторонніе, и притомъ не одни мужчины, но и женщины, притомъ всякаго званія. Посторонніе члены, какъ само собою разумѣется, свободны отъ братскихъ сходокъ.

27) Для храненія своей казны братство имѣетъ свою особую *скриньку*, которая хранится для безопасности въ церкви за замкомъ братскимъ и печатью церковною.

28) Священникъ и староста церковный могутъ быть членами братства, но съ такимъ голосомъ, какъ и всѣ братчики.

29) Если какой братъ обѣднѣетъ не по своей винѣ, но по какому либо несчастному случаю, прочіе братія обязаны помогать ему.

30) И изъ *братской скриньки* можно давать деньги въ займы, но безъ всякаго процента, притомъ однимъ братчикамъ и за поручительствомъ одного или двухъ изъ братіи.

31) Ни въ школѣ братской, ни въ самомъ братствѣ не употребляются тѣлесныя наказанія. Для провинившихся въ чемъ либо братчиковъ, по примѣру древнихъ братствъ, допускаются только выговоръ или увѣщаніе—отъ одного брата, отъ всего братства, наконецъ отъ священника, нотата или запись проступка провинившагося въ штрафную книгу, денежный штрафъ, смотря по винѣ брата, и наконецъ сидѣніе на колокольнѣ за пороки грубые, какъ драка, пьянство и т. под.

32) Если братство будетъ содержать школу на свой счетъ,—ему представляется право взимать за каждаго учащагося при вступленіи въ школу пять или десять копѣекъ, а при выпускѣ 15—30 к. с. и болѣе, смотря по курсу ученія и состоянію родителей и воспитателей. При этомъ отнюдь не должно быть *могоричей*, особливо же въ домѣ братскомъ.

33) Деньги братскія не могутъ быть употребляемы ни на какія

частныя надобности братчиковъ, а также на покупку водки для братскихъ обѣдовъ: на этотъ предметъ, въ случаѣ надобности, дѣлается особая складка.

34) Если составится братство *сестричное*, или *молодецкое*, то какъ то, такъ и другое, имѣетъ своихъ старшихъ и свое особое хозяйство; но оба стараются помогать старшему братству своими сборами и складками. Братство старшее имѣетъ наблюденіе за *молодиками*, чтобы они во время колядованья не кричали, не безчинствовали и тѣмъ болѣе не пьянствовали; для этого молодики на колядованье испрашиваютъ позволеніе не только у священника, но и у найстаршаго братчика.

Всѣ пункты сей записи нашей, которую мы уложили и утвердили, даемъ обѣщаніе хранить и исполнять всегда свято и ненарушимо, памятуя, что сіе братство наше не новая какая либо выдумка, но стародавній благочестивый звычай, завѣщанный намъ отъ найдавнѣйшихъ предковъ нашихъ и отъ самого Господа нашего Іисуса Христа. О томъ же найболѣе должны мы заботиться, чтобы, храня миръ и любовь между собою, жертвуя отъ своего имущества на вышепрописанныя богоугодныя дѣла и поступая во всемъ, какъ бы мы ходили предъ очами Божіими, заслужить намъ отъ Господа души спасеніе, грѣховъ отпущеніе и наслѣдіе живота вѣчнаго. Такъ намъ во всемъ томъ да поможетъ Господь, молитвами пресвятыя Владычицы нашея Богородицы Маріи и всѣхъ святыхъ, отъ вѣка Ему благоугодившихъ. Аминь.

ЗЪ НАРОДНІХЪ УСТЪ.

I.

НАШЪ ДІДЪ И ПІПЪ.

— То дідъ — головà! Прихоро́ший, прирозумний, про старовину вамъ роскáже, говíркий якúй!... Тамъ и одниéі чáрочки довóлі. Вінъ, літомъ, у пасéці сидúть.

Есть у ёго дві невістки,—зъ двома жонатими синáми вінъ и живъ: у старшого нема дітей, а у меншого ціла мéтка,—ажъ пьятірко! Вінъ сю й невістку и сúна білшъ любить. Вона жъ, Боже, якá ніжна, якъ ёму догожáе; а вінъ онучятокъ своіхъ тáкъ уже жаліе! Оце тільки одъ грудей однімуть, такъ уже воно одъ діда й нікуди,—спить зъ імъ у-купі, нóки друге не підросте; тілько невістка одніме, дідъ уже більшенького відъ себе відстановить, а другого бере. Оце ждуть діда зъ пасіки—(харчівъ не стане); отъ, невістка й каже дітямъ: сёгóдні, діточки, дідъ буде. Отутъ уже й скоки й боки. Отожъ невістка пійде на базаръ рачківъ купить, рúбки; напече книшівъ, пирожківъ, бýцикивъ и плескачівъ, каши навáрить й борщý пристанóвить,—стілько того усёгó навáрить, що мовъ громáди сподівается,—и дітямъ не дасть, усé у комóру поховáе: »нехай, діточки, дідові бýде«. Прийде дідъ, діти ёго зустрічать. »Діду! тобі мáти усёгó наготóвила, и кришечки намъ дала«. Дідъ ажъ зайдетця: »якъ таки дітямъ недавала?!« Виймаé и даé імъ меду, жалуе іхъ дуже; ложечокъ настрýже, ночовочокъ. Після прúгри, якъ мáе часъ, то заразъ дбае для нихъ. Да жалуе жъ діда и молода невістка! Увéчері ёму сама й чоботи зниме: »ляжте, тáту, да одпочúнте;« постіль ему постеле, голову ёму змие, вичише, а та стара—тамъ такá гризá невістка, такà загорёвана! Оце розсердитця на

діда: »розділи́ть и розділи́ть насъ«, каже; »не хо́чу я наймичкова́ти; ви ту любите кращъ за насъ; ви́кидайте насъ хочъ підъ тинъ, а розділи́ть. Якъ почали ділять, якъ стали лайкова́тись за тую діли-ни́цю, щобъ и ли́шня ложка не перейшла. Віддили́лись; прийшовъ празникъ; отъ, жде́ дідъ сина й невістки зъ пирогами на святъ-вечіръ... нема! не йдуть. У діда серце боли́ть; ёму жъ и того́ жаль. Жде́ вінъ дру́гий день, нема; третій—нема́, а ха́та іхъ стоіть—якъ рукою подать. Прийшовъ панотёць зъ моли́твою, (а вінъ зъ сімъ дідомъ и хлібъ-сіль водили), здивовався батюшка, що дідъ таки́й непривітни́й,—зхили́всь надъ стілъ и не стинетьця, мовъ приснопило ёго.

»Що́ це такъ нахма́рило! Чого́ таки́й сумъ на твоему́ челі, діду.» (И оки́нувъ пінъ очи́ма хату). »А діти були́ у тебе празниками?«

— Зъ сіми живу́, то й були́; а ті?..—Тілько скинувъ дідъ очи́ма на той кутокъ, де́ іхъ житло́.

»Заразъ іхъ покликати! Не подоба́е такъ робити.«

— Нехай уже зъ іми́ миръ гово́рить, ба́тюшка,—обізвався дідъ; сотворіть молитву та йдіть; а то вони васъ зашля́ють.

»Ні, підожду; не по Божому роблять«.

Небожятко послали за дядькомъ. Не йде ні синъ, ні невістка; а тимъ часомъ дідъ зга́дує, якъ вінъ живъ изъ своею старою, що одно на одного́ и разу́ не сказали й ти:

— И ви таки, шану́ючи васъ та й Бога, ба́тюшечка, жалуйте свою стару́ и не кажіть на ії *ти*; вона у васъ га́рна, трудя́ща и поділюща; и молоди́ці похваля́ютця, що вона обіходлива зъ наро́домъ; и совітъ и привітъ дасть, и звичаі наші поважа́е... А тутъ, недалечко, у Нехворо̀щахъ, у одному селі, есть попадя молода; ій и га́ньби не можна вели́кої да̀ти; вона, невро́ку ій, и хороша, и хозяёвли́ва,—да зъ людьми вдачи́ немае, якъ обійти́ся. Люде до ії не прихиляютьця; чи хоро́ба яка, зілля яко́го треба (хай не здае́тця!), чи якої пора́ди треба,—обійдуть ії; и матушкою ії величати не хо̀чуть. Якъ ії ма́тушкою велича́ти, коли вона ходить простоволо́са? голови́ не покри́е! Се й на́ші дівча́та одружяться, да, не уподобавши замужжя, очі́шки зъ себе, та будуть волоссемъ світити; а коли́ ти ій укажешъ, вона на матушку й здастця... А старі тожъ обіжаютьця: прийдешъ, кажуть, изъ панахиди, принесешъ паляни́ці... ажъ соромно ій, простоволо́су, матушкою звелича́ти; да ще, якъ почне

кривиться: паляниці ій саломъ пáхнуть!... Уже жъ вона не твоій чета... Таке–то у насъ повелось не підъ–стать до нарóда. Е попáді,—сказано—якъ ясочки, якъ посланнеці Божі. Вийде, и замóвить, и посадить, и совітъ дасть, и грáмоті прокаже, и болящому поможе, и чарочкою не обійде. Се й людямъ у жадóбу и Богу негнівно... А та ні цятúночки на миръ. Затежъ, якъ и батюшка ій позове запомогти ёму щó, услужить: вóза поладнáть, або–щó, то наіздитця! И зъ воротъ невиіде, ужé й розсúпитьця.

»Эгé, діду! бувае. Спасúбі; менé моі прихожáне поважають. Ти изъ першихъ; отъ и мою пасічку держишъ. Спасúбі імъ: толóкою сінце убрáли.

— Дакъ и ви жъ, батюшка, не въ примірь другимъ...

»Гаятьця жъ твоі діти!... А пійдіте скажіте, що, мовъ, батюшка клúче до христа приложитись.«

Прийшли діти.

»Прикладайтесь до христа, а теперъ идіте до батька—покиньте свою непéвну гадý.«

Воní стали брать суперéки, а батюшка велівъ ще й повинúтися супротивъ діда.—Батько мене не люблять,—невістка одказуе.—Дýрко, дýрко, каже дідъ: чимъ же я тебе зобідивъ? ти до мéне така не прихильна. Звісно, я тамъ більше радію, тамъ дітей кутокъ; а ви, спасіби Богу, мáете.

Синъ у руку цілуе батька: »и мене, каже, не жалуете, тáту; до насъ обохъ ви, якось, не прихиляетесь; ми—одрізана скúба одъ хліба.«

Батько ажъ затрясся.

— Сúну, не гніви Бога! Чи сіеі пýчки одтять, чи дрýгоі,—однáково болітиме: тáкъ и ти мені дорогúй. Згадай торішні рóки, побиванне мое вкупі зъ старóю за тèбе?! Якъ тебè забрáли у москалі, струсунýли ми усé село: зъ наёмцями усе возúлись; сотъ чотирі убúли ми, або й більшъ. Ні одного спокійного ночівля не мáли ми, поки тебе не вúзволили. Я бігавъ за наёмцями; старá слізьмі зголовье обливала, замірáла одъ жáху,—що, може, тимъ–чáсомъ якъ ми тутъ клопóчемось, тебé вже пострúгли. Щó придбáли ми, усé за тé-бе постановили. Чи ти не згадуешъ тихъ часівъ, якъ я зъ старою, уже черезъ два місяці—вúскепавши наёмця, прибігли до началства и, підъізжаючи підъ село, якъ вона, побачивши тебе уже на муштрі, замліла; послі—якъ вона раділа, плакала и приказувала?! »Я жъ,«

каже, »думала, синочку, що я тебе прикопа́ла«. Якъ вона за тобою побивалася! може собі й віку збавила... Дежъ ми тебе не жалуемо?!.. А тілько у васъ усякого дозвілля, а тамъ дітокъ кутокъ, та ще й дівчатка. *Сини́ принесуть, а до́чки й угли рознесуть*... Не нарікай, си́ночку; зрозумій мое правди́ве сло́во«.

Послі сёго діти примири́лися, батюшка молитву сотворивъ,—и сіли діти вкупі обідати.

Борзенський повітъ
Черніговськоі губ.

А. Не-чуй-вітеръ.

II.

ПРО ГАДЮКЪ.

— Оцю́ нічъ снилась мині гадю́ка, да така́ здорове́нна, що ма́буть вже и въ світі більшихъ нема́е: до́вга така—аршинъ зо́ два буде и товста́ да чо́рна. Лізе до ме́не да й сичи́ть—хо́че бъ то уку́си́ть. Я злакялась такъ що вже й души́ въ собі не чую́, ажъ тутъ яка́сь жі́нка й ка́же мині: не бійсь, ка́же, вхвати́ ії за го́лову да й одломи́. Дакъ я зра́зу ки́нулась до нёі, та вхопи́ла за го́лову и одломи́ла. Дакъ о́тъ-якъ! Що́ то воно́ зна́чить сей сонъ?«

— Дакъ ти, бабу́сю, ка̀жешъ, що таку́ велику гадю́ку ба́чила що вже й на світі більшихъ нема́е? а я чувъ, що на світі е еще бі́льші гадю́ки, ніжъ ти бачила, да тілько не въ насъ; а у насъ, нема й такихъ.

— »Иге-жъ! чому́ нема! Е и въ насъ такі, та тілько іхъ ніхто́ не ба́чить:—се вже-бъ то гадю́чі цари́ці. Якъ я ще була́ мале́нькою, дакъ чу́ла, що лю́де каза́ли тоді—якъ одна дівчина, недале́чко одъ на́шого села́, ба́чила таку́ гадюку. Я вже не знаю, чи правда сёму, чи ні: якъ люде брехали, то и я буду брехать. Коли́ хо́чте, то слу́хайте, каза́тиму«

— Роскажи́, роскажи́, бабу́сю: будь ла́скова!

— »Дакъ отъ-то́, кажу, недале́чко одъ нашого села, зъ Алти́новки (*), одна дівка й пішла́ шукать оріхівъ на Здви́женія. Хочъ уже тоді й не ра́нія була́ пора́ ходить по орі́хи, да щось ій заману́лось. Отъ, пішла́ вона да тро́хи й заблуди́ла, зайшла́ у пу́щу да тамъ блука́ла-блукала, щобъ ви́йти вже якъ на сте́жку, а по́тімъ—бухъ, да и впа́ла въ яму. Яма така глибоче́нна, що й світу невидно. Упала вона туди́, ди́витця—дакъ тамъ гадюкъ сила-силе́нная, ма́буть вони туди зо всёго́ світу зібра́лись на зімо́вья! Такъ усі зра́зу й ки́нулись до не́і, піднялі́ го́лови да й сичи́ть. Зляка́лась вона, вже й духу въ ії не стало. Колижъ ди́витця—одна така́ здорове́нна, да вся въ золоті—и лізе до не́і. Вона тоді собі: »отъ-тутъ же вже, каже, немину́ча смерть буде!« Колижъ та сама старійша гадюка прилізла до не́і да й каже,—та́къ-таки нена́че чоловікъ и ка́же: »не бійся, ді́вчино, нічо́го: безъ ме́не ніхто тобі нічо́го не заподі́е, я тутъ сама найстарійша, небійся!« Отъ дівка тро́хи й звеселі́ла, вже й смілі́йша стала, и гадюки переста́ли сича́ть до не́і. Зно́ву та золота гадюка и каже: »якъ схо́чешъ, небого, і́сти, то—онъ глянь, лежить ка́мінь—ти й полижи́ ёго.« Лизну́ла вона того ка̀меню—и істи вже не хо́че. Такъ жила вона тамъ цілі́сеньку зи́му и вже такъ привикла, що нічо́го й небоі́тця. Спе́ршу, дакъ може зъ ти́ждень вона не спала, усе боя́лась, а далій то ся́де було собі да й засне́. Схо́че було і́сти—то вку́сить оріха,—іхъ було таки тамъ чи ма́ло, гадюки собі понастяга́ли,—або лизне́ ка́меню того—отъ и нехо́че; а води тамъ и небуло́, да вона й не хотіла чогось пить. Отъ, кажу, жила вона тамъ якъ-разъ цілі́сеньку зи́му. Коли, са́ме на Благові́щення, прилізла та золота гадюка до не́і та й ка̀же:« а що, ді́вчино, чи зъ нами зостане́сся, чи мо' тобі хо́четця до своіхъ?« —Да воно̀ бъ то хотілось відсіли́ якъ-небудь ви́йти—да якъ ёго ви́йти?—тре́ба вже ма́буть ту́тъ зоставáтьця.—»Ні, каже гадюка: якъ хочешъ відсіля́ ви́йти, то й ви́йдешъ.« —Якъ же я ви́йду?—»А ось, становíсь на ме́не.« —Я жъ васъ роздавлю́, каже дівка: я́къ таки мині на васъ станови́тця.—Вона, бачъ, поважа́ла вже старі́йшу гадю́ку, щобъ нічо́го незаподія́ла, и велича́ла ї́ ви. »Да небійся, каже, становíсь«. Ста́ла вона, дакъ та гадюка якъ підки́не ії вверхъ—да й знову до-до́лу. »А що, каже, що́ ти тамъ ба́чила?« —Світъ, каже, бачила.—»Ну, дакъ становíсь же ще.« Підки́нула ії вдру́ге,

(*) Село кролевецького повіту.

а втре́те якъ підки́нула,—то й ви́кинула зъ тіе́і ями. Са́ме якъ-ра́зъ тоді́ роста́въ уже́ снігъ. Упа́ла вона на землю, промі́ння бли́снуло ій у ві́чі, а свіже́нький віте́ръ якъ поду́въ—то и обхвати́ло ій па́мороки. Упа́ла вона́ й лежить якъ неживá. Да́лій прокинулась, прочу́няла, да й ду́мае собі́: »Ну, щожъ теперъ робúть? До-до́му йти—не знайду́ слі́ду́, да й мо́ці таки не хвата́!« Коли идѐ чоловікъ—зъ того́ж-таки села, відкіля́ й вона̀, зъ Алтиновки, да ще й сусі́дъ:—гля́нувъ на ій—то й не вгада́въ: така́ вона зроби́лась жо́вта та худа́, не та, що була Мотря, а тільки снасть ій. »Чого́ се ти тутъ, каже, дівчино, сиди́шъ?« Росказа́ла вона ёму усе́, а далій и про́сить, щобъ прові́въ ій до-до́му.—Щожъ, каже ві́нъ, робúть мині́ зъ тобо́ю! Донести́ тебе я не зду́жаю, а йти за мною ти сама не змо́жешъ. Піду́ та скажу́ твому́ батьку, щобъ ві́нъ запря́гъ коня́ку, та приі́хавъ за тобо́ю«. И пішо́въ. Прийшо̀въ до ій батька, да й каже ёму: »А ну́ лишъ, запряга́й коня́ку, та ідь за своею дочко́ю«. Диву́ется батько, да й самъ невíрить своімъ уша́мъ, що̀ се ві́нъ чуе, бо ій вже давно й на́ світі не сподіва́лись. Росказавъ сей чоловікъ усе, що вона ёму казала, и сказавъ, де вона сидúть. Запрíгъ батько коня́ку, поіхавъ и взявъ ій відті́ля́. Рознесла́сь объ сёму́ по се́ламъ чу́тка, прибігли люде, дивлятця на ій—сидúть вона собі, жо́вта якъ воскъ,—звісно, нічо́го не пила й не іла. Одпра́вили Господу Богу молебень, що вона зоста́лась жúва, а голова звелівъ, щобъ після сёго ніхто́ не посмівъ ходúть на Здвúження по оріхи, або́ що-не́будь робúть. А вона́, небо́га, й ти́жня не прожила́: на тре́тій день и вме́рла; и хліба не іла—звісно, одви́кла.

Семенъ Войтокъ.

III.

ПРО ЗОЗУЛЬ, ПОСМІТТЮХЪ И ГАДЮКЪ.

(*Запúсано въ г. Мúргородí, 15 червця 1862 ро́ку*).

Була́ собі дівка, така хоро́ша, така! Та закоха́вся въ не́і па́рубокъ, тожъ коза́къ га́рний. Ото́, ходить до не́і: лю́блятця; а да́лі—й побра́лися. Живу́ть собі. Пішли́ вже й діти: хло́пчикъ та дівчинка.

Разъ, святка́ми, жінка й ка́же: А поідьмо оце́, чоловіче, до мого́ батька.

А ба̀тько ii та живъ десь поо́тдаль.

— До́бре, ка́же чоловікъ:—поідьмо.

Поговори́ли—зроби́ли. Забра́ли дітей, поіхали. — Ідуть собі, та ідуть,—ди́вляться—річка. Чоловікъ и ка́же: Ну, якъ же ми переправимось чере́зъ цю річку: во́зомъ ii та не переідешъ?.. Поки́ньмо, ка́же, на цімъ бо́ці коня́, то ти (на жінку) зро́бисся зозу́лею, та, взя́вши на кри́ла дітей, перелети́шъ, а я зроблю́ся ужа́кою—перепливу́.

Узя́въ вінъ переки́нувъ жінку,—ста́ла зозу́лею. Посажа́въ на кри́ла дітокъ—полетіла. Перелетіла вона̀ чере́зъ річку, та й сіла на тімъ бо́ці. А вінъ тожъ—переки́нувся ужа́кою—перепли́въ.

Звісно, все вже те роби́въ не чоловічою си́лою: духъ свяги́й при ха̀ті,—нечи́стий ёму́ помага́въ. Опени́вшись на тімъ бо́ці, впьять вінъ и самъ переки́нувся й жінку переки́нувъ,—зроби́лися людьми́, якъ и були́, и пішли́ вже пішки до ба́тька.

Прихо́дять до ба́тька,—ра́ді імъ всі, прера̀ді. Ска̀зано, не ба́чилися стілько. Пообідали. Після́ обіду жінка й чоловікъ спать поляга́ли,—поснули́; а дідъ зъ дітворо́ю гуторить,—зъ унуками, сказа́ти. Та ма́буть уже́ щось помітивъ недо́бре, и пита́етця въ ни́хъ: Що це, ка́же, у васъ за ба́тько таки́й?

— А хто ёго́ зна, ка́жуть:—оце́, якъ іхали, була́ річка, такъ переіхати й не мо́жна; то вінъ на ма́тіръ: Лети́, ка́же, ти зозу́лею, а я переки́нусь ужа̀кою—перепливу́. И переки́нувъ ма́тіръ зозу́лею, та насъ посажа́въ на кри́ла до не́і—перелетіли; а самъ ужа́кою зроби́вся—перепли́въ.

— Такъ хіба́ вінъ гадю́ка? пита́ дідъ.

— Та хто ёго́ зна,—одмо́вили діти.

Дідъ за́разъ пішовъ, ви́гостривъ ніжъ—и зарізавъ того́ чоловіка. Зарізавъ, та й закопа́въ—на вгоро́ді тамъ, чи де.

Проки́нулась жінка: Де це чоловікъ? пита́етця.

— Не зна́емъ... каже дідъ: пішо́въ куди́сь...

Отъ, жде вона́, жде—нема́.

— Піду́ жъ и я, ка́же: вінъ, ма́буть, додо́му попле́нтався, то я ще й наженý.

Попрощалась; забра́ла дітокъ—пішла́. Иду́ть-иду́ть—не ви́дко чоловіка. Вона́ й пита́е у дітей: Куди́ ба́тько пішо́въ?

— Э, ка́жуть,—дідъ ба̀тька зарізавъ та й загрібъ на вгоро́ді у я́му.

— Завіщо?—пита́.

— Та́ сказа́ла,—ка́же хло́пчикъ и пока́зуе на дівчинку:—що ба́тько гадю́кою перекида́вся; такъ дідъ и зарізавъ.

— Та бре́шешъ: то ти́ сказа́въ,—одмага́етця дівчинка.

— Та ні бо, ти.

Змага́ютця такъ собі: звертá одно́ па о́дного, та все йду́ть. Несчу́лися коли́ й до річки дійшли́. Діхо́дять до річки, жінка й ка́же: »За те жъ, ка́же, що ви́казали на ба́тька, що вінъ гадю́ка, ти, до́чко, лети посміттюхою, ти, си́ну, лі́зь гадю́кою, а я, ка́же, полечу́ зозу́лею.

Полетіла вона́ зозу́лею, дочка́—посміттюхою, а синъ полізъ гадю́кою. И ото́ вже росплоди́лися ажъ по сі часи́.

Ува́га. Онъ-то якъ, погля́ньте, наро́дъ нашъ вивóдить почáтокъ зозу́ль, посміттюхъ, гадю́къ. Всякий, хто хочъ тро́хи дослуха́вся, що лю́де говóрять, коли́ самъ неохо́чий дознава̀тись, мóже, чувъ, що зозу́ля не пару́етця, якъ о́тъ дру́гі пти́ці, не сама́ висижуе дітокъ, нікóли собі не вье гніздéчка и не несé туди́ яець, якъ дру́гі, а підно́ситъ іхъ у чужі гнізда: одно́ очере́тянці, дру́ге кропивьянці, тре́тє куди́ и́нше; и нікóли не несé двохъ яечо̀къ въ одно́ гніздо́,—все на́різно. Тамъ іхъ птахи́ між своїми й висижуютъ и году́ють тихъ зозуленя́токъ. А сама́ вона́ зъ весни́ на дереві, знай, *куку́ куку́*! віщу́е бъ то лю́дямъ, кілько віку жить! Перелетіла зъ гільки на гільку—куку́! А тамъ вжé хто нéбудь:« Зозу́ле, зозу́ле, скажи́, кілько мині лі́тъ жить?« Отъ вона́ й ку́ка поки ажъ мандри́кою объ Пе́трі не пода́витця! А за дітокъ ій и байдужé. — Оттако́ю жъ то наро́дъ нашъ, невгамонний до вигадокъ, ви́вівъ й жінку ту, немилосéрдну матіръ зозу́лю, що осуди́ла дітéй своихъ: одного́—знай стриба́ти по смітника́хъ, та по доро́гахъ, а другóго до су́ду пла́взати по землі...

Иванъ Руïна.

IV.

ЛИСТИ УКРАІНКИ.

ДВІ СЛОВІ ОДЪ НАСЪ.

Неразъ доводилось намъ читать, по московськихъ щоденникахъ, листи, які пишуть московські прості люде до своіхъ родичівъ, чи то до кого-иншого, а ще, здаетця, ніколи не було показано у печаті, якими листами подає объ собі вісті нашъ Украінський простий людъ.

Коженъ народъ мае свій поглядъ на жизть, на людей, на природу, посередъ якихъ пробуває; кожне слово, коженъ предмітъ, кожна година життя, оддаетця въ умі и серці увъ одного народу такъ, у другого инакъ: съ цёго-то коженъ народъ виповідае свои думки, свій поглядъ—по-своёму, своімъ власнимъ складомъ; тимъ-то й мова у кожного народу своя,—бо въ мові все життя народне, якъ небо въ воді, одбиваетця.

Правда, усі люде—брати рідні межи собою; и що можна сказать на одній мові, тежъ саме можна переказать и на другій: *те жъ саме*, да тільки *не такъ—саме*; можна ходить и въ чужіхъ чоботяхъ, и въ чужій одежі, коли до того дійдетця: да чи такъ же то воно буде личить, якъ своє власне?

Недавно, оце,—спасибі одному нашому приятелеві,—дойшли до нашіхъ рукъ два листи нашої землячки, питимої щироі украінки, Марусі Т. Съ правобочної Украіни, одъ Каніва, съ-по-надъ самого Дніпра, завела ii доля ажъ надъ холодну Неву, у Питербурхъ; гарну й молоду квітку, вишещену, на—волі, яснимъ полуденнимъ небомъ, доля пересадила у каменю столицю, що збудовалась посередъ Финського болота, підъ сірымъ неприязнимъ небомъ...

Прислухаймося жъ, якъ виповідаетця въ листахъ наша селянка *черезъ годъ* розлуки съ своімъ рідниmъ краемъ, изъ своею родиною.

Маруся Т. прибула сюди неграмотною. Печатаемо листи її зъ тою жъ самою вимовою, яку изнайшли въ нихъ, не переміняючи и не викидаючи ні одного слова.

Дуже подякуемо, якъ хто ще пришле намъ листи нашого коханого люду. *Ред.*

І-ИЙ ЛИСТЪ.

Здоровинькі були, моя ненько, моя рідна родиноньку, моя свята Украіноньку! Будьте здорові изъ святимъ літичкомъ усі! Поздоровляю я васъ изъ Причистою,—бо Спаса минувъ; а якъ минувъ Спасъ, то минуло и святе літичко изъ своімъ запашливимъ цвітомъ, изъ своімъ тепленькимъ духомъ, изъ квіточками. Та вже жъ, мабуть, й жита пожали и въ коши поклали, и тразицю покосили. Искажіть мині, моя рідна родиноньку, чи ви весипленько та здоровенько це літичко ижжили, чи ні? Хочитця знати мині... чи може такъ, якъ ми на чужій чужині, що ни знаемъ, коли наставало святе літичко, а коли минуло; бо тутъ усе холодно та дощі йдуть, то намъ тілько теперъ и рай одчинивсь. О, Господи Боже мій, який рай! матіночко моя рідненькая, яка я типеръ весипленькая! Про цей рай росказать... Ось постойте—лишинь, я вамъ усю свою пригодоньку роскажу про цей рай, який намъ Богъ давъ. Отъ-що.

То усе Григорій Миколаєвичъ низдужавъ, сердешний, а я була у чужихъ людей—училась платя шить; бо тіхъ нима людей, у котріхъ я була зімою: (вони поіхали на Вкраіну изъ Богомъ,—добрі були, спасибі імъ!) А мене Грицько Миколаєвичъ оддавъ до цапівъ ниокаянніхъ, щобъ більше навчиця, щобъ було съ чимъ іхать до-дому. Та я сама бируся, щобъ ни дурно була у цёму болоті, та й Гриць усе на мене здоровья убивъ, сердешний, до мене ходячи та за мою науку клопочучи. И частенько приходить до мене,—и гулять ходимо вкупі; бо я, одколи тутъ, та сама ни хожу, бо якъ би пішла, то бъ назадъ ни вирнулась:—заблудила. Бо тутъ така проклята прірва, що тільки чортівъ загонить, а ни людей,—та й чортъ краю ни найде. А хоть и підимъ, то що побачимъ?—Дорога каміна, стіни муровані, хати вилики, що съ піввирстви завздовшки буде одна; та нима ні двора ні кола, ні садочка, ні травиці; то що жъ? куди ни глянь, то чужий край, чужі люди,—то на що подивисся, чимъ порадуесся ради літа? А *голодній кумі, то й хлібъ на умі,*

то такъ и мині: хочъ тутъ и золото е, то мині байдуже, а якъ би садочокъ та травиця, то й рай. Господи! частенько про свою Україну згадую, що такъ тамъ гарно та весило, та зелено,—Боже мій! А я тілько й побачила рай на Маковія,—та й рай, моя матінко! Я, на Маковія, устала раненько, прибралась гарненько,—такъ-якъ и дома,—та ни до церкви,—та и сіла шить, (бо тутъ и у ниділю роблять). Сижу та на віконще поглядаю. Коли—гулькъ: приходить Грицько та й каже: »Це ви робите?! А я думавъ, що ти у церкві. Я бъ хотівъ, щобъ до церкви піти:—ти бъ побачила, якъ тутъ святять воду«. А мині й на руку ковінька, що я изъ радощівъ ни знала, якъ и вдягтись. Мирщій удяглась й пішли. Ну, що жъ тамъ, моя родинонько, бачили, то ниможна и росказать. Що тамъ було людей, попівъ, чинцівъ, и найстаршихъ, то хиба тілько у Київі іхъ більшь е, та одного видуть підъ руки, а той хрестъ диржить на голові. А по самімъ переду, чотирі другого хреста нисли:—двое нисли, а два палицями піддержували, шобъ ни хилився на-бікъ. Оце такъ діялось, якъ до води йшли. А на воді стоявъ величенний байдакъ, чирвонимъ сукномъ оббитий: такъ попи, чинці и найстарші пани туди пішли та святили воду.

Такъ ми після цёго пішли на кладовище, туди, де першъ Батькова Тарасова Шевченкова могила була. А тамъ, а тамъ, моя родинонько! Боже мій, якій рай! и ни бачила такого. Які тамъ могилки, у ліску, у квіткахъ, и на кожному хресті вінки повішані.

На могилі Тарасовій теперъ стоіть чорний плискóватенький рівний камінь, трохи вище чоловіка,—гарненько виточений, ажъ вилискуеця; зверху золота банька и хрестикъ золотий. А зъ обохъ боківъ золотомъ повиводино слова; якъ зайти зъ нігъ, то читаешъ: *Иванъ и Михайло Богомоли.* Михайло вмеръ 20 квітня. Грицько казавъ, шо вінъ бувъ студентъ, померъ за шість днівъ передъ тимъ, якъ підняли Тараса зъ могили провáдить на Вкраіну; викопали рядомъ яму. и поручъ зъ Тарасомъ полежавъ пьять день. А Иванъ, 30 роківъ, померъ 29 травня и лягъ у Тарасову могилу. Якъ станешъ въ головахъ, то читаешъ: *миръ праху чеснихъ труженниковъ науки*« и Тарасове слово: »Нехай спочиваютъ! Тілько іхъ и долі, що рано заснули.« Сердешні, якъ мині іхъ жаль! вони обидва молоді, одбились відъ роду, такъ якъ и я; склипили очі и полягли на чужині. Нихай імъ перомъ земля! И дуже тутъ гарно: и церковця, и гай величенький, и лугъ зелененький; а далі слобідка и край моря по-

чинае, и далеко–далеко видніеця море. И огороди е; у горо́дахъ чого́ тамъ нимае?! Чого душа забажае, то усе е: и бураки, и капуста, морквиця, огірочки, стрючечки, квасоля, кантопля,—и усе, що згодне для господи:—тілько батька та матирі нимае. Якъ би родина, Господи, то можна и раемъ назвати, бо такъ гарно шо ниможна! Якъ ми прийшли, то я закричала: рай, рай!—и ходила, —ни знаю я́къ любувалась тими квіточками; та цілий день любувались тимъ усімъ. Тамъ продають и намисто,—такъ мині Грицько кушивъ разо́чокъ блакітного, на память Батька Тараса. И такъ нагулялися, що на вилику силу до–дому приплуга̀нилися.

Оце усе було на Маковія.—Ваша *Ма́рія* изъ Грицькомъ. Кланяемось усімъ: батькові, матирі, братамъ и сестрамъ. Нивістці изъ си́номъ и усёму родові, и нашому доброму приятелеві: дуже я дякую,—що мене не забувае.

Прощайте! Спасибі, що прислали білетъ (паспортъ.) Матінко моя! вибачайте, що такъ довго листу ни подавала.

А тилятки ни продавайте...

II-ИЙ ЛИСТЪ.

Здоровинькі були, мій таточку и матінько моя любі, ріднесинькі! и братіки й систрици́, и нивістонько Хтодосю зъ Рома́нцемъ, и вся люба родино, моя ріднесинька Украіно!

На Спа́са були ми у знакомихъ, у нашихъ людей, и обідали, и дуже гарненько було. Спасибі імъ, добрі люди:—зовсімъ такий обідъ, якъ у насъ на Спаса: и мидокъ, и пирожечки, и усе́. Господи, якъ гарнісінько та весилісінько було! И тутъ я усе росказала про свою науку и про тихъ цапівъ ниокаяніхъ, де я училась,—що які–то люди нипе́вні! що понапиваюця, та бьюця, та лаюця погано, що ни можна и сказать! Такъ я Грицькові Миколаёвичові ни казала, бо вінъ сердешний усе низдужавъ, и безъ моіхъ розговорівъ ёму тяжко було; такъ я боялась, щобъ ёго ни потурбувати та й ни казала, бо трудно ёму було. А теперъ,—хвалить Бога милосердного,—здоровъ, такъ я усе́ росказала; а вінъ пішовъ та добре вилаявъ іхъ, а мине одибравъ одъ тіхъ людей.

Що ви мині білетъ прислали, спасибі вамъ що такъ скоренько, такъ–що саме на че́ргу було, бо Григорій Миколаёвичъ у другихъ поставивъ мине,—такъ тре́ба.

Та ще Грицько сказавъ, що коли хочъ, то поідьмо у манастиръ, —тутъ нидалечко; вирстовъ двадцять одъ го́рода е слобідка и тамъ манастирь, и зовеця Сергій,—то поідьмо,—на машину сядимъ. За одинъ часъ тамъ будимъ. Такъ я до цёго торгу й пішки, та й пішли до катаржного коника, що по сухій дорозі літае такъ–саме, якъ той, що одъ Київа по Дніпру:—що якъ сіли, то закричавъ та засвиставъ, та якъ политівъ, то й птиця такъ ни политить, моя родинонько!—и ни стямились, якъ и перилитіли. А тутъ, а тутъ, моя ненько рідненька! О, Господи Боже мій, чого тутъ нима! поле велике, лісъ здоровий, море широке далеко синіе—стілько очима ни скинишъ,—якъ небо блакитніе; и церкви хороші, и хати трошки похожи на наші, и люди убогі, и травиця зиленіе, и жито половіе; такъ якъ глянь, то поле и море и лісъ и скрізь рівно, хочъ бокомъ котись,—такъ, Господи, якъ хороше... просто, рай! Що хожу, що любуюсь—ни налюбуюся, що дивлюся—ни надивлюся; що́, Господи! усе знайшла... тілько, тілько одниі родиноньки ни найшла, моя матінько, моя рідна родинонько, моя свята Украіноньке! Господи, якъ мині подобалось, що такъ гарно! И я така рада була, що Грицько, дивлячись на мене та й каже: »коли тобі подобалось, то останься тутъ: провітрись після цашиного духу на вільнімъ повітрі; и будишъ до церкви ходить молитися Богу за батька й неньку и усю родиноньку, шобъ були здорові, а для себе просить у Бога талану, и на поле ходитимешъ; а я буду прііздить одвідувать тебе.« Такъ я оце, якъ почула, моя матінько, то ажъ пирихристилась, що у такому раю зоста́нуся! Такъ Грицько сторгувавсь зъ людьми за те, що я буду у іхъ *(у чужихъ людей)*, то по гривинику за сутки:—що свое істи, а тілько у іхъ ночувати. То ми думали, що на ти́ждень я остануся, ажъ, хвалить Господа милосердного, що місяць пробула, та й ни хочиця у городъ іхать; бо Грицько привізъ на спідницю, на корсетъ, на хвартушокъ, и полотенця на сорочечки. То я поки пошила та листи вамъ написала, такъ стільки прійшло: ці́лий місяць! Спасибі Богу и Грициві! бо дуже весиленько прожила, такъ, ніначе на Вкраіні побула и усе те бачила. Бо якъ сижу сама собі у кі́натi, у вечирі, то дівчатка исъ хлощями идуть изъ грибовиці и співають, —и дуже мині Украіну напоминають, що бувае такъ, що й заплачу. И згадаю, що́ ви тамъ, моя матінко, робите, що ви сами. А то— *те у лузі а те (въ) пиреплузі*, та й нікому й дома. Щось ви и за батька нагадали: може не здужають, борони Господи. Або може...

О, Боже мій милостивий! частенько те усе́ перидумаю, що ви написали, та й заплачу,—що яке вамъ горе... Охъ, Господи! сімы́ великоі переведеця ні на́ що. То Горпину оддасте, якъ добрі люди трапляюця; та уже пора бъ у добріхъ людей и Оникія жинить. Та що́ буде за козакъ, що дасьця Горпині під корито підвернуть; я бъ бувше нимъ, ни дався; та що́ й казать: Горпина—ко́зирь-дівка, хочъ куди! та́ підверне. Бо ії и Гриць дуже хвалить, що, каже, якби ії стільки поучить, якъ мине у́чять, то бъ вона *у го́ру плювала, а въ ротъ хватала*; а я такъ ни вмію. Та що́! за це нічого: якъ Богъ давъ, такъ и буде. А ви оддавайте изъ Богомъ,—нихай Богъ помага,—аби було за́що; а мині напишіть, коли буде виселя:—то я заспіваю та й заплачу, бо жалько васъ, моя ненько, що нікому вамъ робити того діла, я бъ примогла́ (приміла) политіла помогти вамъ робити того діла. Бо, хвалить Господа милосердного, мині нічого и Бога гнівить, мині добре,—мине и жалують; аби тілько Гриць здоровъ бувъ. А вамъ то, Господи, я знаю, я́къ тамъ; та й щожъ робить. Горюйте, поки я навчусь, та прийдимъ, то тоді вамъ полегшае. Я буду васъ жалувать и шанувать,—аби тілько васъ живіхъ застать. Що́ жъ робить? Божа воля: такъ Господь давъ, щобъ намъ порізниця: вамъ поклопотаця, а мині на чужині побуть, та побачить, якъ чужі люди живуть, та якъ жъ чужими людьми обвірта́тись. А якъ Господь поможе приіхати та зъіхатись до-ку́пи, то й побачите, що такъ ніначе съ того світа вирнулась и усе те бачила, що́ у пеклі робиця: Така свята та Божа буде ваша дочка Марійка. Тоді усі здивуетесь, що де́ та ділась гордисть, де ті примхи, де дурній розумъ? Усе те осталось въ чужіхъ людяхъ! Бо чужі люди зроблять зъ дурного розу́много, а злого—доброго. Тілько ви ни журітесь, моя матінко, та й людей ни слухайте, хто що́ ни говоритиме, бо люди Бо́жі собаки, то вони скажуть, що й на вирбі груші ростуть; та ні пакъ!—*ни въ ті взулась*. А ви на одного Бога надійтесь. Та й просіть, щобъ Господь давъ здорвья Грицькові, та й мині памьять навчиця. А якъ би памьять добра, то бъ чого тілько ни можна навчитись! А коли бъ ви знали, моя родинонько, якъ весило на світі жить, якъ що́ умієшъ. Що́ бі́льшъ умієшъ, то такъ ніначе більше світа бачишъ. Такъ само, якъ я бі́льше читаю, то мовъ більше світа бачу; и такъ само усяка наука. Я бъ усёго навчилась, и охота е, та кибети нимае,—та́къ-що Господи! що хочъ—Божа воля. Уже Грицько, сердешний, дуже турбуеця, щобъ изъ мене були люди, та

я й сама бирусь що можна, та й вінъ, сердешний, біга, клопоче за мою науку и щобъ я нискучала міжъ цапами. Ось я типеръ дé! ажъ за двадцять верстъ; то вінъ приїздить щó–ниділі або спредъ тижня прилитить та усёго понавóзе, якъ орелъ до дитини. Бодай добре було! Спасибі Богу и вамъ, и Грициві: мині ниможна сказать, що горе; поздоровъ Боже тілько Грицька, то бодай ни казать.

Ходимъ и гулять, и у царськимъ гайкý були (въ Стрільнинськимъ саду) и багато бачили квіточокъ, та ще дé–чого; та за це нічого говорить, бо я вчора що бачила! И на море хожу сорочки попрать; та я дукачикъ тамъ найшла, коло моря. И до церкви ходимъ, за васъ Бога молимъ, щобъ були здорові. Та разъ побачили, що продаютъ сливи—ýгорки (*венгерки*), а Грицько спитавъ: »по чому дисятокъ?« Каже: »по два злоти«. А я кажу: »*одъ смерти*!« И такъ–само и груши. А якъ борщу заманеця, то й карбованець убпреця,— та ще такий и ни буде, якъ дома. Ну, то бачите яке тутъ житя. Такъ–якъ подумаю, та ажъ серце заболить. Та що! *Хотíла баба вúрви, та у–сúлу сама вирвалась*;—*чи буде, бабо, решто, чи ні, а обичайки ни стане.* Та, зъ оцімъ словомъ, прощайте и зоставайтесь здорові усі! Вибачайте, що такъ довгенько ни писала, моя ненько; а типеръ читайте здоровенькі, и розбирайте, а за вною ни скучайте; бо знать, що ви дуже журитесь, або який клóпітъ е, бо що–ночі я васъ бачу. Дуже мині жаль, що Улянка пиздужа,— нихай ій Господь милуе. А Горпині—нихай Богъ помага на усе добре. А Оникій нихай здоровъ буде, бо я учора заплакала за ёго, якъ почýла, що у некрути братимуть:—дуже мині жалько ёго, сердешного. Та й усіхъ жалько:—тяжко скучаю.

Спасибі вамъ, моя ненько,—и нашому доброму приятелеві, и усій родині, и святій Украіні. Спасибі, моя Матінко, мое серденько, моя ластівко, моя зозуленько, моя рідненькая! Мій Таточку, мое серденько. мій голубчику, мій рідпісінький! Мої братіки, мої соколики, мої орли сизокрилі, мої рідні брати милі. Мої сестриці, мої перепилиці, мої пташечки щебетливі, мої сестриці рідні милі! Моя пивісточко, мое серденько, моя орличко, моя рідпісенька, кумо, мое серце Хтодосю! гляди мого сина—мого козака Романа, любу мою дитину, мого хрищеника: я бъ до ёго политіла, якъ би́ мала крила. Спасибі вамъ, моя родинонько, що я такъ зъ вами наговорилась: такъ, піначе усіхъ побачила. Прощайте! Оставайтесь здорові. Кланяюся я усімъ: батькові, матірі, Юхимові, Оникіёві, кумі Хтодосі, Горпині—сестриці,

Уляні—сестриці, сину Романцеві, Ганнусі сестриці, Палажці—сестриці, Домасі сестриці, дядькові, дядині зъ дітками, тітці Хроківні, и тітці Генисі, и усімъ, усімъ добримъ людямъ.

На Здвиженя, я була у церкві и усе бачила, якъ хреста воздвигали. Господи, Господи! якъ то хороше! такъ, ніначе на небо душу писли! Такъ якъ чинці заспівають, то мовъ тебе на крила піддіймають; такъ гарно, що ниможна и сказать! *Марійка.*

Прихильно кланюсь тітці Павлюківні, *старшинцевї* Марусі, бабі Артемисі, бабі Протянчисі, свасі, сватові, и усімъ Пікарцямъ. И Зилінськіві Мотрі—щобъ угірки родили, Якилині Кравцівні—спасибі ій, що батька Тараса шанувала—надъ нимъ співала; ми частенько ії дякуемъ за те. И Гапці моій подрузі, кумові Панікратові и Золотаренкові и Золотарівні. И поклоніця, моя ненько, моя рідненькая, усій родині, и святі Україні. А ти, Гарпино, поклонися усі молоді чиляднні, а ти, Оникію, поклонися козакамъ–парубкамъ и Горпининому жинихові. А ти, кумасю–серце, поклонися молодімъ молодицямъ, та й усімъ, та й прощайте! Оставайтесь здоровенькі.

Я учора за усіхъ Бога молила и на молебінь давала щобъ здорові були: на папірець записала, и читали; серце мое звисилилось, якъ почула, якъ називали мою родину;—бо я скоро поіду у городъ, у науку, бо й такъ забарилась. Спасибі вамъ, моя родино; не продавайте тилятки, бо ми дуже раді, що хочъ на хазяйство заклюнулось:—нихай буде хочъ бичокъ; а хто глядитиме и напуватиме, то ми такого гостинця привиземо, що ну! Спасибі вамъ, моя родино, живіть изъ Богомъ! Ми, дякувать Богу, здоровенькі; тілько у мене зуби болять, та кося лізуть: кажуть, тутъ така вода и таке повітря. Ваша *Марійка.*

Пишіть и намъ скоренько. Гриць вамъ дуже, дуже кланяеця. Напишіть, чи мали який прибутокъ изъ садочку, чи ні? Вибачайте! *Марія.*

УКРАИНЦЫ ВЪ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

Въ сентябрьской книжкѣ *Основы* 1861 года, мы сообщили свѣдѣнія объ Украинцахъ, переселенныхъ, съ мѣста родины, въ Оренбургскую и Саратовскую губ. Теперь, благодаря земляку нашему, А. Я. Макарову, мы имѣемъ краткія, полученныя оффиціальнымъ путемъ, свѣдѣнія объ Украинцахъ, живущихъ въ Восточной Сибири.

Въ Нерчинскомъ округѣ, въ Татауровской волости, Украинцы составляютъ цѣлое, *Николаевское*, селеніе. Они происходятъ отъ переселенцевъ изъ Харьковской губерніи, которые, въ концѣ минувшаго столѣтія, выселились первоначально на Кавказъ, а въ началѣ нынѣшняго—въ Восточную Сибирь, куда прибыли 1805 году, выбравъ предварительно, чрезъ своихъ довѣренныхъ, мѣста въ верховьяхъ рѣки Ингоды, гдѣ и устроили помянтое селеніе. Переселеніе ихъ сюда было добровольное, но по какимъ побудительнымъ причинамъ—это неизвѣстно, и они сами не помнятъ. Впослѣдствіи, когда поселеніе увеличилось, часть его образовала, въ 15 верстахъ выше Николаевскаго селенія, особый *выселокъ Тангинскій*, по имени рѣчки «Танга», которая тутъ протикаетъ. Этотъ выселокъ не имѣетъ значенія отдѣльнаго селенія и во всѣхъ общественныхъ и казенныхъ дѣлахъ самое селеніе и выселокъ составляютъ одно цѣлое.

Въ настоящее время, въ Николаевскомъ селеніи, 145-ть дворовъ, жителей мужескаго пола—646, женскаго—616; въ Тангинскомъ выселкѣ—дворовъ 38, жителей муж. п.—149, ж. п.—165. Сверхъ того, по недостатку земель, а также и подругимъ причинамъ, выселилось, изъ Николаевскаго селенія, въ другія селенія вплоть до г. Читы, въ разное время, 48 семей, въ коихъ нынѣ, надо полагать, приблизительно, до 600 душъ обоего пола. Николаевское состоитъ почти исключительно изъ Малороссіянъ.

Въ обычаяхъ, одеждѣ и языкѣ, народъ сохранилъ много украинска-

го, но есть уже значительная примѣсь великорусскаго и мѣстнаго инородческаго.

Главное мѣстопребываніе ихъ находится, какъ выше сказано, въ верховьяхъ р. Ингоды, въ 175 верстахъ отъ областнаго г. Читы. Занимаются они хлѣбопашествомъ по-преимуществу; землю воздѣлываютъ плугомъ, частію сабáнами на быкахъ (волахъ). Земледѣліе у нихъ въ хорошемъ положеніи, насколько это возможно по удаленности ихъ отъ всего,что́ способствуетъ къ улучшенію земледѣлія; но скотоводство не вполнѣ удовлетворительно по недостатку сѣнокосныхъ мѣстъ—сравнительно съ другими селеніями. Жители занимаются еще, въ осеннее время, добычею звѣря и кедровыхъ орѣховъ; но эти двѣ промышленности не сосоставляютъ для нихъ большой важности.

Мѣстность представляетъ *степь*, перемеженную въ различныхъ направленіяхъ увалами, на которыхъ мѣстами остался березнякъ, тщательно разработываемый подъ новыя пашни. Самое селеніе стоитъ въ 6 верстахъ отъ р. Ингоды, при озерѣ, и ничего живописнаго не представляетъ, равно — какъ и выселокъ Тангинскій. «Къ особенностямъ народа» (сказано въ оффиціальной бумагѣ), «нужно отнести то, что онъ трудолюбивъ; въ немъ *проглядываетъ* самолюбіе, иногда доходящее до грубости; онъ трудно роднится съ великорусскимъ населеніемъ, которое, впрочемъ, во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ ниже этихъ малороссійскихъ потомковъ.»

ЕЩЕ О ДѢТСКИХЪ СЛОВАХЪ.

Въ 8 книжкѣ Основы 1861 года была помѣщена замѣтка г. Ященка *о дѣтскомъ языкѣ* и при ней собраніе дѣтскихъ словъ (всего 45). Онъ, какъ замѣтилъ и самъ г. Ященко, далеко не полонъ, и я сообщаю тяперь нѣсколько дополненій къ нему. Г. Ященко говоритъ, что дѣтскихъ словъ не болѣе 60, но я знаю ихъ больше (у г. Ященка приведено 45, да у меня добавлено 38), а навѣрное есть много ще неизвѣстныхъ намъ обоимъ, и желательно, чтобы знающіе дополе нили насъ.

Въ свой словарикъ я вношу и уменьшительныя отъ обыкновенныхъ словъ, но употребляемыя исключительно въ разговорахъ съ дѣтьми, напр., *ру́ця*, *язё*, и т. п. Впрочемъ, такихъ есть нѣсколько и у г. Ященка, напр., *ки́ця*, *дя́дя* (у насъ, въ Таращѣ Кіевской губ. — *дя́дё*), *ма́ма*, *мо́ня*, и т. д.

А-дё-ти! } Такъ говорятъ дѣтямъ, когда онѣ играютъ въ прятки
А-ку́ку! } (прячутся и выглядываютъ изъ-за чего-нибудь).

Ба́зя—овца.

Ба́ле—бубликъ; а какъ дѣтямъ даютъ гостинцемъ чаще всего бубликъ, то балё значитъ еще вообще гостинецъ.

Бе—все нехорошее.

Би́ня—тоже что би́ця.

Бо́ля—картофель.

Бу́ба—значитъ ягода; у г. Шейковскаго—рака.

Бух—то́же что́ *бу́сі*.

Бу́зя—лицо, преимущественно, губы.

Бу́цё—яблоко.

Гамъ-гамъ } ѣсть.
Га́мати }

Га́йти—гулять.

Грішка—грѣхъ.

Дя—благодирить; а какъ благодарность выражается наклоненіемъ головы, то *дя* значитъ еще кивнуть головой, поклониться

Дя́дё—дядя.

Дя́бці, *дя́бки*—ходить.

Дзе́ня—деньги; все что́ звенитъ.

Э-эсь э-эсі—каки.

Ки́ка—говядина.

Ку́дри-кудрі (?)— вертѣть головой, чтобы развѣвались волосы.

Ку́ка—вошь.

Ку́пці—купаться.

Ло́зя—ложка.

Ми́ня—корова.

Ми́ся—миска.

Но́зя—нога.

Пу́ля—утёнокъ.

Ре́ва—1) плаксивое дитя; 2) олицетвореніе плача (?); когда дитя плачетъ, то ему говорятъ: *ось ре́ва грушечки́ росси́пала—пі́ди́ позбира́й*.

Ро́зя—розга.

Ру́ця—рука.

То́сі—плескать въ ладоши.

Хи!—обожжешься.

Цюні—тоже что́ пісі.

Чик-чик—слово, выражающее рѣзанье.

Язе—языкъ.

Въ-заключеніе, замѣчу еще, что всѣ эти слова имѣютъ одинъ общій характеръ: удареніе въ нихъ на *первомъ* слогѣ. Это тоже нужно принимать во вниманіе, и пр., при составленіи букварей.

И. Новицкій.

ВІСТІ.

Чесна душа нашого люду.

Ви узялись захищати намъ сільскій, убогій людъ одъ усякого нарікання и неправди, котра' наче цвіль историчня, ёго окривае ипридбала ёму ймення »незрячої темноти,« то вамъ певно прийдетця до души случай, що мені трапився 23 сентября сёго року.

Іхавши поштовимъ шляхомъ, що простягся зъ Никиполя до Катирнослава, загубивъ я гроши. Грошей було більше тисячи карбованьцівъ. Якось, підперізуючись на шляху, бо дуже холодно стало, упустивъ я гаманець и поіхавъ собі дальшъ; верстовъ зъ чотирі проіхавши. завернувъ у Захариньській трахтиръ. Росташовавшись на годину, оглядівся я—ажъ грошей кат' ма! Що тутъ зъ сина робити? заразъ побігъ вёрхи лакей, щобъ пошукати грошей на шляху,—але я вже не сподівався іхъ бачити: де-таки на поштовому шляху знайти загублені гроши, та ще, якъ на те, у Катириславі лучився ярмарокъ, то багато людей пхалось шляхомъ ажъ геть-то! то татаре зъ яблукама, зъ виноградомъ; пилипони зъ овчинами, жиди зъ крамомъ,-де хто бігъ на поштовихъ,—а найбільше наши селяне сунули хурами зъ сіллю. Не сподіваючись бачити грошей, лігъ я одпочити, звелівши кучеру стати біля воротъ да роспитуватьця у людей. Стоіть кучеръ; минули де-які німці на кургонахъ,—коли, баче кучеръ, наближилось вісімъ хуръ чумацькихъ и почали чумаки випрягати волівъ... Підійшовъ кучеръ.

— Здорові! Здрастуйте!.. А що? пита одинъ чумакъ — чи не вашъ хлопець побігъ верхи?

— Эге жъ, нашъ.

— Мабуть загубили що... чи не барило зъ водою?

— Яке тамъ барило? каже кучеръ пишаючись:—хиба ти не бачивъ, у якому экипажі ми бігли,—хиба пани возять барило у ридвані?

— Такъ може люльку панъ загубивъ?

— Яку тамъ въ чорта люльку! на́ що вамъ питатьця, коли не знайшли,—каже кучеръ одвертаючись:—гроші!..

— А якъ знайшли!—каже чумакъ узявшись у-бо́ка...

— Що?.. якъ?...

— А скажіть, у якому кашшуці ваши гроші?

— У шкуратяному гаманьці, ще й ретязкомъ перечеплені... Гроші знайшлись!—гука кучеръ и біжить у кімнату—Жиди підняли галасъ: »гросі цоловікъ знайсовъ и віддае—ото дурний»!..

Почувши сю шараварку, вийшовъ я зъ кімнати.—Хто знайшовъ гроши? питаю.

— Я, пане, одвітуе молодий ще чоловікъ вклонившись пріязно и подаючи гаманець.—Це вашъ?

— Мій, спасибі тобі.

— Добре жь, перелічіть, чи усі гроши?

— Не хочу лічити; ти вважавъ за гріхъ затаіти чужі гроші, певно до іхъ не доторкався..

— Правда! спасибі за шановне слово, пане!

— На жъ оце тому, хто знайшовъ, пятдесятъ карбованцівъ.

— Спасибі! оце вже именно моі гроші, каже вклонившись чумакъ Гукнувъ я заразъ поставити могоричу; ніколи менi не було такъ весело тоді, якъ ми кричимо: »подай шампанскаго« — Посідали ми собі любенько на лаві. Відкіля ідете и якъ прозиваетесь?—питають.

— Ми сами зъ Томаківки (каз. слобода), пане, сёго жь таки Катирнославського повіту, наветь всі шестеро родичі,—мовля маленькій старенькій чоловікъ. Мене прозивають Ивахненко Иванъ;—а се, що знайшовъ гроши, синъ мій Митрофанъ.

— Якъ же ви знайшли гаманець?.

— Ідемо ми,—каже Митрофанъ ухмиляючись,—коли я забачивъ біля шляху щось блищитця; уставъ, піднявъ гаманець,—коли заглянувъ у середину, ажъ тамъ грошей сила! сотенні и усяки.... Го..го! братці, кажу: тутъ буде намъ усімъ.—А батько кажуть: »гріхъ отъ Бога затаіти чужі гроші: побачимо перше чи не будуть іхъ питати, а коли на шляху ніхто не спитае, то въ губерні ще при барабані може оповістять, що такі великі гроши загублені и тоді треба іхъ віддати...а то гріхъ!»

Отъ воно що!

. . . . . .

Будьте ласкові, оповістіть про цей случай: хай де-хто увіритця, що на Вкраіні багато людей, убогихъ грішми и значністтю, котримъ правда Божа и честь вище злота.

»Отъ дѐ, люде наша слава
Слава Украіни!
Безъ золота, безъ каміню,
Безъ хитроі мови,
А голосна та правдива
Якъ Господа слово!

В. Косовцовъ.

7 октября 1862 р.
Волость Сигоръ.

ЛИСТЪ ЗЪ ГА—ЧА.

Давно́ вже збира́юсь я написа́ти до васъ, добро́дію, та все я́кось то не прихо́дилось. А оцѐ зібра́вся—пишу́.... Та не зна́ю, за що́ наперѐдъ й вхопи́тьця: и за те бъ тре́ба и за дру́ге. Та неха́й щойнше тро́хи підо́жде, до другого ча́су, а тепе́речки пе́рве-на́-перве скажу́ кілько слівъ за волю; бо за нашъ повітъ объ цімъ, здае́тця, ніхто́, окро́мъ яко́гось п. П. С-го (*въ Москòвскихъ Відомо́стяхъ 1861 р.*), ні сло́ва печатного не сказавъ. А та́къ—дѐ вже не говорить? Ку́ди не поткни́сь—тілько й мо́ви:... «якъ воно́ да́лі бу́де? та що тепе́ръ робѝтимемо? куде́ ёго́ ки́нутесь?...»

Хай же вони́ собі ра́датця на здоро́вье, а ми тимъ ча̀сомъ роска́жемо, якъ лю́де стрітили во́лю и якъ у насъ вводятця уставні грамоти.

Спе́ршу, якъ тілько була́ объявлена во́ля, ій скрізь по повіту привита́ли тихо, ми́рно, якъ и слідъ, — безъ всякоі бу́чі. Въ однімъ тілько селі скоїлось щось тро́хи не доладне... та й те, дя́ка Богові, шви́дко зати́хло: приняли́сь зно́ву робѝти, якъ и робѝли, та толкува́тись. Такъ добѝли ажъ до сего́ ро́ку; а тутъ уже́, звісно, бувъ на о-брязку́ кінець уставні гра́моти вво́дить. У насъ, ба́чите,—чи воно́ уже́ така̀ поведе́нція паску́дна, чи Христо́съ ёго́ зна,—оце́, якъ що

роби́ть,—не ро́блять ёго́ заздалегі́дь—покво́лому, а все доведу́ть ажъ до кінця́ часу,—якъ-то ка́жуть: ши́ти, біли́ти—за́втра вели́кдень,—тоді й за робо́ту. Ото́жъ така́ са́ма до́ля ви́пала и уставни́мъ гра́мотамъ въ на́шімъ пові́ті... Приняли́ся ї́хъ вво́дити: вво́дять и вво́дять, та ще й до́сі не всі повво́дили, а де́-где ще й не ро́блені (не напи́сані). А вво́дивши, тожъ хіба безъ клопо́ту обійшло́ся?,.. Эге́, якъ-ра́зъ!... А все чере́зъ те, що крепаки́ не гара́здъ поняли Положе́ние, а посере́дники... *пани́ якъ пани*, ка́же народъ... Вре́менно-пови́нні боя́тця іхъ, не вірять імъ: вбача́ють у нихъ щось чино́вне—страшне́... Свое́му нача́лові (такъ крепаки́ звуть у насъ своіхъ старши́нъ) тожъ не йму́ть віри. «Злигався,—ка́жуть,—зъ пана́ми—па́номъ (?) и ди́ше, за па́на й ру́ку тягне.» Онъ-то, ба́чите, черѐзъ що оце замьятня́ зъ тими́ грамотами и клопо́ту не оббере́сся... Та все-таки яки́й посере́дникъ обіхо́детця зъ крепа́ками до-ладу́, якъ и слідъ би посерѐднекові: поба́ла́ка зъ ни́ми по-про́стому, роска́же, що тре́ба, безъ кри́ку,—то й вгаму́ютця и соглася́тця підписа́ти гра́моту; а яки́й базіка зъ ни́ми по-пісьме́нному—зви́сока, то вони́, не второпавше, одъ ёго...

У на́шімъ пові́ті три посередники. Та на одній, ка́жуть, руці па́льці—та не одна́кові,—такъ на́ші й посередники: на однімъ місці—та різні лю́де. Увъ одного вже гра́моти ма́ло не всі повво́жувані, у друго́го—тожъ, а у тре́тёго—якъ зака́зано: то тамъ тільки, то тамъ. И все жъ таки́, скажу, це не відъ ко́го більше, якъ одъ сами́хъ посере́дниківъ... Той, у котро́го вча́стку ма́ло не всі повво́жувані,—роска́зують,—приіде, зізве грома́ду, та й витолко́вуе ій все по-на́шому,—тоба́ки ріжо́къ ви́нюха, та ще, коли́ не ста́не, и у грома́ди, у ко́го е, ви́просить, та все висло́влюе Положение,—отъ вони й зго́дятця: одні тамъ на чиншъ, другі—на одробітокъ, трѐті—на ви́купъ. И такъ у ёго вча́стку ти́хо, вво́дятця гра́моти; хочъ не безъ то́го—и́ноді й супроти́вки не оббіжи́ть, та все не такь: бо вінъ селя́намъ-крепака́мъ не такій страшни́й, хочъ трохи не панъ якъ панъ: вони́ ёму, хочъ трохи, йму́ть віри. А онъ той, послі́дній, що не повво́жувані гра́моти,—хочъ іхъ, правда, у ёго́ вча́стку и́ наибільше,—не те щобъ же, сказа́ть—нічо́го неро́бить,—ні: вінъ и клопо́читця и ро́бить, та ро́бить я́кось ина́къ: не вірять ёму крепаки́, та й не хотя́ть гра̀мотъ підпи́сувати. Вже чого́ не ро́блять тому́ бі́дному наро́дові: да нічо́го: »до слу́шного ча́су,« та й до слу́шного!... Уівся імъ той слу́шний часъ! А й тутъ ніхто́ жъ таки́, якъ самъ посередникъ, винова́тий: бала́ка зъ крепака́ми ду́же по-пісьменній, по-па́нській... Зъ *бу́рха*, зна́ете, такъ де вже ёму́ зіро́къ зъ

нéба не здіймáти!... Хочъ вінъ и розýмний чоловікъ и, прáвда, гáрно,—якъ-то кáжуть—на солóдкімъ медý балáка до громáди,—такъ балáка, що якъ би дé-нéбудь въ висóкімъ будúнку, зъ трёхъ-аршúнними вікнами,—де все те—а ні прúступъ нáшому брáтові,—зъ панночкáми, що якъ пáви розряжені похожáють,—то такá річъ слухалась би й залюбкú, ще й дивовáлися бъ: »якъ воно́—сказáли бъ—и вродúлося такé солодкомóве!» Та то—въ будúнку! а будúнокъ зъ панáми та панночкáми—не сільськá громáда. Нашъ прóстий народъ, кільки ёму такъ не говоріть, одкáже на вáше солодкомóвство послóвецею:—*гáрно речéшъ та въ громáду не берýть*!—Бо й прáвда.... Чи вже жъ такú прóстому селянúнові,—не кажý вже—хуторянúнові,—котрóму, мóже, разівъ кілько довóдилося балáкать зъ пáномъ, та говорúти такъ звúсока, по-пісьмéному,—та ще якъ? нинáче лéкцію читáти??? О, бодáй васъ, п. посередéднику, зъ вáшими читáннями! Якъ-то ви вúсоко літáете!!.. Якъ ви не мудрýете, а все—тільки народъ мордýете! Вамъ же й нічóго: ви тільки, мóже, росéрдитесь, що васъ громáда не пойме, покричитé та... «усмирю!...» и поідете, а народъ сердéшний за васъ й одвічá... Такé оцé недáвнечко скóілось: іхавъ губернáторъ мимоіздомъ, та й застановúвся у насъ у гóроді. Вчинúли, якъ то кáжуть, явку и посередники. Г-ръ питáе за грáмоти—чи багáто ще невведéнихъ? Одúнъ посередникъ одказáвъ, що въ ёго—10, другий — 12 чи 15, а солодкомóвий-щось 80 чи щó (?!) (Кáжуть, буцімъ у ёго вчáстку и всіхъ грáмотъ стільки нема́, а вінъ пóмилкою и мілкопоміснí туди вбгавъ).—Чогó,—запитáвъ г-ръ,—стільки?— Не хотя́ть крепакú землі брать,—одвітивъ посередникъ. Звісно, одвітивъ по-панськúй—не по-нáшому. Г-ръ звелівъ зізвáти тихъ, що цурáютця землі. На другий день зібрáли зъ селінія однеі панії (вонá, здаéтця, и домá не живé) крепаківъ душъ 70. Почáвъ іхъ знóву посередникъ уговóрювати, щобъ згóдились,—такъ ні: «до слушного чáсу,» да и годі. Вмовляли ихъ, вмовляли: якъ горохомъ объ стіну,—та й за экзекýцію.... А все жъ нічóго не вúбили:» Бóгові и Царéві повинýемось, а землі брать не хóчемо: ні зъ чогó намъ платúти; а робúть не бýдемо:» Якъ одпустúли вже іхъ до дóму, то, казáли, бýцімъ рóта въ те селó пóслана, а становúй ще, у котóрого стáні те селó, такé гúдке казáвъ,.... що цуръ ёмý: колú бъ більше не довóдилось и чýти такóго!.. Якъ у ёго й язúкъ у рóті повернýвся?.. Після́ тóго вже, чи ввели́-такú справді въ селó рóту, чи ні, и чи взяли́ лю́де зéмлю—нічóго не чувъ,—не знáю. Такъ отъ вамъ якé лúхо!

Не слу́хають наші посередники,—не кажу́—всі,—щи́ро розу́мної ра́ди високопова́жного народолю́бця в.-п. д. В. Кулика́, котри́й, роска́зуючи за пе́ршій мирови́й зъіздъ у Полтаві и за пу́блику, котра́ »ви́йшла зъ по́внимъ серцемъ, ти́хо радіючи святій пра́ві,«—запримічуе, »що було́ бъ ще кра́ще, якъ би п. п. посередники промовляли до селянина »тимъ сло́вомъ, якъ вінъ звикъ чу́ти на селі, а то вінъ, зъ того »канцелярського письма, не все гараздъ утороне.» А да́лі той же народолю́бець додае́: «Найважніше діло: віра у правду судову́,—а ті- »сі віри инакъ не можно здобутись у народа, якъ балакаючи до нёго—ёго власною мовою и звичаемъ:» Не-то бо-то й що́, добродійство: у тімъ солодкомо́встві панськімъ посерѣдниківъ зъ селя́нами усе й ли́хо кри́етця...

Ду́же вели́кий жаль,—ка́жуть усі, хто бажа́ добра́ пара́одові,—що Положе́ние не переве́дено на на́шу мо́ву;—це са́ме скажу й я.. та що́ роби́ть?..... Хоча́ бъ же ви, пано́ве посередники, згля́нувшись на цю недоста́чу, або хочъ на наро́дъ, котри́й крепаствомъ (бода́й не верта́лось!) звьяли́ли,—занеха́явши отту́ пиху́—ва́ше нікче́мне солодкомо́вство, — послу́хали до́броі ра́ди високошано́вного народолюбця и вислóвлювали ёму (наро́дові) зъ Положѣния хочъ дѣщо, що́ потрібно зна́ти ко́жному крапако́ві, «его власною мо́вою», якою, мо́же, и ви ви́мовили пе́рше слово, — вислóвлювали такъ, щобъ вінъ васъ утороне́павъ и повірив у ту «пра́ву судову́.» Бу́дьте пе́вні, нічо́го бъ зъ тіеі бри́дкоі колотне́чі не дово́дилося бъ и чу́ти. Та й спра́ві—чи не лѣгше жъ таки́ одному́ чоловікові прила́дитьця до цілоі грома́ди, чімъ цілу грома́ду прила́жувати до одного́ чоловіка?..

Мо́же п. посередникъ поду́ма, що я бажа́въ ёго обідети,—ні!—крий Бо́же! Нико́го я не жада́ю обіжа́ти, а, бажа́ючи добра́ наро́дові, вказа́въ на ёго, якъ би на фактъ, що й посередникамъ нема́ ніякоі кори́сти, окро́мъ вреда́ наро́дові, бала́кати до нёго—не ёго мо́вою: кільки ёму не кажіть—даре́мна пра́ця: вітеръ однесе́ ваші слова́ геть, а грома́да усе́ вамъ бу́де одніе́і співа́ти... и, знай, кли́катимете ви собі на підмо́гу *ни́жню*, не гля́дя на те, що посередникъ—якъ на мою́ ду́мку—повиненъ бу́ти за́хистомъ для крепаківъ, боронити іхъ...

Изъ Прилукъ, и другія письма, отлагаются, по-необходимости, до слѣдующаго номера.

16188
ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 9-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Аби́-де́ — гдѣ-бы-то-ни-было, гдѣ нибудь.

Баю́ра (Волынь) — лужа, глубокая грязь.

Безго́дний — неблаговременный, не благопріятный (*у Сковороды*).

Бе́шкетъ — наро́бить бе́шкету — надѣлаетъ бѣды, безпорядку, — вверхъ дномъ поставитъ.

Бо́клагъ—плоскій бочепокъ.

Бирюковатий—люде бирюковаті зъ панами — надутый, сердитый, недовѣрчивый.

Бри́шкання — заносчивые капризы; надменность.

Ваганй́—ночвы. Корякъ великій, коріччя.

Валю́кою-ле́жники справля́ти, валю́кою ді́ло — валяясь, лежа, лежмя, лѣнясь.

Вартови́къ — часовой; стражъ.

Велероссія, Великороссійці — Великороссія, Великоруссы (*у Сковороды*).

Ви́шк (щ) иряти (зу́би)—выскалить (зубы).

До-голосу — вима́хуючи руко́ю до-голосу — въ тактъ, согласно.

Вороній (сірякъ)—черный.

Вспра́вжній — спражній—дѣйствительный.

Га́да—мысль, дума.

Га́нить — дурно отзываться о комъ; пренебрегать кѣмъ.

Го́рдощі—(мн.)-гордость.

Граблище—с.тавши граблищемъ—разставивъ ноги.

Ге́йкання — повелительное покрикиванье: эй! гей.

Гнучки́й—гибкій.

Говіръ—говоръ.

Голічерева—Брався й голічерева, й сторчака — не спитця, та й годі! ницъ, голымъ брюхомъ.

Голи́нний—смѣлый, храбрый, молодецъ.

Гойда́ти, — гойдатися — качать,—ся, колыхать,—ся.

Денце—(ум.) дно.

Дзи́га—юла.

Ділини́ця—раздѣлъ; дѣлежка.

Довготеле́сий, — а, — высокій — длинный — вытянувшійся человѣкъ, — женщина.

До́коръ (докоряти)—укоръ, упрекъ.

До́ти—вм. до́ки—доколѣ (*у Гаврища зъ Охтирки*).

Ду́же—очень, слишкомъ.

(Ду́мкою) — самъ-собі ду́мкою — думая про себя.

Дуплина́стий — толстый, пустой внутри.

Ду́ся—душенька.

Еди́ность—единство (*у Сковороды*).

Жабури́ння—На не́бі, мовъ жабури́ння, попьяли́сь скрізь бі[illegible]лі хма́ри — водорасли, сплетшіяся вмѣстѣ въ гнилой водѣ; внутренность дыни, тыквы (переносно?).

Замарудити (му́ха у но́сі замару́ды ла) — защекотать; на Волыні мару́дити тоже что дрімати.

Загадарті—сказать, напомнить, повелѣть.
Замгнýти—сомкнуть (глаза во снѣ).
Замятня́—замѣшательство, смута.
Замýжжя—замужество.
Запáзушна (гадю́ка) — запазухой находящаяся (*у Сковороды*).
Засябрувáти — стать въ—завести—сосѣдскія отношенія.
Затúмъ, що—потому-что, такъ-какъ.
Захéкатись—устать; часто дышать отъ усталости.
Заяло́зиний—засаленый.
Збýтокъ—сбытъ. См. *сходъ*.
Звича́йний—вѣжливый; обыкновенный.
Звúчка — привычка, обычай—обыкновеніе (*у Ст. Писаревскаго*).
Здоженýть—(множ.) догонятъ.
Зéла—травы.
Змýнить—сонце то засяе, то змýне—померкнуть.
Зиущáтись—издѣваться.
Зрахováти—расчитать; понять, смѣкнуть; опомниться.
Зря́чій—Рашавці—народъ зря́чій—смышленый, осмотрительный.
Зусúлля—усилія; жертвы.

Инжиръ—винныя ягоды.

Існий, існі́сінький—истинный, вѣрный, настоящій.

Катлáмъ—катлáма—греческое купанье изъ копченаго жиру.
Католупъ—палачъ, живодёръ.
Картацькій — жовто-гаряча картáцька плáхта. —
Каэ—(каже)—говоритъ.
Кáятте—я—раскаяніе.
Кнéтця—икнется.
Коліщсчаста запаска — тканье съ узоромъ кружковъ, колесъ и проч.
Копúтникъ — трава, употребляемая въ щелокъ для стирки бѣлья.
Корéць—ковшъ.
Книгохрáнка — библіотека (*у Сковороды*).
Коржъ—лепёшка.
Кóрки—подборы въ обуви.
Коць — коверъ.
Крúси—(соломянний бриль зъ широкими крисами)—поля шля́пы.
Крюча—круча.
Кряжъ—корпусъ. туловище
Кудла—нечесаная голова; сбитая въ комокъ шерсть.
Куцина—(куцая) короткая одежа.

Лепъ—потная грязь.
Ла́ститись—ласкаться.
Лідниця—ледникъ.
Ліска—одчини. ма́ти, ліску—изгородь.
Літній (чоловікъ) — возмужалый, старый—многолѣтній (?)
Лиця́тися—любезничать, ухаживать за женщиной, вызываться, засматриваться.

Маёрить—сонце маёрить міжъ хмарами.
Мантýлки — мелкіе лакомства—гостинці—зъ базару: бублики; паляниці, суслики и проч.
Мúтусь (скла́дений) — сложенный корешками въ разныя стороны (о комышѣ).
Мúтель—щелокъ, въ которомъ стирается бѣлье.
Млипъ—мельница.
Моторніший — матерніший — коренастый (чел.), плотный, толстый, матерой?
Мурýгий — коричневый (?).
Здóліти—быть въ силахъ что́-либо сдѣлать.
Ма́йва,—Вúйва, (сочин.)—флагъ.

Навма(н)ня—на обумъ, куда-глаза-глядятъ.
Навсúдьки—сидя, сидмя.
Навстóячки—стоймя.
Надозóлить—надоѣсть сильно, насолить.
Наёмець—наемщикъ
Натоптуваний панъ—грузный, тучный, плотный.
Наýка—на-наýку—для наставленія.
Невга(о)мóнність — неугомонность.
Нéгідь—негодное, мерзкое; пороки.
Негóда—непогода.
Недотéпний—неспособный.
Непотрéбний—негодный (Вкрасти щó я непотребний) (*у Ст. Писаревскаго*).
Ненарóкомъ—нечаянно, невзначай.
Не-скíлько — перегодúвши нескíлько — немного, нѣсколько, (погодя).
Нечупáрний—непріятный, невзрачный (?).
Нýжа — вши.
Ню—якъ увійти въ ню—какъ войти въ нее (*у Ст. Писаревскаго*).

Обича́йка—деревяный кружокъ, на который натягивается полотно (полотéнко) (середина) сита и решета.
Обіхóдливий—обходительный.

Облизня піймáвъ — какъ несолоно хлѣбалъ; только облизался.

Одгрібáтись (одъ кого)—отдѣлываться; увиливать.

Одліпортувáти—отрапортовать.

Окрепля́ти—скрѣплять.

Окрилáтіти—окрылиться (*у Сковороды*).

Олéся—Саша.

Опáрити—ошпарить.

Опірáтись — упираться, противиться.

Осúчина—осиновое дерево и лѣсъ.

Осмикнýти—обдернуть.

Остúти—наскучить, опостылѣть.

Острога — шпора; копье, употребляемое при рыбной ловлѣ.

Отруíти—см. струíти-

Отшмагáти—отдуть кнутами.

Отъ я́къ—какъ-то.

Па́зька—

Пала́жка—Паша, Пелагея.

Палимóнъ—(увелич.) палка.

Пáшмурно—пасмурно.

Пла́вл(и)я—болотистый лугъ.

Патруíти—отравить.

Переваги-ваги — сякъ-такъ, переваги-ваги, допхавсь на возі підъ село—плетясь, тащась, переваливаясь съ ноги на ногу; черезъ разныя препятствія переѣзжая.

Перезна́ть—все узнать (*у Сковороды*).

Перопочúти—отдохнуть.

Перекорúтись — перемѣниться въ повиновеніи.

Перепись—копія, переписка (*у Сковороды*).

Перехиля́тись — перевисать; наклониться черезъ что-либо.

Перíстий — пѣгій.

Пи́поть — типунъ. Нехáй імъ пипоть на язúкъ.

Півкúпка—(умен.) полукопна (25 к.).

Піддобритись—подслужиться; подкупиться.

Підсúнене—óко—подбитый глазъ.

Пітка́ння—(основа и пітка́ння) — поперечныя нити, которыми перетикáють основу—первоначальныя нити холста.

Плóскоть. плоск(у)інь—Cannabis nativae (женское растеніе).

Плóску(і)нь—см. плоскоть.

(Поднебесний) позоръ — зрѣлище (*у Сковороды*).

Покрúвсь—у двіръ до пана—скрылся, вошелъ во дворъ къ пану.

Пóкришка—крышка.

Полотéнко — (Обичáйка и) полотéнко на решето — самое полотно, сквозь которое что-нибудь просѣвается.

Помку — у — помку — въ памяти.

Порúвця — птúця стала порúвця въ полі.—

Пороша — только-что выпавшій снѣгъ.

Пóти—вм. пóки — пока (*у Гавриша́ зъ Охтúрки*).

Потúлиця — затылокъ.

Похмíль, род. п.—похмілю́ (*у Ст. Писаревскаго*)—похмѣлье.

Предузвíлля.—

Приня́жувати — заманивать; пріучать.

Прúпу(о)тень—дикій голубь, крупной породы.

Прискіпатись—придраться.

Проскубти—прощипать.

Простудúтись — остыть къ кому (къ женщинѣ и т. п.), (*у Сковороды*).

Простяглúсь да́лі—потянули — пошли—дальше.

Прóтягъ — длинный слогъ, удареніе *И. Коваль*, (*зъ Звінигородки*).

Прóтягомъ—разстояніемъ.

Прядúва—(собират.) — всѣ растенія, употребляемыя въ пряжу: пенька, ленъ и т. под. (?)

Пýстоказáть пýсто — вздоръ, пустяки говорить

Вбóго—бѣдно.

Рúхва—оковка кругомъ матóчини.

Ріше́нець—рѣшенье; опредѣленіе; намѣреніе.

Роме́нъ—простая, полевая романка.

Роскаря́читись—разставить (ноги).

Роскúпений—раскинутый,

Роскоштувáти—раскусить, — войти во вкусъ,

Ротиня́—(ум.)-ротикъ.

Ру́чій — Рашавці — наро́дъ ру́чій—ловкій: Удалой (?) *Щ—къ*.

Ручъ—обíручъ, у ліву-, у-праву ручъ—обѣими руками, слѣва, справа, въ лѣвую, въ правую сторону.

Свíччити — наставлять, толковать, поучать (?)

Семеря́жка—сермяжка.

Семіря́ка—сермяга (*у Ст. Писаревскаго*).

Скабка — скоба; скáбка въ óці — учéцъ въ глазу.

Скúба — ломоть.

Скиплúна—

Скупиндя́—скупецъ.

Славя́нъ, им. п. ед. ч.; род. п. — Славяна—славянинъ,—а (*у Сковороды*).
Слопе́ць—родъ западни.
Слупъ—столбъ.
Сма́жиний—жареный.
Спи́сокъ—копія (*у Сковороды*).
Спо́вичъ—свивальникъ.
Спрягти́—спечь, исжарить.
Спустъ—три ведра выкуренной водки (спускъ).
Стать — разрядъ, состояніе (*у Сковороды*).
Старовина — растеніе.
Сти́нутись—подняться на ноги; тронуться, двинуться съ мѣста.
Стовбу́нъ — горшокъ съ прямыми краями) (?
Стрибулькувата — гора́ — отлогая, не очень крутая (?).
Стрічка (півстрічка)—строчка, (полстрочки) (*у Ст. Писаревскаго*).
Струіти — отравить,
Суперéки — противорѣчіе, возраженіе.
Сутужно—трудно, тяжело.
Сходъ—Нема́ схду й на́шому товарові—сбыть (товару).

Тагани́-триноги — треножникъ на которомъ чумаки варятъ кашу.
Тарань—родъ вяленой рыбы.
Те́ні—Теревéні по те́ні—вербóві колéса—вздоръ.
Тетерва́къ — тетеревъ (*у Сковороды.*)
Тру́сость — дрожь (*у Сковороды.*)
Тру́та — зілля — Ядовитое растеніе.
Турготіти (у вікно) — дребезжать, стучать (въ окно),

Ужива́ти — пользоваться, употреблять (*у Сковородды.*)
Уточи́ти — напустить (посредствомъ крана.)

Ха́лепа — напасть; бѣда.
Халя́ва — голенище.
Харко́ — Захаръ.
Харковъ (городъ) — Zachargolis (*у Сковороды.*)
Харко́ — Харитонъ.
Хвіщъ —
Хисть — способность, удача.
Хлопцюва́ти — быть въ отроческомъ возрастѣ.
Хло́ста — сѣчка розгами.
Хмизъ зъ хазяйства. —
Хрещéникъ — крестникъ.
Хтодо́ся — Ѳеодосія.

Цура́тись — (*Лайтесь та не цура́йтесь*, послóвица)—отвращаться отъ кого.
Цюкати — рубить.

Чигати — подстерегать хищнически, въ-засадѣ:

Шва́йкала —юла, проходимецъ, что́ вездѣ шляется между людьми.
Шипоти́нникъ — паушникъ (?).
Шкаре́берть — вверхъ ногами.
Шку (*ско*) ри́нка — хлѣбная корка.
Рябці — виды *шулікъ* —
Половики коршуповъ.

Юхи́мъ — Ефимъ.
Юда — Іуда.

Язы́къ ламать — работать языкомъ; наобѣщать (*у Ст. Писаревскаго.*)

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

XLI: Чумацкая *ма́жа* (большой возъ, въ которомъ чумаки развозятъ соль и рыбу); съ рисунка *г. Трутовскаго*.

XLII. Портретъ одного селянина Полтавской губ.; срисованъ *г. Трутовскимъ*, награвированъ В. В. Верещагинымъ.

Л. Ж.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВЪ 1863 ГОДУ.

Въ будущемъ 1863 году Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія будетъ издаваться ежемѣсячно книжками отъ 15 до 30–ти печатныхъ листовъ. Въ составъ его войдутъ слѣдующіе предметы:

I. Правительственныя распоряженія, какъ–то: Высочайшія повелѣнія и Высочайшіе приказы по министерству народнаго просвѣщенія, распоряженія министерства и приказы по министерству.

II. Оффиціальныя статьи и извѣстія. Этотъ отдѣлъ будетъ составлять текущую лѣтопись дѣятельности министерства и всѣхъ подвѣдомственныхъ ему учрежденій. Сюда войдутъ извѣстія о дѣйствіяхъ министерства, извлеченія изъ отчетовъ, представляемыхъ министерству отъ попечителей округовъ и начальствъ учебныхъ заведеній, извѣстія объ учебной и ученой дѣятельности академіи наукъ, ученаго комитета, главнаго правленія училищъ, университетовъ, лицеевъ, гимназій и другихъ подвѣдомственныхъ министерству ученыхъ и учебныхъ завеній, наконецъ извлеченія изъ отчетовъ лицъ, командируемыхъ министерствомъ какъ по дѣламъ службы, такъ и для усовершенствованія въ наукахъ или приготовленія къ профессорской и преподавательской должности.

III. Педагогика и дидактика. Независимо отъ общихъ теоретическихъ статей по всѣмъ отраслямъ педагогики и дидактики,

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія будетъ особенно стараться о собираніи и распространеніи точныхъ свѣдѣній объ исторіи и современномъ состояніи нашего общественнаго образованія. Въ этотъ отдѣлъ войдутъ историческіе очерки учебныхъ заведеній, преимущественно подвѣдомственныхъ министерству, и вообще мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ и частными лицами для распространенія образованія; критическія описанія нынѣ существующихъ учебныхъ заведеній, способовъ преподованія и пріемовъ воспитанія, въ нихъ употребляемыхъ, съ указаніемъ по возможности на ихъ достоинства и недостатки и на средства для устраненія этихъ недостатковъ. При нынѣшнихъ преобразованіяхъ по учебной части особеннаго вниманія заслуживаетъ вопросъ объ отношеніи учебныхъ заведеній къ обществу и содѣйствіи общества правительству въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Очевидно, что подобный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ не иначе, какъ только посредствомъ тщательнаго изслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ и особенныхъ условій, въ какихъ находятся каждая мѣстность и каждый классъ общества. Поэтому редакція, пригласивъ къ сотрудничеству многихъ лицъ, имѣющихъ возможность дать въ этомъ отношеніи полезныя указанія, отправила нѣкоторыхъ изъ своихъ сотрудниковъ въ разныя мѣстности Россіи, поручивъ имъ собирать свѣдѣнія о народномъ образованіи и объ учебныхъ заведеніяхъ, и преимущественно о томъ, въ какой мѣрѣ они удовлетворяютъ нуждамъ общественнымъ.

Считая главною своею задачею разработывать свѣдѣнія о народномъ образованіи въ Россіи, редакція вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ слѣдить за развитіемъ правительственной и общественной дѣятельности по народному образованію и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Съ этою цѣлію редакція отправила нѣкоторыхъ своихъ сотрудниковъ за границу и надѣется въ будущемъ году сообщить нѣсколько любопытныхъ корреспонденцій объ учебныхъ заведеніяхъ и народномъ образованіи въ Германіи, Швейцаріи, Италіи, Франціи и Англіи.

IV. Науки. Въ этотъ отдѣлъ войдутъ научныя изслѣдованія и статьи, преимущественно такія, которыя могутъ непосредственно служить матеріаломъ и пособіемъ для преподователей.

V. Критика и библіографія. Въ Журналѣ Министерства будутъ помѣщаться критическіе разборы и рецензіи сочиненій педагогическаго содержанія и учебниковъ; кромѣ того Журналъ будетъ давать своимъ читателямъ краткіе отчеты объ особенно важныхъ ученыхъ трудахъ русскихъ и иностранныхъ.

VI. Извѣстія и смѣсь. Сюда войдутъ: педагогическая лѣтопись какъ русская, такъ и заграничная, мелкія статьи педагогическаго содержанія, извѣстія о вновь выходящихъ сочиненіяхъ и т. п.

Кромѣ того, при Журналѣ будутъ издаваться особыя Приложенія, состоящія изъ ученыхъ и педагогическихъ трудовъ оригинальныхъ и переводныхъ. Эти приложенія будутъ разсылаться безплатно всѣмъ подписавшимся на журналъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала съ приложеніями, *двѣнадцать рублей* безъ пересылки или доставки и *тринадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ* съ пересылкою или доставкою. Подписка принимается въ Редакціи Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, у Пяти угловъ въ домѣ Буренина, въ Газетной Экспедиціи и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

НАСТОЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

ДЛЯ СПРАВОКЪ

ПО ВСѢМЪ ОТРАСЛЯМЪ ЗНАНІЯ

(СПРАВОЧНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ ЛЕКСИКОНЪ,)

СОСТАВЛЕННЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Ф. Толля.

Все большее пробужденіе во всѣхъ слояхъ нашего общества интереса къ знанію, все большее распространеніе чтенія газетъ и журналовъ, наконецъ все большее осмышленіе жизни общества наукою, которая все глубже проникаетъ во всѣ изгибы общественнаго быта, указывая на недостатки существующаго, на мѣры къ усовершенствованію и способы улучшенія,—все это вызываетъ потребность въ словарѣ, который, съ одной стороны, давалъ бы ясное и доступное понятіе о всѣхъ предметахъ, изъ сферы науки ежедневно переносимыхъ или могущихъ быть перенесенными въ будничную жизнь, а съ другой—указывалъ бы на сочиненія, изъ копхъ о тѣхъ же предметахъ можно почерпнуть болѣе обширныя свѣдѣнія.

Что потребность въ такомъ словарѣ существуетъ въ нашемъ обществѣ, доказательствомъ служатъ неоднократныя объявленія у насъ объ *энциклопедическихъ словаряхъ* и появленіе *словарей иностранныхъ словъ*, которые всѣ находятъ подписчиковъ и читателей, не смотря на то, что *словари иностранныхъ словъ* только отчасти удовлетворяютъ сказанной потребности, *энциклопедическіе* же *словари* или по непрактической обширности плана (какъ напр. Энциклопедическій Лексиконъ Плюшара) не могутъ быть осуществлены, или же по неудовлетворительности своего состава не могутъ исполнить своего назначенія. Вотъ причины, побуждающія насъ издать Настольный Словарь,

который служилъ бы предварительною справочною книгою для всякаго мало-мальски образованнаго человѣка, при чтеніи журнала или газеты встрѣчающаго имена лицъ, которыхъ значеніе въ исторіи, годъ рожденія и смерти желалъ бы знать, или названія учрежденій, которыхъ годъ основанія и упраздненія забылъ, или названія городовъ, которыхъ положеніе, число жителей и значеніе ему неизвѣстны, или терминъ, котораго опредѣленіе загадочно для него. Съ этою главною, существенною цѣлью мы вознамѣрились соединить еще другую—чтобы образованный человѣкъ, который неудовольствуется предварительною справкою, а захочетъ ближе и подробнѣе познакомиться съ предметомъ, возбудившимъ его любознательность, нашелъ въ нашемъ словарѣ возможно полныя указанія на лучшія сочиненія (буде есть—отечественныя, а въ противномъ случаѣ иностранныя), спеціально посвященныя этимъ предметамъ и преимущественно общедоступныя.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ: 1) что словарь нашъ назначается для большинства читающей публики, 2) что спеціалисты по своимъ исключительнымъ предметамъ не найдутъ въ нашемъ изданіи ничего для себя особенно новаго, но зато по другимъ, спеціально имъ мало знакомымъ отраслямъ наукъ, искусствъ и дѣятельностей, найдутъ то, что на первый разъ можетъ удовлетворить возбужденную въ нихъ потребность ознакомиться съ предметомъ; наконецъ 3) что дилетанты, начинающіе заниматься какою нибудь наукою или искусствомъ, и люди любознательные, занимающіеся понемногу всѣмъ, найдутъ въ словарѣ нашемъ указанія на популярныя или научныя сочиненія, изъ коихъ могутъ познакомиться съ различными предметами, возбудившими ихъ любопытство.

Мы не будемъ исчислять предметовъ, входящихъ въ составъ нашего словаря: довольно сказать, что мы старались совокупить въ немъ всѣ безъ исключенія отрасли знанія, поскольку, повторяемъ, эти знанія стали, становятся или готовы стать элементами общественнаго ежедневнаго быта, на сколько термины, имена и названія, входящія въ составъ наукъ, искусствъ и ремеслъ, могутъ встрѣтиться и понадобиться неспеціалисту.

Задавшись такою задачею, мы почли существенными для ея успѣшнаго исполненія слѣдующія условія:

1) Возможную полноту списка словъ, опредѣленіе которыхъ будетъ находиться въ нашемъ словарѣ. Подъ такою полнотою мы разумѣемъ отнюдь не всецѣльность всѣхъ наукъ, но полноту того мате-

ріала изъ каждой науки, въ которомъ надобность можетъ встрѣтиться неспеціалисту въ этой наукѣ.

2) Возможную краткость, сжатость и ясность изложенія какъ опредѣленій, такъ и фактовъ, событій, описаній и проч.

3) Возможное обиліе библіографическихъ указаній на сочиненія, по возможности отечественныя и по преимуществу общедоступныя. Наконецъ. —

4) Возможную *дешевизну* изданія, способную сдѣлать его доступнымъ и для тѣхъ слоевъ общества, въ которыхъ знанія не много, средствъ еще менѣе, но любознательности—бездна.

Такъ-какъ послѣднее условіе, т. е. дешевизна изданія, зависитъ отчасти и отъ нѣкотораго обезпеченія сбыта, то издатели, желая знать, въ какой мѣрѣ они могутъ расчитывать на сочувствіе публики къ этому труду, рѣшились издавать словарь выпусками и открыть на него *подписку*.

Всѣхъ выпусковъ будетъ 12, которые вмѣстѣ составятъ *три тома* въ 150—180 листовъ большаго 8-дольнаго формата, мелкой, но четкой печати въ два столбца.

Подписная цѣна за всѣ 12 выпусковъ «Настольнаго Словаря» съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи—7 рублей, а безъ пересылки 5 р. 50 к.

Подписчики, немогущіе сразу внести всей подписной суммы, вносятъ при подпискѣ 3 рубля, обязуясь притомъ доплатить остальныя деньги къ слѣдующимъ двумъ срокамъ, а именно: 2 р. къ 1-му іюня и два къ 1-му декабря 1863 года.

Подписка, какъ отъ столичныхъ жителей, такъ и иногородныхъ, принимается *исключительно* въ конторѣ редакціи журнала Учитель, въ С.-Петербургѣ, на Конногвардейскомъ бульварѣ, въ домѣ п. № 15.

Первый выпускъ «Настольнаго Словаря» выйдетъ въ январѣ 1863 года, остальные же будутъ выходить, по возможности, *ежемѣсячно*; такъ что все изданіе будетъ закончено къ концу того же года, или въ началѣ 1864 года.

Редакція ж. Учитель принимаетъ на себя полную отвѣтственность передъ публикою за выходъ словаря въ свѣтъ.

По напечатаніи всего словаря продажная цѣна ему будетъ назначена не менѣе 8 рублей, къ которымъ придется прилагать на пересылку по-крайней мѣрѣ за 15 фунтовъ.

НАРОДНАЯ БЕСѢДА.

НА 1863 ГОДЪ.

Въ будущемъ 1863 году **Народная Бесѣда** будетъ издаваться на прежнихъ условіяхъ, но съ нѣкоторымъ пополненіемъ.

Каждая книжка будетъ состоять изъ пяти отдѣловъ:

I. Отдѣлъ—**Правительственныя распоряженія.** Объясненіе Положеній объ устройствѣ крестьянскаго быта. Узаконенія.—Этотъ отдѣлъ имѣетъ цѣлію ознакомленіе, въ особенности поселянъ, съ ихъ правами и обязанностями, то есть съ законами.

II. **Словесность.** Повѣсти, разсказы, пѣсни, стихотворенія.—Признавая необходимымъ только одно—**общечеловѣчное** развитіе и воспитаніе, одинаково нужное для всѣхъ сословій, Редакція избѣгаетъ всякой односторонности, и не исключаетъ никакой формы и никакого содержанія произведенія, лишь бы цѣль его была нравственна и исполненіе художественно.

III. **Науки.** Естествознаніе, хозяйство, землеописаніе, бытописаніе, ремесла, искуства и проч.

Изъ статей, въ ходящихъ въ этотъ отдѣлъ, постепенно составятся, пригодныя для школъ и обученія вообще, руководства по разнымъ предметамъ науки, какъ-то: исторіи, землеописанія, естествознанія, хозяйства и проч.

IV. **Народное здравіе.** Указаніе средствъ къ сохраненію и поправленію здоровья. (Подробности см. ниже).

V. **Смѣсь.** Открытія, изобрѣтенія случаи, разныя извѣстія—вообще мелкія статьи. Въ этотъ отдѣлъ входятъ между прочимъ слѣдующія постоянныя статьи:

1. Школы воскресныя и другія народныя. Свѣдѣнія о числѣ учащихся, о преподавателяхъ, о предметахъ и средствахъ преподаванія и объ учебныхъ пособіяхъ.

2) Переписка. Редакція обязуется отвѣчать на всѣ основатель-

ные вопросы, касающіеся народнаго образованія и школъ, и помѣщать замѣтки и письма о народномъ бытѣ вообще.

3) Книги. Указаніе книгъ, предназначаемыхъ для народа, и краткій разборъ ихъ.

Каждый отдѣлъ **Народной Бесѣды** имѣетъ свою нумерацію страницъ, и для бо́льшаго удобства употребленія въ школахъ, можетъ сшиваться отдѣльно.

Къ статьямъ, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и чертежи.

Программа журнала съ будущаго года пополняется однимъ отдѣломъ—**Народное Здравіе.** Статьи по этому предмету доселѣ помѣщались или въ общемъ отдѣлѣ наукъ, или въ смѣси. Съ будущаго же года отдѣлъ этотъ будетъ виденъ не отрывочно, а послѣдовательно и въ такой полнотѣ, что дастъ каждому читателю возможность изучать способы сохраненія и поправленія здоровья. Сюда войдутъ статьи:

О сложеніи тѣла и настоящихъ его потребностяхъ.—О средствахъ къ укрѣпленію слабаго сложенія и разстроеннаго здоровья.—О воспитаніи дѣтей.—О пищѣ и питьѣ и о способахъ исправлять дурную и добывать здоровую пищу.—Объ одеждѣ и жилищѣ.—О чистотѣ и способахъ удаленія вредныхъ нечистотъ.—О трудѣ и отдыхѣ.—О причинахъ разныхъ болѣзней.—О вліяніи почвы, воды, воздуха, тепла, холода и всего, что́ окружаетъ человѣка.—О вліяніи разныхъ занятій и ремеслъ на здоровье, и о средствахъ поправлять вредныя вліянія.—О вредныхъ привычкахъ и разумныхъ, основательныхъ обычаяхъ.—О предохраненіи отъ заразительныхъ и повальныхъ болѣзней.—О здоровьѣ нравственномъ.—О душевныхъ болѣзняхъ и ихъ причинахъ.—О содержаніи больныхъ.—О домашнихъ врачебныхъ средствахъ и объ устройствѣ врачебнаго пособія въ деревняхъ.—О спасеніи отъ нечаянныхъ несчастныхъ случаевъ.—О содержаніи и сохраненіи здоровья домашнихъ животныхъ и проч. (Все, что́ относится до здоровья растеній, будетъ входить въ тотъ отдѣлъ, гдѣ помѣщаются статьи о хозяйствѣ).

Сверхъ-того въ теченіи будущаго года подписчики безплатно получатъ, въ видѣ особаго приложенія, хорошій **Домашній лечебникъ.**

Редакціею отдѣла **Народное здравіе** будетъ завѣдывать *В. В. Деникеръ* (Василичъ).

Въ прошломъ году мы уже сказали:

«Порѣшоное дѣло—что грамотность необходима всѣмъ и каждому: теперь, когда всѣмъ дано человѣческое право свободы, мы видимъ, какъ дорого поплачиваются темные люди за свое непонятіе,—за свою безграмотность. Пришла пора каждому твердо знать свое **право** и свою **обязанность;** а этого не узнаешъ съ чужихъ словъ, по наслышкѣ: умѣй самъ прочесть и понять то, что̀ о тебѣ и для тебя написано.

«Съ новымъ правомъ свободы—всѣ обязанности, все хозяйство и весь бытъ человѣка совсѣмъ измѣняются: все должно улучшаться и вестись разумнѣе. Не только что поле хозяина будетъ иначе обрабатываться, животина не по прежнему содержаться, домъ и усадьба перемѣнятъ свой видъ убогой,—но и вся семья его будетъ иначе жить и воспитываться.

«Какъ именно обработывать поле и держать хозяйство; какъ обращаться съ домашними животными; какъ устроить свой домъ; какъ вести и воспитать семью свою; какъ и надъ чѣмъ трудиться, чтобъ жить въ довольствѣ,—все это надо знать, всему выучиться. Вольнымъ людямъ надо жить на свѣтѣ не кое-какъ, а по правилу твердому и разумному. Для этого нужна наука; а начало всякой науки—грамота, научающая правильному и твердому разумѣнію слова.»

Грамота съ Божьею помощью уже пошла въ ходъ. Всѣ, даже темные люди поняли, какъ нужна она, и школы часъ отъ часу множатся. Настала пора въ самомъ дѣлѣ науку подавать. **Народная Бесѣда** съ своей стороны будетъ стараться помогать этому дѣлу, объяснять науку въ общепонятномъ видѣ и сообщать всякія полезныя свѣденія, на сколько средствъ хватитъ. Но, книга—мертвое слово; воплотить это слово въ живое дѣло—подвигъ людей мыслящихъ и любящихъ добро. Къ нимъ мы и обращаемся, ихъ содѣйствія просимъ.

Ревностное основаніе школъ по эпархіямъ; успѣхъ дѣйствій мировыхъ учрежденій; примѣры безкорыстія владѣльцевъ, и видимыя усилія всѣхъ грамотныхъ людей—подаютъ благія и вѣрныя надежды: дѣло разума и добра идетъ впередъ твердо.

Народная Бесѣда издается книжками, каждая по 10 печатныхъ листовъ, то есть по 160 страницъ, и болѣе. Годовая цѣна **за шесть книжекъ** 2 руб. сер. съ пересылкою во всѣ почтовыя

конторы. За доставку на домъ въ Петербургѣ, по городской почтѣ, прилагается 30 коп. сер.

Жители Петербурга подписываются въ книжныхъ магазинахъ: **Сеньковскаго и Комп.** (въ Большой Морской, д. № 20) и **Серно-Соловьевича** (На невскомъ проспектѣ, въ д. Петропавловской церкви, № 24) и у прочихъ книгопродавцевъ.

Иногородныхъ просимъ обращаться прямо въ редакцію.

Подписка иногородныхъ производится такъ:

«Прошу выслать **Народную Бесѣду** на 1863 годъ: *такой-то* губерніи, уѣзда, въ городъ или на станцію, или въ почтовую контору), на имя *такого-то*. — Прилагается 2 рубля (или 00 рублей, за 00 экземпляровъ).»

Надписывать: **въ Редакцію Народной Бесѣды,** въ Петербургъ.

Иногородные, желающіе, чтобы журналъ доставлялся имъ по почтѣ на домъ, гдѣ это возможно, могутъ приплачивать по 30 копѣекъ за годовой экземпляръ въ мѣстную почтовую контору.

Редакція отвѣчаетъ за исправную высылку только тѣхъ экземпляровъ на которые подписка получена прямо въ Редакцію **Народной Бесѣды.**

Статьи и **письма**—на имя редактора надписываются: **Александру Ѳомичу Погоскому,** въ Редакцію **Народной Бесѣды,** въ Петербургъ.

Вознагражденіе сотрудникамъ за напечатанныя статьи назначается сравнительно такое же, какъ въ лучшихъ нашихъ журналахъ.

Редакторъ **Народной Бесѣды** издаетъ съ Высочайшаго соизволенія, съ 1858 г., **Солдатскую Бесѣду**. Такъ какъ нравственныя и умственныя потребности войска и народа въ сущности одни и тѣ же, то съ 1862 года послѣдній журналъ принялъ размѣры и содержаніе **Народной Бесѣды,** съ необходимыми военно-спеціальными пополненіями.

Редакторъ *А. Погоскій.*

По Высочайшему Его Императорскаго Величества одобренію, представленной Господиномъ Военнымъ Министромъ записки редактора **Солдатской Бесѣды** Погоскаго: «о приспособленіи твердо-грамотныхъ

нижнихъ чиновъ, увольняемыхъ отъ службы, къ должности учителей Сельскихъ Школъ подъ руководствомъ священниковъ»—въ **Солдатской Бесѣдѣ** и **Народной Бесѣдѣ** 1863 г. будутъ объясняемы способы *правильнаго* обученія грамотѣ и первоначальнымъ познаніямъ.

Такое обученіе, нетребуя лишнихъ занятій, поможетъ солдату сознательно уразумѣть свой священный долгъ службы, и дастъ ему средство въ отставкѣ быть полезнымъ и почтеннымъ членомъ общества. Честная служба солдата должна быть полезной школой гражданина.

Къ **Солдатской Бесѣдѣ** и **Народной Бесѣдѣ** 1863 года будутъ приложены краткія, необходимыя для первоначальнаго обученія, руководства.

ВОЕННЫЙ
СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

въ **1862** году.

выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 15 до 20 печатныхъ листовъ въ каждой.

Въ 1863 году, **шестомъ** со времени своего основанія, «Военный Сборникъ» будетъ продолжаемъ по прежней программѣ и на прежнихъ основаніяхъ. Постояннымъ читателямъ этого журнала извѣстно, что онъ имѣетъ цѣлію: распространять въ нашей арміи основательныя свѣдѣнія по всѣмъ частямъ военнаго дѣла, служить посредникомъ между публикою и тѣми изъ гг. офицеровъ, которые желаютъ,

путемъ гласности, сообщать свои мысли и наблюденія, извлеченныя изъ опыта, и наконецъ быть проводникомъ всего современнаго движенія по военной части.

Съ 1862 года, къ этой обширной задачѣ «Военнаго Сборника» прибавилась новая, весьма важная по своему значенію и по своимъ послѣдствіямъ: журналъ началъ знакомить публику со всѣми предположеніями нашего Военнаго Министерства относительно преобразованій, уже предпринятыхъ или предпринимаемыхъ для блага арміи. Рядъ статей, до сихъ поръ напечатанныхъ по этому предмету, можетъ достаточно ознакомить читателей, въ какомъ духѣ и въ какихъ размѣрахъ будутъ и впредь обсуждаемы вопросы, столь близко касающіеся интересовъ всего военнаго сословія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Редакція «Военнаго Сборника», считаетъ не лишнимъ заявить, что на основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго 8 марта 1862 года, журналъ этотъ, какъ и другія періодическія изданія правительственныхъ учрежденій, освобожденъ отъ разсмотрѣнія общей цензуры и издается подъ личною отвѣтственностію своего Редактора и подъ наблюденіемъ Военнаго Министерства.

Редакція уже не разъ высказывала свое убѣжденіе, что усилія ея, какъ бы они ни были велики и добросовѣстны, останутся безплодными въ достиженіи предположенной цѣли, если стремленія ея не будутъ поддерживаться сочувствіемъ нашего военнаго сословія. Это убѣжденіе повторяетъ она и теперь, призывая всѣхъ просвѣщенныхъ членовъ русской военной семьи къ дружному содѣйствію общему дѣлу, особенно по тѣмъ современнымъ вопросамъ, которые затронуты предположеніями Военнаго Министерства. Съ такимъ сочувствіемъ и съ такимъ содѣйствіемъ неразрывно связано всякое улучшеніе «Военнаго Сборника».

Съ своей стороны Редакція «Военнаго Сборника», всегда, съ истиннымъ удовольствіемъ готова идти навстрѣчу желаніямъ своихъ читателей, всегда готова по своимъ силамъ и средствамъ содѣйствовать всестороннему осуществленію обширной программы журнала.

Программа «Военнаго Сборника», Высочайше одобренная, остается неизмѣнною и въ 1863 году.

I. ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ. а) Извлеченія изъ приказовъ Военнаго Министра, главнокомандующихъ арміями, Генералъ-Инспек-

тора по инженерной части, Генералъ-Фельцейхмейстера, начальника Штаба по Военно-Учебнымъ заведеніямъ и командировъ корпусовъ. б) Извлеченія изъ циркулярныхъ объявленій департаментовъ Военнаго Министерства. в) Тѣ изъ общихъ узаконеній, которыя имѣютъ какое либо соотношеніе съ военнымъ бытомъ.

Въ извлеченіяхъ этихъ будетъ заключаться все относящееся до измѣненія состава войскъ, управленія ихъ, вооруженія, формы одежды и проч., въ такой мѣрѣ, въ какой необходимо знать это каждому офицеру. Такимъ образомъ, отдѣлъ этотъ будетъ служить подручнымъ сборникомъ всѣхъ современныхъ постановленій и узаконеній.

II. ОТДѢЛЪ ВОЕННЫХЪ НАУКЪ. а) Тактика. б) Военная исторія. в) Военная администрація. г) Военная статистика. д) Фортификація и артиллерія.

По тактикѣ будутъ помѣщаемы преимущественно статьи, клонящіяся къ разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ событіями послѣднихъ войнъ, какъ-то: о дѣйствіи въ бою пѣхоты вообще и въ [illegible] бенности пѣхоты легкой, объ организаціи и употребленіи кавал[illegible] артиллеріи, о соотвѣтствующихъ современному состоянію воен[illegible]скусства способахъ обученія войскъ и т. п.

По военной исторіи будутъ помѣщаемы преимущественно описанія и разборы тѣхъ сраженій, въ которыхъ принимали участіе русскія войска. Къ каждому описанію будутъ приложены соотвѣтствующіе карты и планы.

По военной администраціи—все относящееся до управленія и хозяйства войскъ, какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ.

По военной статистикѣ и географіи—обзоръ вооруженныхъ силъ различныхъ государствъ; описанія замѣчательнѣйшихъ театровъ войны.

По фортификаціи и артиллеріи будутъ помѣщаемы изслѣдованія различныхъ вопросовъ по отношенію ихъ къ дѣйствію войскъ, избѣгая техническихъ подробностей, для изслѣдованія которыхъ существуютъ у насъ спеціальные журналы.

III. ОТДѢЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ. а) Разсказы изъ военнаго быта. б) Записки военныхъ людей (мемуары). в) Путешествія, имѣющія военный интересъ. г) Жизнеописанія замѣчательнѣйшихъ военныхъ людей.

IV. СМѢСЬ. а) Извлеченія изъ журналовъ коммиссій улучшеній

по военной части. б) Открытія и опыты разнаго рода, за границею и у насъ въ Россіи произведенные. в) Выдержки изъ журналовъ русскихъ и иностранныхъ. г) Библіографическія извѣстія о военныхъ книгахъ и статьяхъ различныхъ журналовъ, выходящихъ на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. .) Всѣ нововведенія по военно-административной и строевой части во всѣхъ государствахъ.

Страницы «Военнаго Сборника» открыты, попрежнему, для всѣхъ, желающихъ своими познаніями и наблюденіями содѣйствовать общей пользѣ военной семьи. Только при такомъ дружномъ содѣйствіи и возможно достиженіе важной цѣли органа военныхъ интересовъ—распространенія въ войскахъ раціональныхъ свѣдѣній о военномъ дѣлѣ. Редакція надѣется, что на призывъ ея откликнутся, какъ было до сихъ поръ, всѣ свѣдующіе и образованные офицеры, служащіе и служившіе.

Желающіе помѣщать свои статьи въ «Военномъ Сборникѣ» благоволятъ доставлять ихъ въ Редакцію Сборника». Въ случаѣ одобренія статьи, она будетъ напечатана при первой возможности; въ случаѣ же неодобренія—возвращается автору, по его личному востребованію, или другому отъ него лицу, *безъ всякихъ объясненій*. Редакція принимаетъ на себя обратную пересылку только тѣхъ статей, которыя и не могли быть напечатаны, но представляютъ въ какомъ либо отношеніи трудъ замѣчательный. Въ статьяхъ переводныхъ или составленныхъ по нѣсколькимъ сочиненіямъ необходимо обозначать источники, откуда онѣ взяты. Чертежи, прилагаемые къ статьямъ, Редакція проситъ составлять, по возможности, въ форматѣ осьмушки или четверти печатнаго листа.

Вмѣстѣ съ симъ Редакція покорнѣйше проситъ всѣхъ присылающихъ къ ней статьи для печати подписывать имена свои и адресы *четко* и *ясно*. По желанію авторовъ, имена ихъ могутъ быть скрыты отъ публики и останутся извѣстны только *одному* редактору. Статьи и письма *неподписанныя* Редакція печатать не можетъ.

Вознагражденіе за статьи, помѣщаемыя въ «Военномъ Сборникѣ», опредѣлено: за переводы отъ 12 до 20 руб. сер. съ печатнаго листа, за извлеченія и компиляціи до 30 р. с., а за оригинальныя статьи до 50 р. с. и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, выше.

Авторъ можетъ, сверхъ того, если пожелаетъ, получить безплатно до 25 отдѣльныхъ оттисковъ своей статьи, помѣчая о томъ на самой статьѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Подписка на «Военный Сборникъ» принимается:

Въ **С.-Петербургѣ**, *въ конторѣ Редакціи «Военнаго Сборника,» на Литейной, домъ Денфера, № 13 и*

Въ конторѣ при книжномъ магазинѣ Давыдова, на Невскомъ проспектѣ, насупротивъ арсенала Николаевскаго Дворца.

«Военный Сборникъ» выходитъ *ежемѣсячно*, книжками отъ 15 до 20 листовъ въ каждой.

Подписная цѣна за годовое изданіе, или за *двѣнадцать книжекъ*, *шесть рублей серебромъ*.

Иногородные подписчики, служащіе въ войскахъ, прилагаютъ за пересылку *пятьдесятъ копѣекъ серебромъ*. Тѣ изъ городскихъ подписчиковъ, которые пожелаютъ, *чтобы журналъ доставлялся имъ на домъ, платятъ за доставку рубль пятьдесятъ копѣекъ серебромъ*.

Редакція «Военнаго Сборника» покорнѣйше проситъ гг. начальниковъ частей доставлять, вмѣстѣ съ требованіями на журналъ, *именные списки* гг. офицеровъ, подписавшихся на «Военный Сборникъ», съ тою цѣлью, чтобы книжки журнала могли быть доставляемы на имя каждаго подписчика, чрезъ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго Почтамта, въ наглухо задѣланныхъ пакетахъ, какъ пересылаются всѣ частныя періодическія изданія.

Желающіе имѣть «Военный Сборникъ» за 1859 годъ, *съ картою Италіи*, и за 1860, 1861 и 1862 годы, съ *приложеніями*: «Тактика» *Грисгейма* и «Исторія и тактика кавалеріи» *Нолана*, благоволятъ обращаться съ требованіями въ Редакцію.

Главный Редакторъ «Военнаго Сборника,»
Генеральнаго Штаба Генералъ-Маіоръ **Меньковъ.**

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА
16188